

РЕРИХОВСКАЯ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ
БИБЛИОТЕКА

**100 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Ю.Н.РЕРИХА**

РЕРИХОВСКАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

Международный Центр-Музей имени Н.К.Рериха
Благотворительный Фонд имени Е.И.Рерих
Отделение историко-филологических наук
Российской академии наук
Российская академия естественных наук
Российский фонд культуры
Международная ассоциация фондов мира
Международная Лига защиты Культуры
Российская академия космонавтики имени К.Э.Циолковского
Федерация космонавтики России
Информационный центр ООН в Москве
Московское бюро ЮНЕСКО
Мастер-Банк

100 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Ю.Н.РЕРИХА

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ. 2002**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР РЕРИХОВ
МАСТЕР-БАНК
МОСКВА, 2003

ББК 87.3(2)6
С81

Редколлегия серии:
В.В.Фролов, Е.Н.Черноземова, Л.В.Шапошникова

100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю.Н.РЕРИХА

Материалы Международной
научно-общественной конференции. 2002

Москва, Международный Центр Рерихов, 2003.—384 с.

В настоящем издании собраны материалы Международной научно-общественной конференции.

Организаторы конференции — Международный Центр-Музей имени Н.К.Рериха, Благотворительный Фонд имени Е.И.Рерих, Отделение историко-филологических наук Российской академии наук, Российская академия естественных наук, Российский фонд культуры, Международная ассоциация фондов мира, Международная Лига защиты Культуры, Российская академия космонавтики имени К.Э.Циолковского, Федерация космонавтики России, Информационный центр ООН в Москве, Московское бюро ЮНЕСКО, Мастер-Банк.

Конференция состоялась в Москве в октябре 2002 года.

ISBN 5-86988-079-3
©Международный Центр Рерихов, 2003

Чем более велик и многогранен человек, тем дальше от его земных лет отстоит время истинной оценки всего свершенного им.

Важной вехой на пути к осознанию подлинного масштаба личности Юрия Николаевича Рериха стала конференция, посвященная столетию со дня рождения выдающегося ученого, которая состоялась в МЦР 7–9 октября 2002 года.

В числе ее участников были и те, кому судьба даровала счастье встречаться с ним, принадлежать к его ученикам; и те, кто только начинает свой путь в науке, следуя по заданным им направлениям; и те, кому дорого все, что связано с именем и наследием Рерихов.

Индийская и монгольская речь, бурятский музыкальный фольклор, сообщения об археологических раскопках в Лахуле, о настенной живописи буддийского монастыря в засыпанном песками Хотане, о ритуальных текстах, предназначенных для предотвращения стихийных бедствий, и тому подобном придавали Юбилейным торжествам тот тонкий восточный колорит, который естественно вводил в мир научных интересов ученого, олицетворявшего собой синтез всех знаний в ориенталистике.

Развернутая в двух залах Музея выставка «Юрий Николаевич Рерих — ученый, путешественник и художник», включавшая в себя его юношеские графические и живописные работы, а также письма, фотографии, рукописи и другие документы, представила Ю.Н.Рериха и как одаренного художника, талантливого организатора, необычайно ответственного и мужественного человека.

Множество ценных штрихов к его портрету добавили демонстрировавшиеся на конференции фрагменты видеоленты режиссера Л.В.Тележко «Старший сын», позволяющей ощутить уникальность его судьбы и глубокую, пока не разгаданную загадку личности Юрия Николаевича.

Выпущенные к юбилею научные труды ученого, сборник воспоминаний о нем, а также его переписка, составившая двухтомник, существенно дополнили круг источников для изучения наследия Ю.Н.Рериха и развития идей, в нем заложенных. Этой цели должна отчасти служить и Творческая мастерская молодых ученых, открытая при МЦР в дни Юбилейных торжеств.

Этой же цели служит и публикация материалов конференции, посвященной памяти великого ученого, объединявшего в себе Восток и Запад и настойчиво утверждавшего мысль о единстве культур и определяющем значении Культуры в судьбах современного человечества.

Юбилейная медаль «Юрий Николаевич Рерих», учрежденная МЦР для награды за большой вклад в науку и бескорыстное служение культуре

В зале выставки «Юрий Николаевич Рерих – ученый, путешественник и художник»

Вручение юбилейной медали Н.Г.Михайловой, старшему научному сотруднику отдела рукописей МЦР, составителю издания «Ю.Н.Рерих. Письма»

Президент МЦР Ю.М.Воронцов приветствует Чрезвычайного и Полномочного посла Республики Индия в России Кришнана Рагхунатха

*Посол Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), президент
Международной ассоциации фондов мира А.Е. Карпов*

*Научный сотрудник Института Востоковедения АН Чехии
Лыгжима Халоупкова, г. Прага*

*Доцент Института истории естествознания
и техники РАН Е.Н.Молодцова*

*Ученики Ю.Н.Рериха, академики Ш.Бира и Г.М.Бонгард-Левин
у Мемориала Е.И. и Н.К. Рерихов*

*Ученик Ю.Н.Рериха, кандидат исторических наук А.Н.Зелинский
и К.А.Молчанова, председатель Эстонского общества имени Н.К.Рериха,
ветеран Рериховского движения, участник встреч с Ю.Н.Рерихом*

Буддолог Тсеринг Дордже, Лахул-Спити, Индия

*Выступление фольклорного ансамбля «Намгар»,
исполняющего традиционную бурятскую и монгольскую музыку*

*Солистка ансамбля, известная бурятская певица
Намгар Лхасаранова*

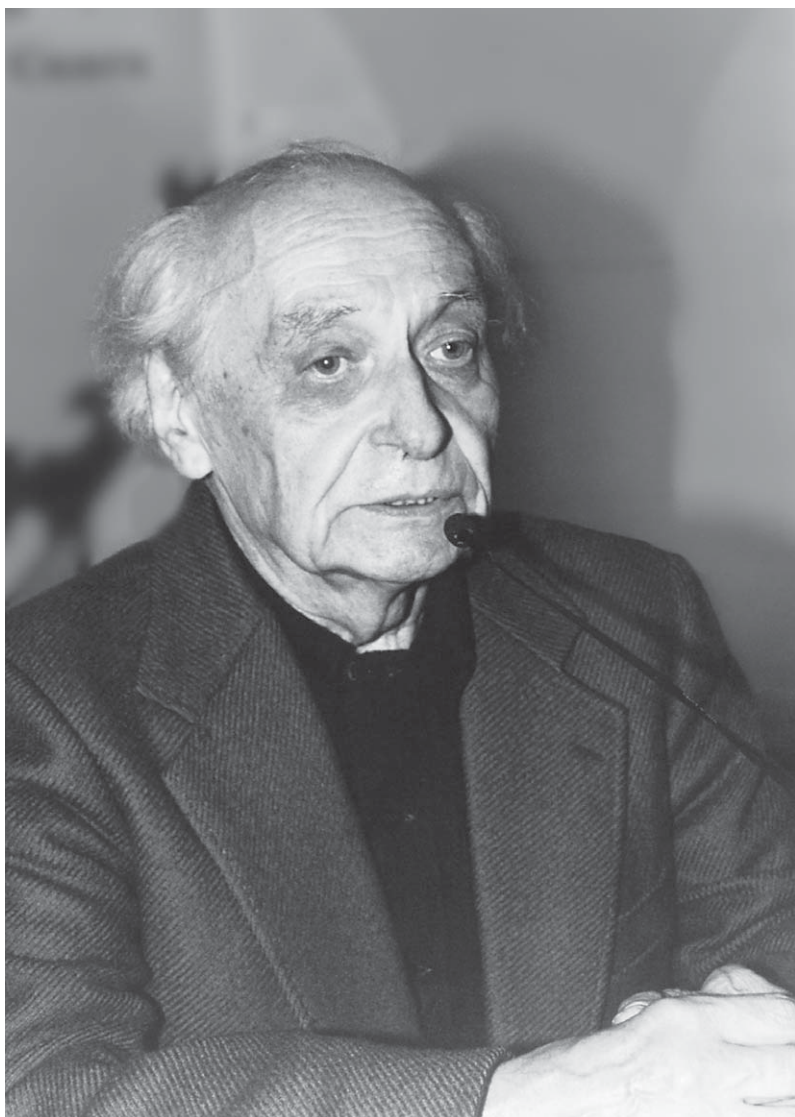
*Директор Арт-Комплекса Карнатака Читракала Паришад,
Индия, Нанджунда Рао*

*С воспоминаниями о Ю.Н.Рерихе выступает академик
Г.М.Бонгард-Левин*

*Выступление вице-президента МЦР В.Б.Моргачева
на пресс-конференции*

*Заведующий Мемориальным кабинетом
Ю.Н.Рериха ИВ РАН Ю.Я.Цыганков*

*Участники и гости конференции в зале
Центрально-Азиатской экспедиции. В центре: академик Ш.Бира*

*Доктор философии, сотрудница Международной академии
индийской культуры г-жа Шашибала, г. Дели*

Автор фильма «Старший сын» Л.В.Тележко рассказывает о его съемках

Идет пресс-конференция

Доктор филологических наук, профессор кафедры восточных языков при МИД РФ, почетный профессор калькуттского Института по исследованию творчества Р.Тагора А.П.Гнатюк-Данильчук

Главный редактор публикаторского отдела МЦР Т.О. Книжник открывает презентацию книги Ю.Н. Рериха «Тибетская живопись»

В перерыве между заседаниями

*Старший научный сотрудник Художественного музея
им. М.В.Нестерова Н.В.Тютюгина, г. Уфа*

После торжественного открытия конференции. Генеральный директор Музея имени Н.К.Рериха Л.В.Шапошникова в зале Пакта Рериха

*Доктор филологических наук, профессор Софийского университета
«Святой Климент Орхидски» А.В.Федотов, Болгария*

Сценарист Л.В.Тележко и профессор Алтайского государственного аграрного университета А.В.Иванов

Участники первого заседания Творческой мастерской молодых ученых, член Международного Совета рериховских организаций С.Л.Крук и аспирант Института археологии НАН Украины А.В.Скиба

Старший библиограф ИВ РАН С.Д.Милибанд на презентации книги Ю.Н.Рериха «Тибетская живопись»

Вручение юбилейной медали члену президиума Российской экологической академии Ф.Т.Яншиной

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ**Ю.М.ВОРОНЦОВ,***президент Международного Центра Рерихов,
заместитель Генерального Секретаря ООН*

Дорогие друзья!

Я приветствую всех прибывших к нам, в Дом Рерихов, для участия в Международной научно-общественной конференции, посвященной столетию со дня рождения Ю.Н.Рериха – замечательного ученого, члена талантливой российской семьи Рерихов, который работал и в Индии, в Гималаях, и на Родине, проведя последние свои годы среди нас. Его творческий путь будет всесторонне освещен в выступлениях участников конференции, среди которых есть люди, лично знавшие Юрия Николаевича, в том числе его ученики. Я же хотел бы обратить ваше внимание на то, что мы отмечаем юбилей не только славного российского ученого, но еще и большого художника, о чем свидетельствует экспозиция нашего Музея. Позвольте выразить свою уверенность в том, что дни этой юбилейной конференции пройдут для всех нас с большой пользой и мы отдадим дань уважения не только Ю.Н.Рериху и его вкладу в мировую науку, но и всей этой великой семье.

Л.В.ШАПОШНИКОВА,*первый вице-президент Международного Центра Рерихов,
Генеральный директор Центра-Музея имени Н.К.Рериха,
академик РАЕН и РАКЦ*

Дорогие друзья, коллеги, уважаемые гости!

Сегодня мы открываем юбилейные торжества, посвященные столетию со дня рождения одного из крупнейших востоковедов мира, путешественника, мыслителя – Юрия Николаевича Рериха.

Так случилось, что самая первая наша конференция состоялась в 1992 году и, естественно, проходила под знаком девяностолетия со дня рождения Ю.Н.Рериха. Эти две важные вехи наводят на мысль посмотреть, какой же путь за это время прошел Международный Центр Рерихов. В 1992 году мы отмечали эту знаменательную дату в музее Ленина в Ленинских Горках, потому

что у нас не было своего помещения. Здесь, на месте здания, в котором вы сейчас сидите, были руины, которые не годились не только для проведения конференций, но и для работы вообще. К своей первой конференции мы смогли подготовить единственную публикацию — книгу Ю.Н.Рериха «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета», потому что архивные материалы еще не были обработаны; наш публикаторский отдел только становился на ноги. Сейчас, как вы видите, картина у нас изменилась: открылся музей в отреставрированном здании; мы заседаем с вами в собственном помещении, куда смогли пригласить большое количество народа — много больше, чем на первую конференцию. К этому юбилею мы выпустили уже семь изданий, в том числе двухтомник «Ю.Н.Рерих. Письма», которые публикуются впервые.

Вот эти мысли приходят в голову, когда мы открываем вторую конференцию, посвященную Юрию Николаевичу Рериху. Его юбилейными датами мы как бы ведем подсчет тому, что смогли сделать за эти десять лет.

Говоря о самом Юрии Николаевиче, я не стану останавливаться на его научной деятельности, у нас много докладов будет посвящено этому; хотелось бы обратить ваше внимание лишь на некоторые моменты, и прежде всего на его участие в знаменитой Центрально-Азиатской экспедиции. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что эта экспедиция не состоялась бы такой, какой она состоялась, если бы в ней не было Ю.Н.Рериха. Юрий Николаевич выполнял обязанности переводчика, прекрасно владея и монгольским, и тибетским языками, и рядом центральноазиатских диалектов. Он обеспечил прямое общение членов экспедиции, в первую очередь Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов, с теми людьми, которые встречались на маршруте, и с теми народами, через территорию которых проходила эта экспедиция, что было чрезвычайно важно для ее деятельности. Юрий Николаевич был также хранителем и защитником этого каравана, потому что экспедиция шла в очень беспокойное время и по Монголии, и по Тибету и на нее готовились нападения. Юрий Николаевич возглавлял вооруженный отряд, которому надлежало защитить эту экспедицию. Он был мужественным человеком. И хотя Юрий Николаевич стал востоковедом, он, как вы сами могли убедиться по выставленным здесь его картинам и зарисовкам, вполне мог стать художником. Но не многим известно,

что у него было еще и призвание к военному делу. Когда я работала в Бангалоре с Рериховским наследием, которое предстояло вывезти сюда, то я обнаружила, что часть библиотеки Юрия Николаевича состояла из литературы профессионального военного. Если он чем-то занимался, то занимался очень серьезно. И потому охрана экспедиции была в исключительно надежных руках.

Юрий Николаевич был единственным вернувшимся на Родину из семьи Рерихов. Вы знаете, что Рерихам в 1947 году не дали визу в Россию, или Советский Союз. Юрий Николаевич смог приехать сюда в 1957 году, когда в стране произошли определенные изменения, которые мы называем «хрущевской оттепелью». Его пригласил Н.С.Хрущев, которого Юрий Николаевич встретил на выставке своего отца в Дели. Он приехал сюда, получил советское гражданство и стал работать в Институте востоковедения, возглавив очень сложный сектор философии и истории религии Индии. За тот короткий срок, что был отпущен ему до его кончины в 1960 году, он успел сделать невероятно много. Он возродил традиции отечественной буддологии и тибетологии, сумел добиться возобновления «Библиотеки Буддика», впервые в стране ввел преподавание ведийского языка и т.д. И все это несмотря на то, что атмосфера, в которой он работал, была очень тяжелой. Мы давно говорим о том, что у нас была разгромлена такая наука, как генетика. Но до сих пор мало кто знает, что по части разрушения и уничтожения кадров настоящих специалистов на первом месте было востоковедение. Дело в том, что значительная часть специалистов по культуре Востока была или арестована, или расстреляна. И к моменту приезда Юрия Николаевича это было уже не востоковедение, а, скорее, политология. В основном занимались новейшей историей той или иной страны, но культуры как таковой и специализации по культуре не было. И Юрий Николаевич создал эту школу, вокруг него образовался круг учеников, которые продолжили его дело. Но все это стоило ему неимоверных усилий. Потому что здесь произошло столкновение настоящего, фундаментального востоковедения, базирующегося на энциклопедических знаниях, с теми, кто занимался какими-то своими узкими проблемами и потому не мог воспринимать Юрия Николаевича. Они называли его «буржуазным ученым». В международном отделе ЦК партии к нему тоже относились отрицательно,

поддерживали этот миф о так называемом буржуазном ученом и во многом мешали ему работать. В 1959 году, когда под его редакцией вышел очень интересный и важный буддийский источник – «Дхаммапада», начались доносы: «Этот идеализм, проповедуемый Рерихом, нужно прекратить». Кончилось тем, что арестовали тираж. Юрий Николаевич был этим очень расстроен, но недолго, как говорится, предавался печали, понимая, что нужно что-то предпринимать, чтобы книга дошла до читателя. И он предпринял. Каким-то образом он добыл одну книгу со склада, где находился арестованный тираж, и послал ее тогдашнему премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру с сопроводительным письмом. И через некоторое время на имя Хрущева от Неру пришло письмо, в котором он поздравлял нашего главу с тем, что наконец советское востоковедение начинает заниматься по-настоящему культурой Востока. Через день арест был снят, и тираж был пущен в продажу. Конечно, в пересказе эта история звучит как бы интересно – целое приключение. Но вы должны понимать, чего стоило это самому Юрию Николаевичу. Он умер в 1960 году, не дожив двух лет до своего шестидесятилетия. Было много всяких мифов о причине смерти. Он умер неожиданно от сердечного приступа. И главной причиной была, конечно, та атмосфера, в которой он работал. Кроме того, как известно, на него нагружали в институте все, что другие не хотели делать. И Юрий Николаевич смиренно, как говорится, тянул этот воз и делал все это, как всегда, блестяще.

Я хотела бы обратить ваше внимание также на то, что в двух братьях, Юрии Николаевиче и Святославе Николаевиче, как бы раздвоился отец. Один из них стал художником, другой – ученым. То и другое существовало в отце. Это очень интересный момент, который мы еще не осмыслили.

Открывая нынешнюю конференцию, я надеюсь, что она пройдет успешно, на должном уровне. Ибо человек, чью память мы сегодня чтим, был достоин многого и со временем дань его памяти будет только возрастать.

Спасибо за внимание.

КРИШНАН РАГХУНАТХ,*Чрезвычайный и Полномочный посол**Республики Индия в России*

Я рад приветствовать г-жу Шапошникову, г-на Воронцова и всех присутствующих в связи с замечательным событием!

Я хотел бы поздравить Международный Центр Рерихов и всех тех, кто принимал участие в организации данного мероприятия, а также передать вам приветствие из Индии по поводу этого особого случая. И добро пожаловать индийским ученым, которые также присоединились к работе этой конференции!

Мы чтим память Юрия Рериха прежде всего потому, что он был великим сыном России, великим гражданином мира, и в особенности потому, что он, как и вся семья Рерихов, всегда подчеркивал родство между Индией и Россией.

Г-жа Шапошникова в своем выступлении сделала очень глубокое замечание о том, что один брат представлял мир искусства, а другой — мир науки. Как мы знаем, их отец, Николай Рерих, утверждал, что здание Нового мира будет покоиться на краеугольном камне Знания и Красоты. И я полагаю, что эти два человека представляют эти две категории в весьма высоком их выражении и как бы объединяют их вместе.

Возвращаясь к мысли о том, что семья Рерихов в своих трудах всегда указывала на родство между Индией и Россией, я хотел бы подчеркнуть, что это родство — объективный факт, а не нечто такое из области романтики. Полагаю, что это родство принадлежит, прежде всего, к царству духовного. И особенно это касается концепции единства, которая прочно укоренена как в индийском образе жизни, так и в России, что отражено в ваших великих литературных и философских трудах. Индийская концепция мира как единой семьи и является той основой, которая объединяет наши народы. И каждый из Рерихов подтверждал эту концепцию своим очень мощным голосом.

В биографии Николая Рериха указано, что на его становление как ученого особое влияние оказала дружба с Владимиром Стасовым. Исследования Стасова об общих истоках культур России и Индии способствовали углублению связей между Западом и Востоком. Это для нас очень ценно, и я полагаю, что это ценно также и для России. Здесь нет никакого противоречия. Когда мы

говорим об Азии, мы не исключаем другие части мира. Я хотел бы напомнить очень известную цитату из Николая Рериха, что «лучшие розы Востока и Запада одинаково благоухают». Если мы возьмем языки, которые изучал Юрий Рерих, то увидим, что его занятия отражают эту идею в полной мере. Тибетский, санскрит, пали, китайский, монгольский, персидский и многие другие языки, — все это свидетельствует о том, что Юрий Рерих занимался очень важной частью мировой культуры. Сейчас некоторые из этих сфер, например такие, как монгольская или тибетская литература, как бы затемнены, очень трудно к ним подобраться и изучать, но важно осознавать, что они не являются какими-то экзотическими культурами, оторванными от культуры мировой. Я говорю об этом отнюдь не случайно. К сожалению, сегодня в мире существует такой подход, который разделяет эти два мира, Восток и Запад, и тем самым ослабляет единство. Существует целая школа философов, которые говорят о конфликте цивилизаций. Я думаю, что и Индия и Россия достаточно влиятельны, чтобы утверждать обратное. Все Рерихи подчеркивали мысль о том, что должна быть создана новая цивилизация, на новых основаниях. И это не фантазия. Я думаю, что все мои выдающиеся коллеги согласятся с тем, что если эта концепция единства, о которой писали Рерихи, не будет являться самым главным в отношениях между народами, то будущее мира весьма сомнительно. Поэтому мы придаем такое значение деятельности всей семьи Рерихов и, в частности, Юрия Рериха.

В свое время наш премьер-министр Джавахарлал Неру сказал о Николае Рерихе замечательные слова, которые я, перефразируя, хотел бы напомнить вам, относя их ко всей семье Рерихов: мы в долгу перед ними, потому что они «напоминают нам многое из нашей истории, нашего мышления, нашего культурного и духовного наследия, многое не только в прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном». И мне хотелось бы верить, что и в России духовные достижения прошлого не утратили своего значения в настоящем.

Я также хотел бы упомянуть в этой уважаемой аудитории, что в Индии мы предпринимаем ряд действий для увековечения памяти о Рерихах. Во-первых, в настоящее время снимается фильм о Юрии Рерихе, и мы делаем все от нас зависящее, чтобы помочь производству этого фильма. Во-вторых, наш премьер-министр А.Б.Ваджпай, который, как вы знаете, является Почетным прези-

дентом Международного Мемориального Треста Рерихов, выделил определенную сумму денег для того, чтобы восстановить дом Рериха в Наггаре. В течение последних десяти месяцев в этом поместье работает российский куратор. Также существует план восстановить Ботанический институт Рериха в Наггаре. В-третьих, правительство Карнатаки заявило, что имение «Татагуни», где жили и Девика Рани и Святослав Рерихи, должно быть восстановлено и сохранено усилиями штата как наследное поместье. И мы будем продолжать, как только возможно, поддерживать любую деятельность по сохранению и развитию этого огромного, поистине фантастического наследия Рерихов, в том числе и Юрия Рериха.

В заключение я хотел бы пожелать всяческих успехов Центру Рерихов и всем друзьям, которые работают здесь с такой преданностью. На санскрите есть поговорка, которая звучит так: «Сознание расширяется в трансцендентном». И я хотел бы думать, что это недалеко от реальности. Это память, которой мы платим дань.

Позвольте пожелать вам всего наилучшего и выразить свою уверенность в том, что эта конференция добавит больше света и понимания этой темы.

Благодарю за внимание.

А.Е.КАРПОВ,

*посол Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ),
президент Международной ассоциации фондов мира,
многократный чемпион мира по шахматам*

Добрый день, уважаемые друзья!

Я хотел бы прежде всего выразить свою благодарность за диплом и медаль, которые мне вручили, и, поскольку мне предоставили слово, рассказать немного о том, какое отношение наш фонд имел ко всему тому, что мы сегодня здесь видим.

В 1989 году, когда переговоры о возвращении Рериховского наследия на Родину велись на правительственном уровне и Михаил Сергеевич Горбачев обещал необходимое содействие и гарантии, Святослав Николаевич Рерих обратился в Советский Фонд мира с предложением выступить в качестве гаранта возвращения наследия в Россию. На встрече с руководством Фонда мира,

который я тогда возглавлял, Святослав Николаевич заметил, что президенты приходят и уходят, и есть ли между ними преемственность — непонятно. Существуют ли гарантии выполнения обещаний или нет — это еще вопрос, сказал он, но вот если такая серьезная международная организация, как Фонд мира, будет участвовать в этом процессе и как бы подкрепит его своими гарантиями, то тогда у него веры больше. С тех пор Фонд мира и я лично в этом Движении. К несчастью, Святослав Николаевич оказался прав — действительно, развалился Советский Союз, пришел другой президент. И сколько мы ни стучались в двери аппарата Президента Б.Н.Ельцина, мы не смогли получить то, что было обещано Горбачевым. Но, тем не менее, эти трудности объединили многих людей. Должен сказать, что даже в такое тяжелое время, которое переживает наша страна, если добрые люди с добрыми помыслами объединяются, то они все равно пробьются через самые непреодолимые преграды. И сегодня радостно осознавать, что мы с вами находимся в этом замечательном здании Музея, который все хорошеет и хорошеет. Благодаря спонсорам пополняется коллекция, благодаря строителям преобразуется облик Усадьбы. Я уже предвижу, как все будет выглядеть, когда мы закончим все реставрационно-строительные работы.

Я хочу поздравить всех нас с тем, что мы живы, что мы существуем, несмотря ни на что, что мы развиваемся, и пожелать всем нам удачи на этом пути.

НАНДЖУНДА РАО,

*профессор, директор Арт-комплекса
Karnataka Chitrakala Parishath Trust,
Бангалор, Индия*

Дорогая г-жа Шапошникова, дорогие сотрудники Центра Рерихов, друзья-рериховцы, я рад приветствовать вас!

Мы в Индии очень глубоко уважаем д-ра Юрия Рериха за его интерес к нашей стране и за те исследования, которые он проводил в Индии и Тибете, Китае и Монголии, а также в других прилегающих землях.

Сегодня я хотел бы рассказать вам немного о том, как в Индии, и особенно в Бангалоре, чтут память Рерихов. В настоящее

время Национальный музей правительства Индии организует выставки картин Николая Рериха в Бангалоре, Дели и Кулу. В свое время Святослав Рерих подарил нашему Арт-центру Читракала Паришад 36 картин Николая Рериха, а также ряд своих собственных поздних произведений. 16 картин Николая Рериха мы передали правительству Индии для организации вышеупомянутых выставок.

Счастлив сообщить, что решением суда от 16 июля 2002 года «Татагуни», бангалорское поместье Святослава и Девики Рани Рерихов из нечистых рук переходит в распоряжение правительства штата Карнатака. Я очень рад, что могу передать копию постановления суда г-же Шапошниковой. Правительство Карнатаки выпустило брошюру с информацией о планируемом на территории поместья мемориале в честь Рерихов, фундамент которого уже заложен. Мемориал на могиле на 75% уже закончен. Все это говорит о том, что наследие Рерихов в Бангалоре теперь будет сохраняться и люди получают возможность знакомиться с ним.

При нашем Арт-центре Читракала Паришад есть колледж, в котором обучаются 650 студентов по специальности «искусство». Аспирантуру при этом колледже мы назвали Рериховским институтом продвинутых исследований. В ближайшее время мы планируем учредить специальные стипендии для тех студентов, которые изучают технику и стиль творчества великого Николая Рериха и пытаются работать в этом стиле. У нас уже вышел альбом с работами, которые выставляются в галерее Читракала Паришад.

Еще одно радостное сообщение: посол России в Индии г-н Кадакин опубликовал в индийских журналах книгу, которая называется «Николай Рерих».

В заключение хотел бы заверить вас в том, что у себя в Индии мы будем продолжать усилия по сохранению и распространению наследия великих Рерихов.

Я очень счастлив, что вновь приехал сюда, в этот Музей, где могу встретиться с людьми со всего мира, которые так преданы идеям Рериха. Спасибо вам большое.

О.Л.КУЗНЕЦОВ,
президент РАЕН,
Москва

Дорогие коллеги, я попросил слово для того, чтобы выразить свое отношение к тому, что вы здесь делаете, сохраняя память о великой семье и неся этот свет Рерихов в российскую и мировую науку и культуру.

К сожалению, я не был знаком с Юрием Николаевичем и вообще занимаюсь совершенно другими вопросами, не относящимися к истории культуры. Я геофизик, специалист в области технологий изучения Земли с помощью различных физических методов. Так случилось, что в 80-х годах в качестве генерального конструктора я занимался созданием одной из самых крупных в мире геоинформационных систем — «Геос». Мы, геофизики, научились смотреть на Землю с помощью летательных аппаратов, с помощью космических аэросредств, и она предстала перед нами несколько иной по сравнению с тем, что все привыкли видеть, передвигаясь по ней ногами. Часть из того, что мы наблюдали и что нам удалось описать на естественнонаучном языке, мы изложили в трех книгах. Это «Система: природа — общество — человек», вышедшая два года назад; это «Устойчивое развитие системы: природа — общество — человек как синтез естественных и гуманитарных знаний», в которой мы попытались по-своему создать основы такого синтеза; и наконец, «Устойчивое развитие. Основы научного проектирования в системе: природа — общество — человек».

Как видите, проблемы, которые мы затрагиваем, находят свое разрешение в творчестве Рерихов, и поэтому то, чему посвятила свою жизнь эта великая семья, для меня очень близко. И хотя я всю жизнь занимаюсь только научными моделями, как экспериментальными, так и теоретическими, я прекрасно понимаю, что в рамках научных моделей описать все многообразие явлений, с которыми мы сталкиваемся, невозможно и что обязательно нужны иные модели сознания. Для нас очень важно подойти к этому синтезу естественных и гуманитарных знаний. Являясь ректором Международного университета природы, общества, человека в городе Дубна, который активно развивается уже в течение девяти лет, я стараюсь всеми доступными мне средствами знакомить своих студентов и сотрудников с наследием Рерихов. Первое, что

видят студенты, которые приходят в мой кабинет, это картины Н.К.Рериха. И я им пытаюсь рассказывать то, что я знаю о Рерихах. Поэтому я совершенно искренне говорю: то, что вы делаете, — это великое дело во имя будущего России.

Зачем Россия нужна миру? Зачем мир нужен России? Думаю, что эти вопросы не дают покоя многим из нас. Касаясь первого, я хотел бы подчеркнуть, что самым главным достоянием России является ее человеческий капитал. Нет другой такой страны в мире, где этот человеческий капитал был бы столь велик и разнообразен, как в России. И, на мой взгляд, одной из его особенностей является то, что русские люди, как правило, умеют одинаково хорошо думать и левым, и правым полушарием, то есть в них присутствует и рациональное, и иррациональное. Для меня как исследователя, занимающегося вопросами синтеза наук, это очень важное качество, которое нашло свое блестящее проявление в творчестве Рерихов.

В заключение позвольте пожелать вам больших успехов, здоровья, счастья.

Спасибо за внимание.

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ПИСЬМА И ТЕЛЕГРАММЫ

Глубокоуважаемые и дорогие Юлий Михайлович, Людмила Васильевна!

Активисты, подвижники и друзья рериховского движения!

С чувством большой и искренней радости приветствую от имени Посольства Российской Федерации в Индии участников и гостей Международной научно-общественной конференции, посвященной столетию выдающегося русского ученого-востоковеда Юрия Николаевича Рериха.

Человек высокой нравственной и духовной культуры, многогранного таланта и удивительных качеств, Ю.Н.Рерих унаследовал от своих великих родителей любовь к Востоку и посвятил всю свою жизнь его изучению. Неоценим и уникален вклад Юрия Николаевича Рериха в российское и мировое востоковедение. Несомненно, в выступлениях и докладах участников конференции найдут свое отражение духовная глубина и научная прозорливость, человеческая простота и обаяние этого яркого представителя замечательной русской семьи Рерихов.

Здесь, в Индии, на второй родине Рерихов, в связи с юбилеем уже проведен или готовится целый ряд крупных мероприятий, в частности в Нью-Дели в августе состоялось Торжественное собрание общественности, которое получило широкое освещение в печати и на телевидении. Была поддержана инициатива Международного Мемориального Треста Рерихов об открытии Мемориального кабинета Ю.Н.Рериха в Институте Национального музея.

Отрадno сознaвать, что пpаздновaние этого юбилея и чeствoвание пaмяти Рерихов вoобщe пpoxoдят нa фoне пoдгoтoвки к oфициaльному визиту в Индию Пpезидeнтa Рoссийскoй Фeдepации В.В.Путинa и знaчительнoй активизaции дeятeльнoсти пo сoхpaнению и мемoриaлизaции Рерихoвскoгo нaслeдия в Индии, oсущeствляeмoй пoд пaтpoнaжeм пpемьeр-министpа стpаны А.Б.Вaджпaи. В дoлинe Кулу пoльным хoдoм идут рeстaвpациoннo-вoсстaнoвитeльнe рaбoты в музee Рерихoв в Нaггaрe; пo зaвepшeнии судeбных рaзбирaтeльств в южнoм имeнии «Тaтaгуни» пoд Бaнгaлoрoм нaчaлoсь стpoeитeльствo мемoриaльнoгo кoмплeксa-зaпoвeдникa, гдe будeт oткpыт музeй С.Н.Рерихa; пoдгoтoвлeнa бoгaтaя выстaвкa кaртин Н.К.Рерихa из кoллeкций рaзличных музeев стpаны, кoтopая будeт экспoниpовaться в нeскoльких гoрoдax Индии и кoтopую индийские дpузья плaниpуют пoкaзaть и рoссийским цeнитeлям eгo твopчeствa. Отраднo oтмeтить, чтo в дeлe сoхpaнения нaслeдия Рерихoв в Индии нaблюдaeтся пoлнoe eдинoдушie и oтсутствie кaких бы тo ни былo кoнфликтoв. Хoтeлoсь бы видeть этo и в Рoссии, a тaкжe вo вceх тeх стpанax, гдe рaбoтaют с Рерихoвским нaслeдиeм.

Пoльзуясь случaeм, сeрдeчнo блaгoдaрю МЦР, вceх дpугих рoссийских eдинoмышлeнникoв и дpузeй зa oкaзывaeмoую нaм пoмoщь в блaгoрoднoм дeлe увeкoвeчeния пaмяти и сoхpaнения нaслeдия сeмьи Рерихoв нa индийскoй зeмлe.

Жeлaю высoкoгo нaстpоя и бoльших твopчeских успeхoв в рaбoтe Мeждунaрoднoй кoнфeрeнции!

С сaмыми дoбрыми и свeтлыми чувствaми,

**Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации в Республике Индия,**

Член Правления МЦР А.М.Кадакин

Глубокоуважаемая г-жа Генеральный директор Музея имени Н.К.Рериха Людмила Васильевна Шапошникова!

Дорогие друзья из Международного Центра Рерихов!

От имени представляемых мной организаций, а также от всех связанных с нами представителей рериховского движения в Германии передаем Вам самые сердечные приветы. Мы чувствуем свою теснейшую связь с Вами в духе искренней дружбы и общей преданности высоким идеалам семьи Рерихов. От всего сердца желаем Вам самых больших успехов в проведении столь важной для развития культуры и для обеспечения мира во всем мире конференции. Мы шлем Вам в поддержку наши добрые и созидательные мысли, множество доброжелательных людей протягивают Вам свои руки в знак своего братского расположения. В духе мы с Вами.

Как замечательно быть связанными с Вами узами дружбы. Нет ничего более ценного, чем иметь надежных друзей, особенно в нашем страдающем от бессердечия мире. Вспоминая глубоко правдивые слова великого русского писателя Достоевского – «Русское сердце как никакое другое открыто братству и единению», мы хотели бы заметить, что это полностью относится и к нашим сердцам. И мы здесь в Германии не хотели бы уступать в этом отношении нашим русским друзьям и братьям.

Позвольте заявить о нашей высокой оценке и глубоком уважении Вашего, с таким поразительным мужеством осуществляемого исторического вклада в дело претворения в жизнь выдающегося культурного, художественного и духовного завета семьи Рерихов. Наше особое уважение мы выражаем Генеральному директору Музея г-же Людмиле Васильевне Шапошниковой, которая со всем жаром своего сердца посвятила себя делу сохранения великого наследия.

Благодаря трудам семьи Рерихов, а также активной защите, сохранению и распространению Международным Центром Рерихов культурного наследия этой выдающейся семьи, новая Россия призвана сыграть доминирующую роль в развитии мировой культуры и в обеспечении мира во всем мире. Это обеспечило бы великой стране большой авторитет в мировом масштабе. Г-жа Елена Рерих однозначно высказывалась в этом духе еще много десятилетий тому назад. Она писала, что нравственно возрожденная Россия, на основе новых принципов широкого сотрудничества и свободного культурного строительства, станет оплотом мира.

Руководствуясь идеями, нашедшими свое отражение и в этом приветственном послании, а также высокими принципами семьи Рерихов, я, подписавший это приветствие, уже в 1969, 1971 и 1973 годах, вместе с авторитетными деятелями культуры и представителями миролюбивых сил на широком пространстве бывшего Советского Союза, принимал участие в расстановке акцентов будущего развития практической политики разрядки и конкретного мирного планирования. Отнюдь не случайно в ноябре 1989 года бывшие противники стали вдруг партнерами и друзьями. Сегодня Россия и Германия являются важным оплотом мира во всем мире, а также гарантами построения нового мирового и мирного порядка, основанного на справедливых законах. Поэтому неисправимым военным стратегам и террористам не удастся развязать мировой военный конфликт.

Так пусть из культурного и объединяющего народы наследия семьи Рерихов процветет новая культура человечества и тем самым новое будущее, в котором будет найдена золотая середина между индивидуализмом и коллективизмом. Европа должна стать нашей общей родиной, континентом мира и человеческого счастья, залогом чего является духовное и культурное возрождение России.

С выражением братской дружбы
и сердечными приветами,

**Ваш Герхард Гавел,
Президент общества «Мировая Спираль»,
Германия**

Уважаемые друзья!

Сердечный салам из Татарстана всем, кто собрался на этот форум, посвященный столетию со дня рождения Юрия Николаевича Рериха – великого сына великой семьи Рерихов.

Труды Ю.Н.Рериха – путешественника, ученого, этнографа, исследовавшего самобытную культуру и языки народов Азии, безусловно, являются бесценным источником знаний по истории тюркских народов, в том числе и татарского народа.

Мы искренне благодарны Международному Центру Рерихов и другим культурным организациям за издание научных исследований Ю.Н.Рериха, к изучению которых таким образом открывается доступ и нашим ученым.

В Татарстане, в Казани, уже неоднократно проходили выставки картин Н.К. и С.Н. Рерихов из наследия Рерихов. К торжествам по случаю тысячелетия Казани намечается новая выставка в Музее изобразительных искусств РТ, где в постоянной экспозиции находится известная картина Н.К.Рериха «Мехески – лунный народ». Традицией становится ежегодное празднование Дня культуры – 15 апреля, который проводится по инициативе казанского Общества Рерихов и который, надеемся, станет официально принятым памятным днем – символом, объединяющим все народы под Знаменем Культуры и Мира.

С уважением,

**Первый заместитель
министра культуры РТ
Валеев Рафаэль Миргасимович**

Уважаемая Людмила Васильевна!

Приветствую Вас и всех участников Международной научно-общественной конференции «100 лет со дня рождения Ю.Н.Рериха».

Во всем мире Юрий Николаевич известен как выдающийся ученый, знаток культуры народов Центральной Азии, лингвист, археолог и путешественник, который за кратчайший срок возродил в России отечественную школу востоковедения. Именно он вернул России имя своего отца, знаменитого художника и мыслителя Н.К.Рериха. Научная и общественная деятельность Юрия Николаевича Рериха вошла в золотую сокровищницу отечественной науки.

Желаю участникам и гостям конференции творческих успехов и благополучия в личной жизни.

**Председатель Комитета
Государственной Думы по культуре и туризму
Н.Н.Губенко**

Уважаемая Людмила Васильевна!

Дорогие друзья!

Международный гуманитарный общественный фонд «Знание» приветствует организаторов и участников Юбилейной международной научно-общественной конференции, посвященной столетию со дня рождения выдающегося русского востоковеда Ю.Н.Рериха.

Не один год наш Фонд, Центр-Музей имени Н.К.Рериха и Международную Лигу защиты Культуры связывает общая деятельность в реализации различных научно-просветительских и историко-культурных программ – художественных выставок, научных конференций, концертов, акций в рамках международных проектов «Знамя Мира», «Флаг Земли», «Колокол Мира». И сегодня мы можем констатировать, что накопленный нами опыт свидетельствует о большом значении объединения общих усилий для развития культуры, науки и образования в России.

Мы выражаем Вам также свою особенную и искреннюю признательность за постоянную, практическую и весьма ощутимую помощь юным талантам и молодым дарованиям – главному богатству будущей России.

Желаем успехов в работе Вашей конференции, заверяем Вас в наших внимании и поддержке, надеемся на продолжение плодотворных творческих и деловых контактов.

**Президент МГФ «Знание»,
академик К.В.Фролов**

**Председатель Правления
МГФ «Знание», профессор Ф.Ф.Светик**

Ш.БИРА,
академик,
*Генеральный секретарь Международной
ассоциации монголоведения,
Улаанбаатар, Монголия*

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ Ю.Н.РЕРИХЕ

Шел 1957 год. Это было переломное время моей жизни. Тогда мне исполнилось тридцать и прошло уже шесть лет с тех пор, как я окончил Московский государственный институт международных отношений, однако я мучительно долго не мог найти свое место в науке, несмотря на то, что по мере сил и возможностей старался подготовить себя к научной деятельности. Вот как раз в такой сложный период, хотя и с опозданием, судьба мне улыбнулась. Будучи аспирантом Института востоковедения АН СССР, я встретился с учителем, который помог мне найти то, что я искал и чему мечтал посвятить энергию своей молодости и впоследствии всю жизнь. Я нашел интересную для себя область в востоковедной науке и получил возможность серьезно подготовиться к настоящей научной работе под руководством крупнейшего ученого. Юрий Николаевич Рерих, безусловно, был настоящим подарком судьбы для таких молодых людей, как я. Я был свидетелем того, каким огромным научным авторитетом он пользовался у научной молодежи, да и не только у молодежи, но у всей советской творческой интеллигенции, хотя находились и такие люди, которые относились к нему настороженно, с недоверием и даже мешали ему в работе.

В результате наших многократных и обстоятельных бесед с Юрием Николаевичем я твердо решил заниматься, кроме монголоведения, смежными отраслями востоковедения – тибетологией, буддологией, а также необходимыми для этого языками: тибетским, которым я занимался в детстве и после окончания института, и буддийским санскритом. Темой для моей диссертации мы выбрали исследование исторических хроник, написанных монгольскими ламами на тибетском языке. Для того времени это была весьма неординарная инициатива, которая могла вызвать

недоумение и даже неодобрение со стороны некоторых ученых. Но Юрий Николаевич был убежден в необходимости научной разработки этой темы, а я, жаждавший заниматься чем-то оригинальным и «чисто» научным, был готов над ней работать. Должен сказать, что при утверждении темы на секторе Монголии Института востоковедения прозвучали нотки сомнения в ее актуальности, однако авторитет Юрия Николаевича пересилил и тема была утверждена.

Наши занятия были подчинены форсированной разработке темы. На следующий же день после ее утверждения мы встретились на квартире Юрия Николаевича, в его просторном кабинете, где было много книг, тибетских и монгольских ксилографов и рукописей и где висели знаменитые картины его отца. Тогда мне трудно было оценить, до какой степени мне повезло: ведь я мог приходить домой к Юрию Николаевичу чуть ли не каждый день, иногда и по выходным, чтобы получить дополнительную консультацию по чтению и анализу трудных тибетских исторических текстов и поделиться впечатлением от прочитанных книг по тибетологии и буддологии, которыми мой учитель щедро обеспечивал меня из своей личной библиотеки. Он обладал такими ценными книгами и научными журналами по тибетологии, которых даже в «Ленинке» было не найти.

Наши индивидуальные занятия имели некоторую особенность. Дело в том, что Юрий Николаевич, прекрасно владевший монгольским языком, считал свое знание недостаточным и хотел практиковаться в современном монгольском языке, как он выражался, с прирожденным носителем этого языка. Он говорил, что у него было мало возможностей заниматься современным монгольским языком, ибо он встречался только с немногими проживавшими в Индии монголами-ламами, в основном выходцами из Внутренней Монголии. Кроме языка Юрий Николаевич очень интересовался жизнью современной Монголии, много расспрашивал о ней, об Улан-Баторе (ныне Улаанбаатар) и т.д. Он не раз упоминал, что его отец, Николай Константинович, любил Монголию, хорошо знал ее историю и традиции и немало своих картин посвятил нашей стране. По его словам, Николай Константинович, оказавшись в Монголии в 1927 году во время своей знаменитой Центрально-Азиатской экспедиции, чувствовал необычайное творческое вдохновение. Он верил в будущее Монголии,

породившей Чингис-хагана, которого учитель называл «монгольским Прометеем». Юрий Николаевич говорил: «Любовь к Монголии у меня в крови», — и рассказывал о татарском происхождении своей прабабушки. Особенно меня поражало его знание письменного монгольского языка. Он с легкостью разъяснял нам тибетские буддийские трактаты на монгольском языке и толковал буддийские термины, приводя их санскритские, тибетские и монгольские эквиваленты в соответствующих письменах, аккуратно выводя их простым карандашом на листе бумаги, который использовал вместо доски. Он обладал феноменальной памятью, редко обращался к словарям.

Юрий Николаевич включил меня в небольшую группу изучающих тибетский язык, которой он руководил. Официально нам было положено заниматься тибетским языком три раза в неделю по два часа. В группе было пять аспирантов, включая меня.

Юрий Николаевич очень хотел снова попасть в Монголию, часто вспоминал о своем путешествии по этой стране в 1927 году в составе Центрально-Азиатской экспедиции. Вскоре его мечта осуществилась, в 1958 году он приехал в Монголию по приглашению монгольского правительства, в котором хорошо знали Юрия Николаевича как крупного ученого-монголиста, вернувшегося из Индии на Родину с разрешения Никиты Хрущева. Тогда Ученый комитет Монголии готовился к Первому международному конгрессу монголистов-филологов, который должен был состояться в 1959 году, и оргкомитету конгресса особенно важны были советы Ю.Н.Рериха. Будучи его аспирантом, я сопровождал его во время пребывания в нашей стране. За три-четыре недели он посетил научные и религиозные центры Монголии, встретился с членами правительства, учеными и даже успел побывать в моей юрте, где я жил с семьей летом (это к северу от Улан-Батора, в местности Яргайт). Ему понравилось, как мы живем в юрте, и он говорил, что будет приезжать в Монголию каждое лето на отдых, подышать чистым горным воздухом. Он еще говорил, что очень любит ездить на лошади, и наказывал мне непременно найти для него хорошего монгольского коня с хорошим казацким седлом.

С особым удовольствием Юрий Николаевич посетил Гандан, единственный уцелевший и действовавший монастырь. Он приходил в этот монастырь несколько раз, встречался с ламами, знакомился с монастырской библиотекой. Побывал также в Государ-

ственной библиотеке, в Тибетском фонде, где хранится более миллиона экземпляров рукописей и ксилографов. Юрий Николаевич говорил о необходимости использовать эти библиотечные коллекции для развития тибетологии и монголоведения, мечтал привлечь к этому делу специалистов и создать тибетологический центр в Улан-Баторе. На его взгляд, для этого имелось все необходимое – материалы, люди и традиции.

Во время пребывания в Монголии Юрий Николаевич очень хотел отыскать картину его отца «Владыка Шамбалы Ригден Джапо». Эту картину Н.К.Рерих создал в Улан-Баторе, когда находился там во время Центрально-Азиатской экспедиции, и подарил правительству Монголии, вручив ее тогдашнему премьер-министру Церендоржу. Мы расспрашивали многих людей об этой картине, однако тогда ничего не смогли разузнать о ее судьбе. Юрий Николаевич верил, что она находится в Монголии, не мог допустить и мысли о том, что она может пропасть. И действительно, несколько лет спустя, в начале 1960-х годов, картина была обнаружена в запасниках Центрального музея изобразительного искусства в Улан-Баторе. С тех пор она находится в постоянной экспозиции музея и числится в ряду бесценных памятников культуры. Должен сказать, что именно приезд Юрия Николаевича вызвал интерес к пропавшей картине у многих моих соотечественников, которые нашли знаменитую работу Николая Рериха и снова вернули ее монгольскому народу.

К тому, что я уже написал об этой картине [1, с. 456–459], добавлю новые сведения, которые имеют отношение к истории ее создания. Известно, что отец и сын очень интересовались легендой о Шамбале, которая была широко распространена во всех буддийских странах, особенно в Тибете и Монголии. Не вызывает сомнений, что Николай Константинович создал свою картину под непосредственным впечатлением от всего того, что он услышал и узнал относительно легенды о Шамбале в самой Монголии. Как свидетельствуют современники художника, Николай Рерих воочию наблюдал, что вера в наступление Новой эры, эры Шамбалы, была необычайно сильна в Монголии. На улицах монгольской столицы художник встречал отряды кавалеристов, которые пели песню о Шамбале, сочиненную бойцами Сухэбаатара. Песня называлась «Жан Шамбалын дайн» («Война Северной Шамбалы»). В ней был такой куплет:

*Северной Шамбалы война,
Умрем в этой войне,
Чтоб родиться вновь
Витязями Владыки Шамбалы [2].*

Песня пользовалась тогда необычайной популярностью в Монголии, ее знали стар и млад. Люди моего поколения в детстве пели ее на мелодию песни «Улаан туг» («Красное знамя»). По свидетельству моего друга Содномдаржа – ему сейчас 75 лет, – эта песня была очень популярна и во Внутренней Монголии. На эту мелодию известный поэт Внутренней Монголии Сайзангуа написал стихи весьма революционного содержания. С помощью известного монгольского фольклориста профессора П.Хорлоо мне удалось узнать некоторые новые данные о песне «Война Северной Шамбалы». Эта песня родилась во время Народной революции 1921 года и скорее всего была посвящена знаменам революционных бойцов. Было четыре знамени – полководческое, красное, желтое, зеленое. Удалось обнаружить следующие куплеты этой песни:

*Знамя Полководческое поднимем
Геменов [3] неугодных уничтожим,
В стране Жан Шамбалы
Непременно переродимся.*

*Знамя желтое поднимем,
Славу религии вознесем,
Мы же ученики ее,
На войну Шамбалы поднимемся.*

*Знамя зеленое поднимем,
Славу нойонов [4] вознесем,
Геменов коварных с помощью
Смирных в серых [5] подавим [6].*

Эти куплеты, посвященные разным знаменам монгольских революционеров, свидетельствуют об общенациональном характере монгольской революции на ее первоначальной стадии, когда в ней участвовали представители всех слоев населения, – и нойоны, и ламы, и араты. Знамена отражали разносторонний состав первых монгольских революционеров, которые боролись за национальную

независимость страны. В этой борьбе, как свидетельствует песня, монголов воодушевляла вера в наступление Новой эры, эры Шамбалы, что и было отмечено и наглядно показано Николаем Рерихом.

Через год, в августе 1959-го, Юрий Николаевич снова приехал в Монголию на конгресс монголистов. В состав советской делегации входили профессор Гарма Санжеев, ученый-филолог Цыдендамбаев и заместитель директора ИВ АН СССР Н.А.Дворянков. Юрий Николаевич подготовил доклад на тему «Монгольские заимствования в тибетском языке», причем написал его по-монгольски. Приехав в Улан-Батор, он дал мне текст доклада, чтобы я прочел и поправил архаично звучащие фразы. Но там, по существу, нечего было поправлять, в чем я его и уверил. Я был просто восхищен прекрасным литературным стилем. Следует сказать и о том, что Юрий Николаевич был одним из немногих иностранных участников конгресса, кто зачитал свой доклад на монгольском языке (кроме него это сделали некоторые представители японской делегации).

После конгресса он написал интересный обзор об итогах первой встречи монголистов в столице Монголии, подчеркнув, что это был, *«несомненно, важный этап в истории монголистики»* [7, с. 240]. Таким образом, мы с полным основанием можем сказать, что Ю.Н.Рерих стоял у истоков международного сотрудничества монголоведов, которое впоследствии переросло в ныне действующую Международную ассоциацию монголоведения с центром в Улан-Баторе.

Юрий Николаевич собирался вновь приехать в Монголию в 1960 году. Однако ему так и не удалось это осуществить. Он скончался 21 мая 1960 года, примерно за месяц до моей защиты. Он ушел от нас в полном расцвете своих творческих сил, у него было столько замечательных планов по возрождению традиций школ монголоведения и тибетологии на Родине.

В заключение позвольте выразить надежду, что тема «Рерихи и Монголия» будет продолжена и разработана совместными усилиями русских и монгольских ученых, а также всеми заинтересованными организациями. Это особенно актуально в настоящее время, когда наши страны переживают весьма сходные ситуации и когда мы стремимся строить наши отношения по-новому.

Должен сказать, что мы, к сожалению, долгое время не очень понимали, да и попросту многого не знали о том, как члены семьи Рерихов, все вместе и каждый в отдельности, строили духов-

ные мосты между нашими странами. Поистине велик их вклад в изучение и популяризацию культуры Монголии еще в те времена, когда она была почти забыта в мировой истории. Именно тогда Николай Константинович писал о Монголии как о стране огромного жизненного потенциала, устремленной к небывалому строительству. Он сравнивал ее с «неотпитой чашей» и призывал к бережному и доброжелательному к ней отношению, к добрым действиям и доброму помышлению, уважению к тем построениям, которые могут здесь возникнуть. В свое время Николай Константинович призывал: «Из древних чудесных камней прошлого сложите ступени грядущего». Примерно такую же мысль высказывал и Юрий Николаевич, сравнивая Монголию, только что вставшую в начале 1920-х годов на путь новых перемен, с Тибетом. Мне кажется, что эти вещие слова были сказаны не в те далекие годы, а сегодня, когда Монголия, возрождаясь и переоценивая свое славное прошлое, все более явно приобщается к общечеловеческим ценностям, к завоеваниям научно-технического прогресса.

Нельзя сказать, что монголы вообще не знали Рерихов и их творений, особенно замечательных полотен Н.К.Рериха и трудов Ю.Н.Рериха о Монголии. Оба они оставили добрую память о себе, когда в 1926–1927 годах, в течение почти полугода находились в нашей стране со своей знаменитой Центрально-Азиатской экспедицией. По счастливой случайности сохранился до наших дней маленький деревянный домик в Улан-Баторе, где располагалась штаб-квартира экспедиции. Об этом домике Юрий Николаевич в свое время писал: «Для штаб-квартиры нам посчастливилось найти небольшой четырехкомнатный дом с двумя просторными дворами и конюшнями» [8, с. 119]. Здесь экспедиция работала, здесь же профессор Н.К.Рерих создавал свои удивительные «картины с уникальными видами страны» [там же]. В этом же доме, по всей вероятности, трудилась и Елена Ивановна Рерих над своими работами «Основы Буддизма» и «Общее Благо» («Община»), которые были напечатаны в местной маленькой монгольской типографии.

До недавнего времени в Монголии еще можно было найти людей, лично знавших Рерихов, особенно Юрия Николаевича. Такого, например, как Содов. Будучи студентом старшего класса монгольского училища учителей, он по рекомендации Цыбена Жамцарано, ученого секретаря Ученого комитета Монголии, давал уроки монгольского языка Юрию Николаевичу во время его пребывания

в нашей стране в 1926—1927 годах. В 1967 году в газете «Утга зохиол урлаг» известный монгольский поэт М.Цэдэндорж опубликовал свою беседу с неким Ламжавом, одним из бурят-монголов, которые с помощью Цыбена Жамцарано были наняты на работу в экспедицию Николая Рериха, направлявшуюся в Лхасу. Ламжав находился рядом с Рерихами и рассказал о том, в каких трудных условиях они совершали свое героическое путешествие в Тибет.

Тесная связь Рерихов с Монголией очевидна. Однако, к великому нашему сожалению, вплоть до недавнего времени в Монголии не проводилась работа по увековечению памяти Рерихов. Только в 2001 году по инициативе монгольских деятелей науки и культуры было создано Рериховское общество Монголии, которое уже начало налаживать связи с российскими рериховскими обществами и с отдельными заинтересованными людьми.

По нашему ходатайству деревянный домик, где проживали Рерихи, городская администрация Улаанбаатара взяла под охрану как исторический памятник монгольской столицы. В будущем мы планируем создать здесь монгольский музей Рерихов. Это требует немалых усилий и денежных средств, которыми не располагают ни Международная ассоциация монголоведения, ни вновь созданное Рериховское общество Монголии. Надеемся на спонсоров и поддержку правительственных и неправительственных организаций, в том числе зарубежных. Мы готовы сотрудничать со всеми заинтересованными организациями и людьми в благородном деле увековечения памяти Рерихов в Монголии и в научной разработке темы «Рерихи и Монголия».

Литература и примечания

1. См.: *Бира Ш.* Вопросы истории, культуры и историографии Монголии. Улаанбаатар, 2001.
2. Эти строки приводятся по книге Н.К.Рериха «Сердце Азии».
3. Так монголы называли тогда китайские войска. Гемен — от китайского «гоминдан».
4. Т.е. князей.
5. Монголы называли тогда русских солдат «номхон бор», что значит «те смиренные, одетые в серые шинели».
6. Перевод с монгольского Ш.Бира.
7. См.: Проблемы востоковедения. 1960. № 1.
8. *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1994.

Г.М.БОНГАРД-ЛЕВИН,

академик РАН,

Москва

ОН ПРОШЕЛ ЧЕРЕЗ ВСЮ МОЮ ЖИЗНЬ...

Дорогие друзья! Прежде всего я хотел бы сказать, что все, что связано с Юрием Николаевичем, со Святославом Николаевичем, со всей великой семьей Рерихов, всем нам одинаково дорого.

Мне в жизни исключительно повезло. Закончив восточноиндийское отделение МГУ, я был принят на работу в Институт востоковедения. Это было в далеком 1956 году. До этого я изучал санскрит у профессора Паттерсона, ездил в Петербург и занимался текстами на брахми у замечательного отечественного индолога В.С.Воробьева-Десятовского, который, к сожалению, скончался, когда ему было всего 28 лет. В институте я был простым лаборантом, выполнявшим всякую техническую работу. Неплохо знал английский язык, что, может быть, было связано с тем, что случилось, а быть может, в этом следует видеть некий «перст судьбы»... А случилось вот что. В один прекрасный летний день 1957 года меня вызвал директор института академик Б.Г.Гафуров и сказал: «Гриша, Вам надо послезавтра поехать на Ленинградский вокзал и встретить Рерихов. Они приезжают в Россию». Как сейчас помню свое довольно странное состояние, потому что я не очень представлял себе, кто такие эти Рерихи. Прошу простить меня, мне было тогда 23 года, я был знаком с именем и картинами художника Николая Рериха, а о Юрии Николаевиче, к стыду своему, ничего не знал. Ведь работы его здесь были почти недоступны, к тому же занимался я в то время эпиграфикой, то есть надписями, а отнюдь не буддизмом и не тибетскими памятниками.

Приехав на вокзал, я был одним из первых, кто встретил Юрия Николаевича и двух его спутниц – Ираиду Михайловну и Людмилу Михайловну Богдановых, на Родине. Позже я помогал им в переселении из гостиницы «Ленинградская» на квартиру на Ленинском проспекте. Главным багажом были книги, тибетские рукописи, которые потом составили прекрасную коллекцию Мемориального кабинета Ю.Н.Рериха в Институте востоковедения.

Чуть позже случилось так, что мне вновь исключительно повезло: меня и Шагдарена Биру, ныне академика, Юрий Николаевич взял к себе в аспирантуру. В течение почти трех лет вместе с Викторией Викторовной Вертоградовой (ныне доктор филологических наук) два раза в неделю мы ходили к Юрию Николаевичу на Ленинский проспект изучать ведийский санскрит. Вокруг висели картины отца, стоял большой письменный стол, за который он сидел с одной стороны, а с другой сидели мы: совсем еще молодые, в то время стеснительные люди, и повторяли за Юрием Николаевичем основы ведийского санскрита, который очень отличается от классического санскрита и труден для перевода и понимания.

Не буду рассказывать, какое впечатление производил Юрий Николаевич как учитель — это некое таинство, которое не стоит разглашать, оно должно остаться при ученике.

Все вы, конечно, знаете, что Юрий Николаевич всегда хотел вернуться на Родину, за которую в годы Великой Отечественной войны готов был сражаться на фронте. Неоднократно он пытался вернуться в Россию, но удалось это только в 1957 году, во времена «хрущевской оттепели». В Институте востоковедения, где он возглавил сектор, Юрий Николаевич, будучи уже далеко не молодым человеком, развернул просто титаническую работу по восстановлению тибетологических, монголоведческих, санскритских и уйгурских исследований в России. За неполных три года он успел сделать невероятно много, с полной самоотдачей относясь ко всему, за что брался, а ведь работать в условиях новой России ему было исключительно трудно. Он никак не мог понять того партийно-бюрократического типа отношений, который царил и в институте, и в других инстанциях. Юрий Николаевич был человеком дела в самом высоком смысле этого слова и не мог уразуметь, как можно, не предупредив, отменить заседание, на которое он приехал, или как можно забыть вызвать его на какое-то важное мероприятие. Психологически ему было очень трудно войти в эту новую для него Россию. Апофеозом чудовищного давления партийно-бюрократического пресса, во многом повлиявшим на безвременную кончину Юрия Николаевича, явилось так называемое дело о «Дхаммападде». Издание перевода «Дхаммападды», где он был главным редактором, обсуждалось не только в институте, но и в ЦК КПСС. Юрий Николаевич просто никак не мог взять в толк,

почему ЦК партии занимается такими вещами, почему люди, не имеющие отношения к науке, могут обсуждать его взгляды на буддизм или на рождение Будды.

20 мая 1960 года Юрий Николаевич скорострительно скончался. Узнав о случившемся и приехав на квартиру на Ленинском проспекте, я получил из рук сестер Богдановых один очень дорогой для меня документ. Это был отзыв на мою рецензию на русское издание «Артхашастры», написанный Юрием Николаевичем как членом редколлегии журнала «Советское востоковедение» и датированный 20 мая 1960 года. Копию этого отзыва я обязательно передам в ваш Музей. По-видимому, это было последнее, что Юрий Николаевич успел написать.

В 1979 году мне посчастливилось побывать в Кулу. Тогда в связи с семидесятилетием Святослава Николаевича его наградили орденом. Вручать награду и приветствовать от имени Академии наук поехала маленькая делегация во главе с академиком А.П.Окладниковым. Но почему я об этом сегодня вспоминаю? Потому что там вновь случилось нечто для меня исключительное. Две ночи мне пришлось провести в комнате, где в свое время жил Юрий Николаевич. Такого волнения, какое я испытал тогда, я более в жизни своей не припомню. Я спал на постели Юрия Николаевича, меня окружали его книги, статуэтки. Это очень сильно повлияло потом на мое отношение к вещам Юрия Николаевича — они приобрели статус священных. Когда мы уезжали, то Святослав Николаевич сказал нам: «Знаете, мы редко бываем в Кулу, здесь все приходит в упадок. Поэтому лучше будет, если вы заберете все эти книги с собой. Все — и Елены Ивановны, и Юрия Николаевича. Если хотите, возьмите какие-то картины, какие-то вещи — все это приходит в такое состояние...». Но, естественно, пиетет перед каждой вещью, книгой, строкой учителя был таков, что мы с Окладниковым даже брошюры не взяли. Потом я сожалел, потому что эти книги могли составить часть библиотеки какого-нибудь института.

Юрий Николаевич прошел через всю мою жизнь, и я безмерно благодарен за это судьбе. Должен сказать, что я виноват перед Юрием Николаевичем в том, что не выучил тибетского языка, хотя начинал с ним заниматься. Академик Бира, другой его ученик, стал одним из лучших в мире знатоков тибетского языка. Но, возможно, моя вина перед Юрием Николаевичем частично снимается тем,

что, начав в свое время по его настоянию заниматься буддийскими и санскритскими текстами из Центральной Азии из коллекции Ольденбурга, я издал два тома с этими текстами, сейчас третий выходит. Академик Бира писал рецензию на это издание.

И в заключение я хотел бы поделиться с вами своей болью. Хотя бы раз в году я стараюсь побывать в дорогой моему сердцу квартире Юрия Николаевича, которая содержит еще рукописи, книги, картины, дух Юрия Николаевича. Но атмосфера, которая там сейчас царит, производит очень тяжелое впечатление. И наш общий и мой личный долг перед Юрием Николаевичем в том, чтобы его квартира, где висят картины его отца и брата, где хранятся его книги, стала, наконец, достоянием России, открытым для всех мемориальным музеем-квартирой.

Спасибо за внимание.

А.Н.ЗЕЛИНСКИЙ,

*кандидат исторических наук,
директор Центра ноосферной защиты
имени академика Н.Д.Зелинского,
Москва*

ТО, ЧТО ПРОТИВОСТОИТ ПОТОКУ ТЕКУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Для меня это большая честь и большая радость — присутствовать сегодня на заседании, посвященном столетию моего любимого учителя Юрия Николаевича Рериха.

Как-то Юрий Николаевич заметил, что «только сильные личности предназначены передавать будущим поколениям сосуд со священным пламенем». Он сам являл собой пример такой сильной и совершенно необыкновенной личности. В качестве эпиграфа к тому, что я хотел бы сегодня сказать, позвольте мне прочесть одно небольшое стихотворение, посвященное Ю.Н.Рериху:

*Менгиры кочевий в бескрайних степях,
Надзвездные пики вершин.
Круженье времен и закат Калачакр
В качаньи ковыльных седин.*

*А рыцарь все скачет на легком коне,
Светильник держа пред собой.
Ушедшее видит в священном огне,
Восходит к черте огневой.*

*Там Бодхи цветет — древо жизни времен,
А ветер доносит опять
Дыханье степей, как божественный сон,
Что рыцарь стремился познать.*

(Юлия Шишина, 1992)

По образованию я историк-археолог, и мои занятия Востоком начались с археологии Памира, которая и свела меня с Ю.Н.Рерихом. Это произошло 26 мая 1958 года. После одной из его лекций я

подошел к нему с вопросами, и когда я сказал, что занимаюсь Памиром — древними путями, раскопками, то услышал в ответ: «Как интересно. Я тоже собираюсь на Памир. Может быть, мы даже когда-нибудь туда вместе попадем». С этого все и началось.

Чем люди объединяются? Общим мироощущением. И то, что мне посчастливилось общаться с Юрием Николаевичем, встречаться с ним сравнительно часто, наверное, объяснялось тем, что между нами была струя какого-то общего мироощущения, общего миропонимания.

Если говорить о воспоминаниях, то они могут касаться цвета волос, глаз, тембра голоса, особенностей фигуры и походки. Но ведь можно вспоминать об идеях, о мыслях, о чувствах, которые нас связывали и которые касались не только лично нас, но и затрагивали все происходящее в настоящем и очень многое из прошлого. Из обсуждаемых нами тем в памяти сохранились, прежде всего, буддизм, кочевой мир евразийских степей, а также тема, которую я бы назвал «Роль духовной культуры в сохранении и развитии мировой цивилизации». Суммируя то, о чем мы говорили и что осталось в памяти, это, пожалуй, наиболее яркое.

В этом зале перед нами висит Знамя Мира, чью символику составляют три круга, заключенных в сферу. Как-то, приведя несколько общих трактовок этого символа, я спросил Юрия Николаевича: «Какое все-таки главное понимание?». Он ответил, что понимание многозначно, но если говорить, к примеру, о традиционном понимании в рамках буддийской культуры, то это будет Будда, Дхарма и Сангха — три драгоценности буддизма. Очень часто этот знак переводят как «религия, наука и культура», очень многозначное понятие. Тогда я задал ему вопрос: «А можно ли это понимать как принципы справедливости, милосердия и сострадания?». Он ответил: «Конечно». После чего я спросил: «А что если это три мировых религии: буддизм, христианство и ислам?». Он сказал: «И так тоже можно понимать». Дело в том, что Юрий Николаевич обладал очень высоким духовным сознанием и прекрасно понимал одну достаточно простую и в то же время довольно сложную вещь: энтропия современной цивилизации столь высока, что противостоять распаду неимоверно трудно, поэтому поддерживать высоту религиозной традиции в любой конфессиональной системе является чрезвычайно важным фактором. В связи с этим он привел такой пример: «Вы помните картину отца «Гонец» и знаменитые слова Льва Николаевича Толстого, сказанные по ее поводу: «Рулите выше,

течение все равно снесет»? Так вот, в области всяких религиозных исканий, в области личной жизни всегда помните эту вещь и слова Толстого: «Рулите выше, течение все равно снесет».

Когда мы говорили с ним о буддизме, он сказал: «Помните, что буддизм всегда боролся против человеческих страстей. Эти страсти универсальный характер носят, они общие для всех людей». И когда я поинтересовался: «Какие же эти страсти?» — Юрий Николаевич пояснил: «У буддистов известны пять так называемых клеш, или грехов, пороков: гордыня, жадность, похоть, ненависть и омраченность сознания, которая как бы все эти пороки в себе объединяет». На мой вопрос: «А как же в других религиях?» — он напомнил мне о семи смертных грехах в христианстве — гордыне, жадности, похоти, зависти, чревоугодии, гневе и лености. То есть, в сущности, схема человеческих пороков всегда одна и та же. Что же такое духовная жизнь и что такое религия? Тогда я мог только одно усвоить: духовная жизнь — это то, что противостоит потоку текущего времени, то, что заставляет нас сохранять личность и ту культуру, к которой мы принадлежим.

Мне вспоминается 1959 год, Государственный Эрмитаж. Л.Н.Гумилев — тогда еще совершенно неизвестный ученый, у которого еще не было напечатано ни одной статьи, водил Юрия Николаевича по его залам и показывал ему замечательные памятники скифской культуры. И мне запомнился один маленький эпизод. Юрий Николаевич глядит на разбитые изображения из Монголии и Бурятии, из евразийских степей, на обезображенные так называемые каменные бабы — эти знаменитые истуканы с чашей и кинжалом в руках, а Лев Николаевич спрашивает его: «Как Вы думаете, почему столько памятников разрушено?». И Юрий Николаевич отвечает: «Вы знаете, ведь то, что Вы мне показываете, находилось на территории Уйгурии, где тогда исповедовалась манихейская религия, еще до ислама. А манихейская религия всячески боролась с любыми изображениями, и потому манихеи в порыве своего религиозного рвения (наподобие того, как современные талибы уничтожили знаменитые статуи будд в долине Бамиана) взяли и стали уничтожать буддийские, кочевнические памятники Уйгурии». И он сделал такую маленькую ремарку, которую я очень хорошо запомнил. Он сказал: «А вот, как видите, разрушений с Запада на Восток пришло не меньше, а может быть, даже больше, чем с Востока на Запад».

В июне 1959 года Юрий Николаевич взял меня в поездку в Переславль-Залесский и в Троице-Сергиеву Лавру. Когда мы приехали в Переславль-Залесский, то первое, что он сделал, — пошел в Спасо-Преображенский монастырь, где когда-то крестили великого благоверного князя Александра Невского. Мы вошли в собор, где творилось бог знает что. Он покачал головой, посмотрел с грустью на то, что окружало это святое место, и сказал мне: «Вот здесь крестили первого евразийца». Я переспросил его, поскольку тогда не понимал, о чем идет речь. А позже он мне рассказал немного о той замечательной традиции евразийства, созданной русской эмигрантской школой в 20-е годы XX века, представителями которой были замечательный русский историк Георгий Владимирович Вернадский — сын В.И.Вернадского, и не менее выдающийся ученый-географ Петр Николаевич Савицкий. Эти два имени я впервые услышал из уст Ю.Н.Рериха и уже потом, после его смерти, мне удалось связаться с этими людьми. В течение ряда лет я переписывался с Вернадским, который работал в Йельском университете в штате Коннектикут, и с Савицким. В свое время Юрий Николаевич поддерживал с ними тесный контакт, поскольку для него они были близкими людьми и единомышленниками. Их объединяла общность взглядов на особенности развития и роль России, то, что можно назвать геофилософией Русско-евразийского пространства. Согласно этой концепции историческая Россия — это не та Россия, которую подвергли вивисекции так называемые демократические силы, а это некое историческое пространство, где совершались колоссальные по своему размаху и напряжению этнические процессы и где проходила так называемая евразийская ось истории (это примерно на широте 50-й параллели). Вокруг этой евразийской оси истории группировались в свое время и скифы, и гунны, и тюрки, и монголы. И все это наложило серьезный отпечаток на судьбу России. В течение последних трехсот лет Россия включила в себя большую часть этих пространств и существовала и еще в какой-то мере существует как евразийская, точнее, как русско-евразийская держава. Об этом, как вы знаете, много писал и Л.Н.Гумилев, принявший эстафету евразийства у П.Н.Савицкого, с которым они вместе сидели в сталинских лагерях. Должен сказать, что мне очень повезло в жизни, потому что у меня было два учителя: Ю.Н.Рерих и Л.Н.Гумилев.

Другая важная концепция, которая, так же как и евразийская, стала предметом моих научных изысканий благодаря моему учителю Ю.Н.Рериху, связана с проблемой времени и с его работой «К изучению Калачакры». Дело в том, что одна часть этой эзотерической доктрины может считаться экзотерической, то есть в какой-то мере доступной простому смертному, и эта часть связана с астрономией и с хронологией, с проблемой календаря. А проблема календаря непосредственно касается 60-летнего «звериного» цикла. Юрий Николаевич, который очень интересовался проблемой времени, вкратце мне объяснил, что такое этот цикл и сколько времени он существует в Евразии.

Что же в итоге я усвоил и попытался потом воплотить? Если помните, в стихотворении, которое я вначале прочитал, есть такое выражение: «Кружение времен и закат Калачакр». Калачакра, как вы знаете, в переводе с санскрита означает Колесо времени. Это Колесо времени представляет собой своего рода модель того, что происходит в сознании человека и в сознании этноса, в сознании культуры на протяжении ее исторического развития. А что же происходит? Происходит кружение вокруг какой-то определенной безусловной ценности. Эта ценность неподвластна течению исторического, эмпирического, хронологического времени. Эта ценность и есть то зерно культуры, тот культ — буддийский, христианский, исламский — любой иной, вокруг которого вращается человеческое сознание, сознание общества. Если существует святыня — существует человек, существует народ, существует нация, существует государство. Если святыня выбивается — нет ни государства, ни нации, ни народа, происходит распад личности. Исходя из этой концепции Калачакры, которую дал мне Юрий Николаевич, я уже после его ухода сделал следующий вывод: существуют некие священные ритмы великих мировых религий, которые позволяют бороться с хаосом, энтропией времени и таким образом сохранять цивилизацию, культуру. Пока мы приносим дань исторической памяти, время против этой памяти бессильно. Эту закономерность нетрудно осознать именно сегодня, когда мы отмечаем столетие Юрия Николаевича и в каком-то смысле он как бы сопричастен здесь с нами. Это есть реальная историческая память, тот анамнезис, без которого невозможны культура и традиции.

Более сорока лет я занимаюсь проблемой священных ритмов культур. И мне удалось, как мне кажется, построить несколько моделей культур по принципу литургических парадигм. Иными словами, это модели того, как цивилизация представляет самое себя в духовном плане. Я назвал это «Священные ритмы мировых религий». И хочу вам для примера три таких модели показать, чтобы вы увидели, как эти ритмы проявляют себя в зороастрийской, буддийской культуре, в христианской православной цивилизации. Как вы сами можете убедиться, везде действует один и тот же принцип.

Благодарю вас за внимание и в заключение хочу прочесть четыре строчки из стихотворения, которое я посвятил Юрию Николаевичу Рериху. Оно называется «Евразия в огне». Завершаются стихи так:

*Евразия в огне!
Святая часть земли несокрушима.
Евразия в огне!
Крещеньем огненным озарена.
Георгий на коне
Проносится неслышно и незримо,
Вдевая ногу мне
В звенящие золотые стремяна!*

К.А.МОЛЧАНОВА,

*председатель Эстонского общества имени Н.К.Рериха,
Таллинн, Эстония*

НОСИТЕЛЬ СИНТЕЗА, ИЛИ УЛЫБКА ИСТИНЫ. ИЗ ЗАНОВО ОСМЫСЛЕННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О Ю.Н.РЕРИХЕ

Общеизвестно, что Юрий Николаевич Рерих был исключительно широко образованным человеком и ученым. Историк, археолог, этнограф, искусствовед, филолог — индолог, санскритолог, тибетолог, монголовед, — он был одновременно очень чутким и тонким психологом.

В своих воспоминаниях о Ю.Н.Рерихе все знавшие его или встречавшиеся с ним отмечают одно и то же: *человек необычный*. Притягательной силой Юрия Николаевича была, конечно, духовность. И как ученый он владел двумя путями Знания: научным в западной традиции, или интеллектуальным, и восточным, или духовным, не исследованным и не объясненным в терминах современной науки. Мой опыт общения с Юрием Николаевичем выразился именно в духовном пути познания.

Нелегкая задача — изложить словами то, что именно словесному выражению пока не поддается, а постигается только в непосредственном общении.

Мне было уже двадцать семь лет, когда летом 1959 года мы с дочерью Павла Федоровича Беликова, Леной, поехали из Таллинна через Москву в Крым, впервые в жизни так далеко от дома. Павел Федорович дал нам с собой письмо и книгу, чтобы в Москве был повод зайти к Юрию Николаевичу. Позвонить Юрию Николаевичу ни одна из нас не решалась. Хотя встреча нужна была мне, я настояла, чтобы позвонила Лена как дочь Павла Федоровича. Она представилась, забыв упомянуть обо мне.

Итак, когда мы, опоздав на полчаса, позвонили у двери, Юрий Николаевич с поклоном открыл ее сам, тихо и едва заметно взглянув на меня, пожал нам руки и стремительной походкой мгновенно провел в свой кабинет. Статный, но небольшого роста, он четкими движениями сходу усадил нас возле края письменного стола и сел тут же поодаль.

В те дни в Третьяковской галерее только что открылась вторая, организованная Юрием Николаевичем выставка картин Н.К.Рериха, – в залах, смежных с экспозицией икон Андрея Рублева. Мы уже побывали там, поэтому речь зашла о картинах. Юрий Николаевич поинтересовался, что понравилось мне больше всего. Конечно, поразила картина «Бэда-Проповедник». Неожиданно было увидеть живописный образ поэмы Я.П.Полонского, от которой в детстве получила потрясение. Но Юрию Николаевичу почему-то ответила, что больше всего понравилась картина «Ковер-самолет», что поражаюсь чистоте красок на картинах Николая Константиновича. Юрий Николаевич выразил удовольствие от того, что Рерих и Рублев выставлены рядом, ведь они созвучны, потому что оба художника не смешивали краски. Чистота так роднит их!.. А вот здесь, в кабинете, над входной дверью – картина «Гесэр-хан». Она пламенеет. «И какие необъятные просторы!» – говорит Юрий Николаевич. Отвечаю по-своему: «Какая даль!». И он сразу же подхватывает четко: «Даль! Да, даль!». Смущаюсь этому, сажусь на место и вижу не глаза Юрия Николаевича, а глаза Спаса, необъятно открытые, приившие в себя своим теплом все, что есть я. Сердце мгновенно наполнилось благодатью. В забвении всего окружающего я видела-переживала только яркий Свет. Все слилось в один миг или, наоборот, превратилось в вечность. Я была выведена из трехмерного состояния. Сколько это длилось, не знаю. Только вдруг внутренний голос сказал: «Нельзя так долго сидеть и столько времени отнимать у такого занятого человека!». И я очнулась. Посмотрела на Лену. Она сидела нагнув голову и не шевелилась. Когда я снова повернулась к Юрию Николаевичу, те же глаза Спаса смотрели на меня, но совершенно иначе – настолько строго, что сердце вздрогнуло от этой суровости. И все же я опять впала в забвение... И вот снова появилось беспокойство: «Нельзя так много отнимать драгоценного времени!». Я вскочила с места. Сразу же поднялись и Юрий Николаевич, и Лена. Но тут же снова забылась, и сколько мы простояли так, не знаю. Но очнулась только тогда, когда внутренний голос опять забеспокоился: «Нельзя больше. Надо идти». Юрий Николаевич стоял склонив голову.. Я быстро пошла вперед. В прихожей обернулась у входной двери. Так же, как и при встрече, Юрий Николаевич тихо, с низким поклоном пожал нам руки.

В тишине молчания встречи Юрий Николаевич ответил на мой безмолвный вопрос о смысле жизни. Его душа улыбнулась улыбкой понимания, а моя — оказалась на Солнце в лучах тепла и Света. Мой дух обогатился знанием огненной основы, разлитой во всей Природе. Ученый — Иерарх Знания дал мне лучшее из того, что имел, — улыбку Истины.

В дальнейшем ничего подобного при новых встречах с Юрием Николаевичем уже не повторялось. Значит, надо работать над нравственным самоусовершенствованием и ни на кого не возлагаться, верить в Будущее и мужественно восходить!

Однако нечто не менее удивительное для меня произошло на открытии выставки картин С.Н.Рериха в 1960 году. Это была самая первая персональная выставка художника Святослава Рериха в СССР. 11 мая в Музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина я стояла внутри тесной толпы. Вдруг передо мной появился Юрий Николаевич. «Идемте, я проведу Вас в конец экспозиции, где еще никого не будет». Мы быстро проходим в последний и, как оказалось, самый большой зал выставки. Вскоре толпа хлынула и в этот зал. Стало тесно и не видно картин. Святослав Николаевич ходит от картины к картине, плотно окруженный людьми. Тесно. Душно. Вокруг праздничный гул. Вдруг снова передо мной Юрий Николаевич! «Ну, как? Вы уже познакомились с моим Братом?» — «Что Вы! Я даже не предполагала, что это можно сделать!» — «Напрасно! Он был бы рад. Всегда рад каждой такой встрече». Я в смятении. «Хорошо, приходите тогда завтра, я познакомлю Вас дома!»

И вот я там, у Юрия Николаевича, вместе с другими гостями. Входят Святослав Николаевич и Девика Рани. Они очень приветливы, душевно внимательны. Никакой отчужденности, которая раньше рисовалась моему воображению. Юрий Николаевич счастлив, он светится радостью, нежностью, но сдержан в общении. Не видела, чтобы Юрий Николаевич притянул кого-то к себе и обнял или положил руку на плечо. Святослав Николаевич — наоборот, щедрый на ласки. Все шутят, ведут себя естественно и просто. Временами Девика Рани обращается к Юрию Николаевичу не на английском языке, а на хинди или бенгали и по-немецки. Слушаю голос Юрия Николаевича — идеальная русская речь. Она лилась настолько естественно и плавно, что переход на другой язык был созвучен и незаметен.

Он отвечал бережно и с доброй улыбкой. Стройность внешнего облика Юрия Николаевича сочеталась с душевной гармонией. В нем не было ничего, что не соответствовало бы его внутреннему содержанию. Я наблюдала воплощение совершенного Человека, в котором господствовал синтез духа и сердца, проявлялась удивительная чуткость в общении.

Влияние личности Юрия Николаевича распространялось, как мощная незримая сила. Поэтому можно утверждать, что в лице этого Ученого наука не была отделена от высших Основ Бытия. Он владел искусством знания жизни и человека, культурой духа и мысли. Только такой ученый мог беззвучно ответить на незаданный вопрос о смысле жизни. Юрий Николаевич показал мне возможности человеческого организма, научные возможности будущего, Великим Вестником которого он был.

И.Р.РУДЗИТЕ,

*член Союза художников России,
Барнаул*

О МОИХ ВСТРЕЧАХ С Ю.Н.РЕРИХОМ

В моей жизни было несколько встреч с духовными подвижниками, с людьми, исполненными благодати, общение с которыми всегда рождает ощущение незабываемого, всепроникающего света, исходящего от них. Первый раз этот свет я почувствовала в студенческие годы во время встреч с Ю.Н.Рерихом. Мой отец, латышский поэт, писатель и переводчик Рихард Яковлевич Рудзитис, будучи членом Латвийского рериховского общества, регулярно переписывался с семьей Рерихов, с которыми его связывала глубокая дружба. И когда Юрию Николаевичу, единственному из семьи, удалось наконец вернуться на родину в 1957 году, мы с отцом и сестрой Гунтой имели возможность в течение трех лет часто ездить в Москву и встречаться с ним. Сейчас, оглядываясь на свою жизнь, осмысливая свой внутренний опыт, я ясно осознаю, что на заре моей жизни Юрий Николаевич явился моим духовным наставником.

Первый раз я увидела Юрия Николаевича 23 сентября 1957 года в его квартире на Ленинском проспекте. Светлое лицо, по-азиатски выступающие скулы, коротко стриженная седеющая бородка, гладко причесанные волосы, взлет черных крылатых бровей и пронизывающий насквозь взгляд. От его выразительных прозорливых глаз исходил тот благодатный свет, под лучами которого ты вдруг начинаешь вибрировать, чувствуя, как трепетно раскрывается твое сердце, как всего тебя переполняют радость, вдохновение, сила. Робость, застенчивость юности, мучительное чувство неполноценности исчезают, и ты начинаешь чувствовать себя, как равный с известным всему миру ученым. Этот свет перерождает тебя, наполняет желанием совершить что-то полезное, послужить для людей.

Юрий Николаевич обладал необыкновенной широтой сознания и подвижностью мышления. С учеными разных специальностей он мог говорить по сугубо профессиональным вопросам, а с нами — от самого сокровенного до каждодневных земных про-

блем. Он имел энциклопедические познания в области истории культуры Востока. Обладая духовным синтезом, мог дать мудрое резюме и внести полную ясность буквально по любому вопросу.

Он побывал во многих государствах. Учился в Лондоне и США, работал в Париже, с экспедициями прошел через всю Центральную Азию, долго жил в Индии, работал в Западном Тибете, Маньчжурии, Монголии и Китае. Мы нередко слышали от него интересные и смелые заключения о многих странах. Но через все свои странствия, как самое дорогое, он пронес любовь к Родине. И хотя в середине 1950-х годов уже вступил в силу разработанный Даллесом план против СССР и весь мир ополчился против России, Юрий Николаевич часто говорил о значении ее духовного расцвета для всего мира. Ученый с большой убежденностью утверждал: все лучшее притянуто к магниту России. Он верил в Россию, издавна названной Святой Русью, верил в значение ее духовной крепости. Незыблемо верил в значение России для спасения всего мира. Об этом еще в 1935 году писала его мать Е.И.Рерих: «Расцвет России есть залог благоденствия и мира всего мира. Гибель России есть гибель всего мира». Кое-кто уже начинает это осознать, хотя еще совсем недавно все думали обратное — что гибель России есть спасение мира, и прикладывали свои старания к тому, чтобы разложить и расчлениить ее по мере возможностей.

Вернувшись в Москву, Юрий Николаевич наблюдал длинные очереди около музеев — Третьяковки, Пушкинского; по вечерам — ажиотаж у Большого театра, у Театра на Таганке или у «Современника»; переполненные библиотеки; читающих молодых людей в метро, в троллейбусах. Когда он выступал с лекциями, в студенческие аудитории собиралось столько слушателей, что просто яблоку было негде упасть: люди стояли в проходах, по стенам, толпились в открытых дверях. После лекции задавали множество вопросов. Потому он так часто говорил о том, что у русской молодежи есть искания, есть интересы, она самостоятельно мыслит. Радовался, что русский язык становится международным, что ученые и работники культуры за рубежом на совещаниях начинают пользоваться русским языком.

Часто с грустью Юрий Николаевич говорил о том, что все же мир неминуемо приближается к катастрофе. Предотвратить ее нельзя, потому что слишком велика деградация, особенно в Англии, Германии, Северной Америке. Это накапливалось веками. Земные

наслаждения, вожделения и богатство — основные враги духовности, и этим живет большинство людей западных стран. Он предвидел, что это разложение может дойти и до нас. «Среди большинства американцев — цивилизация, но не культура. Америка повсюду распространяет свой яд, разложение. Особенно своими отрицательными фильмами, также и пропагандой богатой жизни, где вино и наслаждения. Духовная деградация — это знаки времени, то, что уже давно было предсказано. Перед большими событиями появляются тени и уходят». Помню, как Рихард Яковлевич, мой отец, добавил: «Живые мертвецы». — «Именно так», — согласился Юрий Николаевич.

Когда зашла речь о русском героизме, Юрий Николаевич сказал, что в Западной Европе рушится понятие героизма. Говоря о русских людях, он отметил: «Если человек морален, он таким будет в любых ситуациях. Сделать так, чтобы человек стал храбрым, совершил подвиг, нельзя. Это уже заложено у него в потенциале». Но добавил, что «у русских подвиг пока еще соединен с грубостью, в сознании еще не утвердилась связь между подвигом и культурой». Также повторял мысли своих родителей о понимании русского слова *подвиг* как жертвенности. Неоднократно Юрий Николаевич с отцом пробовали перевести это слово на многие другие языки, но так и не нашли эквивалента. В какой-то мере этому соответствует слово *heroism* — русское *героизм*, хотя по смыслу оно несколько беднее.

Еще и еще в беседах Юрий Николаевич подчеркивал: «Надо смотреть на Восток, а не на Запад». Из беседы в беседу повторял: «Город будущего и музей надо строить на чистой земле, на Алтае — там следующий центр». «Музей будет здесь, в Москве, и на Алтае», — утверждал ученый.

Юрий Николаевич говорил о том, что многое уже было предвидено. Как, например, освоение целинных земель на Алтае, хотя несколько по-другому оно реализуется. Был убежден, что у молодых русских людей есть тяга к подвигу, и потому так много молодежи добровольно едет в Сибирь на новостройки и нераспаханные земли. «Новые люди на новом месте. Все, у кого есть возможность, пусть едут на Алтай. Когда представится возможность, не откажитесь поехать. В Новосибирске усиливается филиал Академии наук. Я охотно поехал бы туда. Про Алтай — это решено», — с большой убежденностью говорил Юрий Николаевич.

Как и вся семья, Юрий Николаевич и его брат Святослав в детстве были крещены и воспитывались в православии. В то время воспитывать детей так, чтобы они по-настоящему почувствовали и поняли основы родной православной веры, было совсем непростой задачей. Об этом впоследствии писала Елена Ивановна: *«Как вы, может быть, помните, я всегда держалась довольно далеко от церкви и ее представителей. Именно из-за желания охранить в своих сыновьях уважение к своей религии до тех пор, пока сознание их достаточно окрепнет и они уже вполне зрело смогут оценить все то прекрасное, что заключается в ней, и в то же время спокойно смотреть на отрицательные проявления ее. Именно без того, чтобы последнее пагубно отразилось на их отношении к религии вообще. И считаю, что в этом я преуспела, ибо оба мои сына глубоко религиозны и носят в духе свою церковь»* (письмо от 6.06.35).

Свое понимание церкви и отношение к ней Елена Ивановна высказала в том же письме: *«Живой церковью я называю церковь, следующую истинным заветам Христа, во все терпимости их. Церковь, устремленную к объединению, а не к разъединению. Именно, где любовь Христова положена в основу. Но нет Христа там, где проявлена хотя бы тень нетерпимости или изуверства»*.

Вместе с родителями у колыбели Юрия Николаевича стоял духовник семьи Рерихов — великий молитвенник о. Иоанн Кронштадтский. С большим трепетом Юрий Николаевич рассказывал о встречах с этим светочем России. «Отец Иоанн Кронштадтский посещал не только семью Николая Константиновича. Он часто приезжал в гости и к бабушке Елены Ивановны. Однажды он спас мою тетю, тогда еще ребенка, от смерти. Когда она заболела холерой, был приглашен отец Иоанн Кронштадтский. Он сказал: «Оставьте меня одного с девочкой». Пробыл с нею наедине полчаса, вышел и сразу уехал. Когда родственники зашли в комнату, они увидели, что девочка лежит спокойно, больше не мечется в жару, кризис миновал».

Еще Юрий Николаевич вспоминал случай с родственницей Елены Ивановны, шестнадцатилетней девушкой, которая не могла ходить и была чудесно излечена молитвой бабушки перед чудотворной иконой Богородицы. Когда сначала молитва не помогла, бабушка с воодушевлением взяла икону, подошла к девушке и сказала: «Не я сама, но Владычица тебе говорит: «Вставай и ходи!». После этого девушка поднялась. Сначала ее сильно шатало, но она начала ходить.

Всю жизнь Юрий Николаевич носил на груди крест. Об этом говорила Ираида Михайловна Богданова – одна из помощниц по хозяйству семьи Рерихов.

Так случилось, что открытие первой выставки картин Николая Константиновича в Москве, состоявшееся 12 апреля 1958 года, совпало с праздником православной Пасхи. Я и моя сестра Гунта обедали в этот день у Юрия Николаевича, праздничный стол украшали кулич, пасха, крашеные яйца. По дороге на выставку Юрий Николаевич с нескрываемой радостью обратил наше внимание на толпы людей, стоящих около переполненных храмов. После первой поездки в Троице-Сергиеву Лавру он радостно делился с нами своими впечатлениями: «Храм Святой Троицы великолепный. Хор звучал мощно. Было много молодежи и военных». Уже не однажды побывав в Троице-Сергиевой Лавре, Юрий Николаевич рассказывал моему отцу, что там, в Духовной семинарии, студенты-семинаристы поведали ему, что они знакомятся с трудами Николая Константиновича, причем не только читают, но и изучают. Знали мы и о том, что большая картина Николая Константиновича «Святой Сергий Радонежский. Трижды спасет» привезена из Праги и находится в запасниках Третьяковской галереи. Ему рассказывали, что она выставлена у стены, открыта и работники галереи, когда идут в это помещение, говорят: «Пойдем к Сергию». Подходят, крестятся, иногда опускаются на колени. Что касается надписи на картине на старославянском языке: «Суждено Преподобному Сергию Радонежскому трижды спасти Русь. Первый раз при Дмитриии. Второй при Минине. Третий...», то мы думали, что третий раз относится к событиям второй мировой войны. Ведь немецкие войска в 1941 году дошли до Лавры, но непостижимым образом ее не взяли и повернули назад. С этого момента наметился перелом в войне. «А может быть, третий раз еще впереди?» – спросил мой отец. Юрий Николаевич молча утвердительно наклонил голову.

Как-то Юрий Николаевич упомянул о том, что в начале войны, когда наши войска отступали, Елена Ивановна успокаивала сыновей, говоря: «Немцы не возьмут ни Москву, ни Ленинград. Свершится чудо». И чудо охранения этих городов совершилось после того, как около Ленинграда крестным ходом была пронесена икона Казанской Божьей Матери, а маршал Г.К.Жуков с этой же иконой облетел на самолете Москву.

Юрий Николаевич говорил: «Большие энергии нисходят на землю. Будут большие сдвиги. Прилив этих энергий пробуждает и накал сил, противодействующих пропаганде атеизма». А однажды заметил, что, по его наблюдениям, именно наиболее воинствующие атеисты являются более просвещенными в религии. Очевидно, что в основном борются против западных тенденций — католиков и баптистов, которые связаны с границей, а православную церковь не трогают. Также теперь и буддистов оставляют в покое. В Ленинграде уже идет речь о восстановлении буддийского храма, в сооружении которого участвовал Николай Константинович.

Последние три года, живя в России, Юрий Николаевич всеми силами боролся за восстановление подлинной, религиозной основы культуры, как русской, так и индийской, восточной. До самого последнего дня своей жизни он отстаивал издание серии произведений классической буддийской религиозной литературы, против чего выступали многие закоренелые атеисты-чиновники. При нем, под его редакцией, издали «Дхаммападу» (1960) и уже после его смерти — «Гирлянду Джатак, или Сказание о подвигах Бодхисаттвы» (1962).

Очень деликатный по натуре и воспитанию, Юрий Николаевич при необходимости мог быть твердым и непреклонным. Когда ему дали на рецензию атеистически написанную книгу об индийской философии, он отказался, назвав ее ужасной, и предложил изъять из оборота. В другой раз, когда в одном столичном журнале были напечатаны негативные заметки о Николае Рерихе, Юрий Николаевич пошел в редакцию спросить автора, что он имеет против Николая Константиновича. Когда тот признался, что выступал только против религиозных воззрений художника, Юрий Николаевич сказал: «Принимайте его таким, каков он есть, или вообще о нем не пишите».

В наших беседах часто затрагивалась тема о настоящей, подлинной духовности. Юрий Николаевич был убежден, что главное — это внутренний облик. Подвижник тот, у кого все стороны его индивидуальности уже соответствуют его кредо.

Однажды разговор зашел о том, что сейчас многие для достижения духовности и высших ощущений прибегают к искусственным, ритуальным или механическим способам, игнорируя самое главное — нравственное очищение. Юрий Николаевич советовал

в течение дня «оставить время для молчания духа, в безмолвии открыть сердце указу Владыки». И добавлял, что «иногда своими желаниями мы заглушаем голос Учителя». «Молчание духа» практикуют как на Западе, так и на Востоке. Очень хорошо, если человек несколько раз в день освобождается от власти суеты и на несколько минут концентрируется на Высшем. Но одно это не может дать видимых результатов. Юрий Николаевич советовал прежде всего перестроить и очистить всю свою жизнь, в основу которой должны быть положены высокая нравственность, знание, искусство, красота и служение людям. Духовность не так легко достижима. К сожалению, если человек не чист в своих мыслях и чувствах, первые малые достижения, малые «сверхсилы», добытые путем концентрации, часто пробуждают в человеке гордыню, подогревают его самость со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями. Потому самое главное — освобождение человека от отрицательных качеств, его внутренняя чистота, его бескорыстие.

Многим известно, что существует кратчайший, «царский», путь высшего преображения сознания — через смирение и непрестанное творение Иисусовой молитвы. Этим путем стараются идти многие как в России, так и в Индии. Иисусову молитву, или умное делание, Юрий Николаевич сравнивал с практикуемой на Востоке пранаямой. Он говорил: «Это та же пранаяма — «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Ритмичный способ дыхания: вдох, задержка, выдыхание. Эту молитву надо поместить в сердце. Ритм молитвы в сердце никогда больше не должен умолкать, стать нормой, частью повседневного. Но, к сожалению, в Индии многие практикуют пранаяму, умное делание, без очищения. Достигают чрезмерного эмоционального подъема, после которого следует быстрый спад и психические расстройства».

Когда обсуждали изречение «Сознание красоты очень редко живет среди духовности», Юрий Николаевич привел слова Елены Ивановны, что «чувство красоты — настоящая проба. Если человек истинно духовен, то у него должно быть и чувство красоты». Потом добавил: «Иногда духовность слишком интеллектуальна. Такая, которая не вмещает красоты». Это особенно актуально в наши дни, в условиях господства так называемой массовой культуры и пошлости, невообразимой безвкусицы, когда под знаком «культуры» наблюдается полная атрофия чувства красоты.

Как обязательное качество истинной духовности Юрий Николаевич называл чувствознание. Юрий Николаевич определенно отмечал: «Без чувствознания никого нельзя назвать духовным. Многие люди направлены лишь интеллектуально и не распознают людей». В качестве примера высокой духовности и чувствознания Юрий Николаевич неоднократно упоминал о Иоанна Кронштадтского.

Критикуя чрезмерную интеллектуальность, Юрий Николаевич утверждал, однако, что единственной силой, с помощью которой сегодня можно приобщить человечество к духовности, является наука. «Знания теперь очень нужны», — повторял он.

На протяжении трех лет мы ни разу не слышали из уст Юрия Николаевича ни одной цитаты из книг Учения, казалось, что он их даже не читает. Для него было чуждо шеголянье цитатами. Он говорил: «Западные люди говорят высокие слова, а живут обыденной жизнью. Оттого Запад не преуспевает. Напротив, Восток узнанное сразу применяет в жизни».

Имея в виду условия хрущевского атеизма и ограничения области духовного, кто-то из друзей спросил Юрия Николаевича: «Что же делать?». Юрий Николаевич ответил: «Принимая во внимание современные условия и возможности, стараться говорить на понятном языке, с помощью искусства, науки, морали воздействовать на окружающее, поднимать энтузиазм и героизм, если они направлены на общее благо».

Живя в Москве, Юрий Николаевич постепенно установил широкие связи с советской интеллигенцией. Однажды сообщил моему отцу, что книги Живой Этики уже путешествуют по Москве. Писатели Константин Паустовский, Леонид Леонов, Иван Ефремов; многие ученые, и среди них профессор химии из Киева В.А.Вераксо, интересуются Рерихами, читают книги Учения.

В то время мы часто бывали у скульпторов-теософов из круга Максимилиана Волошина — Ариадны Арндт и Анатолия Григорьева, а также у ваятеля-анималиста академика В.А.Ватагина. Арндт и Григорьев познакомились с Юрием Николаевичем и даже работали над портретом ученого, лепили его с натуры. Мы узнали, что Волошин в 1926 году приходил в Москве к Рерихам и от них уже в то время получил книги Учения. Все они были высоконравственными, очень мужественными, православными людьми. Юрий Николаевич упоминал,

что теософами были Михаил Чехов, К.С.Станиславский, В.И.Качалов, А.Н.Скрябин, В.М.Бехтерев и другие представители русской культуры.

Несмотря на особую деликатность и любовь к людям, на необычайную терпимость к их недостаткам, все же как-то Юрий Николаевич попросил моего отца, если только это возможно, не приводить к нему людей неуравновешенных, психистов, контактеров, которых уже в то время было немало в кругах разного рода оккультистов. Очевидно, ученый страдал от их присутствия.

Когда говорили о друзьях семьи Рерихов, живущих за рубежом, касались и известного в настоящее время Б.Н.Абрамова, ученика Николая Константиновича. Именно в то время он приехал из Харбина и поселился в Новосибирске. Рихард Яковлевич тоже переписывался с ним. О нем Юрий Николаевич высказался определенно положительно: «Настоящий человек», несмотря на то, что упомянул и его слабое место. Когда Абрамов узнал об уходе Елены Ивановны, он воспринял это как большой удар и в отчаянии писал Юрию Николаевичу, что после ухода Елены Ивановны «все рухнуло. Что же делать?». Юрий Николаевич ответил: «Вы ведь старый солдат и знаете, как действовать после смерти военачальника».

Через Юрия Николаевича в то время мы познакомились с художником, инженером В.Т.Черноволенко и его супругой Марией Филипповной. Поразили картины Виктора Тихоновича – гармоничное сочетание многоцветных пятен с переливами темных тонов, их ритмика, гирлянды звезд, жемчужных вспышек и бусинок, фантастические цветы и силуэты человеческих фигур. В какой-то мере эти композиции напомнили мне некоторые иллюстрации книги о мыслеформах. И я открыла для себя яркий пример фиксации художником разнообразных форм Тонкого мира. Тем более, сам автор говорил, что это не фантазия, что он видит эти композиции.

Не меньше удивляла его музыка. Не зная даже элементарной музыкальной грамоты, он садился за рояль и играл под настроенные присутствующих. Когда мы пришли в первый раз, у Черноволенко еще не было рояля, Виктор Тихонович ходил играть к соседям. Поэтому мы слушали лишь магнитофонные записи. Только позже мы смогли непосредственно слушать его феноменальную игру на рояле, сложнейшие импровизации, временами напоминавшие мне что-то из произведений Скрябина и Стравинского.

Его супруга нам говорила о том, что Юрий Николаевич дал им книги Живой Этики и они читают «Листы Сада Мории», начинают углубляться в Учение. О музыкальных композициях Виктора Черноволенко Юрий Николаевич сказал: «У Виктора Тихоновича — музыка пространства. Некоторые вещи он играет с большим настроением». Рихард Яковлевич предположил, что у Черноволенко развит центр яснослышания, центр колокола, посредством которого он воспринимает музыку, с чем Юрий Николаевич согласился.

Во время множества встреч в его квартире на Ленинском проспекте, на выставках Николая Константиновича в Москве и Ленинграде, в Летнем саду, когда отец отказался от встреч в гостинице из-за возможного прослушивания, говорили очень много, но крайне редко и крайне бережно о сокровенном. Юрия Николаевича отличала полная охраняемость всего сокровенного, присущая восточным людям. «Мы, восточные люди, не говорим о сокровенном», — как-то заметил Юрий Николаевич. В другой раз о том же: «Восточные люди очень боятся произнести сокровенное. Лучше даже солгут, чем предадут». Если при нем кто-то рассказывал о допущенных кем-то кощунствах, глаза его становились печальными и он замолкал.

Некоторые картины отца после первой выставки в апреле 1958 года Юрий Николаевич держал у себя, как самые родные, близкие, как иконы. Например, последний вариант картины «Святой Сергий-строитель» с изображением самого дорогого для Юрия Николаевича образа Преподобного Сергия Радонежского, труженика-строителя. Та же насыщенная духовная синева предстает и в другой сокровенной картине «Сожжение тьмы». Висели у него и «Тень Учителя», «Христос у Генисаретского озера», над дверью кабинета — любимая «Гессэр-хан». А в своей маленькой спальне, подальше от посторонних глаз, как самая родная ему, «Держательница Мира» — образ матери, его матери, несущей лапидар с «камнем драгим».

О матери Юрий Николаевич говорил очень мало, с особым трепетом и деликатностью. Больше рассказывали сестры Богдановы. Когда Юрий Николаевич должен был по делам уходить, мы обращались к ним со множеством вопросов. Сквозь слезы Людмила Михайловна говорила: «Все лучшее, что человеку можно приписать, относится к Елене Ивановне. Она самая замечательная женщина. Но говорить о ней — значит умалять, можно только

ее любить». А Юрий Николаевич однажды сказал моему отцу: «Это только для Вас и для самых ближайших по Вашему усмотрению» – и коротко поведал об уходе матери и церемонии ее кремации. О матери он не разрешал никому писать, кроме как моему отцу и Зинаиде Григорьевне Фосдик, у которых, по его мнению, достаточно деликатности и чувствознания. В своей спальне, куда почти никто не входил и куда лишь однажды сестры Богдановы пригласили Гунту, а мы с отцом входили лишь позже, уже после кончины великого ученого, Юрий Николаевич держал самое святое: иконы, танки, очень для него дорогую бронзовую статуэтку Будды, фотографии матери, отца, брата и других близких. Сокровенные портреты и особенно значимые реликвии никогда не были выставлены открыто.

Конечно, самое большое воздействие на окружающих людей оказывал личный пример ученого. Если он что-то деликатно советовал, это был прежде всего его опыт, то, что он применял на себе ежедневно, что стало частью обычного, повседневного. Он знал, что значит оставить время для молчания духа, что значит умное делание, что значит поместить молитву в сердце, чтобы та стала неотъемлемой частью жизни, чтобы сердце тайно, незаметно для других, непрестанно, ежедневно пребывало в молитвенном состоянии. Тогда интеллект может спокойно заниматься своими обыкновенными делами, не нарушая ритма внутренних вибраций сердца.

С самого детства он был воспитан на примерах великих русских подвижников: Святого Преподобного Сергия Радонежского и Святого Серафима Саровского. А позже приблизился к мудрецам Востока. И прекрасно осознал, что, несмотря на огромную пользу знаний, просвещения, изменить, совершенствовать и возвысить сознание можно лишь вибрациями сердца, полученными из Великого Источника. Недаром его брат Святослав Николаевич, особенно в последние годы своей жизни, держал в руке четки, помогавшие ему творить непрестанную молитву, по наставлению святого старца – отца Нектария из Ельца, и со слезами молился Святому Серафиму Саровскому.

Юрий Николаевич часто страдал на собраниях в прокуренных помещениях, на что лишь единственный раз как-то пожаловался. Очень не хватало для него праны подножий Гималаев. На второй год после возвращения в Россию он заболел малокровием и в поисках

праны выходил погулять до восхода солнца на университетском бульваре. Работал, работал непрестанно, не торопясь, гармонично, по мере сил и возможностей, забывая себя, поверх личного, для присутствующих незаметно, тайно держа в своем сердце ритм непрестанной молитвы.

Юрий Николаевич ушел из жизни скоропостижно, неожиданно для всех, в расцвете сил. Сразу же после его ухода сестры Богдановы подарили мне его последнюю фотографию и сказали, что это единственная, больше такой нет. Его лицо на этой фотографии исполнено глубокой тишины и нигде прежде не замеченной большой скорби. Потом, в других фотографиях, я пыталась найти его, такого мне дорогого, но не смогла — не он, не он... Где-то — частица от его доброго лукавства, где-то — от его спокойной мудрости, где-то — от неожиданной подвижности его взгляда, но это всего лишь частицы. Немного больше от Юрия Николаевича в коротеньком фильме А.Н.Зелинского, который он показал нам позже. Но все же и там осталось так мало от него. Он ушел от нас, ушел далеко...

Но что мне особенно запомнилось в Юрии Николаевиче, это когда мы заговорили о самом сокровенном и глаза его тогда стали бездонными, уходящими в беспредельность веков, словно огромные черные таинственные зрачки масок саркофагов древнеегипетских гробниц...

Е.Н.МОЛОДЦОВА,

кандидат философских наук,

Институт истории естествознания и техники РАН,

Москва

ЛИЧНОСТНЫЕ МЕТОДЫ ПЕРЕДАЧИ ЗНАНИЯ В НАУЧНОЙ ШКОЛЕ Ю.Н.РЕРИХА

Выработанные древней традицией и продолженные в современность знания Индии и Тибета, которые в совершенстве изучил Ю.Н.Рерих, сильно отличаются от типа знания, свойственного научной культуре Европы. Соответственно они требуют разных способов трансляции. Если обучать древней мудрости так, как мы обучаем современной науке, то неизбежна утрата внутренней сути этой мудрости. Древние знания нельзя изучать по частям, ибо они представляют собой неразрывную целостность, которая не постигается привычным для нас способом, но требует внутреннего постижения, одномоментного схватывания. Для этого недостаточно развития одного только ума, необходимы тренировка и преобразование личности в целом.

Именно таким тренингом и занимался в своей педагогической деятельности Ю.Н.Рерих, передав этот навык своим ученикам. От ученика требовались мужество, стойкость, вера в Учителя и безоговорочная ему преданность. Обучая древним восточным языкам, Юрий Николаевич не забывал и про современные западные. При этом он прежде всего снимал столь свойственный человеку психологический барьер перед чужим языком — тем, что бесстрашно погружал сразу в языковую стихию. Дело в том, что при знании санскрита и хотя бы одного из европейских языков чтение текстов на других европейских языках, принадлежащих к индо-европейской группе, не представляет особой трудности, нужно лишь, образно говоря, бросить человека в воды языковой стихии. Именно это и делал Юрий Николаевич, когда, пользуясь своим непререкаемым авторитетом Учителя, требовал от учеников проштудировать до завтра статью, скажем, на венгерском языке, оставаясь совершенно глухим к ропоту обучаемых, не знавших ни слова по-венгерски. Ослушаться Учителя, не выполнить

его требования было невозможно, зато, выполнив задание, ученики на личном опыте убеждались, насколько сфера возможного шире, чем им казалось.

Благодаря этому методу погружения в язык очень скоро переходили к чтению оригинальных текстов. Причем с современными текстами на западных языках ученик работал самостоятельно, поскольку они содержат в себе информацию, рассчитанную на всех, общедоступную, древние же восточные писания разбирались под неперменным руководством Учителя, как это испокон веков было принято на Востоке. Ибо тексты такого рода не несут в себе всей полноты информации, которая передается только из уст в уста, и, будучи принципиально многозначными, не имеют единственного толкования, единственной интерпретации. Они открываются человеку в соответствии с уровнем его сознания, который, как известно, является величиной переменной. И именно поэтому они никогда не могут быть верно прочитаны и истолкованы сами по себе, но всегда требуют Учителя. В восточной культуре, в частности в тибетской и индийской, текст — это не тот абсолютный носитель информации, с каким мы привыкли иметь дело в западной традиции, а всего лишь некие «узелки на память», фиксирующие определенные состояния сознания и порождающие их в читателе-ученике. Именно эту многозначность и передавал Учитель в своем развернутом комментарии, погружая ученика в удивительный, дотоле чуждый ему мир, помогая усвоить его, то есть сделать «своим», принять в свой внутренний мир, и тем самым расширял горизонты личности обучаемого. Он помогал ему войти в смысловое поле текста, отказавшись от принятой у нас позиции стоять над текстом в позе всезнающего критика, и заставлял его поверить в то, что древний текст может оказаться и, как правило, оказывается выше и мудрее своего исследователя. Только с такой позиции, которая должна быть сформирована мудрым Учителем, и может ученик схватить целостную сущность восточных учений.

Мне очень повезло в жизни — я училась у учеников Ю.Н.Рериха, и мой нравственный долг рассказать об этих людях, об Александре Моисеевиче Пятигорском и об Октябрине Федоровне Волковой, с которыми свела меня судьба в годы моего ученичества. Мои Учителя несли в себе и передавали через собственную личность сам образ Ю.Н.Рериха, ибо он был для них Учителем,

то есть непререкаемым научным и нравственным авторитетом и, пожалуй, самым уважаемым человеком в их жизни. В своей дальнейшей исследовательской и педагогической работе они пользовались теми методами, которые передал им Юрий Николаевич.

Прежде всего они категорически отвергали существующий в современной научной традиции тот довольно странный тип подхода к тексту, при котором априори считается, что исследователь по определению умнее и мудрее текста. Такой ученый как бы возвышается над текстом: он анализирует, расчленяет, разбирает, а в худшем случае еще и критикует его, выпендривая такую деятельность научным подходом. Подобным высокомерием не грешили мои Учителя. Для них существовал другой подход, единственно возможный по отношению к тексту, несущий в себе не так называемую объективность, а включенное в текст и в окружающую его культуру наблюдение. Эта позиция исследователя предполагает необходимость учиться у текста, выявлять, с какой целью он написан, какой смысл в нем заложен, какой несет в себе энергетический заряд. Отношение к тексту должно быть личностным – необходимо понять, что именно текст хочет сказать лично тебе, ибо древние тексты обращены не ко всем вообще, но к каждому отдельному человеку, к личности.

Думается мне, что к Востоку человека ведет судьба, может быть, карма, причем гораздо тверже и уверенней, чем ко всему остальному. Когда я пришла на философский факультет МГУ, нам всем поголовно и в приказном порядке предложили специализироваться в области философских вопросов естествознания. Время было такое. И почему-то, то ли из чувства противоречия, то ли потому, что уже была знакома с историей философии, у меня созрело решение заниматься философией Востока. На это требовалось согласие декана, обязанности которого в тот момент исполнял профессор Панцхава. К нему-то я и отправилась, и мне сразу же было сказано, что для начала нужно назвать страну. Почему-то назвалась Индия, о которой я практически ничего не знала. Панцхава усмехнулся в свои роскошные усы, медленно и со вкусом раскурил трубку и сказал: «Ну что ж, если Вы хотите испортить себе жизнь, я могу Вам в этом помочь». Ведь в те времена восточная мудрость и восточные учения абсолютно не согласовались с официальной идеологией и изучение индийских текстов, если делать это всерьез, а не конъюнктурно, было чревато

множеством всяческих неприятностей, которые в полном объеме пришлось вкусить в России и Ю.Н.Рериху, и ученикам его научной школы. Мне тоже не удалось их миновать, но ни разу не пожалела я о своем первоначальном выборе, потому что увлекательность материала искупала все. Ну а теперь о судьбе, вернее, об ее иронии. Вот уже много лет я работаю в Институте истории естествознания и техники РАН, отказавшись ранее заниматься философией естествознания. И еще о судьбе. При вышеупомянутом разговоре с профессором Панцхавой выяснилось, что именно в данный момент в учебной части находится младший научный сотрудник Института востоковедения Александр Моисеевич Пятигорский, который собирается читать для третьего курса историю индийской философии. «Посещайте, если хотите», — сказал Панцхава. У нас тогда была вольница на философском факультете и педагоги наши, несмотря на все сложности их жизни, были мудрыми людьми.

Конечно же, я сразу побежала в учебную часть, где увидела высокого человека в выдавшей виды ушанке, одно ухо которой было опущено, второе же поднято, один глаз у него косил и одна нога прихрамывала. Но никогда в жизни я не встречала более обаятельного человека. Он обладал каким-то естественным магнетизмом, притягивавшим к нему самых разных людей. Его друг, крупный философ М.К.Мамардашвили, тоже был наделен большим обаянием, однако он всегда говорил, что «есть еще более обаятельный человек, это мой друг Саша Пятигорский».

Александр Моисеевич мог овладеть любой аудиторией. Этим же искусством в совершенстве владел его Учитель Ю.Н.Рерих, который был очень строг к ученикам, Пятигорский же — предельно снисходителен. На объявленный спецкурс собралось всего пять человек, и это было очень хорошо, поскольку давало возможность для индивидуальной работы и для непосредственного общения. Так мы занялись чтением «Бхагавадгиты» в блестящем русском переводе академика Б.Л.Смирнова, который никогда не увидел бы свет, если бы не помощь Ю.Н.Рериха. Опоздав, как правило, минут на двадцать (опоздание на десять минут вызывает у ожидающих раздражение, а на двадцать — радость, что вообще пришел), Александр Моисеевич садился за стол и начинал читать текст «Бхагавадгиты». По ходу дела рождалось множество комментариев, Учитель увлекался, вставал, начинал ходить по

аудитории, по поводу каждого фрагмента текста у него возникали все новые и новые комментарии, ассоциации, пространные толкования. Именно так работали с учениками Учителя Востока и этот прием изучения текста принес с собой в Россию Ю.Н.Рерих, личным примером научив ему своих учеников.

Текст «Бхагавадгиты» практически неисчерпаем, его можно и нужно читать всю жизнь, всегда открывая в нем все новые пласты смыслов, все новые предназначения, ибо он учит мудрости жизни. Он был создан для каждого человека в практически любой ситуации. Никуда не торопясь, свободные от оков предзаданных программ, мы разбирали этот текст в течение целого учебного года. Это были потрясающе интересные уроки, которые накрепко западали в память еще и потому, что у Александра Моисеевича всегда был в запасе неожиданный способ повернуть сознание ученика. Нередко текст просто не укладывался в голове, потому что в свои семнадцать лет человек, идущий на философский факультет, достаточно зашорен, его сознание сильно сужено. Учитель умел одной точной фразой раскрыть и развернуть сознание слушателей, раздвигая таким образом горизонты личности.

Фразы, как правило, просто врезались в память. Особенно запомнилась одна, я до сих пор с ней живу. Александр Моисеевич говорил, что в этой жизни есть три категории профессиональных идиотов: «архитекторы, психиатры и педагоги. Архитекторы — потому, что решают единственную задачу: как привязать проект к местности. Психиатры — потому, что считают нормальными исключительно себя, рассматривая всех прочих как отклонения от нормы, стараясь их к норме вернуть. (Точно так же академическая наука подходит к восточным текстам, считая их болезненной игрой сознания.) А педагог обычно уверен, что уж он-то точно умнее всех и знает ответы на все вопросы, всегда и везде стремясь поучать других». Часто выступая в роли педагога, я благодаря Пятигорскому твердо стою на том, что тяге к «профессиональному кретинизму» поддаваться нельзя. Нельзя считать себя умней сидящих в зале, умней своей аудитории, нужно войти в контакт со слушателями, а не «возвышаться» над ними. Точно так же, как нельзя «возвышаться» над текстом, следует входить в текст. Это знание и это понимание пришли к нам по цепочке Учителей, одним из звеньев которой, ближайшей к нам, но не последней, был Юрий Николаевич Рерих.

Позднее Александр Моисеевич читал курс истории индийской философии уже в новом здании гуманитарных факультетов МГУ, в громадной, битком набитой слушателями аудитории. Он искренне недоумевал, зачем на его лекции сбегается такое количество людей. Но это был пик интеллигентской моды на Восток. С такой аудиторией было невозможно серьезно работать и трудно было понять, что, собственно говоря, всем им было здесь нужно. Их вела необъяснимая волна экзальтации, доходившей почти до истерии, мешавшей усвоить что бы то ни было. Все сидели с включенными магнитофонами, и с этих записей потом делались распечатки. Как-то одна из них попала мне в руки, и я была просто шокирована уровнем абсолютного непонимания сказанного на лекциях, неспособностью даже к простому воспроизведению. Граждан, ходивших на лекции, прекрасно характеризует эпизод с юношей, следовавшим за мной неотступно и просившим устроить его в ученики к Пятигорскому. В надежде от него избавиться, я поинтересовалась, готов ли он, как того требует индийская традиция, добывать Учителю еду, носить в дом топливо, готовить пищу, убирать жилище и неукоснительно выполнять любые распоряжения Наставника? Молодой человек был на все согласен. Узнав об этом разговоре, Александр Моисеевич долго смеялся, приговаривая: «Ну надо же, жили же люди!» А всерьез он сказал, что впредь с такой аудиторией работать не будет.

В аспирантуре мне еще раз крупно повезло: я познакомилась с ученицей Ю.Н.Рериха Октябриной Федоровной Волковой. С Пятигорским они были большими друзьями, и оба были всего лишь младшими научными сотрудниками Института востоковедения. Делание карьеры было для них, как и для их Учителя Ю.Н.Рериха, занятием неблагородным, нестоящим. С Октябриной Федоровной, исключительно обаятельным человеком и мудрым Учителем, мы вновь стали читать «Бхагавадгиту», но теперь уже в оригинале, на санскрите. На Востоке изучение языка никогда не сводится к фонетике и грамматике, но представляет собой живой процесс общения Учителя и ученика, именно так обучал языкам Ю.Н.Рерих, щедро передав этот навык своим ученикам. С О.Ф.Волковой мы открывали массу новых смыслов великого и мудрого текста, принципиально не передаваемых в переводе. Октябрина Федоровна работала применительно к уровню ученика, мы с ней разбирали философский смысл учения «Гиты»,

его культурный антураж. Эти уроки мне очень много дали. Уровень проникновения в личность ученика до сих пор поражает меня, когда я вспоминаю, как Октябрина Федоровна совершенно неожиданно сказала мне: «Только я Вас очень прошу, никогда не выходите в тантры». В то время я занималась индийской классикой и о тантрах даже не помышляла. Эта фраза-предупреждение всплыла в моем сознании долгие годы спустя, когда тантры сами собой пришли ко мне и меня захватили. Я выяснила, что никому из своих тогдашних учеников подобного она не говорила, но их и не затагнули тантры.

У живших вместе сестер Волковых, Октябрины и очаровательной Инны Федоровны, ныне уже покойных, был открытый дом, в котором любили собираться самые разные, но всегда очень интересные и необычные люди. Память о Юрии Рерихе постоянно присутствовала в их беседах. Слушая их, я часто не могла отделаться от ощущения, будто я тоже лично знакома с Юрием Николаевичем, с которым, к глубокому сожалению, мне не довелось встретиться в этой жизни.

Образ мудрого Учителя, раскрывшего перед ними и передавшего им богатство не только своего знания, но и своей многогранной и искренней личности, ученики Юрия Николаевича Рериха пронесли через всю свою жизнь, в которой им не однажды потребовались их мужество, стойкость, беспредельная преданность своему делу. Память Учителя достойно почтили они передачей знаний и воспитанием собственных учеников.

Т.П.СЕРГЕЕВА,

кандидат технических наук,
Главная астрономическая обсерватория НАН,
Киев

О НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.К. И Ю.Н. РЕРИХОВ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения. Великий художник, великий учитель и писатель, археолог и исследователь, он касался и освещал так много аспектов человеческих устремлений. <...> Картины его напоминают нам много из нашей истории, нашего мышления, нашего культурного и духовного наследия, многое не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном.

Джавахарлал Неру

Лингвист, исследователь, археолог, критик-искусствовед, историк, мыслитель и знаток культуры, он не знал границ в области познания; для него не существовало границ между древним и современным, между Востоком и Западом или между различными отраслями наук. Прежде всего его интересовал человек — он был истинным гуманистом. Юрий Николаевич Рерих как человек был даже еще более велик, чем Юрий Николаевич Рерих как ученый.

Нирмал Сингх

Научное творчество Юрия Николаевича Рериха еще при его жизни получило признание в самых широких кругах мировой научной общественности. За выдающиеся заслуги в изучении истории и культуры стран Центральной и Южной Азии он был избран почетным членом Королевского Азиатского общества Лондона и Азиатского общества Бенгалии, Парижского географического

общества и Географического общества СССР, Археологического и этнографического общества Америки и ряда других научных организаций [1, с. 26]. Много хороших слов сказано и написано о Юрии Николаевиче как о выдающемся востоковеде, замечательном лингвисте, организаторе науки, путешественнике и необыкновенном человеке.

Во всех путешествиях и научных исследованиях рядом с Юрием Николаевичем всегда был его отец и учитель, сподвижник в делах и сотрудник в научном поиске – Николай Константинович Рерих. Феномен их творческого союза, давшего необычайно интересные результаты, заслуживает глубокого изучения, пример их взаимодействия может быть полезным в поиске подходов к методологии науки будущего. В небольшой статье не представляется возможным осветить все грани этого уникальнейшего творческого сотрудничества, проявлявшегося не только в научной деятельности, но и в самой их жизни. Коснемся лишь некоторых аспектов этой темы.

Н.К.Рерих широко известен как художник, писатель и общественный деятель. Меньше знают о нем как об ученом синтетического склада: путешественнике-исследователе, археологе, историке и философе. Наиболее ярко эта сторона творчества Н.К.Рериха представлена в книге Л.В.Шапошниковой «Мастер», где раскрывается вся многогранность жизни и деятельности величайшего мыслителя XX столетия. Формирование научного мировоззрения Н.К.Рериха началось с ранних лет в родительском доме, где у отца, известного петербургского нотариуса К.Ф.Рериха, нередко собирались видные ученые того времени и где юного Николая окружала атмосфера передовой научной мысли, творческих поисков и смелых решений. Он начал с археологии и свои первые раскопки провел в девятилетнем возрасте, а во время учебы в Университете был уже профессиональным археологом, работал в Императорской Археологической комиссии.

Археология привлекала его как средство изучения истории народов, в первую очередь путей формирования и развития их культуры. Анализируя источники, напитавшие русскую культуру, Николай Константинович пришел к выводу о существовании единых корней, общего истока всех культур. В глубине веков он искал это древнее единство и находил его следы в сходстве культурных традиций народов Запада и Востока. И это сходство давало ему основание

предвидеть возможность будущего единения народов на основе культурного взаимодействия. Так от археологических раскопок и культурологического анализа прошлого Н.К.Рерих шел к направленному в будущее философскому осмыслению путей эволюции человечества. Так формировалась его историческая концепция, нашедшая отражение в его собственных исследованиях и послужившая основой исторического мировоззрения его старшего сына.

Юрий Николаевич Рерих уже с младенческих лет сопровождал своих родителей в их археологических и этнографических экспедициях по Северу России. С раннего детства он был свидетелем и участником проводимых раскопок, погружался в наполненный живыми образами и глубокими философскими идеями мир, созданный на полотнах его отца — художника и ученого. Именно там, в идейных глубинах «Державы Рериха», формировались основополагающие направления научной деятельности будущего ученого, именно там обрел он тот неортодоксальный подход к объектам своих исследований, который позволил ему добиться необыкновенных результатов и многого достичь. Прекрасное образование, полученное в петербургской гимназии К.И.Мая, а затем в Лондонском, Гарвардском и Парижском университетах, лишь способствовало приобретению дополнительных знаний, особенно в области восточных языков и диалектов.

Юрий Николаевич рано проявил себя как самостоятельный ученый. Уже во время обучения в Гарвардском университете он имел сформировавшиеся представления о ряде исторических проблем, смело излагал их авторитетным ученым и находил подтверждение своим догадкам и предположениям. Так, в письме к родителям от 3 апреля 1922 года он сообщает: *«Только что звонил Dr. Blake и сообщил мне текст Епифания (Венский Corpus), который вполне подтверждает мое открытие в области истории скифских племен Юга России и Туркестана! <...> Моя теория подтверждает теорию проф[ессора] Ростовцева о иранском происхождении княжеского рода скифов (ekoloto) на юге России. Постановка вопроса очень обширна и позволяет объяснить многое в скифском народном искусстве. Выясняется громадное значение Средней Азии в истории Юга России»* [2, с. 38–39].

Не умаляя таланта и устремленности молодого Юрия Рериха к учебе и знанию, можно утверждать, что в этом стремительном становлении ученого — огромная заслуга его родителей, следив-

ших за образованием своих детей с самых ранних лет и привлекавших их к участию в своей изыскательской и творческой деятельности. Юрий Николаевич написал об этом в предисловии к своей книге «По тропам Срединной Азии»: *«Я посвящаю эту книгу своим родителям, которые подвинули меня на стезю науки и с детства вдохнули в мою душу жажду новых открытий и исканий»* [1, с. 30]. Это отмечает и доктор исторических наук В.Е.Ларичев в «Слове о Юрии Николаевиче Рерихе», предваряющем первое издание этой книги на русском языке. Он пишет: *«... Что же касается Ю.Н.Рериха, то окончательный выбор был сделан им еще в первых классах гимназии: Восток, востоковедение... Неодолимое влечение юноши к Востоку, к его сказочно богатым истории и культуре, полным непредвзятого очарования, возникло, несомненно, под сильным и направляющим влиянием отца, Николая Константиновича Рериха. <...> С детских лет он общался с крупнейшими русскими учеными-востоковедами, а в доме его родителей постоянно велись разговоры о мотивах Востока в русской литературе и живописи, о востоковедении как важнейшей составной части культуры России, разгорались дискуссии о путях синтеза культурных традиций Востока и Запада»* [1, с. 11–12]. О значении Н.К.Рериха в становлении будущего величайшего ориенталиста XX века сказано и в статье П.Ф.Беликова и Л.В.Шапошниковой «Институт «Урусвати»: *«В формировании его как ученого важнейшую роль сыграли постоянное сотрудничество с отцом и работа в институте «Урусвати». Николай Константинович Рерих рано начал готовить своего старшего сына к востоковедческой деятельности. <...> Когда в конце 1923 года Юрий Николаевич приехал в Индию, он был уже хорошо подготовленным индологом, тибетологом, тюркологом и иранистом. Путешествие по обширным неисследованным районам Азии, многогранность отца, его связи и организаторские способности открыли перед молодым ученым такие возможности и такое поле деятельности, которые редко кому предоставляются. Эти возможности Юрий Николаевич блестяще использовал»* [3, с. 382–383].

В возрасте двадцати одного года Юрий Николаевич публикует серьезную научную работу обзорно-программного характера «Расцвет ориентализма». В ней наряду с глубоким анализом достижений ориенталистики того времени намечается новое направление исследований, отражающее идею Николая Константиновича о культурном единстве народов: *«Новый этап в ори-*

ентализме, — пишет Юрий Николаевич, — *это всеобщий синтез, который, отвечая требованиям современной науки, отразил бы историческое развитие стран Востока в совокупности*» [4, с. 18]. Идея единства культур впоследствии получила свое развитие и во многих других работах ученого.

Но не только концептуальные основы подхода к изучению истории и культуры перенял Юрий Николаевич у своего отца и наставника. Мы можем говорить и о преемственности в методологии проведения исследований, анализе полученных данных и их интерпретации. О своем подходе к отображению изучаемого мира Н.К.Рерих писал: *«Никакой музей, никакая книга не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность, это магическое качество творчества, не объяснимое словами, создается лишь наслоением истинных впечатлений действительности*» [5, с. 5]. Сам он неукоснительно следовал этому правилу в своем художественном и научном творчестве. Такой же подход мы видим и в научной деятельности Ю.Н.Рериха. Результаты его исследований всегда были основаны на «истинных впечатлениях», полученных во время экспедиций, будь то археологические раскопки, изучение культурных памятников древности, беседы с ламами и жителями отдаленных поселений или же изучение древнейших манускриптов, которых в большинстве случаев не касалась до него рука европейских ученых.

Метод изучения истории и культуры Н.К.Рериха был основан на синтезе научного и художественного восприятия изучаемого явления. Со студенческих лет он искал и утверждал то органичное взаимодействие искусства и науки, которое стало характерной особенностью его собственных научных изысканий и придавало такую достоверность его историческим полотнам. Многие ученые отмечали историческую точность живописи Николая Константиновича. Отмечает это и его сын — будущий востоковед, еще в студенческие годы: *«Меня очень заинтересовали татары и монголы, особенно их былины и песни кочевий. Если когда-нибудь мне придется писать об этом мире степей и каких-то тайных взаимодействий культуры, обязательно помещу в книге папин «Dream of the Orient», ибо чем больше читаю, тем больше убеждаюсь, что это лучшее картинное изображение того, что сказано в уйгурском сказании...»* [2, с. 32]. Знания ученого придавали убедительность живописи

Н.К.Рериха, а восприимчивость и воображение художника способствовали более глубокому проникновению ученого в изучаемый предмет.

Аналогичный подход мы можем видеть и в научных изысканиях Ю.Н.Рериха. Вот что он пишет в статье «Лекари в Тибете»: *«Необходимо заслужить доверие туземных лекарей, терпеливо проработать тысячи страниц рукописей, часто написанных чрезвычайно сложным техническим языком, близко познакомиться с туземным мировоззрением и, помимо всего, сохранить к нему непредвзятый подход, поскольку прежде, чем вы получите точные данные, вам придется изучить богатый фольклорный материал, в котором народная мудрость часто перемешана с фантастическими легендами примитивных религиозных верований, проникшими в профессиональные учебники туземной медицины»* [4, с. 205]. Для того чтобы разобраться в таком сложном материале, нужны были не только знания ученого, но и чуткость, интуиция, развитое воображение, свойственные лишь художественным натурам. Непредвзятый подход к туземному мировоззрению, погружение в фольклорный материал наслаивали те «истинные впечатления», из которых затем выкристаллизовывались точные данные, блестяще представленные Юрием Николаевичем в научных трудах.

Николай Константинович служил сыну примером высоко-нравственного подхода к научным исследованиям. Свое нравственное кредо он сформулировал в очерке «Прекрасное»: *«Главная наша задача изучать факты честно. Мы должны почитать науку как истинное знание, без предпосылок, ханжества, суеверия, но с уважением и мужеством»* [6, с. 24]. Он учил честности в осмыслении добытых фактов «без эгоистического перетолкования», смелости и мужеству в принятии версий, казалось бы, невозможных, расходящихся с общепринятыми трактовками. И Юрий Николаевич не раз выказал свое научное бесстрашие и честность в интерпретации тех не укладывающихся в традиционные научные рамки фактов, с которыми им пришлось иметь дело во время экспедиций по Центральной и Южной Азии, Тибету и Гималаям.

И еще одно замечательное качество перенял Ю.Н.Рерих у своего отца, качество, обусловившее его титаническую работоспособность и творческую продуктивность. *«Юрий работает за троих, только при его замечательной систематичности, унаследованной от отца, можно столько успевать!»* [7, с. 343], — писала Елена Ивановна.

Творческое взаимодействие отца и сына было взаимообогащающим. Ю.Н.Рерих не только перенимал знания, идеи и методологию от Н.К.Рериха, но и вносил в это творческое содружество свое умение, добытые им факты и знания. *«Как прекрасно, что Юрий знает все нужные тибетские наречия. Только без переводчика люди здесь будут говорить о духовных вещах. Сейчас нужно брать — в полном знании, в ясном, реальном подходе»* [8, с. 107], — отмечал Н.К.Рерих. Лама, принимавший участие в Центрально-Азиатской экспедиции Рерихов, так говорил о Ю.Н.Рерихе его отцу: *«Ведь ваш сын, он все знает! Он знает больше многих ученых лам»* [8, с. 144]. Николай Константинович очень высоко ценил знания и талант Юрия Николаевича, относился к нему как к коллеге и сотруднику. Об этом можно судить из его высказываний в письмах, дневниках и очерках. *«Юрий предполагает обмерить расположение города и списать надписи для их расшифрования. Чувствуется, что при исследовании могут быть обнаружены многие любопытнейшие находки»* [9, с. 178], — писал он с маршрута Маньчжурской экспедиции.

Взаимодействие двух Рерихов давало необычайно плодотворные результаты. Интуитивные прозрения отца помогали сыну находить факты, подтверждающие эти предвидения, а уникальный материал, добытый благодаря знанию Юрием Николаевичем культуры, истории и языков исследуемых народов и племен, позволял Николаю Константиновичу более уверенно говорить о своих предположениях. В этом можно убедиться, изучая путевые заметки и о Центрально-Азиатской экспедиции Рерихов. Это «Сердце Азии» и «Алтай-Гималаи» Н.К.Рериха и «По тропам Срединной Азии» Ю.Н.Рериха. Исторические образы Азии, запечатленные художником и ученым Н.К.Рерихом, яркие и убедительные сами по себе, находят еще более основательное подтверждение в конкретных, детальных и научно обоснованных исследованиях Ю.Н.Рериха.

Особенно ярко это проявилось в изучении героического эпоса, посвященного Гесэр-хану. Этот образ сопровождает Рерихов на протяжении всей экспедиции, имя легендарного героя Азии звучит в сказаниях и балладах, в песнях и рассказах путников, собравшихся у ночного костра. Н.К.Рерих с особым вниманием прислушивается к этим рассказам и сказаниям. Его интересуют исторические источники Гесэриады. Он находит аналоги и проводит

параллели с героями сказок Запада: «*И Бругума Гессер-хана сродни Брунгильде Зигфрида*» [8, с. 96]. Тщательно собирает Николай Константинович все сведения, где упоминается имя героя: «*Имя Гессера дошло до Волги (Астрахань). Гессера объединяют с Ассуром. Храм Гессер-хана был выстроен на месте явления Авалокитешвары. <...> Около Калацзе указывают многие места, посвященные имени Гессер-хана: 1. Гаруда – Гессер-хана; 2. Седло Гессера; 3. Бубен Бругумы – жены Гессера; 4. Прялка Бругумы; 5. Замок Гессер-хана – высокая скала, белое пятно является знаком двери*» [8, с. 98–99]. Рассказы о замках Гесэра, о коне Гесэра, о непобедимом мече Гесэра, о знаках Гесэра находят свое отображение на полотнах художника. А ученый и мыслитель на основании этого богатейшего фольклорного материала прозревает тесную связь Гесэриады с историческими процессами глубокой древности – времен Великого переселения народов.

Одновременно с эпическими сказаниями о Гесэре Н.К.Рерих обращает внимание на религию бон, или черную веру. Он связывает ее с теми самыми знаками Гесэра – наскальными рисунками, которые часто встречались им на пути: «*Изображения на скалах можно отнести к трем периодам: неолит, древняя вера бон-по, суеверия более позднего времени. В самой технике изображений можно отличить твердую, сочную стилизацию древности и более сухую, резкую линию поздних рисунков*» [8, с. 100]. Николай Константинович и в бонпо видит разные наслоения. С уверенностью относя эту разновидность ламаизма к добуддийским временам, он все же пишет: «*Эти почитатели богов свастики представляют для нас еще не разрешенную загадку. С одной стороны, они являются колдунами-шаманами, извращающими буддизм, но, с другой стороны, в их учениях сквозят какие-то полузабытые знаки друидического почитания огня и почитания природы*» [5, с. 15]. Эти друидические знаки очень важны для его концепции Великого переселения народов, поэтому он еще раз повторяет: «*Нельзя отнести к этим старинным традициям легкомысленно, когда они говорят о своих неведомых богах свастики. Древние, солнечные и огненные культы, несомненно, находились в основе бон-по, и обращаться с этими старыми полуистраченными знаками надо осторожно*» [5, с. 49].

Как ученый Н.К.Рерих ищет подтверждений своим интуитивным предположениям и сетует: «*Жаль, что литература черной веры очень мало изучена и их священные книги не переведены еще*» [5, с. 49].

Но случилось так, что вынужденное изменение маршрута экспедиции приводит их к стенам бонского монастыря Шаруген, а долгое стояние дает возможность завоевать доверие его настоятеля и получить доступ к священным книгам бонпо. Юрий Николаевич в течение нескольких месяцев исследует этот огромный по объему (несколько сотен томов) материал, что позволяет ему сделать очень важные выводы. Во-первых, опираясь уже на документальные источники, он выделяет в бонпо те два основных слоя, о которых делал интуитивные предположения Н.К.Рерих. В книге «По тропам Срединной Азии» Юрий Николаевич пишет: *«Существуют две формы бон: одна примитивного поклонения природе, полная шаманистских и некромантических ритуалов, <...> другая — преобразованная бон, или бон, приспособленная к буддизму»* [10, с. 327]. Ученый предполагает, что примитивная часть бона уходит своими корнями к доарийским слоям населения, ссылаясь при этом и на исследования других ученых. Более того, он связывает многочисленные памятники древности, найденные экспедицией, с культовыми обрядами первобытного бона: *«Я убежден, — отмечает Юрий Николаевич, — что мегалитические памятники, обнаруженные экспедицией вдоль всех маршрутов паломников к горе Кайласа, являются именно такими священными местами природного поклонения. <...> Эти мегалитические памятники, менгиры, кромлехи и алинементы, впервые обнаруженные экспедицией, несомненно, принадлежат к добуддийскому периоду тибетской истории, когда первобытная бон была общепринятой верой в стране»* [10, с. 327–328].

Вторым научным достижением Ю.Н.Рериха была впервые осуществленная классификация литературы религии бон. *«Литературные памятники бон-по, — пишет Юрий Николаевич, — могут быть традиционно описаны по следующим четырем разделам: (1) два больших собрания священных текстов бон, всего около трех сотен томов; (2) национально-эпические героические песни и некоторые рнам-тхары, или легендарные истории; (3) популярные песни; (4) колдовские книги, руководства по магическим ритуалам»* [10, с. 330]. В эпической литературе особо важное место занимали сказания о Гесэре. То, что Юрию Николаевичу удалось с их помощью выяснить, полностью подтверждало предположения Николая Константиновича. Ю.Н.Рериху удалось установить, что эпос содержит *«эпизоды древних племенных эпических поэм, уходящих*

в далекую старину, вероятно домонгольского и дотибетского происхождения» [10, с. 332]. Связь образа Гесэра с древними культурами природы подтверждалась и исследованиями других ученых [10, с. 386].

Таким образом, находки Юрия Николаевича укрепили предположения Николая Константиновича, и хотя оба они не считали свои исследования законченными, эти сведения помогли Н.К.Рериху утвердиться в его концепции Великого переселения народов. Он записывает в путевом дневнике: *«Особенную радость доставило нам открытие в Тибете, в области Трансгималаев, типичных менгиров и кромлехов. Вы можете представить себе, как замечательно увидеть эти длинные ряды камней, эти каменные круги, которые живо переносят вас в Карнак, в Бретань, на берег океана. После долгого пути доисторические друиды вспоминали свою далекую родину. Древнее бон-по может быть как-то связано с этими менгирами. Во всяком случае, это открытие завершило наши искания следов движения народов»* [5, с. 49–50]. *«Из-за Канченджанги началось великое переселение, несение вечной «Священной Весны»!»* [6, с. 116], — напишет он чуть позже. Вот такие необычайно плодотворные результаты приносило творческое сотрудничество отца и сына.

По записям в их путевых дневниках мы можем проследить и другие примеры взаимодействия. Часто острый взгляд художника и образность восприятия Н.К.Рериха помогали в установлении истины. На пути к перевалу Санджу 6 октября 1925 года экспедиция миновала пещеры, очевидно, искусственного происхождения. Юрий Николаевич в своих выводах осторожен и лишь высказывает предположение: *«Эти сооружения поразительно напоминают буддийские пещерные монастыри Китайского Туркестана»* [10, с. 44]. Николай Константинович же более уверен: *«Влево в желтой песчаниковой горе увидели пещеры в несколько этажей. Наподобие пещер Дуньхуана. Местные жители и караванщики называют их старокиргизскими домами. Но, конечно, мы имеем здесь остатки исчезающего буддизма»* [8, с. 44].

Другой пример. При подходе к оазису Санджу несколькими днями позже экспедиция встретила на пути интересный образец наскальных рисунков. Юрий Николаевич пишет: *«Трудно датировать эти рисунки, потому что их высекают на камнях и по сей день»* [10, с. 127]. И опять на помощь ученому приходит художник. *«Присматриваясь к этим типичным рисункам на поверхности скал, —*

отмечает Николай Константинович, — вы замечаете их два различных типа. Одни более новые, более сухие по технике. <...> Но рядом с ними иногда на тех же самых скалах вы видите сочную технику, относящую вас к неолиту» [5, с. 16]. Отличие художественной техники позволяет ему с уверенностью определить период создания рисунков из оазиса Санджу: «На последней скале мы увидели неолитический рисунок тех же горных козлов и отважных лучников, которых видели и в Ладаке» [5, с. 20].

Размышляя о проникновении буддизма в культуру азиатских народов, Николай Константинович пишет: «Ведь там везде, и даже в Персии, имеются следы буддизма, еще совсем не открытые. А Бухара есть не что иное, как вихара, испорченное название буддийского монастыря. Юрий удачно в Париже раскрыл эту филологическую трансформацию, и Пеллио вполне согласился с ним» [8, с. 142]. Так Николай Константинович использует научные находки сына в создании своей грандиозной мозаики Азии. А Юрий Николаевич позднее напишет статью «Культурное единство Азии», в которой разовьет и научно обоснует идеи отца о культурном влиянии буддизма, о его объединяющем значении для народов Азии.

Идея общности культур концептуально объединяет изыскания обоих Рерихов. На всем протяжении Центрально-Азиатской экспедиции Николай Константинович неустанно отыскивает знаки культурного взаимодействия народов, особенно часто он отмечает сходство элементов восточной культуры с мотивами, встречающимися в культуре русской: «Откуда-то приносят для покрытия пола очень красивые кошмы. В Хотане таких не видали. Очень сложный мозаичный рисунок. Лучше, нежели ковры. Положительно, кошмы и набойки — лучшее из местных производств. Рисунки набоек те же, как в России XVII века или раньше» [8, с. 172]. С этими выводами перекликаются и наблюдения Юрия Николаевича: «Туркестанская резьба очень напоминает деревянные рельефы в старых церквях на юге России. Это особый стиль, должно быть, когда-то был широко распространен на великом азиатском пути, проходящем через пояса степей, пустынь и простирающемся от Карнат до Великой Китайской стены» [10, с. 76–77].

«Они мыслили и работали как один человек», — отмечает в своей книге «Мастер» Л.В. Шапошникова [11, с. 330]. Это творческое единство и взаимопонимание позволяло Рерихам проводить исторические исследования на разных взаимодополняющих и

взаимообогащающих уровнях. Николай Константинович изучал исторические процессы, как пишет Л.В.Шапошникова [11, с. 308], на уровне культурно-исторической эволюции человечества с широкой, обобщающей позиции художника, ученого и мыслителя. Особенность исторической концепции Н.К.Рериха состояла в том, что он искал и выявлял нечто «непреходящее» — те элементы культурной традиции народов, которые формировали механизм культурной преемственности, идущей из глубокой древности — через настоящее — к будущему. Глубочайшие познания Юрия Николаевича в области языкознания, филологии и этнографии, а также детальное знание истории изучаемых народов позволяли ему, опираясь на широкую культурно-историческую концепцию Николая Константиновича, находить, всесторонне исследовать и давать научное описание этих «непреходящих» элементов, вписывая их в конкретные исторические события. Таким образом достигалось взаимодействие и единство двух уровней исторических обзоров: ориентированного в далекое будущее человечества, поистине космического обзора Н.К.Рериха и более близкого современному человечеству, так необходимого в своей связующей роли обзора Ю.Н.Рериха. Попробуем проследить, как это проявлялось на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции, благодаря которой окончательно утвердилась историческая концепция Н.К.Рериха и сформировались научно-философское мировоззрение Ю.Н.Рериха и направления его будущих исследований.

Интересно сравнить, как Рерихи формулировали задачи экспедиции. В предисловии к своим путевым заметкам Юрий Николаевич пишет: *«Главной целью экспедиции было создание живописной панорамы земель и народов Внутренней Азии. Пятьсот полотен Н.К.Рериха <...> являются одним из самых больших ее достижений. Вторая задача экспедиции состояла в проведении археологической разведки, с тем чтобы подготовить основу для дальнейших серьезных исследований этих малоизученных районов Внутренней Азии. И, наконец, большое значение мы придавали сбору этнографического и лингвистического материала, характеризующего древние культуры региона»* [1, с. 29]. *«Одной из задач нашей экспедиции была регистрация обнаруженных нами курганов и других следов кочевой культуры, расположенных вдоль северной границы Тянь-Шаня, Джаировых гор и Алтая, еще не описанных в научной литературе»* [10, с. 110].

Отметив художественную задачу экспедиции как основную, Юрий Николаевич с присущей ему четкостью формулирует ее конкретные научные задачи.

Николай Константинович определяет цели экспедиции так: *«Кроме художественных задач, в нашей экспедиции мы имели в виду ознакомиться с положением памятников древностей Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов. Эта последняя задача издавна была близка мне. Мы видим в последних находках экспедиции Козлова, в трудах профессора Ростовцева, Боровки, Макаренко, Толя и многих других огромный интерес к скифским, монгольским и готским памятникам. Сибирские древности, следы великого переселения в Минусинске, Алтае, Урале дают необычайно богатый художественно-исторический материал для всего общеевропейского романа и ранней готики. И как близки эти мотивы для современного художественного творчества. Многие звериные и растительные стилизации могли выйти из новейшей лучшей мастерской»* [5, с. 5–6]. Перечисляя поставленные перед экспедицией задачи, связанные с конкретным ее маршрутом, Николай Константинович здесь же формулирует и сверхзадачу, затрагивающую значительно большие территории и связывающую воедино современность и глубокое прошлое. Им была поставлена и еще одна, сокровенная, задача, постоянно звучащая в его мысли о будущем значении Азии. *«Бьется ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками?»* [5, с. 3], — задается вопросом Н.К.Рерих. И на протяжении всего маршрута экспедиции находит признаки, свидетельствующие, что «сердце Азии живо».

Необычность исторического обзора Н.К.Рериха проявлялась еще и в том, что он искал свидетельства общности народов не только в языке, культуре, одежде, чертах лица, но и в характерах, в ментальности, в чем-то неуловимом, стоящем над бытовыми подробностями. *«Зачернел вдалеке силуэт маленького человечка. Бодро шагает. Но шаг не сартский, а китаец по пустыне один не ходит. Шапка с ушами. Серый армяк. Да, это ладакец. Этот пойдет хоть куда один по пустыне. <...> И что же это такое, что так сближает нас с ладакцами? В чем же этот общий язык? Откуда общий бодрый шаг? Откуда смелость одиноких хождений? Хотелось оставить с нами этого прохожего друга»* [8, с. 168]. Ю.Н.Рерих больше внимания уделяет именно деталям костюмов, интерьеров

домов и храмов, убранству лошадей и экипировке всадников-воинов, проводит лингвистический анализ языков, изучает литературное наследие. И постепенно накапливаются факты, слагающие доказательства той общности, которую прозревал Н.К.Рерих.

Заметки Николая Константиновича о Центрально-Азиатской экспедиции — это не строгий отчет исследователя, хотя в них присутствует и научный анализ. Их автор средствами художественного изложения создает очень убедительную картину, объединяющую в себе историческое прошлое, современное ему настоящее и что-то еще неведомое, но постоянно присутствующее во всех деяниях и событиях Азии. Подтвержденная в последующих изысканиях ученых — археологов и историков, в том числе и в работах Ю.Н.Рериха, эта картина представляется уже не плодом воображения художника, а мудрым знанием, основанным на глубоком и масштабном философском осмыслении истории и культуры народов, населявших огромные по географической протяженности территории от времен, уходящих в глубины неолита.

«Именно в середине Азии сплетается сказка и явь. Никакие европейские мерки не годятся здесь» [8, с. 206], — пишет Николай Константинович. Он изучает и сказки и действительность. Его путевые заметки наполнены легендами Азии и рассказами у ночных костров, сдержанными высказываниями лам и свидетельствами очевидцев невероятных событий и явлений. Каждое по отдельности по европейским меркам может выглядеть неправдоподобным, но собранные на огромных территориях, повторяющиеся среди многих народов, эти рассказы и свидетельства приобретают характер реальности, которую невозможно отвергнуть. *«Живет предание о черном камне, появляющемся в сроки больших событий. Если сравните все устные сроки из Индии, Тибета, Египта, Монголии, то совпадения их напоят, как помимо историков пишется другая история мира. Особенно значительно сравнение показаний совершенно различных народностей»* [8, с. 286]. «Чудесное» делается «научным», как пишет сам Николай Константинович, складывая в своих путевых заметках мозаику этой другой истории мира, слагающейся «помимо историков», — истории иных измерений, уже не земного, а космического масштаба. Юрий Николаевич дает как бы классическое историческое и социально-экономическое описание Азии. Он меньше касается этой сказочной ее части, а легенды и сказания изучает как историк, лингвист и этнограф.

Но мы можем заметить, что в этом строго научном изложении присутствует то философское осмысление излагаемых явлений, основанное на исторической концепции отца, которое и поднимало его специальность над уровнем повседневности, как это сформулировал Святослав Николаевич Рерих в своем «Слове о брате» [12, с. 8]. Именно эта мировоззренческая общность и связывала уровень исторического обзора Юрия Николаевича с космическим уровнем обзора Николая Константиновича.

Последняя часть путевого дневника Николая Константиновича — «Алтай», «Монголия», «Тибет» — это скорее зарисовки художника, отдельные мазки или элементы мозаики, на первый взгляд разрозненные, как бы не связанные друг с другом. Но, охваченные более широким взором, они рисуют облик этих пространств Азии более объемно, в их описании присутствует временная вертикаль, связывающая глубокое прошлое этой страны и то настоящее, в котором свершалась экспедиция. Юрий Николаевич об этой части маршрута пишет более детально, как будто заполняя оставленные промежутки, и его подробные описания встречающихся на пути ландшафтов и поселений, исторические экскурсии и социально-экономический анализ служат холстом и фоном грандиозной картины Азии, создаваемой его отцом и учителем.

Центрально-Азиатская экспедиция имела огромное значение для обоих Рерихов. Николай Константинович получил подтверждение своему мудрому знанию, а Юрий Николаевич это знание приобрел. *«Все приобретенные раньше знания он мог теперь проверить и углубить на месте, — написал много лет спустя после Центрально-Азиатской экспедиции С.Н.Рерих. — Живой контакт с истоками его специальности дал ему незаменимый опыт. Здесь, на Востоке, он имел возможность ближайших контактов с крупнейшими специалистами и учеными. Эти непосредственные контакты дали ему не только исключительные знания, но и исключительное понимание условий, создавших древние культуры»* [12, с. 8]. Беспрецедентные по своей широте познания, которыми обладал до Центрально-Азиатской экспедиции молодой Юрий Рерих, за время экспедиции превращаются из отвлеченного знания в знание жизненное, живое, связанное с глубинными процессами, происходившими на территориях, по которым пролегал путь экспедиции. Подкрепленное воспринятой от отца философской концепцией, опирающейся на мировоззренческую систему

Живой Этики, это знание становится знанием мудреца. А сам Юрий Николаевич приобретает тот «образ истинного, вдохновенного ученого-мыслителя, человека высочайшей духовной гармонии» [12, с. 8], о котором так замечательно поведал в своем «Слове о брате» Святослав Николаевич Рерих.

Творческое взаимодействие и сотрудничество двух Рерихов – отца и сына, сложившееся во время Центрально-Азиатской экспедиции, продолжалось при создании Гималайского института научных исследований «Урусвати» и организации его деятельности, при планировании и проведении второй крупнейшей экспедиции Рерихов – Маньчжурской, и в дальнейшей жизни, представлявшей собой непрерывный творческий процесс поиска и формирования нового знания. В этом процессе каждый из них решал свою задачу. Н.К.Рерих, основываясь на энергетическом мировоззрении Учения Живой Этики, закладывал новые направления и основы науки будущего. Ю.Н.Рерих, также являясь носителем концепции Живой Этики, создавал научные школы в современном ему настоящем, применяя эти основы и реализуя направления.

Взаимодействие Н.К. и Ю.Н. Рерихов не было бы столь продуктивным, если бы между ними не существовала редкостная общность, способствовавшая плодотворности их творческого союза. Им обоим было присуще качество, которому нельзя научиться и которое свидетельствовало о великой духовной одаренности. Об этом удивительном и редком качестве Е.И.Рерих писала: «*Ведь синтез есть самое трудное, самое редкое и самое великое достижение*» [13, с. 414]. Это качество нашло свою реализацию в уникальнейшем сочетании творческих проявлений и в их гармоничном взаимодействии. В творческой деятельности Николая Константиновича знания ученого помогали создавать убедительные художественные произведения, а воображение художника способствовало осмыслению научных открытий. Его синтетический дар проявлялся и в многообразии форм его деятельности: художника и ученого, мыслителя и практика, заложившего основы мирового общественного движения по защите культурных ценностей.

Такой же многогранностью отмечено и творчество Юрия Николаевича. Ученый с мировым именем, признанный востоковед, в совершенстве владевший многими европейскими и восточными языками, в том числе редкими диалектами, он свободно ориентировался во многих научных направлениях. История, археология,

этнография, языкознание, литература для него были не отвлеченными дисциплинами, а инструментами познания. Для него не существовало барьеров специализации, он мог глубоко вникать и в особенности тибетской фармакопеи, давая научные эквиваленты названий лекарственных трав и компонентов, и в тонкости переводимых им при составлении тибетско-английского словаря философских понятий.

Воин и путешественник по натуре, Ю.Н.Рерих был не только блестящим ученым, но и незаурядным художником. Его художественные произведения свидетельствуют о самобытном таланте, тонком умении увидеть и отобразить глубинную сущность изображаемого – будь то отдельный предмет или интерьер. А его портреты несут внутренний психологический образ изображаемого человека. Обладая собственной манерой письма, тонкостью и светоносностью в передаче цвета, Ю.Н.Рерих вполне мог стать прогрессивным современным художником и иметь высокий статус в изобразительном искусстве.

Прекрасно владея словом, он обладал даром излагать свои впечатления в художественной форме, образно и емко. В книге «По тропам Срединной Азии» подробности маршрута, исторические экскурсы и социально-экономический анализ стран, через которые пролегал маршрут экспедиции, перемежаются поэтическими описаниями ландшафтов и колоритными характеристиками встретившихся на пути людей. Ярче всего литературный дар Юрия Николаевича проявляется в его статьях, посвященных своему отцу и учителю. Проникновенно и возвышенно он описывает в небольшом, но очень содержательном очерке «Листки воспоминаний» [12, с. 143] жизненный путь Николая Константиновича. Образно и ярко пишет о его гималайской серии картин, об их живой связи с необычными природными явлениями Великих Гор. Только истинный художник, тонко чувствующий и понимающий Красоту, человек, познавший глубины мудрости, способен так точно определить то особенное, что отличало Мастера Гор от многих других художников, – сочетание глубокой философии и чувства природы с высочайшими пластическими и колористическими достижениями. Юрий Николаевич был не только ученым, мыслителем и художником, но и великим гуманистом, принявшим от отца эстафету культурного созидания и немало сделавшим для реализации Пакта Рериха.

Неоценимо много дал своему сыну Николай Константинович Рерих. И Юрий Николаевич, неизменно отдавая дань уважения и почитания, сумел делом отблагодарить своего отца и наставника. Он первым вернул на Родину творческое наследие Н.К.Рериха и за короткий срок – менее трех лет – сумел утвердить на Родине образ ее великого сына.

Литература

1. *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Хабаровск, 1982.
2. *Юрий Николаевич Рерих.* Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.
3. *Беликов П.Ф., Шапошникова Л.В.* Институт «Урусвати» // Непрерывное восхождение. М.: МЦР, 2001.
4. *Рерих Ю.* Тибет и Центральная Азия. Самара: Агни, 1999.
5. *Рерих Н.К.* Сердце Азии. Минск: Университетское, 1991.
6. *Рерих Н.* Держава Света. Священный Дозор. Рига: Виеда, 1992.
7. *Рерих Елена Ивановна.* Письма. Т. 1. М.: МЦР, 1999.
8. *Рерих Н.* Алтай–Гималаи. Рига: Виеда, 1992.
9. *Рерих Н.* Врата в Будущее. Рига: Виеда, 1991.
10. *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1994.
11. *Шапошникова Л.В.* Великое путешествие. Мастер. Книга первая. М.: МЦР, 1998.
12. *Рерих С.Н.* Слово о брате / Воспоминания о Ю.Н.Рерихе. М.: МЦР, 2002.
13. *Рерих Елена Ивановна.* Письма. Т. 2. М.: МЦР, 2000.

М.Н.ЧИРЯТЬЕВ,

*председатель Санкт-Петербургского отделения МЦР,
вице-президент Международной Лиги защиты Культуры,
советник РАЕН,
Санкт-Петербург*

СИНТЕЗ ЗНАНИЙ – ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА «УРУСВАТИ»

Говоря о деятельности Института гималайских исследований «Урусвати», следует выделить две важные грани. Во-первых, это конкретная работа той организации, которая была основана Рерихами в Дарджилинге в июле 1928 года (в некоторых источниках указывается дата основания 12 июля, в других – 24-го). В декабре институт уже перебазировался в долину Кулу, где фактически до войны был сосредоточен центр его действий. После 1939 года деятельность института была законсервирована, в основном из-за серьезных финансовых затруднений, а также из-за того, что война нарушила те широкие международные связи института, которые были налажены его основателями и сотрудниками за годы работы.

Об этой внешней стороне деятельности института «Урусвати» уже написаны хорошие исследования, среди которых, прежде всего, следует отметить статью П.Ф.Беликова и Л.В.Шапошниковой [1]. Вторая же грань, пока мало затронутая в нашей литературе, касается личности Юрия Николаевича, его мировоззренческой широты, его собственного духовного опыта, который закалялся на сложном жизненном пути и в научном осмыслении стоящих перед ним вопросов. Без этого нам трудно понять многое в выборе направлений и в методах деятельности института «Урусвати». Поэтому в данном выступлении я хотел бы акцентировать свое внимание на внутренней стороне личности Юрия Николаевича, синтез научного мировоззрения которого непосредственно влиял на формирование характера деятельности руководимого им института.

«Постижение основных путей развития человечества – это шаг к пониманию собственной личности. Обращаясь к прошлому, мы раскрываем для себя настоящее» [2, с. 43] – это утверждение,

с которого начинается одна из программных статей Юрия Николаевича об институте «Урусвати», в полной мере относится и к нему самому. Наверное, лучше всего личность Юрия Николаевича осознается в этом ключе, систематизирующем духовные искания этого человека и его заслуги перед будущим. Потому что именно такие люди создают основы будущих путей развития человечества через постижение себя, разумеется, обладая при этом той огромной внутренней широтой, которая разворачивается героическими путями становления личности.

Будучи потрясенным известием об уходе Юрия Николаевича, П.Ф.Беликов в своем огненном послании сказал: *«Среди многих сеятелей он знал, что Поле и Познающий Поле – едины. И Его посев был шире широкого. Нивы, орошаемые благодатным дождем, и нивы, наполненные кровью мужества, Он считал одинаково готовыми. Когда мы искали большое или малое и мерили своей мерой, Он различал достойное от недостойного и всюду находил человеческое достоинство»* [2, с. 3].

Эти слова сподвижника Рерихов ассоциируются с высказыванием Кришны из XIII гл. «Бхагавадгиты» – священной книги великого индийского эпоса «Махабхарата». Обращаясь к своему ученику Арджуне, Кришна говорит: *«Это тело, Каунтея, именуется полем; того, кто его познает, сведущие именуют: познавший поле. Знай меня как познавшего поле во всех полях, Бхарата; знание поля и познавшего поле это мудрость, я считаю. Это поле, каково оно, какого рода, каковы его изменения, откуда оно, кто Он, какова его мощь, это услышишь от меня в общем»* [3, с. 204–207].

Под «полем» следует подразумевать изменчивую материю, которую познает проникающая в нее мысль исследователя и в которой зреют семена его дел. Чтобы познать, надо слиться с объектом познания, или воплотиться, но просветленный, достигший знания, свободен от зависимости сознания от познанного слоя материи: *«Те, кто очами мудрости прозревают разницу между Полем и Познавшим Поле и освобождение существ от Пракрити, те идут к Высшему»* [там же]. Согласно с космологическими текстами ранней Санкхьи, одной из систем индийской философии, представления «Питы» о взаимодействии духа и материи как атрибутов Единого открывают путь для истинного Знания.

В этой связи не просто символичным, но и закономерным является основание института «Урусвати» в древней долине Кулу, хранящей память об Арджуне и его братьях. Именно здесь,

в Кулуте, эпические герои Махабхараты – Пандавы, достигшие понимания того, что основное поле битвы находится внутри нас, совершив последнее, третье паломничество в это особое место Гималаев вместе со своей женой Драупади, освободились от плоти, а старший из них, Юдхиштира, «увидел свет правды и узнал, что есть тень, а что реальность, и достиг сварги (небес)».

Уникальность природных и культурно-исторических условий долины Кулу была как нельзя более благоприятной для развития комплекса исследований этих слоев биосферы и ноосферы в институте. Следует напомнить, что сами Рерихи называли институт научной станцией, а имение – ашрамом, то есть местом духовного сосредоточения. Это свидетельствует о том, что научной мыслью и духовными устремлениями Рерихи сознательно закладывали семена для будущего международного Города Знаний, в котором широко будут представлены все области науки. Горная долина Кулу обладала редкими возможностями для исследования психической энергии и тонких светонесущих слоев не изученной еще наукой материи. *«Именно здесь зашедшая в тупик наука может найти свое обновление. Древняя мудрость – это ключ, которым археолог и натуралист открывают секреты культуры Востока»* [2, с. 43]. При этом сам Юрий постигает эту древнюю мудрость не традиционным путем отшельничества, но, исполняя обязанности директора института, преисполнен творческой активности, умножая знания, вдохновенно мыслит о будущем.

Следует также напомнить о том, что во многих своих проявлениях Юрий Николаевич является наследником своих родителей. Отца – великого художника и ученого, который еще с юношеских, даже почти детских лет собственноручно прорабатывал археологические пласты, добывая новые знания анализом того материала, что веками был сокрыт в курганах близ Извары на Ижорском плато. Участвуя в экспедициях археолога Л.К.Ивановского, юный Николай Рерих закладывал основу тем научным выводам и обобщениям, которые будет развивать в течение всей своей жизни и которые станут одним из важных источников его художественного и литературного творчества. Что же касается Елены Ивановны, то это совершенно особый случай, ибо она обладала удивительным синтезом талантов. У нее, как отмечал Учитель, был музыкальный и художественный таланты, таланты врачевания и наставничества, но главное – синтез духовности.

Обращаясь к Елене Ивановне, Учитель говорит: *«Синтез духовности – самый редкий дар, именно он зажигает Свет мира»* [4, § 3]. Являясь в этом смысле наследником своих родителей, Юрий Николаевич еще в Кембриджском кружке, во время учебы в Америке в Гарварде, вместе со своими друзьями В.А.Перцовым и В.В.Диксоном, занимается вопросами метанаук, поисками духовных истоков научных знаний, интересуется «психологией явлений». Его внимание привлекают очень широкие области знаний, хотя в каждой из них он стремится выявить определенные грани. Так пытливым мышлением и опытом формируется то зерно, которое нужно будет проращивать на трудных жизненных путях и в научном творчестве.

Изучив санскрит – эту, можно сказать, универсальную смысловую матрицу, возвышенный язык, которым пользовались образованные брамины, донесшие до нас знания великих мудрецов древности, Юрий Николаевич приступает к работе с «Упанишадами», сохранившими зерно мудрости Востока. И это зерно сеялось на почву богатых духовных накоплений, на ее утонченный культурный слой, взрылленный осмыслением метареалий и подпитываемый психическими силами стремящейся ввысь души. На заповеданном и озаренном Учителем пути *«слагается и звенит песня о нарастающей необходимости подвига»* [5, с. 39].

Изучение языков и символики искусства Востока, его религий и культуры особым образом преображали мышление молодого ученого, готовили его к восприятию всего многообразия исторического пространства.

Впоследствии этот опыт пригодится ему в Центрально-Азиатской экспедиции, где вместе с родителями нужно будет воссоздать и осмыслить *«уникальную живописную панораму земель и народов Срединной Азии»*, доказать на собираемом лингвистическом, этнографическом, археологическом и историко-культурологическом материале, что *«Центральная Азия была колыбелью и местом встречи многих азиатских цивилизаций»*, которые в течение тысячелетий определяли эволюционное будущее различных народов Евразии.

В 1923 году Юрий Николаевич вместе с семьей приезжает в Индию, где в маленьком придорожном храме Дарджилинга происходит незабываемая для всех Рерихов встреча с Учителем. В Сиккиме Юрий продолжает заниматься переводом «Упанишад», работа над которыми началась в Кембриджском кружке. В Дар-

джилинге он пишет: *«Упанишады представляют из себя заключительный аккорд древнеиндийской мысли. Те мистические предствояния, в течение которых отшельники передавали своим ученикам венец своих духовных исканий. Таково их внутреннее значение. ...Упанишады не принадлежат определенным авторам. В них отразились века духовных исканий»* [6, с. 15].

Его также интересуют психические способности ламаизма, и уже в то время задумывается проведение целого исследования на эту тему.

Говоря о «Тибетской живописи», фактически первой большой самостоятельной его работе, вышедшей в Париже в 1925 году, следует подчеркнуть, что Юрий Николаевич начал свои научные изыскания как знаток искусства, изучая искусство Тибета. Напомним, что с юных лет он сам хорошо рисовал, лепил, писал стихи. Его жизненный путь в чем-то был созвучен тезису, высказанному отцом: *«В своих лучших открытиях наука оказывается искусством. Подобный поражающий научный синтез навсегда запечатлен в человеческом мозгу как нечто непреложно убедительное»* [7, с. 87].

Здесь очень важно отметить, что искусство является самым непосредственным, сердечным способом донесения истины. Искусство, рожденное чистыми сердечными побуждениями, открывает новые пути для науки и охраняет научную этику, придает знанию созидательную и благодную силу.

Познание себя как ученого и становление личности Юрия Николаевича также можно проследить, изучая его «искусство жизни», которое разворачивалось начиная с юношеского возраста. Сохранились его стихи периода обучения в гимназии К.И.Мая и первые стихотворения, написанные в Америке в 1921 году, которые свидетельствуют о философских исканиях будущего ученого, о первых духовных озарениях.

Позднее это проявляется через интерес к буддийской иконографии и культуре в целом и, конечно же, через его комплексные востоковедные исследования. Лингвистические и психологические дарования Юрия Николаевича способствовали формированию определенной мировоззренческой матрицы, созвучной культурно-исторической реальности азиатских народов, с которыми он будет соприкасаться впоследствии. Освоение этого языкового пространства, перевод его в пространство смыслов способствовали проявлению новых граней многогранной личности ученого.

Самодисциплина и преодоление некоторой необузданности в характере кристаллизовали высокие нравственные качества и умение распознавать явления. *«Часто меня упрекают в излишнем милитаризме и редко понимают, что эта воинственность духа, которая часто меня захлебывает, есть не что иное, как внешнее выражение боевой готовности смело смотреть в глаза событиям»* [5, с. 67] – пишет он матери в 1930 году из Нью-Йорка.

В одной из книг Учения Живой Этики говорится о том, что простая хозяйка, которая взбивает масло из молока, познает тем самым самую важную Космогонию, ибо именно таким путем зарождаются небесные тела [8, § 193]. Знакомый индийцам образ пахтанья Мирового Океана и добывания амриты, нектара бессмертия, наводит на мысль о том, что подобным путем рождаются не только планеты, но что таким же образом происходит и сублимация определенных качеств сознания человека. Вспомним, что Елена Ивановна утверждала, что наука увяится на утраченном древнем методе изучения соответствий и аналогий между функциями Космоса и человека. Но для этого сам ученый должен пройти разные пути становления своего мировоззрения. Юрий Николаевич постигал и осмыслял гигантские пути человеческой истории. В статье «Монголия. Путь завоевателей» он пишет: *«Почти две тысячи лет волна за волной неукротимые кочевые племена бросали под копыта своих коней могучие цивилизации и поработали целые народы... Мы все еще не можем постичь источник этого мощного потока народов, привлеченных центрами древних культур, вступавших на путь завоеваний и сотрясавших границы Китая и Римской империи. Железные легионы древних римлян и тонкая дипломатия китайских государственных мужей не смогли остановить натиск кочевых племен... Но теперь мы учимся признавать историческую важность кочевничества и огромное влияние, оказанное им на соседние и покоренные народы»* [9, с. 288–289].

В этих процессах отражено, образно говоря, пахтанье социально-культурных слоев материи, из которой «взбивается» историческая реальность. Пахтанье, порожденное энергиями кочевых племен и явленное в ритмах волн завоеваний. В этом кроется какой-то глубокий смысл, позволяющий некоторым ученым-евразийцам, например Л.Н.Гумилеву, совершенно по-иному осмысливать историческую роль того явления, которое привычно называют нашествием или монгольским игом. Подобными

процессами складывались условия, необходимые для возникновения новых возможностей и качеств взаимодействия народов, для сближения их культур.

В своих исследованиях Юрий Николаевич выявляет конкретные знаки и вехи этих путей, показывает неслучайность тех сил, которые толкали кочевые племена к широким передвижениям и обуславливали взаимосвязи их языков. Языков в широком понимании, не только в смысле вербального общения, но и того языка, который дошел до нас в петроглифах, после которых зазвучал уже в «зверином стиле», проявился в символах, ритуалах, орнаментах, в легендах, фольклоре и был отражен в других произведениях искусства и литературы.

Целые области наук подобно маслу всплывают на поверхность «молока знаний», когда приходит их срок. *«Ученый, который больше не замыкается в своем одиночестве, хочет, чтобы наука участвовала в жизни, позволяет всему человечеству созерцать результаты своих трудов. Многие науки, считавшиеся прежде «абстрактными», в настоящее время приобретают практическую ценность. Еще совсем недавно востоковедение было замкнутым полем деятельности, где производились углубленные исследования, однако его сокровища были недоступны остальному миру и были от него скрыты под густой завесой времени. Но наступил час, когда эта наука, посвященная восстановлению событий прошлого, оказалась призвана указать людям новые пути и, таким образом, облегчить взаимопонимание двух великих очагов мировой цивилизации»* [10, с. 258], — отмечает Ю.Н.Рерих в статье «Расцвет ориентализма».

В этой же статье ученый пишет о том, что пропасть, разделяющая Восток и Запад, — искусственная, она связана с укоренившимися в сознании людей предрассудками, что *«достаточно освободиться от этих предвзятых идей, для того чтобы вопрос получил совсем иное решение»*. Здесь же высказана важнейшая мысль, научное разрешение которой откроет пути для развития метаистории: *«Одна за другой появлялись на исторической сцене новые нации. Невозможно подняться до истоков этого мощного потока. Мы встречаемся здесь с еще не объясненным явлением жизни кочевых народов, с новой проблемой психологии народов. Быть может, существует сила притяжения древних центров великих цивилизаций. Психология народов все еще пред-*

ставляет собою почти не исследованную область науки. И до тех пор, пока не будет достигнут прогресс в данной области, придется удовлетворяться простыми гипотезами» [там же].

И вновь следует напомнить о том, что Юрий Николаевич многое унаследовал от своего отца. Возьмем путевые наблюдения Николая Константиновича. Не просто ради красивых ассоциаций он сравнивает узоры кашмирских шалей с каким-нибудь русским орнаментом или, наблюдая танцоров на празднествах в Кулу, почему-то вспоминает Мексику. В степях Монголии вдруг слышит он звучание рога вагнеровского Зигфрида, а в сказаниях о Гесэрхане находит отголоски скандинавской «Эдды». Почему такие вещи возникают? Да потому, что то, что рождено в сознании гениального человека, созвучит надземным пространствам, в которых складываются судьбы народов. В накоплениях духовного опыта ученого и художника – Юрия Николаевича и Николая Константиновича, содержатся как бы ростки этой сопричастности единству путей общечеловеческой культуры. И, конечно, очень важно доказательно выявить на научном языке эти процессы, открывающиеся сначала в ассоциациях, а потом духовно постигаемые при рассмотрении пластов того «алхимического котла», в котором варится вся человеческая история.

«В пене океанских волн каждый неопытный мореход находит хаос и бесформенное нагромождение, но умудренный опытом ясно различает и законный ритм, и твердый рисунок нарастания волны. Не то же ли самое и в пене смятения народов? Также было бы недалеко видно не различить гигантских волн эволюции. Было бы несправедливо не заметить внутренней законности и трогательных проявлений души народной. В этих проявлениях отражается высшая непреложная справедливость. Поучительно замечать, как народный глаз и народный ум возвращаются к своим героям, в многообразном подвиге которых выражена душа народная.

Герои, во время их строительного подвига, и не подозревали, что они являются выразителями стран, выразителями самой ценной конденсированной психологии. Они творили Благо. Они следовали своему непосредственному зову сердца» [11, с. 232], – пишет Н.К.Рерих в статье «Душа народов».

Худоожественное творчество Николая Константиновича и научная мысль Юрия Николаевича также выражали сущность души разных народов. Именно поэтому у Юрия Николаевича появляются

такие серьезные научные исследования, как «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета». Эту небольшую книжечку Л.Н.Гумилев называл «эпохальной работой». И это понимают все исследователи скифо-сарматского искусства, так как в этой работе концептуально связаны большие пространства Евразии. И что самое важное, впервые представлен анализ материальной культуры Тибета благодаря исследованиям и находкам Центрально-Азиатской экспедиции Рерихов.

Говоря о становлении личности Юрия Николаевича как ученого, нужно кратко остановиться на его исследованиях по буддизму. Наряду с тибетологией и монголоведением буддология представляла основную сферу научных интересов Ю.Н.Рериха.

Изучая следы, оставленные сменой мощных потоков разных народов, Юрий Николаевич использовал те знания, опыт и психологические установки, которые приобрел благодаря проникновению в самую суть буддизма.

В своей статье «Буддизм и культурное единство Азии», давшей название только что изданному Международным Центром Рерихов сборнику, Юрий Николаевич обращает наше внимание на одновременное появление в VI–V веках до н.э. в разных странах великих личностей, чьи Учения связаны родством мысли. Это – Будда в Индии, Гераклит Эфесский в Греции и Лао-цзы в Китае. В первом тысячелетии н.э. буддизм уже создает культурное единство многих азиатских народов и, набирая мощь новой волны VII века, победно шествует через Гималаи в Тибет, а еще через девять веков достигает Монголии. Эта сила Учения Будды и значимость его чистых основ для современности можно объяснить тем, что *«в сфере чисто философской мысли – это утверждение единства Сознания и Материи или Энергии и Материи... в сфере социальной этики – служение человечеству как единому целому и духовный подъем масс»* [12, с. 10]. Гуманистические идеалы, проповедуемые буддийскими наставниками и доступные простому народу, способствовали возникновению той новой творческой силы, которая закладывала основы общинного сознания.

И хотя буддизм оказался изгнанным из Индии, он принес другим народам Центральной Азии «лучшие достижения индийского разума», в том числе искусства и науки, которые получили распространение от юга России до Тихого океана. В результате этих процессов и Тибет аккумулировал новые энергии через буд-

дизм, то есть через духовное учение, оказавшее свое влияние и на добуддийские верования типа бон. Возникли новые волны, движимые не только кочевыми племенами, а вдохновляемые более высоким по своему статусу социальным слоем, ассимилировавшим великие мысли, проработанные многими подвижниками буддизма в Индии, Китае, Непале и др.

Здесь уместно напомнить, что отец Юрия Николаевича был причастен к завершению этой волны проникновения буддизма в Европу. Николай Константинович входил в состав Комиссии по созданию буддийского храма в Петербурге. Это был первый в Европе, самый большой буддийский храм, посвященный Калачакре. Он был открыт в 1915 году, а освящен – в 1913-м. Тогда же сложилось и определенное дружеское сообщество, объединявшее Николая Константиновича с рядом выдающихся российских востоковедов, принимавших участие в этой Комиссии. Удивительны пути личных отношений и созвучий творческих мыслей людей, которые на время оказались сопричастными одному делу, но это уже тема другой статьи.

Вернемся к институту «Урусвати». Задуманный как научный институт по комплексному изучению обширного региона Азии, «Урусвати» нес в себе идею синтеза, который прежде всего осуществлялся в совместной работе его основателей.

Структура института определяла степень участия каждого из семьи Рерихов в разнообразных научных разработках. Руководство институтом было поручено Юрию Николаевичу, который состоял директором и ведущим сотрудником «Урусвати». Николай Константинович, проводивший много времени за мольбертом и обремененный множеством других дел, был вдохновителем и идейным наставником, на его долю приходилась археология, сравнительная культурология, поиски родственных начал в искусстве разных народов. Елена Ивановна – президент, основательница института, собирала и обрабатывала различные источники философской мысли Востока, вела подробные дневники своих наблюдений. Младший сын – Святослав Николаевич, художник, знаток древнего искусства и местных фармакопей, хороший ботаник и орнитолог, отвечал за естественные науки.

Многосторонность знаний и занятий каждого из семьи Рерихов при их сотрудничестве и неутомимой энергии способствовала успеху и широкому признанию института как в самой Индии, так и за ее пределами.

Деятельность института базировалась на достижениях мировой науки и на использовании той научной информации, которую сотрудники «Урусвати» собирали в малоизученных районах Азии. Об этом принципе комплексной стационарной экспедиции Н.К.Рерих писал: *«Когда мы основывали институт, то прежде всего имела в виду постоянная подвижность работы. Со времени основания каждый год происходят экспедиции и экскурсии. Не нужно отказываться от этой уже сложившейся традиции. Если все сотрудники и корреспонденты будут привязаны к одному месту, то сколько неожиданных и хороших возможностей замерзнут... Нужно то, что индусы так сердечно называют «ашрам». Это – средоточие. Умственное питание «ашрама» добывается в разных местах...»* [13, с. 194].

Другим важным принципом организации института выступала комплексность исследований, впоследствии планировалось представить все области наук. Это был принципиально новый тип международного научного учреждения.

При институте были сразу же открыты отделы: археологический, смежных наук и искусств, естественных наук и медицины, а также научная библиотека и музей для хранения экспедиционных находок. Каждый из отделов имел свои специализированные подразделения. Так, при археологическом отделе существовали секции общей истории, истории культуры народов Азии, истории древнего искусства, лингвистики и филологии.

В 1932 году была построена высокогорная лаборатория. В первоклассно оборудованных помещениях разместились лаборатории: физическая, общей химии, фармакологии, органической химии. Эта была первая в мире лаборатория, исследующая влияние космических факторов, электромагнитных полей Земли на свойства лекарственных растений. Намечался комплекс исследований свойств психической энергии. Эти исследования опережали развитие науки как минимум на 50 лет.

Поэтому неудивительно, что среди почетных советников по науке, членов-корреспондентов и постоянных сотрудников «Урусвати» появились всемирно известные ученые, лауреаты Нобелевской премии А.Эйнштейн, Р.Милликан, Луи де Бройль, знаменитый путешественник Свен Гедин, профессор Института Пастера в Париже С.И.Метальников, профессор К.К.Лозина-Лозинский, директор Ботанического сада в Нью-Йорке Э.Д.Мерилл и многие другие.

В результате исследований космических излучений в высокогорных зонах Ладака, проводимых институтом в международном масштабе под руководством профессора А.Комптона, был открыт широтный эффект, свидетельствующий о корпускулярной природе первичных космических лучей. Это открытие имеет фундаментальное значение для развития физики микромира и физики космоса.

Своими исследованиями институт заложил основы синтеза знаний, указал путь развития теории относительности, квантовой механики, биоэнергетики. Н.К.Рерих предвидел «великое будущее мощных энергий», но предостерегал ученых от узкопрагматических форм использования открываемых наукой сил, что неминуемо ведет к разрушению природы и человека. Он призывал к широкому научному сотрудничеству, к отказу от предубеждений и предрассудков, осознанию тех основ познания, что были заложены еще в системах древности. Поэтому он и его соратники изучали *«самые древние учения Азии»*, находя в них *«факты точной науки, сокрытые в символах»*. Это и *«магнитные токи»*, и *«космический магнит»*, и *«психическая энергия»*, и *«вездесущая стихия космического Агни»*, взаимодействие *«мысленной нервной энергии с космическими явлениями величайшего масштаба»* [14, с. 127–129].

Следует особо подчеркнуть этот принцип сочетания древних знаний с самыми современными научными открытиями, явленный в деятельности института. Вспомним, что даже археология как наука началась с того, что Александр Великий во время своего похода на Восток просто захватил в Трое какие-то археологические памятники, а потом уже начались исследования доставшихся таким образом предметов. То есть наука возникла позднее как осмысление этих трофеев.

Юрий Николаевич, проработав основополагающие тексты буддизма и будучи знаком с индуизмом, конечно, знал, что в китайских, тибетских и индийских источниках научные знания уже были предвосхищены.

К сожалению, даже в наши дни мало кому известен тот факт, что Индии принадлежит первенство в таких открытиях, как определение числа π , формулировка «теоремы Пифагора», гелиоцентрическая теория и др. Знания, первоначально передававшиеся изустно, были позднее записаны на санскрите и в этой форме дошли до наших дней. Но на Западе знакомы

лишь с малой частью богатейшего научного наследия древней и средневековой Индии. Уникальный научный материал содержится не только в «Ведах», но и в трактатах «Чаракасамхита», «Сушрутасамхита», «Брихатсамхита», в «Махабхарате», «Бхагаватапуране», «Агнипуране», «Артхашастре» и многих других текстах. Конечно, часть древних знаний выражалась на мифопоэтическом и символическом языках, требующих своей расшифровки. Но уже сам факт пробуждения интереса к ним говорит о том, что человечеству, наркотизированному грубо материалистическим мышлением, необходимо взглянуть на собственную природу с иной стороны, обратиться к тем историческим периодам, когда иными способами познания открывались одухотворенные знания о природе, человеке и его предназначении.

Не случайно автор Учения о биосфере и ноосфере В.И.Вернадский считал, что именно сочетание идей Веданты (особенно Адвайты) и буддизма становится основой для понимания многих новейших открытий науки.

Осуществив Центрально-Азиатскую экспедицию, создав Институт гималайских исследований, Рерихи способны были продемонстрировать возможности новых путей познания. Ими был заложен определенный магнит, создана новая ценностная система координат, зажжена звезда новой зари для всего человечества.

Когда Юрию Рериху было двенадцать лет, накануне первой мировой войны он написал стихотворение, которое называется «Каменный витязь». Это стихотворение заканчивается так:

*И каменный витязь стоит до наших дней!
И взор свой в даль устремляет.
А теперь, когда на нас поднялся враг страшный,
Дрогнул каменный витязь,
Блеснул он мечем высоко, высоко.
Огненный конь слетел к нему с неба,
Облаком огненным витязь помчался
Землю родную спасти! [15].*

Витязем на огненном коне промчался по полю жизни Ю.Н.Рерих, озарив нам достойные пути постижения новых знаний.

Общий труд семьи Рерихов воссоздал удивительную мозаику смен времен и народов, разрушений и созиданий в культурах прошедших эпох и выявил эволюционное предназначение Центральной Азии для будущего духовного возрождения человечества.

Деятельность института «Урусвати» способствовала кристаллизации новых знаний, освещенных радугой творчества его основателей и сотрудников.

Вспомним призыв Елены Ивановны Рерих: *«Основание Города Синтетического Знания есть великое мировое дело, потому не просить, но требовать содействия можем мы. Не для себя работаем, но для человечества. Ведь каждый готов приложить лучшие усилия на общее благо, пусть и другие поймут это чистое устремление и загорятся огнем устремления к продвижению человечества на пути к синтетическому знанию»* [16, с. 61].

Литература и примечания

1. См.: *Беликов П.Ф., Шапошникова Л.В.* Институт «Урусвати» / Урусвати. М.: МЦР, 1993.
2. Рериховский вестник. Вып.5. Извара—СПб.—Москва, 1992.
3. Философские тексты «Махабхараты». Вып. 1. Кн. 1. «Бхагавадгита». Ашхабад: Ылым, 1978.
4. Учение Живой Этики. Озарение. М.: МЦР, 1994.
5. *Рерих Ю.Н.* Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.
6. Вестник Ариаварты. № 2(3) 2002. М.—NY, 2002.
7. *Рерих Н.К.* Кредо / *Рерих Н.К.* Химават. Самара, 1995.
8. Учение Живой Этики. Аум. М.: МЦР, 1996.
9. *Рерих Ю.Н.* Тибет и Центральная Азия. Самара: Агни, 1999.
10. *George Roerich.* L'essor de l'orientalisme // *La vie des peuples.* Paris, 1923. № 42.
11. *Рерих Н.К.* Твердыня Пламенная. М., 1999.
12. *Рерих Ю.Н.* Буддизм и культурное единство Азии. М.: МЦР, 2002.
13. *Рерих Н.К.* Подвижность / *Рерих Николай.* Листы дневника. В 3 т. Т. 1. М.: МЦР, 1995.
14. Во фрагменте текста об институте «Урусвати» использован материал, написанный автором статьи в книге: *Фурсей Г.Н., Рюмцев Е.И., Чирятьев М.Н.* (при содействии и участии академика Д.С.Лихачева). Наука и образование в общем контексте культуры как определяющий фактор устойчивого развития России. СПб., 1999.
15. Рукопись стихотворения любезно предоставлена Н.В.Благово, директором Музея школы К.И.Мая.
16. Письма Елены Рерих. 1929–1938. В 2 т. Т. 1. Минск: ПРАМЕБ, 1992.

Н.В.СКИБА,

*ведущий научный сотрудник Национального
музея им. Т.Г.Шевченко,
Киев*

**ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ВОСТОКОВЕДНЫХ ИЗЫСКАНИЙ Ю.Н.РЕРИХА.
ОБ ОПЫТЕ ПОСТИЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ
ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ АЗИИ**

Истоки основных научных интересов Юрия Рериха следует искать в насыщенной утонченной культурой атмосфере родительского Дома, в ценностях и устремлениях, определявших жизнь всей семьи Рерихов. Тонкое понимание культурного разнообразия мира и стремление сохранить его — было неотъемлемой частью этой системы ценностей. Идея творческого диалога наций в пространстве Восток—Запад, концепция этничности, выраженная Николаем Константиновичем в образном понятии «Душа народов», — во многом явились отправными моментами востоковедных изысканий Юрия Николаевича Рериха.

Личностный и исследовательский опыт Рерихов, как мы убеждаемся, охватывал не только весь диапазон духовно-культурного пространства равно как Славянства, так и Центральной Азии, но оказался соразмерным глобальной проблеме Восток—Запад, которая с особой остротой встала перед нами уже в самом начале третьего тысячелетия. Однако еще в XX столетии Рерихи предложили свой опыт решения этой проблемы, суть которого сводится к философии и практике диалога — диалога культур, диалога мировоззрений и ценностей.

Эвристичность такого подхода особенно выразительно раскрывается на фоне неклассической парадигмы философии истории, в рамках которой к началу XX века сформировалась так называемая цивилизационная, или циклическая, концепция исторического процесса. Странники этой концепции, занявшей на определенное время приоритетное положение в методологии исторических наук, считали неактуальной идею эволюционных изменений в человеческом обществе, а то и вовсе отрицали факт

поступательного и закономерного развития общества, равно как и факт единства культурно-исторического пространства. На первый план выдвигалось понятие о замкнутых в себе исторических организмах – локальных цивилизациях. Подобные взгляды кульминировали в работах А.Данилевского, П.Сорокина, О.Шпенглера, А.Тойнби.

Не отрицая значения названного подхода для развития исторической мысли, заметим, что предложенная Рерихами модель исторического процесса не только вмещает, но и уравнивает полярность существующих точек зрения – с позиций уникальности и универсальности. Согласно рериховской концепции ключевые тенденции человеческой истории (в том числе большие миграции) зарождаются в силовом поле взаимоотношений Восток–Запад и Дух–Материя.

Юрий Рерих, несомненно, являет собою пример классического академического ученого в самом высшем смысле этого понятия. Но это всего лишь одна из граней его многозначной фигуры. Ему, как никому другому из его коллег, удалось максимально близко подойти к границам научного познания. Еще десять лет назад на первой научной конференции МЦР, посвященной юбилею Ю.Н.Рериха, Т.Я.Елизаренковой была озвучена мысль Юрия Николаевича о том, что существует путь науки, а есть еще иной, доцивилизационный путь познания. Однако недостаточным было бы сказать, что он в равной мере превосходно владел и тем и другим путями познания, – в этом плане он далеко не исключительное явление. Уникальность Рериха-ученого во многом обусловлена его персональным внутренним опытом сближения столь различных между собою путей познания, а также – организационным опытом создания такого творческого пространства, где оба потока познания встречались. Прежде всего, это Институт гималайских исследований «Урусвати», которым он руководил.

Синкретическим был и метод работы Юрия Рериха в рамках собственно научного подхода, что выражалось преимущественно в междисциплинарной разработке интересующих его проблем. В первую очередь это касается соотношения таких дисциплин, как востоковедение и этнология. Обе науки исторически формировались и развивались как самостоятельные научные дисциплины в тесном взаимодействии. Можно даже говорить об изначально этнических предпосылках выделения самого предмета

ориенталистики — ведь речь идет о взгляде одной устойчивой человеческой общности (расовой, суперэтнической, культурной) на другую. Однако по мере развития каждая из наук углубляла свою специфику. Так, классическое европейское востоковедение ассоциируется преимущественно с лингвистикой, работой с письменными источниками. Этнология же, как известно, имеет дело прежде всего с традиционными сообществами и культурами (как архаическими, так и составляющими структуру современного социума), а также — с этническим фактором современной человеческой личности. Накопление этнологического материала немислимо без живого непосредственного контакта с носителями традиций, предполагающего фиксацию устных и невербальных культурных текстов. Качество этой работы, глубина постижения материала во многом зависят от личности самого исследователя. Наверное, поэтому граница научного и вненаучного достаточно выразительно ощущается именно в процессе полевой этнологической работы.

В программе работы института «Урусвати» этнографии как направлению работы было уделено немалое внимание [1, с. 45]. Кстати заметить, доклады и лекции Ю.Н.Рериха о Центрально-Азиатской экспедиции, о мировоззрении, культуре и быте населения исследованных районов с большим интересом воспринимались в среде специалистов этнологов и антропологов. (Например, работа «Лекари в Тибете» готовилась как доклад для выступления во Французском этнографическом обществе). А при Европейском Рериховском Центре (в Париже) существовала комиссия по изучению Осетии.

Ю.Н.Рерих имел огромный опыт проведения полевых этнографических исследований и этнологической интерпретации полученного материала. В качестве примера можно привести хотя бы описание им обряда Разбивания камня, существующего у тибетских племен. Но что характерно для Юрия Рериха — скрупулезная научная работа у него всегда сочеталась с глубоко жизненным, личностным интересом к изучаемому явлению. В ходе Центрально-Азиатской экспедиции ученый имел возможность довольно близко познакомиться с практически неизвестным науке того времени тибетским племенем хорпа, сохранившим развитую фольклорную традицию и нехарактерную для Тибета антропологию. Еще в первой четверти XX века хоры вели типично кочевой

образ жизни (ночuya во время охоты прямо на земле, без палатки, и употребляя в пищу сырое мясо). Юрий Николаевич провел многие вечера подле хорских очагов, фиксируя неизвестные ранее версии эпоса о Гесэр-хане, «могущественном воинственном повелителе, который в прошлом покорил Тибет» и чье «появление вновь ожидается в этом мире, чтобы установить царство справедливости» [2, с. 319]. В результате этой работы исследователем обстоятельно описаны быт, верования, антропология, этническая история хорпа. Когда мы читаем книгу Ю.Н.Рериха «По тропам Срединной Азии», перед нами зримо предстают эти «сидящие на корточках фигуры, с лицами, на которых играют отблески огня, говорящие до поздней ночи о прошлых героических подвигах короля Гесэра и его семи воинственных друзьях. Обычно унылое выражение кочевников внезапно освещается тайным огнем, который передает вам лучше, чем слова, проблеск древнего воинственного духа. Огонь догорает, и припадающие к земле фигуры мужчин, с головами, склоненными низко к коленям, и пряди их длинных черных волос постепенно исчезают в темноте» [2, с. 319].

Фраза Юрия Николаевича о «тайном огне», который «передает лучше, чем слова, проблеск древнего духа», достаточно точно характеризует его самого как исследователя. «Если рассматривать этнографическое исследование с точки зрения личного опыта, то оно заключается в том, чтобы искать общий язык», — отмечает Клифорд Гирц, известный американский антрополог [3, с. 21].

Диапазон личного опыта Юрия Рериха позволял ему свободно находить общий язык и с разбойными племенами голоков и панагов, и с учеными ламами, ревностно оберегающими от посторонних тонкости философских систем или медицинские знания. «Трудности в этой области исследования многообразны, — отмечает Рерих в докладе «Лекари в Тибете». — Необходимо заслужить доверие туземных лекарей, терпеливо проработать тысячи страниц рукописей, часто написанных чрезвычайно сложным техническим языком, близко ознакомиться с туземным мировоззрением и, помимо всего, сохранить к нему непредвзятый подход» [4, с. 205]. В этнологической практике подобный метод, которым прекрасно владел Юрий Рерих, получил название «включенного наблюдения» [5, с. 8].

Таким образом, сугубо человеческие качества исследователя можно назвать главным инструментом его полевой работы. И вряд ли будет успешным тот ученый, который позволит себе отношение

к своим респондентам как к объектам науки. В накоплении этнографических знаний представлен «*субъект-субъектный процесс, где люди участвуют в общении своей целостностью*» [6, с. 8]. Ведущий российский этнолог Я.В.Чеснов утверждает, что «*этнограф как специалист, должен быть профессионально чувствительным к расширяющимся смыслам культуры*» [6, с. 9].

Следует отметить, что хронотоп Центрально-Азиатской экспедиции как научного проекта существенно отличался от ему подобных акцентом на будущем времени и на категории Вечности. Что, кстати сказать, давало руководителям проекта возможность глубже постичь изучаемое ими прошлое и настоящее. Ю.Н.Рерих утверждал, что «*науке, занимавшейся воссозданием прошлого, выпало на долю указать людям новые пути, облегчающие взаимопонимание между двумя великими очагами мировой цивилизации*» [4, с. 13].

Как ученый, Ю.Н.Рерих одним из первых обратился к ноуменальному, неритуальному уровню этнокультурных процессов, к тому сегменту культуры, который в наше время получил название *Intangible Heritage of Humanity* [7]. Уловить эти глубинные течения культуры ученый может лишь посредством собственного духовного опыта.

Такие явления, как духовная традиция, в процессе оформления конкретного научного труда не столько фиксируются, сколько реконструируются, воспроизводятся, заново моделируются исследователем. К.Гирц, например, считает, что «*заниматься этнографией — это то же самое, что пытаться читать манускрипт, — иноязычный, выцветший, полный пропусков, несоответствий, подозрительных исправлений и тенденциозных комментариев, но при этом написанный не общепринятым графическим способом передачи звука, а способом отдельных примеров упорядоченного поведения*» [3, с. 17]. Рерих обладал редкостной среди ученых способностью войти «внутри» изучаемого явления, постичь его через сопереживание.

В известных на сегодняшний момент трудах Юрия Николаевича понятие «духовная традиция» не фигурирует, оно было сформулировано позже. Мы же его тут воспроизводим, потому что оно дает более или менее целостное представление об основном предмете научного интереса Рериха. Упомянутое уже определение *Intangible Heritage* близко подходит к искомому нами понятию. Современные этнологи разделяют его на четыре больших группы, которые охватывают следующие категории духовного

наследия: 1) обряды и ритуалы; 2) знания и верования; 3) устные истории (повествование); 4) музыка и танец. Однако динамический элемент культуры в приведенной классификации уловлен недостаточно [8]. Наиболее убедительное определение явления, стоящего за понятием «духовная традиция», мы находим в работе Л.В. Шапошниковой «Мудрость веков», впервые опубликованной в 1989 году в журнале «Наука и религия» [9, с. 46–58]. *«Сама духовная традиция, складывающаяся, казалось бы, из самых разных компонентов, таких, как философия и народные верования, различные религиозные системы и фольклор, а также многое другое, тем не менее представляет собой нечто целостно синтетическое, обладающее особенностями, лежащими «поверх» (по выражению Рериха) этого целостного явления»,* — формулирует Людмила Васильевна свой опыт постижения индийской культуры [9, с. 46]. Духовную традицию исследовательница характеризует как *«стержень»* этой культуры [9, с. 53]. Исходя из этого, обозначим духовную традицию как интериорный, то есть внутренний, глубинный, аспект культурной традиции.

Можно выделить по меньшей мере **два параметра**, в которых далее предлагается рассматривать понятие **«духовная традиция»**: 1) *генерализирующий*, в котором мы имеем дело с суммой конкретных культурных традиций и явлений, с их квинтэссенцией и сутью; 2) *индивидуализирующий*, в котором ставится вопрос об истоках той или иной традиции и выделяется персонифицированный духовный опыт, легший в ее основу.

Юрий Рерих, ставя вопрос о сущностной природе этно-исторических миграций, связывает их с закономерностями распространения определенных идейных и художественных течений. *«Несмотря на удивительное разнообразие народов, языков и религий, сложившихся в Азии, внимательный наблюдатель может заметить определенный культурный субстрат, доживший до наших дней и общий для большей части Азии. Это культурное единство было, вероятно, более выражено в эпоху до Х в. н.э., и оно обязано своим существованием буддизму»* [4, с. 20]. Но при том, что целостность культурного пространства и обязана своим существованием буддизму, оно образует собою нечто не сводимое, собственно, к языку, национальному мифу, религиозной доктрине или отдельному институту, хотя и вырастает на тех или иных религиозных ценностях и картине мира (в данном случае — буддийских). Эвристичность

подхода Ю.Н.Рериха становится более выразительной при сопоставлении его с тезисами, выработанными различными этнологическими школами в последней четверти XX века. Так, А.К.Байбуриным была предложена формулировка, что смысл традиции заключается в передаче картины мира. Благодаря подобной трансмиссии духовного опыта культурное пространство представляет собой целостность не только в пространстве, но и во времени. А С.Е.Рыбаков убедительно обосновал мысль о необходимости привлечения такого понятия, как «ценность» [10, с. 13] для вскрытия сущности этнического.

Таким образом, *духовные традиции*, связывающие в единое целое огромные территории, неисчислимы поколения и, казалось бы, удаленные во времени и пространстве исторические судьбы, — составляли основное содержание работы Рериха-ученого.

Движению, взаимосвязям, взаимовлияниям и взаимообогащениям духовных традиций, заключенных в религиозных доктринах, фольклорных сюжетах, эстетических канонах, посвящены такие его работы, как «Тибетская живопись» (1925), «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» (1930), «Сказание о Царе Кэсаре Лингском» (1942), «Культурное единство Азии» (1950), «Сказание о Раде в Тибете» (1960).

Если в статье «Культурное единство Азии» в большей мере задействован генерализирующий, экстериторный параметр осмысления духовной традиции, то в работе «К изучению Калачакры» мы встречаем преимущественно внутреннее измерение духовной традиции. Этому исследованию принадлежит особое место в научном наследии Ю.Н.Рериха. Здесь ученый касается понятия, без которого невозможно понять ментальности, системы ценностей, жизненного уклада и истории огромного региона, включающего Индию, Тибет и Центральную Азию. «*Вопрос системы Калачакра тесно связан с проблемой происхождения тибетского шестидесятилетнего цикла, а также с проблемой Шамбхалы, загадочной страны, откуда эта система проникла в Индию во второй половине X в.*», — считает Ю.Н.Рерих.

Как мы знаем из его трудов, большое значение он придает тому факту, что на огромных просторах Центральной Азии дороги паломников накладываются на пути древних миграций [4, с. 256]. Несомненно, одним из факторов этого явления стали природно-климатические и географические условия региона, однако и в слу-

чае миграций, и в случае паломничеств, решающим условием были духовные ориентиры, которые проектировались с незапамятных времен на конкретный ландшафт. Эти ориентиры, представляющие собою сложную совокупность системы ценностей, образа мыслей и действия, психологические механизмы их актуализации, находились в центре внимания Рериха-исследователя.

Изучавшийся Рерихами район имеет ряд особенностей. В культуре Индии и Центральной Азии сосуществовали разностадиальные духовные явления — от архаических до вполне современных по уровню мышления. Однако это были не изолированные миры, а Универсум, связанный линией преемственности традиций и определенной иерархической структурой, благодаря чему культурная карта Индии и Центральной Азии представляет собою многослойный палимпсест со сложным переплетением знаковых систем и типов мышления.

Рериховская экспедиция вступила на территорию Центральной Азии в период нарастающей волны исторических и социальных трансформаций в регионе. Это накладывало свой отпечаток на работу исследователей. Когда этно-культурное пространство изучаемого региона, образно говоря, «фонит» от геополитических сдвигов, нужно особенно обострять слух, чтобы отличить тихие внутренние голоса Культуры от посторонних «шумов». (Чего нельзя сказать о некоторых современных исследователях Рериховского наследия. Например, Владимир Росов до такой степени усиливает политический фон вокруг Рерихов, что он практически подавляет голос самих Рерихов.)

Юрий Николаевич, как и все члены этой уникальной семьи, обладал таким утонченным восприятием, которое дало ему возможность обратить трудности, обусловленные временем, в преимущества. Ведь роль духовных традиций как средоточия живых ценностей наиболее полно постигается именно в «эпохи перемен». *«Главное не то, что захоронено в прошлом, что забылено в старинных книгах, переписанных и недописанных. При новом строительстве важно то, что еще сейчас возвращается в жизни. Не по полкам библиотек, а по живому слову измеряется состояние духа»*, — писал в экспедиционном дневнике Н.К.Рерих [11, с. 64].

В масштабах Азии такое вполне конкретное явление, как дорога, наряду с пространственным продолжает сохранять свое временное и духовное измерение. Думается, что не случайно книгу,

написанную по результатам экспедиции, Юрий Николаевич назвал «По тропам Срединной Азии». Этнические сообщества, в которых сильна преемственность традиций, не порывают с таким вековым наследием, как семиотически структурированное пространство и при освоении современных форм цивилизации. Сакральная топография как бы просвечивает сквозь физический ландшафт. *«Сохранившаяся до сих пор традиция паломничества является неотъемлемой и, пожалуй, самой интересной в социальном плане частью духовной культуры»* [9, с. 50], — считает Л.В.Шапошникова.

Иными словами, в обстоятельствах Азии явления духовных традиций невозможно адекватно постичь вне традиции живой передвигаемости, вне путей сообщений, как элемента культурного текста. Прочсть — «провести пальцем» — по строкам этого культурного метатекста, означало получить персональный опыт его семантически-пространственного, эмоционального и эстетического восприятия. И когда мы говорим, что Рерихи, сохраняя свою славянскую и российскую идентичность, вошли в самую сердцевину Восточной традиции, то необходимо учесть, что это вхождение имело вполне конкретное выражение в маршруте Трансгималайской экспедиции, который пролегал не только по географическому, но и по духовному пространству Срединной Азии [12, с. 154–155].

Следуя караванными дорогами, тропами паломников, путями Великих переселений народов, Рерихи не были отстраненными наблюдателями. Центрально-Азиатскую экспедицию в какой-то мере можно назвать и своеобразным этнологическим экспериментом, в ходе которого было промоделировано взаимодействие различных этнических и религиозных традиций. Ведь в состав экспедиции входили представители разных этносов и вероисповеданий. Следует отметить, что «участвующее (или включенное) наблюдение» Рерихов было предельно чутким и бережным по отношению к изучаемым явлениям. Здесь мы вступаем в зону персонифицированного аспекта духовной традиции.

Как уже было отмечено, наиболее глубокие измерения этого явления открываются лишь в пространстве непосредственного диалога с его носителями. И речь идет не только об архаических аспектах традиции, попадающих в поле внимания европейских этнологов и антропологов в большинстве случаев. На экспедиционных маршрутах Юрий Николаевич имел опыт постижения та-

кого измерения духовных традиций Азии, интеллектуальный и духовный уровень которых превосходил европейские аналоги. Приведем строки из путевого дневника его отца: *«Лама говорит, что один ученый буддист в Ладаке хотел иметь ученое рассуждение с Юрием о буддизме. Тогда лама побоялся устроить этот диспут. Он говорит: «Я боялся, может ли сын Ваш говорить об основах учения. ...Но сейчас я жалею, что не устроил этого рассуждения в Ладаке. Ведь ваш сын, он все знает! Он знает больше многих ученых лам. Вот я вам задавал разные вопросы незаметно и постепенно, и вы все мне разъяснили»* [11, с. 144]. Традиция «ученых рассуждений», или философских диспутов — черта и в настоящее время достаточно выраженная в буддизме. Примечательно, что зафиксированный Николаем Константиновичем разговор с ламой произошел в Ладаке, месте, связанном с магистральным направлением распространения буддизма, ибо в свое время *«через Ладак проследовали многие индийские пандиты, шедшие проповедовать учение Махаяны в Тибет»* [4, с. 238].

Таким образом, включенное, или участвующее, наблюдение предполагает, прежде всего, уважение к ценностям иных культур. Юрию Рериху, как и всем членам этой уникальной семьи, в наивысшей мере было свойственно такое отношение к представителям любых культур. Однако Рерихи сделали несколько принципиально новых шагов в этом направлении, которые решительно выделили их на фоне XX века, — они пришли к сотворчеству ценностей. Именно это обстоятельство делает Рериховское наследие органически вживаемым в пространство практически всех национальных культур, способным работать в нем, опираясь именно на локальное и этническое своеобразие, обогащая и расширяя его до универсальных измерений.

Литература и примечания

1. *Рерих Ю.* Вершина современной науки // Рериховский вестник. 1992. №5.
2. *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1994.
3. *Клиффорд Гирс.* Интерпретация культур. К.: Дух і літера, 2001.
4. *Рерих Ю.Н.* Тибет и Центральная Азия. Самара: Агни, 1999.
5. *Белик А.А.* Культурная (социальная) антропология — область научных исследований и учебная дисциплина // Этнографическое обозрение. 2000. №6.
6. *Чеснов Я.В.* Этнологическое мышление и полевая работа // Этнографическое обозрение. 1999. №6.

7. Неосязаемое (невещественное) наследие человечества (*англ.*).
8. Papers for the International Conference on the UNESCO Proclamation of Masterpieces of the Oral and Intangible Heritage of Humanity (16–21 July 2002. Szekszard, Hungary).
9. См.: *Шапошникова Л.В.* Мудрость веков. М.: МЦР, 1996.
10. *Рыбаков С.Е.* К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект // *Этнографическое обозрение*. 1998. №6.
11. *Рерих Н.* Алтай–Гималаи. Рига: Виеда, 1992.
12. См.: *Лавренова О.А.* Философия ландшафта и геокультурного пространства в творчестве Н.К.Рериха // *Человек*. 2001. №1.

А.Л.БАРКОВА,

*кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник научного отдела МЦР,
Москва*

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА АЗИИ В РАБОТАХ Ю.Н.РЕРИХА

Темой моего выступления является сборник работ Ю.Н.Рериха «Буддизм и культурное единство Азии», выпущенный Международным Центром Рерихов к столетнему юбилею великого ученого. Мне выпала высокая честь быть переводчиком этой книги.

В юбилейный сборник вошли произведения Ю.Н.Рериха, хранящиеся в архиве МЦР. Таким образом, состав сборника обусловлен чисто внешними причинами: подбор работ по месту хранения. И этот «случайный» с содержательной точки зрения состав оказался в высшей степени показателен.

Сборник объединяет в себе самые непохожие работы. Его открывает ряд газетных статей. Они короткие, не более пяти машинописных страниц, и посвящены теме индийского буддизма, влиянию Индии на культуру соседних стран и тому подобному. Самая маленькая из них (две страницы в оригинале) даже не имела названия и была прикреплена к рукописному черновику одного из вариантов работы «Тибетский буддизм», поэтому ее пришлось озаглавливать переводчику.

Далее следуют несколько работ по истории тибетского буддизма. Часть из них была опубликована, перевод делался с оттисков; неизданные статьи переводились с машинописи (частично это была машинопись с рукописной правкой). И здесь есть момент, интересный для тех, кому важно понять метод работы Юрия Николаевича. Мы опубликовали четыре варианта статьи «Тибетский буддизм», причем первые три – это последовательное расширение текста статьи, а третий и четвертый разнятся буквально парой абзацев. Там же находится статья «Приход буддизма в Тибет», которая развивает один из пассажей обзорной статьи «Тибетский буддизм». На этом примере четко видно, как Ю.Н.Рерих расставлял акценты в

обобщенном изложении материала, действуя как популяризатор в самом лучшем смысле этого слова.

Все эти работы чрезвычайно легки для чтения как по-английски, так и, надеюсь, в переводе на русский. Это одна сторона работы Юрия Николаевича, сторона публицистическая и, повторюсь, в лучшем смысле слова популяризаторская.

С другой стороны, в эту книгу входят работы строго востоковедческие. Это английский вариант доклада «Тибетские заимствования в монгольском языке», работа «Тибетские тонемы», посвященная тоновому ударению в тибетских словах, а также «Ванаратна — последний из великих пандитов», «Проблемы тибетской археологии» и некоторые другие.

Третья часть книги — это перевод намтара, то есть жития, тибетского буддийского ученого, святого [1] Дхармасвамины Чаглоцзавы. Юрий Николаевич перевел текст с тибетского на английский; переводя его на русский, я подразумевала, что за английским стоит тибетский оригинал, и поэтому позволила себе некоторое архаизирование там, где оно было допустимо.

Таково содержание книги. На первый взгляд, эти три части относятся к совершенно разным, не пересекающимся между собой областям.

Но когда я перевела примерно треть статей, то обнаружила, что все работы, безотносительно тематики и жанра, основаны на одной и той же методике. Для Юрия Николаевича сами по себе археологические, религиоведческие, лингвистические вопросы представляли интерес значительно меньший, чем осмысление их как результата взаимовлияния культур. В этом аспекте небольшая статья «Буддизм и культурное единство Азии» представляется лейтмотивом всей книги и поэтому ее название было вынесено на обложку сборника.

Индия для Ю.Н.Рериха — это колыбель многих культур Азии. То есть это место, где зарождаются ярчайшие философские и художественные идеи, но как ребенок вырастает из колыбели, так и эти идеи со временем уходят из Индии, распространяясь по огромному географическому пространству. Так, статья «Тибетское искусство» фактически является историей культурных влияний в тибетском искусстве. В статье речь идет о контактах с Индией и Непалом; Ю.Н.Рерих пишет, что в ранний период Непал был страной высокой культуры, в то время как Тибет только начал

знакомиться с буддизмом и уступал своему соседу не только в культурном, но и в политическом отношении, медленно и тяжело преодолевая феодальную раздробленность. Проникновение буддизма шло через Непал, и в этот период влияние непальского искусства было чрезвычайно мощным, так что художественные произведения этого времени тибетцы называют «непальским стилем». И когда, спустя тысячелетие, Непал стал в культурном отношении значительно проигрывать процветающему буддийскому Тибету, то начался обратный процесс и пошло влияние тибетского искусства на непальское.

Подобные цепи влияний и представляли для Ю.Н.Периха основной интерес.

В этом смысле очень показательно вступление к работе «Тибетские заимствования в монгольском языке». Первые две страницы этого, казалось бы, лингвистического доклада посвящены истории культурных связей Тибета с Монголией. Причем идея параллелизма проводится более чем тщательно: не просто описывается, каковы были эти связи, но сравнивается влияние Тибета на Монголию во второй половине второго тысячелетия н.э. с влиянием Индии на Тибет во второй половине первого тысячелетия н.э. — спустя тысячу лет история повторяется. Речь идет о том, что как в Тибете, так и в Монголии на первом этапе принятия буддизма терминология просто заимствуется. При неразвитости национальной философской традиции в Тибете буддийская терминология изначально — санскритская, спустя тысячу лет в Монголии — тибетская. Следующий этап охарактеризуется бурной переводческой деятельностью, когда каждому классическому термину подыскивается более или менее адекватный национальный эквивалент. Затем, с развитием философии и ростом образованности народа, происходит следующее интересное явление: заимствованные из тибетского языка слова склоняются и спрягаются по-монгольски, и, таким образом, в монастырях создается свой жаргон, практически недоступный постороннему [2]. И вот только после такого обстоятельного культурологического вступления Юрий Николаевич переходит к собственно лингвистическим вопросам.

Точно так же Ю.Н.Перих рассматривает и археологию, не говоря уже о собственно истории тибетского буддизма. В целом истории культурных влияний выглядит так: сначала индийская и непальская культуры формируют духовный облик Тибета, затем

идет небольшой (и не слишком успешный) период влияния китайской культуры, а спустя тысячу лет Тибет воздействует на Монголию и через нее – на Забайкалье.

Теперь перейдем к третьей части сборника – к намтару Чаг-лоцзавы. Но, прежде чем приступить к нему, нам надо понять причину интереса Юрия Николаевича к этому тексту и к этой личности.

В ряде работ Ю.Н.Рериха упоминается имя великого буддийского проповедника и паломника из Китая Сюань Цзана. Первые Юрий Николаевич пишет о нем на страницах своей книги «Тибетская живопись». Этот паломник прибыл из Китая в Индию в VII веке, и везде во время своих странствий он встречал чрезвычайно радушный прием, поскольку он шел через буддийские государства, и его глубокие знания и подвижническая миссия неизменно вызывали уважение. Этот исторический образ поднят Ю.Н.Рерихом на символический уровень, зримо воплощая идею объединения народов благодаря буддийской культуре. Заметим, что буддизм при этом нисколько не нивелирует национальные культуры, не поглощает их характерные особенности [3]. То же касается и отношения буддизма к национальным языкам: в странах раннего буддизма ритуалы осуществлялись на тех языках, на которых в них говорили. Описывая победоносное, но отнюдь не насильственное распространение буддизма на огромной территории, Юрий Николаевич всегда за характеристикой древних событий подразумевает современность. Его научные труды неизменно имеют публицистический подтекст.

Как любое житие святого любой религии, намтар Чаг-лоцзавы местами написан в наивно-умилительной форме, идут многочисленные и довольно однообразные описания чудес, случившихся с Дхармасвамином. Однако эти «наивные чудеса» соседствуют с жесточайшим реализмом. Так, по дороге домой Дхармасвамин заболевает, он лежит в горячке, и хозяин дома намерен его выгнать. Все это описано чрезвычайно сдержанным, скупым языком, отчего ситуация просто внушает ужас. Но ученого случайно находит его знакомый, он приводит лекаря – и в итоге оказывается, что этот знакомый – воплощение одного из божеств. Стилистический контраст очевиден.

Содержание намтара вкратце таково. Дхармасвамин Чаг-лоцзава, молодой тибетский ученый, отправляется в Индию, чтобы там постичь Учение Будды более глубоко. Целью его странствий

является Ваджрасана — монастырь, построенный на месте Просветления Будды. Какое-то время он вынужден жить в предгорьях Гималаев для акклиматизации к жаркому индийскому климату, в котором он может просто умереть. Все предупреждают его, что он рискует жизнью. Но мало неизбежных трудностей дороги! — Когда Дхармасвамин прибывает в буддийские монастыри, он обнаруживает, что там идет жесточайшая война между индийцами и мусульманами. Многие священники убиты. Многие монахи вынуждены бежать. Многие храмы разрушены. Лишь в одном случае говорится о каре свыше по отношению к человеку, осквернившему статую Будды; все прочие бесчинства остаются безнаказанными.

И вот в этих условиях Дхармасвамин совершает свое паломничество! Один из примеров: с пятью спутниками он остается в разоренном монастыре, и когда ему говорят: «Бегите, вы будете убиты!» — он отказывается, отвечая: «Я останусь, пусть даже меня убьют». И наутро они узнают, что мусульмане ушли. Другой случай: в монастыре остается только восьмидесятилетний лама, Дхармасвамин сам убеждает его бежать; одновременно говорится о приближении мусульман, и наконец Чаг-лоцзава просто выносит индийского ученого на себе. И таких примеров много.

И наряду с этими ужасами войны дается описание священных мест, так, как те выглядели до разрушения их мусульманами. Контраст впечатляет.

Самое удивительное, что переводной священный текст звучит у Юрия Николаевича публицистически злободневно: описания ужасов XIII века становятся призывом к современной ему Индии, где межрелигиозная рознь, увы, до сих пор существует.

И здесь нельзя не упомянуть об одном моменте, связанном с историей перевода намтара Чаг-лоцзавы. Что касается моей работы, это были те самые дни [4], когда мусульмане взрывали статуи Будды в афганском Бамиане. И мне было действительно страшно, когда одни и те же события разворачивались и в книге, и в реальности. Я просто боялась продолжать перевод.

Когда же Юрий Николаевич работал над переводом с тибетского на английский, то умерла его мать [5]. Ее смерть была для него тяжелейшим ударом. Свой перевод намтара он посвятил ее памяти.

И, несмотря на то, что текст намтара достаточно труден для неподготовленного читателя, я вам очень советую дать себе труд осилить его, потому что эта очень мощная вещь производит

очень сильное впечатление. Ознакомившись с намтаром, вы, как говорят буддисты, приобретете множество духовных заслуг.

Возвращаясь к непосредственной теме доклада, мы можем утверждать, что намтар Чаг-лоцзавы был выбран Ю.Н.Рерихом не случайно. Сам материал является воплощением идеи синтеза культур, разворачивая перед нами биографию человека, ставшего еще одной связующей нитью между буддийскими странами и Индией, колыбелью буддийской культуры.

Примечания

1. В Тибете понятия «ученый» и «святой» практически сливались, поскольку вся культура (и наука как часть ее) была религиозной.
2. Подобное происходило, например, и в малороссийской бурсе, где так же, как и в буддийских странах, столкнулись два чрезвычайно несхожих языка.
3. Вспомним, что веротерпимость буддизма декларирована еще в проповедях Будды, который учил, что существуют все боги, в которых верят люди, но боги живут в кама-дхату, мире страданий (как и люди), так что поклонение им не приближает человека к Просветлению. Однако сам факт существования богов не оспаривался.
Когда, спустя более тысячи лет, буддизм приходит в Тибет, то, согласно священным текстам, великий тантрист Падмасамбхава вступает в магические поединки с горными демонами и, одолев их, обращает их на службу буддизму. Когда буддизм приходит в Монголию и Забайкалье, то происходит та же ассимиляция языческих богов и превращение их в защитников Учения Будды.
4. Март–апрель 2001 года.
5. Е.И.Рерих скончалась 5 октября 1955 года.

О.А.ЛАВРЕНОВА,

*кандидат географических наук,
зав. сектором географии культуры и искусства
РНИИ культурного и природного наследия,
старший научный сотрудник научного отдела МЦР,
Москва*

**ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ РЕРИХ
В МАНЬЧЖУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1934–1935 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ)**

Маньчжурская экспедиция Н.К.Рериха 1934–1935 гг. в наши дни стала предметом пристального интереса исследователей и одновременно – поводом для околонучных инсинуаций. Снаряженная Министерством земледелия США и имевшая своей целью сбор семян засухоустойчивых растений, препятствующих эрозии почв и распространению насекомых-вредителей, Маньчжурская (или Монгольская, как называл ее сам Н.К.Рерих) экспедиция проделала огромную научно-исследовательскую работу. Ее членами было изучено свыше трехсот сортов растений, пригодных для борьбы с эрозией почвы; открыто несколько дотоле не известных науке видов растений; около 2000 посылок с семенами было отправлено в США [1, с. 95].

Объединявшая в себе научную и общественно-культурную задачи, экспедиция осуществляла также работу по созданию сельскохозяйственных кооперативов на территории Маньчжурии, а затем и Внутренней Монголии, имея в виду будущее строительство Нового мира, мира широкого сотрудничества народов.

Юрий Николаевич Рерих был в этой экспедиции правой рукой ее руководителя, своего отца, на нем лежало немало обязанностей, о чем можно судить по его переписке, опубликованной Международным Центром-Музеем имени Н.К.Рериха в юбилейном году. Письма Ю.Н.Рериха периода Маньчжурской экспедиции – еще одно наглядное свидетельство универсальности этого человека.

О деятельности Ю.Н.Рериха в Центрально-Азиатской экспедиции 1923–1928 гг., в которой он принимал участие не только как ученый и переводчик, но и отвечал за ее безопасность, мы знаем по увлекательнейшим страницам его путевого дневника, опубликованного на английском, французском и русском языках под названием «По тропам Срединной Азии». К сожалению, о Маньчжурской экспедиции такого же масштабного и целостного произведения Ю.Н.Рериха не существует. Об этом периоде свидетельствуют только научные отчеты и деловая переписка. Следует также упомянуть, что в последней книге В.А.Росова «Николай Рерих: Вестник Звенигорода» имеется ссылка на еще один документ, касающийся Маньчжурской экспедиции, – некий «дневник», хранящийся, по словам автора, в «частном архиве» [2]. Однако ввиду недоступности этого «дневника» и отсутствия доказательств подлинности вряд ли будет целесообразным принимать его во внимание.

Обратимся к переписке Ю.Н.Рериха периода Маньчжурской экспедиции. Она очень интересна, так как ярко свидетельствует об основных направлениях его деятельности в экспедиции.

Как явствует из писем Юрия Николаевича, обязанности между ним и Н.К.Рерихом изначально были распределены следующим образом: профессор Рерих возглавлял полевую партию, а Юрий Николаевич, который официально значился как «помощник руководителя экспедиции и ответственный за медицинские исследования» [3], должен был работать в качестве переводчика и собирать данные по местным лекарственным растениям и традиционным медицинским средствам.

«То, что проф[ессор] Рерих был назначен главой группы, это естественно, поскольку, как Вам известно, американцы – новички в Центральной Азии, и до сих пор большая часть работы в Монголии производилась русскими исследователями и учеными» [4, с. 15], – писал он американской сотруднице Рерихов – Ф.Грант.

На Ю.Н.Рериха, как помощника руководителя, была возложена вся организационно-научная и отчетная часть экспедиции.

На подготовительном этапе, находясь в Нью-Йорке, Юрий Николаевич вел переговоры и переписку с Н.Райерсоном, руководителем отдела растениеводства Министерства земледелия США, и Дж. Махоуни, руководителем отдела внедрения чужеземных растений (Foreign Plant Introducing). Судя по этой переписке,

часть оборудования и спецснаряжения было решено приобрести в Маньчжурии, что впоследствии создало ряд проблем из-за того, что многие пункты сметы были оспорены чиновниками, находящимися за океаном и не желающими вникать в особенности местных полевых условий.

В беседе с Райерсоном, состоявшейся в апреле 1934 года, был определен порядок взаимодействия с американскими ботаниками – Х.Макмилланом и Дж. Стивенсом, причем была сделана попытка еще до начала полевых работ поставить американских ботаников вне экспедиции. Райерсон уведомил Ю.Н.Рериха о своей беседе с министром земледелия США Г.Уоллесом, во время которой он настаивал на том, что *«в случае расхождения мнений»* Макмиллан *«волен действовать на свое усмотрение»* [5]. Юрий Николаевич писал о результатах переговоров: *«Безусловно понятно, что между членами экспедиции будет полнейшая кооперация, и если, как предположил г-н Райерсон, по какой-то причине д-р Макмиллан будет опасаться следовать в какой-либо регион, мы не должны настаивать на этом, по крайней мере для него»* [6]. Из писем Макмиллана, кстати, ясно видно, насколько тот действительно боялся за свою жизнь: по приезде в Маньчжурию тема разбойничьих банд и собственной безопасности повторялась от письма к письму, еще находясь в Дайране, он составил карту, где отметил наиболее опасные районы [7]. Напомним, что в те годы ситуация в марионеточном государстве Маньчжоу-го была далека от стабильной, в некоторых местах безнаказанно действовали вооруженные банды. По данным, собранным Макмилланом, наиболее опасными являлись восточные регионы южных провинций Маньчжурии, направление к западу от Харбина и район Хинганских гор [8]. Кроме того, некоторые территории не имели достаточно определенного политического статуса. В частности, на провинцию Джехол, куда изначально планировалась и затем, несмотря на все препятствия административно-политического характера, направилась экспедиция, притязали два государства – с точки зрения Японии она принадлежала Маньчжоу-го, с точки зрения Китая – оставалась китайской территорией.

Первые сложности начались уже при организации отъезда из США. Первоначально было выбрано японское судно, так как Рерихи оказались не оповещены о правилах организации государственных экспедиций, которым предписывалось ис-

пользовать исключительно американские суда. Юрий Николаевич пишет о предстоящем отъезде следующее: *«Мы навели справки о возможных вариантах отплытия в Японию в конце апреля – начале мая. Корабль, отплывающий 20 апреля – первый, который можно принять во внимание – слишком медлительное судно и требует нашего отъезда из Нью-Йорка 14 апреля, что не позволит нам уделить достаточно времени организационным вопросам. Поэтому мы решили отправиться на «S.S.Chichibu Maru», покидающем Сан-Франциско 3 мая и прибывающем в Японию 17 мая. Это означает, что наш отъезд из Нью-Йорка состоится примерно 26 апреля. Проведя в Японии около двух недель, мы планируем достичь Маньчжурии в самом начале июня, и экспедиция сможет приступить к полевым работам где-то между 20 и 25 июня»* [6, с. 265].

Как явствует из этого письма, в выборе японского судна не было никакого умысла. Тем не менее этот факт был до нелепого политизирован В.А.Росовым в уже упомянутой нами книге. Судите сами: *«Вскоре, в сентябре 1931-го, японская агрессия стала свершившимся фактом, – пишет Росов. – Роль Японии оказалась настолько важной, что Н.К.Рерих не мог ее не учитывать в своих политических построениях. В маршрут Маньчжурской экспедиции включена поездка в Японию в мае 1934-го. Для плавания из Сиэтла в Йокохаму первоначально были заказаны билеты на пароход японской кампании (а не американской!). <...> Идеология строительства Новой Страны требовала от Рериха четкой позиции. Он неизбежно должен был стать на сторону Японии в надвигающемся возможном конфликте, по крайней мере, на начальном этапе»* [2, с. 26]. С прискорбием приходится констатировать, что это очередное так называемое исследование В.А.Росова целиком посвящено политизированию образа семьи Рерихов. Николай Константинович Рерих, общественный и культурный деятель мирового масштаба, изображается Росовым как недалководный политик, лелеющий несбыточную мечту о новом государстве в пустынях Азии. Особый раздел книги посвящен Маньчжурской экспедиции, и, как видим, подлинные письма Рерихов этого периода развеивают все домыслы автора, берущие свое начало в клевете американских ботаников, а также в политических утках харбинского и японского производства 1934–1935 годов, о чем далее будет сказано подробнее.

Американские ботаники Макмиллан и Стивенс, предполагавшиеся как научно-исследовательское ядро ботанической экспедиции, оказались основной ее проблемой. С ними, с их отказом (после приезда в Маньчжурию!) от сотрудничества с Рерихами был связан огромный вал организационных проблем, обрушившийся на Ю.Н.Рериха. Фактически американские ботаники стали самостоятельной экспедицией, двигавшейся примерно по тому же маршруту, так как их желание посетить советский и китайский Туркестан [9] не смогло осуществиться.

Согласно первоначальному плану организации экспедиции, утвержденному Г.Уоллесом, *«проф[ессор] Рерих, — как писал Юрий Николаевич Ф.Грант, — должен был «возглавлять и защищать» [10] полевую партию, а я — помогать ему, работать в качестве переводчика и собирать данные по местным медицинским средствам. Два ботаника должны были проводить специальные исследования. Однако, как Вы знаете, оба они по прибытии в Маньчжурию покинули экспедицию и предпочли остаться в городе Хайларе, где имелся достаточно сильный японский гарнизон для защиты их драгоценных жизней»* [4, с. 14–15]. Несмотря на поряток, определенный министром, непосредственный куратор экспедиции Н.Райерсон имел свои взгляды на служебную иерархию внутри экспедиционного отряда. До того, как члены экспедиции прибыли в Японию, им было направлено письмо генеральному консулу США в Токио, где Н.К. и Ю.Н. Рерихи значились как **сопровождающие** ботаников министерства [11]. Копия этого письма была направлена Стивенсу.

Более того, предвзяв дальнейшие передвижения экспедиции, из Министерства иностранных дел США в американское посольство в Токио было послано письмо за подписью исполняющего обязанности секретаря В.Филлипса, где давались следующие распоряжения: *«Консульствам в Кобе, Дайране, Мукдене и Харбине — Рерих не является гражданином [США], ввиду чего от дипломатических и консульских учреждений не ожидается для него каких-либо действий, которые могли бы затруднить их или же правительство»* [12]. Соответственно, никакой помощи от консульств по пути следования экспедиции не оказывалось. Со всеми многочисленными организационными сложностями на территории Маньчжурии Рерихам приходилось справляться исключительно своими силами.

В свете такой «подготовки» экспедиции становится понятно, почему попытки Ю.Н.Рериха наладить деловые отношения с американскими ботаниками оказались безрезультатными. Определенную, однозначно разрушительную роль в экспедиции и в создании общественного мнения вокруг нее сыграли личные качества Ховарда Макмиллана. Этот ботаник стал источником всевозможной клеветы на руководителя экспедиции, назначенного Министерством земледелия США. В результате Юрий Николаевич вынужден был тратить немало времени на разоблачение клеветы Макмиллана, которая была абсолютно нелепа, но, будучи отправлена в министерство, требовала ответа. Как свидетельствуют письма Ю.Н.Рериха, он отвечал на это, соблюдая все правила деловой и дипломатической переписки, довольно сдержанно, но сильно.

После отделения Макмиллана и Стивенса, Рерихам пришлось организовать участие русских специалистов в экспедиции, так как министерство не озаботилось заменой дезертировавших ботаников. Один из ведущих специалистов в этой области согласился работать бесплатно благодаря международному авторитету Н.К.Рериха.

Помимо того, что ботаником-волонтером, профессором Музея Северной Маньчжурии Т.П.Гордеевым, велась работа по сбору семян засухоустойчивых растений и составлению гербариев, в кратком научном отчете за полевой сезон 1934 года. [13] наряду со сбором лекарственных растений и информации о них указан и такой пункт, как соби́рание и перевод китайских и тибетских медицинских текстов. Именно это направление научной работы было закреплено за Ю.Н.Рерихом.

Чтобы понять, в каких напряженных условиях приходилось работать членам экспедиции, следует кратко описать политическую ситуацию в Китае 1934–1935 годов. Создание марионеточного государства на территории Маньчжурии было первым шагом в японских планах завоевания Китая. Вторым шагом должна была стать интервенция во Внутреннюю Монголию. Экспедиция, начав изыскания в районе Баргинского плато, оказалась под пристальным наблюдением администрации новообразованной провинции Хинган. Эта пограничная провинция была создана специально для контроля над Монголией со стороны Японии [14, с. 22], и, следовательно, политическая ситуация в этом районе

была еще более напряженной. Поэтому экспедиционные исследования здесь были непродолжительными и вскоре экспедиция переместилась в горы Хингана.

Тем временем в Харбине фашиствующими русскими эмигрантами и местными церковными деятелями, не без участия японских властей, обеспокоенных ростом влияния известного художника и мыслителя на русскую эмиграцию и ее наметившимся сплочением, была развернута кампания по обвинению Н.К.Рериха в связи с мировым масонством и в прочих вымышленных грехах.

Отправив в Министерство земледелия США собранные семена и гербарии, 24 ноября экспедиция во главе с Н.К.Рерихом оставила Харбин и через Чаньчунь, Дайран и Тяньцзинь направилась в Пекин, куда прибыла в начале декабря. В Тяньцзине, где располагался корпус американских вооруженных сил, было получено необходимое снаряжение и амуниция для продвижения в район Гоби.

В Пекине провели зиму, готовясь к следующему полевому сезону. Русский ботаник И.Козлов описывал баргинский гербарий, собранный профессором Т.П.Гордеевым в Маньчжурии. Экспедиции удалось найти в монастыре Ганджур интересный манускрипт по местной *Materia Medica*, и Ю.Н.Рерих занимался его переводом в период камеральной работы в Пекине: *«Во время нашей стоянки в Пекине мы собрали коллекцию растительных лекарственных средств в соответствии с тибетской фармакопеей, а также наиболее важные тибетские медицинские трактаты, которые будут отправлены в Министерство до нашего отъезда из Пекина. Также мы достали ценный рукописный список рецептов»* [6, с. 283].

Из Пекина Ю.Н.Рерих отправляет в Соединенные Штаты богатейший научный материал. Как мы узнаем из его письма, им была составлена подробная карта Внутренней Монголии: *«Один пакет с оригиналом карты Внутренней Монголии, составленной мною по последним съемкам. Масштаб карты 1:500 000, это самый большой масштаб для существующих карт Монголии. Я беру с собой фотокопию карты и буду отмечать на ней наш маршрут, а также характер почвы»* [6, с. 284–285].

Тем временем из Кулу к Юрию Николаевичу приходит неутешительное известие, что результаты его многолетней работы над тибетско-санскритско-английским словарем оказались под угрозой.

Лама Мингиюр, который помогал Ю.Н.Рериху в этой работе, присвоил себе часть имеющегося у него материала и, возможно, готовит его к изданию. Ученый, предполагая объем предстоящей работы, довольно спокойно отвечает на эти известия: *«Казус со словарем немного неожидан. Конечно, многого он один сделать не сможет»* [6, с. 286–287]. Создание словаря впоследствии заняло практически все оставшиеся Ю.Н.Рериху тридцать лет до его безвременного ухода.

В конце 1935 г., когда экспедиция была завершена, Юрий Николаевич сообщит американской сотруднице Рерихов З.Г.Лихтман: *«Приходится писать ботанический отчет, а Вы знаете, что это вне моей области.»* [6, с. 322]. Тем не менее этот отчет был написан настолько профессионально, что удовлетворил Министерство земледелия.

Но еще более интересен тот факт, что Ю.Н.Рерих вполне профессионально ведет переписку на ботанические темы. Так, в письме Э.Мериллу, директору Нью-Йоркского ботанического сада, читаем: *«Наш единственный образец, к сожалению, находится не в лучшем состоянии. Его листья разделены только в направлении верхушки, хотя хохолок выглядит схожим с тем фрагментом, который Вы приложили. Наше растение выглядит как двух- или трех-летнее, сходное с *gossypiflora* в общих чертах, но, похоже, оно взято из таких мест, куда не доходят муссоны. К сожалению, по нашему образцу нет никаких полевых данных, и я могу судить только по общим характеристикам. Мы примем во внимание любую информацию по этому номеру (№ 2691), которой Вы располагаете»* [6, с. 279]. И далее следует подробное описание подвидов еще одного вида растений: *Saussera*. К научному описанию *Saussera gossypifloras* добавляется: *«Также заслуживает упоминания факт, что я лично встречал йогов (святых), которые указали на более мелкие растения как на священные. Это весьма любопытно, так как обозначение «*sacra*» было, по-видимому, дано вслед за народной традицией»* [6, с. 280].

По окончании экспедиции во Внутренней Монголии снова были отправлены посылки в Штаты, в которых содержались результаты прошедшего полевого сезона. В письме к Э.Брессману Ю.Н.Рерих сообщает: *«Посылка состоит из четырех больших ящиков (два ящика с семенами и два — с экземплярами гербария и образцами почв). <...> Отдельным пакетом я посылаю перечень растений, собранных доктором Козловым, из Тяньцзинского Музея в Чахаре.*

*Я получил информацию из Харбина о том, что наш сотрудник в Северной Маньчжурии собрал значительный запас семян *Agropyron pseudo-agropyron*, которые отправят прямо из Харбина. По возвращении в Индию я продолжу подготовку подробного научного доклада о наших исследованиях в Восточной и Внутренней Монголии и уже сейчас приступил к работе по составлению карты различных растительных зон Внутренней Монголии. Эта карта будет основываться на совершенно новом материале, собранном в ходе настоящей экспедиции. Фотоотпечатки будут отправлены вместе с докладом» [6, с. 305].*

И хотя упомянутые карты были сделаны с большой степенью генерализации и не представляли собой подробные геоботанические карты, сам факт о подобных занятиях лингвиста и историка-этнографа – еще одно свидетельство универсальности научного гения Ю.Н.Рериха.

Следует отметить, что даже собственно упаковка и отправка семян и других материалов производилась под непосредственным руководством Ю.Н.Рериха, о чем свидетельствует следующий документ: *«Дипломатическая миссия Соединенных Штатов Америки. Пекин, 14 марта 1935 г. Получено от д-ра Юрия Рериха 4 (четыре) коробки, адресованные «Отдел растениеводства, Министерство земледелия, д-ру Э.Н.Брессману», содержащие по описи семена и ботанические образцы, фотонегативы, негативы карты Внутренней Монголии, тибетско-китайский список *Materia Medica*, тибетские медицинские тексты и оригинал карты Внутренней Монголии, для отправки получателю по почте. Пауль В. Мейер, Второй Секретарь Миссии» [15, л. 7].*

В Кулу, по возвращении из Маньчжурской экспедиции, была продолжена камеральная работа по обработке собранных материалов. Ю.Н.Рерих сообщает в отдел растениеводства Ф.Ричи:

«В настоящее время наша работа здесь состоит в следующем:

- 1) каталогизация коллекции семян и образцов;*
- 2) составление отчета об исследованиях;*
- 3) подготовка карт, сопровождающих отчет» [6, с. 314].*

Заключительный отчет был завершён и отправлен в министерство 27 января 1936 года.

Но на этом история с экспедицией не закончилась. В 1936 году клеветники в Америке пытались дезавуировать научные результаты экспедиции. Министерство отмачивалось или давало невразумительные ответы на подобные заявления прессы. Более

того, самим министерством были предприняты попытки признать результаты экспедиции. Поэтому Ю.Н.Рерих вынужден вновь перечислять:

«За период нашей полевой работы на Дальнем Востоке в Министерство были высланы следующие материалы:

*1. Систематический гербарий, собранный в Барге и горах Хингана.
2. Гербарий засухоустойчивых и кормовых растений из Барги и Хингана.*

3. Гербарий лекарственных растений из Северной Маньчжурии.

4. Коллекция (83 образца) медицинских препаратов из Северной Маньчжурии. Эта коллекция сопровождалась подробным описанием применения различных входящих в нее средств.

5. Коллекция тибетских медицинских препаратов согласно «rGyud-bzhi», классическому труду по тибетской медицине.

6. Коллекция тибетских текстов по медицине и медицинских атласов.

7. Полная карта региона Внутренней Монголии в 4 листах. Оригинал этой карты показывал Вам д-р Брессман, так что Вы можете это удостоверить, если необходимо. Я сохраняю фотостатные копии этой карты.

8. 49 упаковок с семенами из Барги и Хинганского региона.

9. 436 упаковок с семенами из Внутренней Монголии и Спити (Юго-Западные Гималаи), которые были собраны в полевой сезон 1935 г.

10. Систематический гербарий из 1169 образцов, собранный во Внутренней Монголии.

12. [16] Карта растительности региона Внутренней Монголии на двух листах. Это первая такого рода карта, когда-либо составленная. Прежде чем отправить оригиналы карт в Министерство, мы сделали их фотографии.

13. Систематический гербарий, собранный в Спити (Юго-Западные Гималаи), 192 образца.

14. Полный фотоотчет с аннотациями.

15. Отчет об исследованиях в Барге и Внутренней Монголии. Полная копия этого отчета выслана Вам для Вашего сведения» [4, с. 24].

Деловая переписка с Министерством земледелия — особая статья деятельности Юрия Николаевича в Маньчжурской экспедиции, потребовавшая от него максимум терпения и аккуратности. Опубликованные документы свидетельствуют о его совершенном владении искусством деловой переписки.

Возьмем, к примеру, довольно объемистую переписку по финансовым вопросам. Из США в Маньчжурию и Внутреннюю Монголию высылались «Отчеты о предварительной проверке расходов», где ревизоры министерства признавали некоторые расходы экспедиции недействительными, в том числе и такие, как приобретение палаток. Так, Э.Брессман, научный советник отдела растениеводства, пишет Юрию Николаевичу: *«Вы можете приготовить и представить новые оправдательные документы (ваучеры), покрывающие частично или полностью 510.27 \$, не подтвержденные главным ревизором. К примеру, я отметил в «Отчете о предварительной проверке расходов», покрывающем оправдательный документ (ваучер) от Бюро №15830, что есть дополнительный оправдательный документ №7, от 28 октября 1934, на различные предметы, включающие две палатки. Если эти палатки были необходимы для успешной деятельности экспедиции, и/или для защиты дорогостоящего государственного имущества, и/или использованы более чем одним человеком и, следовательно, это не личные расходы, я придерживаюсь мнения, что эти вещи могут быть должным образом вновь представлены вместе с отчетом, дающим четкие обоснования и причины, по которым снаряжение было приобретено. Полагаю, что любые другие подобные вещи могут быть правильно вновь представлены в качестве не личных, но необходимых для должного проведения экспедиции»* [15, л. 4].

«Хотел бы привлечь Ваше внимание, в частности, к следующим пунктам и особенно хотел бы, чтобы Вы знали, что мы запрашиваем список статей затрат, произведенных г-ном Китагава (25 мая); расписки, полученные от охраны (21 августа); что мы пытаемся получить расписку от Пенсильванской Железнодорожной Компании (22 апреля); и что необходимы копии телеграмм (15–30 ноября)» [15, л. 15].

Как следует из писем Брессмана, жалование иногда задерживалось на месяц [15, л. 17], порой было довольно сложно найти следы пропавших денежных переводов [15, л. 29], и со всеми этими проблемами должен был разбираться Юрий Николаевич. Приведу в пример одно письмо, довольно ярко характеризующее складывающиеся ситуации:

«Дорогой д-р Брессман.

Высылаю платежные свидетельства вместе с отчетами за период с 18 апреля по 30 ноября 1934 г. Мы не сможем предоставить

подробный список предметов, приобретенных г-ном Китагава, который в настоящее время находится в Японии. Я припоминаю, что он приобрел чемодан и кое-какую одежду, которая, по его словам, была необходима. Оригинал квитанции за месячную зарплату, подписанный вторым охранником, был приложен к оригиналу платежных свидетельств. Обеспечить еще одну квитанцию и подпись будет невозможно, поскольку, согласно информации, полученной перед нашим отбытием из Маньчжурии, этот человек был убит в бою возле Мулинских угольных шахт, где он служил охранником (Мулинские угольные шахты расположены на восточной ветви Китайско-Восточной железной дороги). Что касается квитанции от «Pennsylvania Railroad Co», я должен сообщить, что единственная имеющаяся у меня квитанция должна быть предъявлена для получения багажа по прибытии в Сизэтл. Надеюсь, что от компании можно будет получить копию. Будет невозможно предоставить копии телеграмм, посланных между 15 и 30 ноября, так как все копии в настоящее время находятся в Пекине, где они были оставлены в целях безопасности» [6, с. 292–293].

Уже после завершения экспедиции Ю.Н.Рериху приходилось вновь списываться с участниками экспедиции и различными компаниями, чтобы получить дубликаты некоторых оправдательных документов, по тем или иным причинам не принятых Министерством земледелия США.

Следует напомнить, что бо́льшая часть этой переписки, относящаяся к лету 1935 года, происходила в сложнейших политических условиях. Планы Токио на создание монгольской Менгу-го, наподобие Маньчжоу-го, не оправдывали себя. Япония начала действовать через нанкинские власти. Под ее давлением летом 1935 года из Чахара, где в тот момент и находилась экспедиция, была эвакуирована китайская армия, и только в районе Калгана была оставлена одна из дивизий [17, с. 33]. 27 июня того же года по секретному соглашению между Китаем и Японией провинция Чахар переходила в сферу влияния Японии [14, с. 30]. Тем не менее японцами готовилось и военное вторжение в эту провинцию.

За день до подписания указанного соглашения экспедиция переместилась на запад, в еще относительно спокойную провинцию Внутренней Монголии — Суйюань. По пути посетили монастыри Шара-Мурена и Батухалки. Основной лагерь разбили недалеко от новой столицы автономной Монголии — Байлинмя (Батухалка).

Тем же летом 1935 года в Америке практически одновременно появились в печати клеветнические статьи американского журналиста Пауэла об экспедиции и было совершено предательство американскими сотрудниками Рерихов, поставившее под угрозу не только работу экспедиции, но и жизни ее участников. Г.Уоллес, министр земледелия США, присоединившийся к фактически ограбившему Рерихов «трио» — супругам Хорш и Э.Лихтман, нервничал, посылал во Внутреннюю Монголию одну телеграмму за другой. За август месяц он несколько раз менял планы в отношении экспедиции, то предлагая переместиться на юг, то определяя ей дальнейшую работу в Гималаях, то отсылая в Синин.

Когда экспедиции было указано спешно переместиться в Синин, Ю.Н.Рерих отправляет в Министерство земледелия лаконичную телеграмму, чтобы убедить Уоллеса в неправильности принятого им решения:

«24 числа сего месяца утром мы отослали следующую радиogramму через Американское дипломатическое представительство с просьбой переслать ее в Вашингтон: «Надеемся, наша радиogramма от девятнадцатого получена. Посланные рекомендации по поводу Синина не могут быть осуществлены до конца сентября из-за плохих дорог, наводнений и необходимости достать дополнительный грузовик для бензина. Также необходимо новое разрешение властей. Обширные коллекции семян и гербарии нужно привезти для отправки в Пекин лично. Большая часть сезона сбора семян будет потеряна во время перемещения в Кукунор, где сезон сбора заканчивается к концу сентября из-за высоты. Сбор местных семян продолжается беспрепятственно, с хорошими результатами. Он может завершиться к середине сентября и продолжен, как указано в письме Министерства от 9 июля. Пожалуйста, посоветуйте. Рерих» [15, л. 41–42].

Объяснение было принято во внимание, и экспедиция избежала реального риска погибнуть от рук хунхузов, чьи банды орудовали в этом районе.

Опасаясь разоблачений, Г.Уоллес именно на имя Ю.Рериха направил телеграмму: *«Устав Министерства запрещает публикацию без предварительного рассмотрения любой информации или комментариев, исходящих из экспедиции, финансируемой Министерством. Служащие Министерства не должны делать заявлений, отражающих политическую ситуацию в других государствах. Г.Э.Уоллес» [15, л. 40].* Ему вторит глава отдела растениеводства

Ф.Ричи: *«Мы просим, чтобы о недавней экспедиции не распространялось никаких публичных сведений. Недопустимо цитирование корреспонденции, равно как и иные нарушения установлений Министерства, касающихся гласности. Ф.Д.Ричи»* [3, с. 14].

После перемены Г.Уоллеса по отношению к Рерихам Министерство сельского хозяйства стало вести деловую переписку с подвохом, что было вполне понятно и соответствовало желанию Министра дискредитировать Н.К.Рериха. В своем письме З.Г.Лихтман Юрий Николаевич замечает по этому поводу: *«Беспокоит меня Министерство. Семена и сборы из Внутр[енней] Монголии (4 ящика) ими получены, но мы до сих пор не имели от них извещения. Не знаем, что это значит, и потому нужна большая осторожность. Ведь по настоящим временам все возможно»* [5, с. 331]. Принимая необходимые контрмеры, он пишет Ф.Ричи: *«Мы сохраняем квитанции на почтовые отправления и телеграммы, посланные в Министерство между ноябрем 1935 и январем 1936 года, на случай, если они понадобятся для претензий к почте. Как только Вы получите все письма, Вам будут высланы и все квитанции»* [4, с. 5].

Немало времени ушло у Юрия Николаевича на переписку по поводу сдачи оружия экспедиции, продажи оборудования и возвращения денег в министерство. Отчет исследовательской группы о продаже оборудования был получен Юрием Николаевичем из Китая только в августе, хотя обещан был еще в феврале. Часть оборудования осталась непроданной. В результате лишь в конце 1936 года Ю.Н.Рерих пишет подробнейший отчет о продаже оборудования или иной его судьбе, в котором перечисляются все мелочи — лопаты и табуретки, рамы для гербариев, колышки для палаток.

Необходимо отметить еще одно направление деятельности Ю.Н.Рериха в Маньчжурской экспедиции. Юрий Николаевич принимал непосредственное участие в разработке планов кооперативного строительства во Внутренней Монголии, обозначаемых в переписке Н.К.Рериха как «Канзас» или «дело Канзаса». За этими условными обозначениями стояла, выражаясь современным языком, коммерческая тайна упоминавшегося кооператива, фонда сколаршипов, предполагаемого на земле Внутренней Монголии. Так же обозначалась в переписке Рерихов собственно Внутренняя Монголия.

Дипломатические контакты с местными властями, в частности с одним из лидеров Внутренней Монголии князем Деваном, требовали безукоризненной четкости переводов и знания восточной

психологии. Деван не был похож на тибетских чиновников из Нагчу, задержавших на несколько месяцев караван Центрально-Азиатской экспедиции на плато Чантанг. Это был ловкий политик, умевший в битве гигантов отстаивать независимость своей земли. Переговоры с ним обнадеживали, и впереди были надежды на культурное строительство в пустынях Азии, которому придавалось большое значение в обновлении мира и которое, к сожалению, безвременно кануло в Лету из-за предательства Хоршей.

После того как вследствие предательства Хоршей все возможности этого строительства были пресечены, Юрий Николаевич пишет З.Г.Лихтман: *«Итак, вопреки времени и пространству, и всем географическим условиям и другим соображениям и формальностям, кто-то нам предлагает «перелететь» в Синин, через горы и пески. К сожалению, как увидите из письма, это вне человеческих возможностей, а собирать семена астрально вряд ли возможно. Видимо, у кого-то «развинтились гайки», как говорят казаки, и нас начинают кидать по всему необъятному пространству Средней Азии. Здесь же работа продолжается успешно, и так как семенной сезон заканчивается в конце сентября, то и собираемся к этому времени окончить наши ботанические работы. Слышу положительное по делу К[анзаса], но не могу действовать по известным Вам обстоятельствам. Двери были открыты, возможности были, но не сумели войти. Ведь делать-то нужно руками человеческими. Когда же замечается во всем полное отсутствие «backbone», тогда и поток направляется по другому руслу. Потому советую полное спокойствие. Если кто не хочет продолжать плыть в лодке, пусть прыгает. Дело его личное. Поразительна перемена некоторых. На словах было одно, а на сердце, видимо, другое, и это другое наконец вырвалось наружу. Здесь многие писакы начинают осознавать всю ерунду написанного ими же. Поздновато. Думается мне, что оба ботан[ика] приложили и, быть может, и продолжают прилагать свою «благородную» руку»* [4, с. 300–301].

Так вследствие непомерного честолюбия и алчности тех, кто разрушил все возможности культурного строительства и сотрудничества, этот проект остался невоплощенной мечтой.

Маньчжурская экспедиция стала одним из ключевых пунктов биографии Ю.Н.Рериха. Позади были опасности Центрально-Азиатской экспедиции, на маршрут которой Юрий Николаевич

вышел девятнадцатилетним юношей. Позади было создание Института гималайских исследований «Урусвати», где он проявил себя как талантливый организатор в области науки. Все это подготовило старшего сына Рерихов к тяжелейшим испытаниям 1934–1935 годов, когда приходилось работать, исследовать и созидать в условиях, изначально препятствующих любой деятельности.

Воин и ученый, Юрий Николаевич в течение этих двух лет, проведенных в степях и пустынях Маньчжурии и Внутренней Монголии, вел изнурительную для любого здравомыслящего человека борьбу с чиновничьим произволом и клеветой, эта борьба брала много сил, но ни на день не прекращалась исследовательская работа. С восточных языков переводились манускрипты о лекарственных растениях и традиционной медицине, писались многостраничные научные (ботанические!) отчеты, в которых востоковед выказывал себя как квалифицированный геоботаник. Это свидетельствует об уникальных качествах личности – любое дело, за которое брался Юрий Николаевич, он выполнял блестяще.

Многочасовые визиты к местным князьям, помощь Николаю Константиновичу в ведении переговоров – и в этом Юрий Николаевич был безукоризнен. А было ему тогда тридцать три года – не так много, если мерить привычными мерками.

Юрий Николаевич с честью вышел из всех испытаний этой экспедиции, за которой тянулся долгий шлейф переписки с Министерством земледелия США и с проживавшей в Китае семьей Седербомов относительно продажи оборудования экспедиции. После двухлетнего перерыва он вернулся к работе над тибетско-санскритско-английским словарем и к другим исследованиям.

Опыт, приобретенный в непростых взаимоотношениях с американскими чиновниками, позднее пригодится ему в еще более сложных условиях – когда спустя почти тридцать лет ценой невероятных усилий он сможет возратить Родине наследие и имя своего великого отца. Для этого ему понадобятся не только настойчивость, терпение и дипломатическое искусство, которыми он в совершенстве овладел еще на маршруте Маньчжурской экспедиции, но также непререкаемый международный авторитет, приобретенный за годы неустанного труда уже после пройденных им эпохальных экспедиций.

Литература

1. См.: *Беликов П.Ф.* Последняя научно-исследовательская экспедиция Н.К.Рериха // Рериховские чтения. 1976 г. Новосибирск, 1976.
2. См.: *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. СПб., 2002.
3. Меморандум Министерства сельского хозяйства США о составе и целях экспедиции. ОР МЦР. Врем. № 96.
4. *Рерих Ю.Н.* Письма. В 2 т. Т. 2. М.: МЦР, 2002.
5. *Райерсон Н.А.* Письмо Х.Макмиллану от 24.04.34. ОР МЦР. Врем. № 96.
6. *Рерих Ю.Н.* Письма. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2002.
7. *Макмиллан Х.* Письмо К.А.Райерсону от 1.07.34. ОР МЦР. Врем. № 96.
8. *Макмиллан Х.* Письмо К.А.Райерсону от 24.06.34. ОР МЦР. Врем. № 96.
9. *Филлипс В.* Письмо Г.Уоллесу от 30.06.34. ОР МЦР. Врем. № 96.
10. Фраза взята из официального письма Г.Уоллеса Н.К.Рериху от 16.03.1934 о приглашении его на должность руководителя экспедиции. ОР МЦР. № 9572.
11. *Райерсон К.А.* Письмо генеральному консулу США в Японии от 5.05.34. ОР МЦР. Врем. № 96.
12. *Филлипс В.* Письмо в американское посольство в Токио от 1.06.34. ОР МЦР. Врем. № 96.
13. Письмо от 1 октября 1934 г., не вошедшее в сборник писем Ю.Н.Рериха. *Рерих Н.К., Рерих Ю.Н.* Письма в Министерство сельского хозяйства США. ОР МЦР. № 10529.
14. См.: *Жалсабон В.Д.* Японская агрессия против Китая и автономистское движение во Внутренней Монголии // Вестник Московского Университета. 1972. № 2.
15. Министерство с/х США. Письма Н.К. и Ю.Н. Рерихам. ОР МЦР. № 10479.
16. Так в тексте, § 11 отсутствует.
17. См.: *Бенефельд А.С.* Внутренняя Монголия до японской оккупации. Краткий исторический очерк. Вып. 1 // Внутренняя Монголия. Чита, 1944. № 4.

Ю.В.ПАТЛАНЬ,

Киев

«КАК НУЖЕН ЮРИЙ...»:
РЕРИХИ О ЮРИИ НИКОЛАЕВИЧЕ РЕРИХЕ

В эти дни юбилейной конференции уже не раз прозвучали слова Николая Константиновича Рериха о старшем сыне: «Как нужен Юрий...». Вряд ли кто-либо другой мог дать более глубокую и верную оценку подвижнической жизни Ю.Н.Рериха, его необычайно многогранной и плодотворной научной деятельности. В дни празднования столетия ученого, вновь и вновь обращаясь к его наследию и воспоминаниям современников, мы начинаем осознавать истинное значение его универсальных знаний как для современности, так и для будущего.

Можно с полным правом говорить о трех возвращениях Юрия Николаевича Рериха. Первое – это его приезд в 1957 году на Родину. Второе – введение в научный оборот наследия всей семьи Рерихов, как художественного, так и философского, после долгих лет умолчания и запретов, что стало возможным только благодаря напряженной работе Юрия Рериха. Как утверждает Л.В.Шапошникова: «*Это уникальное его деяние имело планетарное значение, и со временем мы все больше и больше будем осознавать эволюционную суть достигнутого им*» [1, с. 4].

И теперь, когда совершается третье возвращение – возвращение наследия Юрия Николаевича, когда впервые на русском языке выходят его книги, – находят свое воплощение устремления Рерихов послужить на благо Родины. «*...Все труды Юрия должны бы быть изданы на родине*», – отмечал Николай Константинович [2, с. 507], тесное сотрудничество с которым сыграло огромную роль в формировании Юрия Николаевича как ученого.

Это возвращение уникального ученого в его трудах побуждает больше узнавать и о нем самом. Творчество четверых Рерихов вдохновлялось Высоким Источником, и каждый из них был свидетелем и сотворцом для остальных. Идеи многих работ Юрия Николаевича, результаты его исследований истории и культуры Востока воплощались в литературных произведениях и полотнах

Николая Рериха, находили свое отражение в обширной переписке Елены Ивановны. Многие материалы еще ждут своего опубликования, но и на страницах уже изданных книг можно найти емкие, глубокие и точные оценки научного труда Ю.Н.Рериха его выдающимися родителями, направлявшими его на жизненном пути. В 1921 году Елена Ивановна писала сыну: *«Работай и набирайся знаний, ибо в этом большое счастье. Имея знания, ты никогда не будешь одинок»* [3, с. 10]. И еще: *«Все знание, кот[орое] ты можешь получить, заложено в тебе самом»* [4, с. 14].

Три десятилетия спустя, в 1952–53 годах, Елена Ивановна свидетельствовала: *«Калимпонг становится магнитом. Юханчик имеет постоянно посетителей... Приезжают знакомиться с профессором санскрита и тибетского языка] и знатоком йоги!»* [5, с. 128]. *«Юханчик становится центром знания и главным авторитетом по тибетологии и всему, связанному с этим. ...Магнит знания действует»* [3, с. 13]. Через несколько лет такой центр знания появился в Москве, а Юрий Николаевич стал тем *«уникальным энергетическим центром, которого так недоставало культурной России»* [1, с. 4].

Елена Ивановна писала, что ее сыновья *«несут в духе великий синтез, который именно и дает основу нравственности»* [6, с. 366–367]. И, как подчеркивает Святослав Николаевич Рерих в своем удивительно проникновенном «Слове о брате», жизнь Юрия Николаевича – тот редчайший случай, когда *«человек с самых ранних лет знал свой дальнейший Путь»* [7, с. 7]. Т.Я.Елизаренкова в своих воспоминаниях приводит высказывание Юрия Николаевича о том, что существует путь науки, а есть и другой путь, который *«был у человечества до того, как оно стало двигаться к цивилизации»* [8, с. 17]. Думается, именно это имел в виду С.Н.Рерих, говоря об исключительном понимании Юрием Николаевичем условий, создавших древние культуры: *«Юрий Николаевич – это образ истинного, вдохновенного ученого-мыслителя, человека высочайшей духовной гармонии. Он прекрасно понимал, что высшее достижение человека лежит в самоусовершенствовании личности, что только постоянно работая над самим собой и развивая в себе качества, присущие человеку, стремящемуся к более совершенной жизни, он мог всесторонне обогатить свою специальность и поднять ее над уровнем повседневности»* [7, с. 8].

Имя Юрия Рериха и упоминания о его исследованиях встречаются в письмах Н.К.Рериха, а также на страницах его книг

(«Алтай–Гималаи», «Адамант», «О вечном», «Химават», «Листы дневника»). Перед их читателем семья Рерихов предстает единым и неразрывным целым, воплощенным в кратком и емком «мы».

Особенно рельефно выявляется это в тех книгах, где речь идет о Центрально-Азиатской экспедиции. Николай Константинович, Елена Ивановна и Юрий Николаевич Рерихи вместе прошли весь ее многотрудный маршрут, и все же, несмотря на огромную роль в ней Юрия Николаевича, Н.К.Рерих упоминает имя сына сравнительно нечасто. Но тем ценнее для нас эти лаконичные строки, запечатлевшие деятельность Юрия Николаевича и выявляющие качества его личности ученого и воина. В своих путевых заметках Николай Константинович либо подчеркивает исключительную ценность профессиональных знаний Юрия Николаевича и его умение провести необходимые исследования, общаться с людьми многих народностей («*Как прекрасно, что Юрий знает все нужные тибетские наречия. Только без переводчика люди здесь будут говорить о духовных вещах*» [9, с. 107]), либо фиксирует для будущего ряд драматических эпизодов экспедиции, в которых Юрий Николаевич проявил мужество, самопожертвование, выдержку. Эти эпизоды (ночной выстрел, едва не стоивший ему жизни, организация охраны экспедиции, посещение крепости разбойника Дже-ламы) свидетельствуют о многих трудностях, с которыми столкнулись Рерихи во время экспедиции, и являются ярким примером неуклонного устремления и верности своей цели. Эти события запечатлены на страницах книги «Алтай-Гималаи» для нас, сегодняшних, как знаменательные вехи экспедиционно-го пути и примеры личного мужества ее участников.

О научных трудах Юрия Николаевича его отец упоминает в ряде своих очерков и писем, кратко раскрывая суть исследований выдающегося востоковеда, делая их ближе и понятнее для многих читателей, кому специальные объемные труды Юрия Рериха, изданные на нескольких иностранных языках, были недоступны:

«Действительно, вопрос о происхождении (тибетского искусства. – Ю.П.) очень труден, и порой не знаешь ответа. Среди тибетских легенд доктор Юрий Рерих обнаружил следы греческого мифа о Полифеме» [10, с. 75].

«И еще одна легенда превратилась в явь. Считали, что сказание о Парцифале, о Граале есть чистейший вымысел. Но чешский ученый недавно нашел в иранской литературе пятого века книгу «Парси

Валь Намэ», где рассказана в манихейском понимании легенда о Парцифале, о Граале. Юрий в своей истории Средней Азии предполагал, что Грааль связан с манихейством. Предположение было правильно, и находка чешского ученого его вполне подтвердила» [11, с. 374].

«Не только новые находки сразу нахлынули, но и удалось увидеть редкую ламаистскую мистерию «Разбитие камня». Группа странствующих лам из Спити на нашем дворе дала эту необычную, никем еще не описанную мистерию. Юрий даст точный перевод ее в журнале Института (Урусвати. — Ю.П.)» [12, с. 40].

Как нам кажется, особо актуальны сейчас многие очерки письма Н.К.Рериха, собранные в третьем томе его «Листов дневника». Как ничто другое, свидетельствуют они о мощном устремлении всей семьи Рерихов в Россию, о том, как настойчиво слагались ими возможные пути возвращения на Родину. В письмах Н.К.Рериха его последних лет немало говорится о научных работах Юрия Николаевича, о его подготовке к приезду в Советский Союз.

Очень важно остановиться именно на этих записях, в которых многое предвидится. Они показывают, как Николай Константинович строил те духовные связи и пролагал путь, пройденный Юрием Николаевичем спустя десять лет. Эти рассказы о «трудах и днях» семьи во время сборов домой, из которых мы коснемся характеристики работы Юрия Рериха, данной его отцом, опровергают все те измышления об «антисоветской» деятельности и настроениях Рерихов, которые появились в последние годы на страницах печатных изданий.

Очерки Николая Константиновича свидетельствуют и о его самом деятельном участии в исследованиях сына. Он использовал любые возможности, чтобы получить крайне необходимые Юрию книги, изданные в Советском Союзе. В своих записях последних лет жизни Н.К.Рерих упоминает о тех научных работах Юрия Николаевича, где анализируется история народов Центральной Азии и история ориенталистики и одновременно закладываются перспективы развития востоковедения как науки («Сказание о царе Кесаре Лингском», «История буддизма в Тибете», «История Средней Азии», «Индология в России», «Задачи востоковедения»).

«Как нужен Юрий — индолог, санскритист, тибетолог и монголист, не только глубоко изучивший источники, но и владеющий языками — небывалое соединение, так нужное при возросшем значении

Азии. Да, наша Родина пойдет по новым путям, вооруженная новым знанием», — утверждал и надеялся Николай Константинович [2, с. 534–535].

В очерках «Листов дневника» он не устает повторять: «Ни на миг мы не уклонялись от русских путей» [2, с. 25], «Жаль, что многие «Гималаи» уходят, а как хотелось бы их довести на Родину. О ней думаем, а Юрий-то как хочет там приложить знания» [2, с. 329], «Если бы явился интерес к моей семье, то следовало бы упомянуть о Юрии и о его необычном знании восточных языков и огромном историческом труде «О Народах Средней Азии», который он не может закончить здесь из-за недостатка материалов, и в этом Родина могла бы прийти ему навстречу — ехать он всегда готов» [2, с. 350].

И на этих же страницах — горькое недоумение: почему же нет отклика из России, почему не дают разрешения ехать, почему не исполнил обещания и не прислал книги академик Павловский, почему не издаются на Родине труды Юрия Николаевича: «Презжие оттуда академики называли нашу экспедицию — «мировое достижение». Вот бы и издали труды на пользу всесоюзную. Не напрашиваться же!» [2, с. 507–508].

Огромную роль в укреплении связей с Россией отводил Николай Константинович статье Ю.Н.Рериха «Индология в России» [13, с. 69–98], в которой раскрывалась история возникновения и развития русско-индийских культурных, политических и научных связей.

«Королевское Азиатское Общество в Бенгале обратилось к Юрию с предложением сделать во время юбилейных празднеств доклад о сношениях Индии и России. Именно Юрий может сказать авторитетно на эту тему. У него собран богатейший материал. Как истинный историк он умеет говорить беспристрастно, а это сейчас редко встречается. Кроме обширного научного, имеется литературный и художественный материал, доказывающий, как издавна открыто было русское сердце к красоте Индии», — отмечал Николай Константинович [2, с. 332].

Оттиски этой статьи он просил передать видным государственным и культурным деятелям Советского Союза — В.М.Молотову, А.А.Громыко, И.Э.Грбарю и др., а также в Чехословакию Яну Масарику и Эдварду Бенешу, поскольку эта работа была прекрасно принята и высоко оценена в Индии как первый обзор такого рода [2, с. 416, 418, 421, 469, 476–477].

«Ты поминаешь, что индологи поредели у нас. Будь добр, сообщи, кто именно отошел? Юрий Тебе большое спасибо скажет», — обращается Николай Константинович к своему давнему другу И.Грабарю [2, с. 512].

Особый смысл имеют для нас строки Н.К.Рериха из очерка «Торнадо»: *«Грабарь сообщает список оставшихся востоковедов и с грустью добавляет, что индологи все вымерли. Да и оставшиеся восточники в большинстве нашего возраста и мало их. А где же молодая поросль? Плох лес, не имеющий подлесья. Пишет, что Академия Наук издает множество ученых трудов. А труды Юрия — под спудом! Казалось бы, наука аполитична и свободна. Или, по нынешним временам, слово «свобода» получило иное значение?» [2, с. 539].*

Представление о том, насколько «поредели индологи», и не только они, может дать список из книги-мартиролога «Репрессированное востоковедение», насчитывающий семьсот семьдесят фамилий репрессированных ученых [14, с. 114–125; с. 96–105]. За два года, 1937–1938, из одного только Института востоковедения ушли в тюрьмы около сорока ленинградских востоковедов, при том что весь штат довоенного института никогда не превышал девяноста человек. 24 ноября 1937 года, к примеру, было расстреляно более десяти востоковедов. Это о них строки Анны Ахматовой:

*Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список и негде узнать... [15].*

Юрию Николаевичу довелось возрождать прерванные традиции российского востоковедения. Как пишет А.О.Тамазишвили, *«Юрий Николаевич, в частности, вернул науке имя и труды репрессированного и погибшего тибетолога А.И.Вострикова, чей труд «Тибетская историческая литература» под редакцией Рериха вышел в свет в серии «Библиотека Буддика» в 1962 году» [16, с. 60].*

Вернувшись в Москву, Юрий Николаевич объединил вокруг себя молодых ученых. Об этом редком умении служить магнитом светлого строительства Николай Константинович писал еще в 1942 году, задолго до возвращения сына на Родину: *«И Юрий, и Святослав умеют сказать о ценностях народных. Умеют доброжелательно направить молодое мышление к светлым путям будущего» [2, с. 25].* Он отмечал, что Юрий и Святослав были по природе своей собирателями [2, с. 285].

«Его глубоко радовали кадры молодых ученых, которые росли на Родине, и он мечтал передать им все, что было накоплено.

...Его многочисленные труды – драгоценный вклад в сокровищницу науки, его светлая жизнь – пример молодым, идущим на смену» [7, с. 8].

«Сколько, сколько еще он мог бы дать, сколько он знал. Но течения Жизни неисповедимы – Великая Бесконечность тклет свой особый узор», – писал о старшем брате Святослав Николаевич, направляя наши помыслы к великой Жизни, от прошлого – в будущее [17, с. 143].

И в заключение приведу слова Святослава Николаевича о Юрии Рерихе, обращенные ко всем нам: *«Он ушел из жизни полный творческих сил и неосуществленных планов. Когда-то такой же неожиданной была для нас и смерть отца. Но потом мы поняли, что, быть может, так и следует оставлять жизнь. Уходить из нее на подъеме своих возможностей, уходить, так сказать, на гребне волны. Подхваченные другими, все начатые дела будут продолжены»* [17, с. 497].

Литература

1. Шапошникова Л.В. Слово о Юрии Николаевиче Рерихе // Ю.Н.Рерих: материалы юбилейной конференции. М.: МЦР, 1994.
2. Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 3. М.: МЦР, 1996.
3. Цит. по: Орловская И.В. Страницы жизни // Ю.Н.Рерих: материалы юбилейной конференции. 1994.
4. Рерих Елена Ивановна. Письма. Т. 1. М.: МЦР, 1999.
5. Цит. по кн.: Беседы с Учителем. Избранные письма Елены Ивановны Рерих. Рига: Мир Огненный, 2001.
6. Рерих Елена Ивановна. Письма. Т. 3. М.: МЦР, 2001.
7. Рерих С. Слово о брате / Воспоминания о Ю.Н. Рерихе. М.: МЦР, 2002.
8. Елизаренкова Т. Человек и Ученый // Ю.Н. Рерих: материалы юбилейной конференции. 1994.
9. Рерих Н.К. Алтай-Гималаи. Рига: Виеда, 1992.
10. Рерих Н.К. Гималаи – Обитель Света. Адамант. Самара: Агни, 1996.
11. Рерих Н.К. Скрыня / Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 2. М.: МЦР, 2002.
12. Рерих Н.К. Меч Гесэр-Хана / Рерих Н.К. Химават. Самара, Агни: 1995.
13. Roerich G.N. Indology in Russia // Journal of The Greater India Society. Vol. XII. 1944. N 2.
14. См.: Васильков Я.В., Гришина А.М., Перченко Ф.Ф. Репрессированное востоковедение: востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–50-е годы // Народы Азии и Африки. 1990. № 4; см. также: <http://www.memo.ru/HIS->

- TORY/vostok/spisok_0.htm.
15. См.: *Баньковская-Алексеева М.* «Яркие вспышки» на фоне... // Вестник. № 18 (225), 31 августа 1999, использована электронная версия: <http://www.vestnik.com/issues/1999/0831/koi/bankov.htm>; *Рубинчик О.* Один из семи // Пчела. № 32 (март–апрель 2001): <http://www.pchela.ru/podshiv/32/rubinчик.htm>.
 16. *Тамашивили А.О.* Деятельность Ю.Н.Рериха в Институте востоковедения // Ю.Н.Рерих: материалы юбилейной конференции. 1994.
 17. См.: Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П.Ф. Беликова. Т. 1. М.: МЦР, 2001.

А.В.ФЕДОТОВ,

*доктор филологических наук,
профессор Софийского университета
«Святой Климент Орхидски»,
Болгария*

ДОБУДДИЙСКИЙ ТИБЕТ В РАБОТЕ Ю.Н.РЕРИХА «ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ У КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРНОГО ТИБЕТА»

Юрий Николаевич Рерих, сто лет со дня рождения которого отмечается в этом году, был выдающимся востоковедом мирового уровня. Любовь к Востоку, которая царил в семье Рерихов, переросла у Юрия Рериха в страстное желание проникнуть в самую суть восточной цивилизации, усвоить духовное и культурное наследие Востока. Целеустремленность и необыкновенная работоспособность позволили ему за сравнительно короткое время (1919–1923 гг.) получить блестящее востоковедческое образование, сначала в Школе восточных языков при Лондонском университете, затем в Гарвардском университете США и, наконец, в Школе восточных языков при Сорбонне.

Последовавшие вслед за этим экспедиции на Восток, возглавляемые его отцом (знаменитая Центрально-Азиатская экспедиция), в Восточные Гималаи, Сикким, Синьцзян и другие труднодоступные области Центральной Азии, а также самостоятельные поездки по Тибету, Ладаку, Кашмиру, Китаю и Монголии способствовали окончательному формированию уникальных профессиональных качеств Ю.Н.Рериха. Общаясь на различных живых восточных языках и наречиях с обитателями этих обширных земель, проникая в смысл древнейших трактатов, написанных на классических восточных языках, Юрий Рерих как никто другой воспринимал и принимал культуру и дух Востока. В отличие от многих кабинетных ученых он воочию убеждался, с одной стороны, в грандиозном величии восточной цивилизации, а с другой – в ее направленности на внутренний мир человека, ее органичности и естественности.

Перу Ю.Н.Периха принадлежит множество трудов в области индологии, тибетологии и монголоведения. Он в равной степени блестяще изучил этнографию, религию, историю, литературу и языки Востока, при этом большинство его научных разработок были по своему характеру новаторскими. Их глубина, научная достоверность и строгая логика объясняют их феноменальную актуальность и по сей день. Во многом Ю.Н.Перих был первооткрывателем, и в наибольшей степени это утверждение относится к его трудам по тибетологии.

Доскональному изучению тибетской истории, этнографии, литературы, языков и наречий, религий, и в частности буддизма способствовали экспедиции в малоизученные районы Тибета, общение с представителями различных тибетских племен и, конечно же, собранная им коллекция ценных материалов, послужившая основой для многих написанных им впоследствии научных трудов. Итоги Трансгималайской экспедиции, предпринятой вместе с отцом, Ю.Н.Перих подвел в книге «По тропам Срединной Азии» («Trails to Inmost Asia»), которая впервые вышла в свет на английском языке в 1931 году в Америке. Особое место в этой книге уделяется Северному и Северо-Восточному Тибету – совершенно неисследованным или малоисследованным областям Тибетского нагорья. За год до этого в Праге на английском языке была издана монография «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» [1], в которой ученый сравнивает и анализирует многочисленные памятники материальной культуры региона и на основании этого описывает и характеризует древнюю культуру кочевников Северного и Северо-Восточного Тибета. Ю.Н.Перих был одним из первых, если не самым первым, кто указал на близость этой культуры с культурным миром народов Срединной, или Центральной, Азии. Вышеперечисленные, а также другие научные труды ученого по кочевым племенам Тибета вызвали исключительный интерес у алтаистов и тибетологов всего мира. Более того, эти работы Ю.Н.Периха стимулировали появление целого направления в современном востоковедении, а именно – глобального изучения древнего прошлого бескрайних просторов Центральной Азии, сопоставления памятников материальной и духовной культуры населявших их многочисленных племен и народов и, наконец, научного сравнения этой мегакультуры с культурными характеристиками древних иранских народов.

Первой из этих работ, как мы уже упоминали, была монография «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета». Сам автор указывает, что монография явилась результатом археологических исследований нагорий Тибета, что свидетельствует об изучении конкретных памятников материальной культуры этого не исследованного мировой археологией региона. К тому времени востоковеды мира лишь догадывались о влиянии, которое оказывали в прошлом кочевые племена, населявшие Центральную Азию и южнорусские степи, на культуры Средиземноморского бассейна и Восточной Азии. История этих племен, их традиции и обычаи описаны в исторических анналах и литературных памятниках соседних народов. Увы, эти письменные источники все еще не изучены должным образом. Юрий Рерих с тревогой отмечает, что широкий пояс курганов, который оставили после себя кочевые племена на огромной территории, начиная с равнин Венгрии и кончая Западным Китаем, исследован весьма поверхностно, ибо интерес большинства экспедиций, отправлявшихся в Центральную Азию, был сосредоточен, прежде всего, на анализе городской культуры оазисных государственных образований, появившихся на Великом Шелковом пути.

Российские ученые первыми обратили внимание и занялись изучением многочисленных южнорусских курганов; им же принадлежит пальма первенства в описании археологических памятников Центральной Азии. Юрий Рерих подчеркивает необходимость тщательного исследования многочисленных могильных холмов на северных склонах Тарбагатай и Джаира в районе Тянь-Шаня, в Джунгарии, Монгольском Алтае, Западной и Восточной Монголии и так далее. Благодаря проведенным в этом регионе экспедициям граница пролегания пояса курганов кочевых племен была сдвинута значительно южнее, в район пустыни Гоби. Свидетельства богатой кочевой культуры были обнаружены также в районе Ордоса, в южной части китайской провинции Ганьсу и на границе между Китаем и Тибетом.

Среди открытий, сделанных участниками Центрально-Азиатской экспедиции Николая Константиновича Рериха в 1925–1928 годах, наиболее ярким представляется обнаружение «звериного стиля» в культуре кочевников Северного и Центрального Тибета. Это позволило предположить о существовании древнейшей номадской культуры на обширной территории Центральной Азии. Следы этой культуры сохранились и среди современных тибетцев. Мотивы ти-

бетского «звериного стиля» роднят его со знаменитыми находками из скифо-сибирских курганов, что, в свою очередь, дает основание предполагать о существовании в далеком прошлом связи между Тибетом и богатейшей культурой кочевников Центральной, или Внутренней, Азии. Во время вышеупомянутой экспедиции Ю.Н.Рерих имел возможность тщательно изучить особенности кочевого быта тибетцев, населяющих долины Южного и Восточного Тибета; речь идет о племенах няронг-ва, чанг-па, хор, панак и голок. Это позволило ученому лично убедиться в истинности предположения некоторых западных ученых о том, что предки нынешних тибетцев когда-то населяли территории в верхнем течении реки Хуанхэ, то есть проживали в Западном Китае. Лишь затем они стали заселять Тибетское нагорье, начиная с северо-востока, благодаря наличию тучных горных пастбищ. Какая-то часть этого древнейшего населения была вынуждена впоследствии откочевать на юг и заселиться в Юго-Восточном Тибете, где перешла к земледелию. Именно там, по словам Юрия Рериха, зародилась теократическая культура Тибета.

Однако кочевое движение тибетцев не было направлено только на юг: некоторые тибетские племена, преодолевая северные Гималайские перевалы, устремились на запад. Ученый справедливо предполагает, что нынешние маршруты буддийских богомольцев повторяют древнейший миграционный путь – от Нагчу через Намру к священной для всех тибетских буддистов горе Кайлас (Кайлаш). Именно таким образом искусство кочевников Центральной Азии, чьей характерной чертой является «звериный стиль», достигает Западных Гималаев и прилегающих к ним территорий.

Данные о перемещениях древних тибетцев по Тибетскому нагорью, по мнению Ю.Н.Рериха, содержатся также в некоторых китайских анналах эпохи династии Хань, но тем не менее полная картина миграционных процессов все еще не ясна. Ученый добавляет, что и поныне должным образом не изучены этнология, археология и языки современных кочевых тибетских племен, которые составляют специфическую группу тибетского населения.

Центрально-Азиатская экспедиция Николая Рериха обнаружила в Тибете немало ценных памятников кочевого прошлого. Юрий Рерих описывает и классифицирует эти памятники в анализируемой нами монографии следующим образом:

- 1) захоронения (каменные захоронения, курганы);
- 2) мегалитические памятники (менгиры, кромлехи, алименты);

3) предметы «звериного стиля», обнаруженные в захоронениях, а также подобные предметы, используемые тибетцами и по сей день.

Таким образом, эти памятники могут быть обособлены в две группы: археологические и этнографические. Юрий Рерих подробно описывает и анализирует эти находки с точки зрения их типологии. Его познания в области современного быта кочевых племен Тибета и Центральной Азии, а также прекрасное знание тибетских письменных источников убеждают нас в правильности сделанных им сопоставлений и заключений. Так, например, захоронения, обнаруженные экспедицией в Северном Тибете, по мнению ученого, относятся к типу каменных захоронений, хорошо известных в Северной Монголии, Трансбайкалье и на Алтае. В Северном Тибете известны небольшие группы из двух-трех захоронений в отличие от Северной Монголии, где встречаются большие территории захоронений. Найденные в Тибете захоронения тем не менее соответствуют самым древним формам захоронений на территории Северной Монголии и Алтая.

В тибетских захоронениях экспедиция, в частности, обнаружила трехгранные наконечники стрел, которые Юрий Рерих разделил на четыре группы:

1) Бронзовый наконечник. Наиболее часто встречающийся тип наконечника. Места находок: Чунакхе, Доринг, Рати.

2) Бронзовый трехгранный наконечник с прямыми линиями. Урочища Доринг и Рати.

3) Бронзовый трехгранный наконечник. Область Хор, урочища Доринг, Рати и Чьохор.

4) Медный трехгранный наконечник в форме листа. Встречается редко, вероятно, относится к более поздней эпохе. Местность Намру.

5) Железный плоский наконечник в форме листа.

6) Железный наконечник в форме листа. Часто встречается на китайских стрелах; как правило, используется в Восточном Тибете.

Юрий Рерих предположил, что древние тибетские захоронения принадлежали племенам, у которых была ярко выраженная продолговатая форма головы. Эти захоронения, продолжает он, по всей видимости, однотипны с захоронениями в Урянхае и в степях близ Минусинска. Сделанные открытия позволили ученому сравнить севернотибетские захоронения с захоронениями, най-

денными в Западном Тибете — Ладаке и описанными ранее моровскими миссионерами и профессором А.Франке.

При этом Юрий Рерих отметил, что сделаны лишь первые шаги в описании тибетских каменных захоронений, поэтому все параллели и сравнения носят предварительный характер. В этом плане необходимы дальнейшие серьезные исследования, прежде всего специалистов-археологов. Более того, в анализируемой нами монографии ученый намечает границы региона, где, по его мнению, должны проводиться такие археологические изыскания. Эти замечания являются исключительно ценными, они очерчивают круг задач, решением которых должны заняться участники последующих экспедиций в Центральную Азию.

Мегалитические памятники, обнаруженные экспедицией Н.К.Рериха в Северном Тибете, представлены менгирами, кромлехами и алинементами. По сути, эти находки явились первыми в своем роде, обнаруженными когда-либо в районе, расположенном севернее Гималайских гор. Юрий Рерих подробно описывает мегалитические памятники, найденные в урочище Доринг, сравнивая их с известным мегалитическим комплексом в Карнаке во Франции. Памятники в урочище Доринг образуют гигантскую фигуру в форме стрелы. Стрела являлась важным символом в древнем тибетском культе Природы и связана с культом солнца. Среди тибетцев стрела в виде молнии символизировала небесный огонь. И по сей день тибетские кочевники носят древние бронзовые наконечники стрел как амулеты, которые, по их мнению, представляют концы небесных молний, остывших после удара о землю. Среди тибетцев встречается еще одно объяснение необыкновенной силы стрел: якобы они являются символом царя Кесара, а на связь последнего с ритуалами, свидетельствующими об обожествлении Природы, указывал еще профессор А.Франке.

Ю.Н.Рерих подчеркивает острую необходимость изучать древнейшие тибетские ритуалы, которые когда-то проводились перед каменными алтарями и кромлехами. Для этого следует обратиться к богатейшей бонской литературе, сакральные сочинения которой в большей степени все еще остаются неизученными. По мнению ученого, некоторые из этих сочинений могут пролить свет на то значение, которое в прошлом имели менгиры, кромлехи и алинементы в жизни тибетцев. Бонская литература представляет собой истинную сокровищницу древних верований, которые

могут помочь в воссоздании эпохи Великих переселений, когда предки нынешних тибетцев впервые появились на Тибетском нагорье и принесли с собой свою древнюю племенную религию.

Одним из важнейших результатов Центрально-Азиатской экспедиции Н.К.Рериха явилось определение ареала распространения «звериного стиля» среди тибетского населения. Серьезное изучение находок, относящихся к этому стилю, позволило Юрию Рериху сделать важный вывод, что центром «звериного стиля» когда-то являлся Нуб-хор, или Западный Хор, – огромная по своей площади территория, изобилующая зелеными холмами, широкими долинами и высокими отрогами, покрытыми вечным снегом. Издревле эти земли населяют кочевые племена, объединяемые в пять племенных союзов, каждый из которых возглавляет племенной вождь, или гемпо. Эти объединения имеют скорее административный, нежели этнический характер.

Юрий Рерих справедливо отмечает, что в разработках последнего времени хорами (хорцами), как правило, называют представителей тюрко-монгольских племен, населявших Северный Тибет, что, впрочем, соответствует использованию этого названия и в тибетских исторических сочинениях. Некоторые европейские исследователи склонны называть хорами потомков монгольских отрядов Гуши-хана, осевших в районе озера Тенгри и в местности Дам. При всем этом сами тибетцы никогда не смешивают отибеченных монголов-хошутов, проживающих в Даме, и местных тибетских кочевников, живших там испокон веков. Экспедиция Николая Рериха доказала, что в данном случае речь действительно идет о представителях двух разных народов. Среди местного хорского населения члены экспедиции обнаружили немало предметов, относящихся к «звериному стилю». Среди них изображения бегущих оленей, антилоп, птиц, фантастических животных. Эти изображения нередко носят характер орнамента и вполне сопоставимы со скифско-сибирским звериным стилем. По мнению Юрия Рериха, все эти предметы представляют собой доказательство древних связей, существовавших между кочевым Тибетом и Центральной Азией. Ни буддийская по своей сути культура Лхасы, ни инородная китайская культура не смогли разрушить основных принципов древнего кочевого искусства тибетских племен.

Ученый указывает на огромную роль древних иранских и палеоазиатских племен, которую они сыграли в распространении

«звериного стиля» в Тибете. Доказательство контактов между древним Тибетом и Ираном содержится в китайских историографических трактатах, прежде всего в сочинениях Сыма Цяня. Именно иранские племена явились в свое время проводниками «звериного стиля» на Тибетское нагорье. Следы этого влияния в форме орнаментированного «звериного стиля» члены экспедиции обнаружили на многих предметах тибетского обихода, а также на клинковом оружии (прежде всего саблях).

В монографии «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» Юрий Рерих погружает нас в прошлое страны высоких гор и плодородных долин, которую населяли и продолжают населять кочевые племена, сохранившие для нас удивительные свидетельства единства эстетического и духовного пространства Центральной Азии.

Литература

1. *Roerich Y.N.* The animal Style among the Nomad Tribes of Northern Tibet. Seminarium Kondakovianum. Prague, 1930.

ТСЕРИНГ ДОРДЖЕ,

буддолог,

Лахул-Спити, Индия

**ИССЛЕДОВАНИЯ Д-РОМ ЮРИЕМ РЕРИХОМ
ТИБЕТСКИХ ДИАЛЕКТОВ ЛАХУЛА
И ОБРЯДА РАЗБИВАНИЯ КАМНЯ**

Уважаемая г-жа Шапошникова!

Уважаемые коллеги и все присутствующие здесь!

Я был чрезвычайно взволнован и рад, когда получил приглашение принять участие в этой конференции. Это моя первая поездка в Москву. Когда я приехал сюда, я почувствовал, что атмосфера здесь такая же, как в Лахуле. Единственное, чего мне здесь недостает, — это больших Гималайских гор. Придя в Центр Рерихов, я был приятно удивлен, увидев в этом зале множество картин с лахульскими сюжетами, написанных Святославом Рерихом. Так, на задней стене Вы можете видеть изображение ламы, который помогал Рериху в различных раскопках в Лахуле. Это был мой дядя. Еще одна важная для меня картина здесь — «Гора Гепанг». Она имеет форму латинской буквы «М», и Николай Рерих, который также рисовал эту гору, называл ее «гора М». Мы считаем эту гору пристанищем нашего главного покровителя Гепанга, поэтому гора называется «Пик Гепанг».

Когда Рерихи приезжали в Лахул, я был еще совсем младенцем. Потом, когда я вырос, я много слышал о них от моего дяди и других людей в округе, которые сопровождали экспедицию Рериха по Западному Тибету. Позднее я познакомился со Святославом Рерихом и Девикой Рани, три раза встречался с ними. Они подарили мне второй выпуск журнала Института гималайских исследований «Урусвати», после чего меня заинтересовали те предметы, которые изучал д-р Юрий Рерих. А теперь позвольте перейти к чтению своего доклада.

Прославленный художник, философ, исследователь, археолог и писатель, Махариши Николай Рерих и его знаменитая семья жили одно время в западногималайском поселении Наггаре,

древней столице Кулу, в Индии. В древней индийской литературе Кулу упоминается под названием Кулута. Ла-Чен Утпала (1125–1150), царь Западного Тибета (Ладак), захватив власть над Кулу и соседними областями, разместил в Наггаре свой военный гарнизон. Тогда тибетцы окрестили Наггар Макарсой, или Магарсой. Слово «*магарса*» (тиб. *rMag-gar-Sa*) означает «местоположение армии». Название Макаrsa сохранялось до XVII века. Это подтверждается и упоминанием названия иезуитским миссионером Франциско де Азеведо во время его путешествия в 1631 году из Леха в Лахор через высокогорные гималайские страны Карджа (в настоящее время Лахул) и Кулу в сопровождении другого миссионера, Оливейры. Вероятно, они были первыми европейцами, которые посетили Лахул и чарующую долину Кулу, которая по красоте и живописности может соперничать с Кашмиром.

Многую сделана попытка проанализировать исследования Юрия Рериха, касающиеся тибетских диалектов Лахула (Бхоти) и совершения обряда Разбивания камня (тиб. *Pho-bar rDo-gCog*) *бученами* (странствующими ламами) долины Спити, проведенные во время его пребывания в долине Лахул в северо-западных Гималаях в 1931–1932 годах.

Рерихи впервые посетили Лахул в 1930 году. В честь их прибытия в Кейланг, местный административный центр, князь Лахула Такур Партап Чанд устроил большой прием. В то время район Лахула и Спити представлял собой аванпост британской территории, населенный туземными племенами. Британское правительство доверило управление местным вождям. Их называли князьями – князь Лахула и князь Спити. С давних времен в Лахуле было три мелких вождя, которых называли Чо, или Такурами, и один вождь в Спити, которого называли Ноно. В прошлом они правили несколькими поселениями.

В Кейланг можно попасть, миновав высокий перевал Ротанг (13 500 футов, или 4425 м высотой), а затем пройдя пешком от Кулу в течение нескольких дней. В те дни Рерихи разбили свой летний лагерь на высокогорном лугу Гунгшеле недалеко от Кейланга. Они арендовали фермерский дом, владельцем которого был Зодпа Дечен, местный христианин, и, обосновавшись там, занялись исследованиями социально-культурной и религиозной жизни Лахула.

ТИБЕТСКИЕ ДИАЛЕКТЫ ЛАХУЛА

Уединенную горную страну Лахул в северо-западных Гималаях населяют многочисленные этнические общины, говорящие на разных диалектах. Эти диалекты языка *шанг-шунг* или *кинор-кирата* принадлежат к языкам как индо-арийской, так и тибето-бирманской семей. Согласно названиям своих общин, *тодпа* и *ранглопа*, которые занимают самые верхние районы долин Бхага и Чандра, говорят на диалектах тибетского языка *тод-кад* (тиб. *sTod-sKad*) и *рангло-кад* (тиб. *Ranglo-skad*).

Д-р Юрий Рерих упоминал рангло-кад как диалект кхоксар, по названию поселения общины ранглопа. Он подробно исследовал фонетику и грамматику двух этих диалектов, а также провел сравнительный анализ субдиалектов языка шанг-шунг или кинор-кирата, так называемые *пунан-кад* (тиб. *Punan-skad*) и *тинан-кад* (тиб. *Tinan-sKad*), которыми пользуются общины пунанпа и тинанпа. До этой его работы никакого методического изучения этих двух субдиалектов не проводилось, за исключением краткого упоминания лахульских диалектов в третьем томе исследования Дж.Гирсона «Лингвистический обзор Индии» [1]. Лахульские диалекты также были упомянуты и частично описаны моравским миссионером Ешке, который жил здесь в течение длительного времени в качестве проповедника евангелической церкви и который составил англо-тибетский словарь, содержащий перечень лахульских слов (опубликован в 1881 г.).

Лахульские диалекты важны при исследовании тибетской лингвистики, поскольку они представляют собой переходную стадию между диалектами западнотибетской группы *ладакхи*, *занскар*, *пуриг*, *балти* и диалектами областей Спити и Нгари. В лахульских диалектах, так же как и в диалектах пуриг и балти, сохранилось много архаических слов. Близость этих диалектов к литературному языку Тибета позволяет предположить, что народ тодпа, вероятно, мигрировал из Занскара, а народ ранглопа — из Спити в Лахул во время второй волны буддизма в Тибете.

Здесь необходимо сделать краткое пояснение относительно того, как тибетская культура и язык укоренились на обширной территории Западного Тибета и соседнего Гималайского региона, включая бассейн верховьев Инда, частью которого являются Лахул и Спити.

Задолго до распространения тибетского языка и культуры на западно-тибетском плато и в бассейне верховьев Инда существовала независимая страна, известная под названием Шанг-Шунг. Эта страна обладала собственной высокоразвитой культурой, языком и религией, при том, что большая часть ее населения занималась скотоводством. Верами народа Шанг-Шунг была религия бон, или пон, которую можно отнести к древним религиям, таким, как зороастризм и иудаизм. Языком этого народа был язык *шанг-шунг-кад* (тиб. *Zhang-zhung-sKad*). Этим языком пользовалось в повседневном общении простое население, и в соответствии с традицией считается, что на нем проповедовал доктрину бон создатель этой религии Тонпа Шенраб Миво (*sTon-pa Shen-Rab Mi-bo*). Этот язык не родствен тибетскому, как полагают некоторые тибетологи. За исключением тибетского лахульского диалекта, остальные субдиалекты — *лахул-пунан*, *тинан* и *манчад* — относятся к языку шанг-шунг.

Община кинор-кирата, упоминаемая в исторических хрониках древней Индии и Непала, является не чем иным, как общиной шанг-шунг, на которую ссылаются тибетские и китайские источники.

Присоединение древней страны Шанг-Шунг к Тибетскому государству было осуществлено властной рукой Сронгцен Гампо (*Srong-btsan sgam-po*), царя Тибета, в VII столетии н.э. Политико-религиозное подавление народа шанг-шунг Тибетом, а затем Китаем было столь мощным, что в конце концов привело к удушению этой древней культуры. В настоящее время горстка последователей веры бон проживает в китайском Тибете, а также в Индии в качестве беженцев из Тибета. Исследования по данному вопросу, выполненные д-ром Юрием Рерихом, достойны всяческих похвал, и в том, что касается знания диалектов племен Лахула в северо-западных Гималаях, он опережает всех других ученых.

ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРИННЫХ ПЕСЕН ЛАХУЛА

Исследования д-ра Юрия Рериха, касающиеся старинных песен (на тибетском диалекте Лахула), можно считать первоходческими. Собираясь вместе во время социально-религиозных действ, лахульцы предавались пению этих песен, восхваляя

своих богов, горных духов, природные стихии и имевших особое значение животных, а также предков и жителей своей страны. Эти песни считались очень важными и благословенными. Обычай исполнения этих песен, который сложился в племенах Лахула с давних времен, можно сравнить с исполнением церковных гимнов. Д-р Рерих рассматривает в тибетском диалекте Лахула два пласта. Одним из них является современная повседневная речь, которая благодаря особой фонетической структуре развилась в своеобразный независимый лахульский разговорный язык, на который оказали влияние соседние диалекты языка шанг-шунг и, до некоторой степени, западногималайские диалекты хинди долин Чамба и Кулу. Вторым объектом исследований являются старинные песни и молитвы, которые представляют литературную форму диалекта и относятся к более древнему языковому пласту. Эти древние пласты, должно быть, проникли в долину на очень ранней стадии, примерно в IX – X вв. Внимательное изучение песен приводит к выводу, что они принадлежат к небуддийской категории и, вероятно, являются народными и светскими. Благодаря повторяющимся упоминаниям в этих песнях трех царств – небес, мира людей и нижнего мира, а также описаниям имевших особое значение животных, таких, как львы, пантеры и т. д., мы вполне можем предположить, что они принадлежат к религии бон древней исчезнувшей страны Шанг-Шунг. В доктрине бон особый акцент делается на охране природных богатств, чистоте атмосферы, а также заклинании различных духов путем вознесения молитв. Тибетские лахульские песни соответствуют всем этим принципам, свойственным религии бон, которые д-р Юрий Рерих изучал во время своего пребывания в Лахуле, хотя он и не упоминал верования бон именно в этом контексте.

Он исследовал восемь старинных песен и молитв. На лахульском диалекте они называются «Греги», или «Брохи». В подтверждение ее небуддийского характера можно процитировать древнюю лахульскую песню «Возведение Трона», сочиненную с целью восхваления Богов трех царств. Она переведена на английский язык д-ром Юрием Рерихом и опубликована в третьем выпуске журнала «Урусвати» [2].

*Возведение Трона**I*

*В благословенной кальпе былых времен
Воздвигнут был трон золотой.
Кто может на него воссесть?
Это место Бога небес.
Восхвалите же сей высокий замок богов!*

II

*В благословенной кальпе былых времен
Воздвигнут был трон перламутровый.
Кто может на него воссесть?
Это место человека из среднего мира.
Восхвалите же благословенную горную
 людскую обитель!*

III

*В благословенной кальпе былых времен
Воздвигнут был трон бирюзовый.
Кто может на него воссесть?
Это место Нагов из нижнего мира.
Восхвалите же сыновей и богатство Нагов!*

IV

*В благословенной кальпе былых времен
Воздвигнут был трон хрустальный.
Кто может на него воссесть?
Это место счастливых предков.
Восхвалите же обитель предков!*

ОБРЯД РАЗБИВАНИЯ КАМНЯ

(PHO-BAR rDO-gCOG)

Д-р Юрий Рерих с глубоким интересом изучал социально-культурную и религиозную жизнь обитателей Лахула и Спити (в настоящее время относящихся к штату Химачал Прадеш). Помимо других многочисленных видов деятельности во время своего пребывания в Лахуле Юрий Рерих наблюдал и описывал зрелищное религиозное действо — обряд Разбивания камня, который

совершает группа странствующих лам, известных как бучены из долины Пин в Спити. Это популярное религиозное представление тибетского происхождения. Считается, что исполнители этого обряда достигли сиддхи, или обрели сверхъестественные способности, и к ним относятся с особым почитанием. Поэтому деревенские жители приглашают бученов совершить обряд Разбивания камня, чтобы прогнать из своих поселений злых духов.

Говорят, что впервые этот обряд исполнил знаменитый Махасиддха (Совершенный) Тхангтонг Гьялпо (*Thang sTong rGyal-po*, род. в 1385 г.) во время строительства монастыря Рио-че в 51 км на юго-запад от Лхасы. Ему также приписывается создание более ста подвешенных на цепях железных мостов через реки Тибета и Бутана. Среди мостов, построенным Махасиддхой, известен мост Чуо-ри через реку Яру Цангпо. Кроме того, он в совершенстве владел искусством получения железа из железной руды.

Первоначально Махасиддха Тхангтонг Гьялпо принадлежал к школе *шанпа* (тиб. *Shang-pa bKa brGyud*), входящую в школу *кагьюна*. Эта школа была основана великим йогом и сиддхой Кьюнпо Нальджор (978–1079), который учился сутре и тантре у индийских учителей Рахула Гупта и Сукха Сиддха. Усовершенствовав свои познания в Дхарме, Кьюнпо Нальджор в течение тридцати лет наставлял собственных учеников, число которых достигает нескольких тысяч. Он построил много монастырей в Тибете. Главным среди них был монастырь Джанг-Джунг в долине Шанг. Главные его учения основывались на пяти Тантрах — идамов Чакрасамвары, Хеваджры, Махамайи, Гухьясамаджи и Ваджрабхайравы.

Независимых школ настоящей традиции больше не существует, но эти учения практикуют ламы менее значительных школ, развившихся позднее. Махасиддха Тхангтонг Гьялпо также основал свою малую школу *чуорина* после того, как принял эзотерические наставления непосредственно в прямой передаче от йогини Нигумы, духовной супруги индийского йога Сиддха Наропа (X в).

Местные жители приглашают бученов для совершения обряда Разбивания камня, и те во время отправления этого обряда разбивают камень на животе одного из лам. Они являются коренными жителями долины Пин, отвечающей от долины Спити. Еще предстоит изучить, кто ввел эту уникальную традицию обряда Разбивания камня в этой уединенной долине Пин в Спити.

Другого такого центра религиозно-магической традиции Махасиддхи Тхангтонг Гьялпо, какой существует в долине Пин, более не найти в Западном Тибете и в индийских Западных Гималаях. Однако учения и практики этого древнего искусства исполнения ритуала Разбивания камня сохраняются и по сей день среди странствующих учеников Махасиддхи, известных как бучены. Бучены-новички проходят курс строгой тантрической медитации, в соответствии с указаниями *лочена* (духовного учителя), в течение года в полном уединении в горных пещерных обителях. Необходима энергичная физическая тренировка, чтобы во время представлений демонстрировать различные виды жонглирования саблями.

В долине не существует храма или монастыря школы чуори, входящей в школу кагьюпа, хотя в долине Кангри есть древний монастырь школы *ньингмапа* тибетского буддизма. Этот монастырь обеспечивает духовное руководство и оказывает ритуальные услуги обитателям долины Пин, включая бученов. Как уже было сказано, бучены являются странствующими ламами, но в поселении они ведут, как и все остальные, обычную семейную жизнь.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛАХУЛА

Д-р Юрий Рерих в журнале «Урусвати» [3] сообщал об археологических находках старинных глиняных горшков в древних захоронениях в лахульских долинах Чандра и Бхага. Понимая значение древних могил в изучении ранней истории этого региона Тибета, он провел краткое их обследование. Как результат этого обследования, проведенного на местах, обнаруженных местными жителями во время полевых работ и при строительстве фундаментов новых домов, он упоминает о трех типах могил. Однако ему не удалось добыть остатки глиняных горшков из этих захоронений. Обычно подобные находки уничтожают обнаружившие их люди из страха навлечь беду на себя или свою семью. Поэтому добыть такие предметы из могил здесь, в долине, нелегко.

Мне посчастливилось раздобыть пять неповрежденных глиняных кувшинов ручной работы из древнего захоронения в поселении Гускьяр (деревне моих предков), которое д-р Юрий Рерих упоминал в своем отчете в журнале «Урусвати». Помимо этого внутри древнего чортена, или ступы (X – XI в. н.э.), в поселении Коланг в Верхнем Лахуле были найдены две пластины типа *ца-ца*

(глиняная отливка для изготовления религиозных реликвий), которые являются весьма важными находками, относящимися к ранней истории Западного Тибета и Лахула-Спити.

* * *

И в заключение я хотел бы сообщить об августовском собрании нашего рериховского общества в летнем лагере Рериха в Кейланге. Там некогда находилась студия, построенная Рерихами, но со временем она почти совсем развалилась и практически уже не существовала. Мы обратились к правительству штата Химачалпрадеш за финансовой помощью для восстановления этой студии, чтобы память о Рерихе продолжала жить в этом высокогорном районе Лахула. Пока правительство Химачалпрадеш предоставило нам 200 тысяч рупий на эти цели. Я буду молиться нашему богу-покровителю Гепангу, чтобы продолжали развиваться социально-культурные отношения, продолжались и развивались отношения между Индией и Россией, чтобы они процветали и укреплялись в будущем в свете той гигантской творческой работы, что была начата Рерихами в Наггаре и Кулу, в Западном Тибете и Гималаях, и чтобы эти отношения росли и развивались так, как вечно текут воды наших великих рек — Ганга и Волги.

Литература

1. *Grierson G.A.* Lingvistic survey of India. Vol. III. Calcutta, 1908.
2. *Urusvati*. Vol. 3. Naggar, Kulu, 1933.
3. *Urusvati*. Vol. 2. Naggar, Kulu, 1932.

А.П.ГНАТЮК-ДАНИЛЬЧУК,

доктор филологических наук,

профессор кафедры восточных языков при МИД РФ,

почетный профессор Института по исследованию творчества

Р.Тагора (Калькутта, Индия),

Москва

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ ИНДОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТАХ Ю.Н.РЕРИХА

Уважаемая Людмила Васильевна!

Уважаемые коллеги и друзья!

Среди памятных фотографий, хранящихся в моем архиве, есть одна, особо дорогая для меня. Она снята в 1959 году в Библиотеке иностранной литературы на вечере, посвященном очередной годовщине со дня рождения Р.Тагора, где мне довелось выступить с докладом. На этой фотографии запечатлен Юрий Николаевич Рерих, который присутствовал на вечере и отвечал на вопросы.

Юрий Николаевич сразу же поразил меня своей особой интеллигентностью, эрудированностью, ясностью мысли и, вместе с тем, исключительной скромностью, благожелательностью, стремлением до конца передать свои мысли собеседнику. К нему, как к магниту, тянуло всех, кто в той или иной степени интересовался Индией, ее духовными традициями и культурой.

Как известно, Юрий Николаевич вернулся на Родину в 1957 году. Это было время так называемой «оттепели», когда официальная идеология отказалась от многих догм, в том числе и в индологии. Время, когда перестали утверждать, что Индия стала независимой и пошла на раздел страны в результате «сговора» с колонизаторами; когда начали издавать произведения выдающихся деятелей культуры и писателей немарксистского толка и знакомство с индийской культурой и литературой перестало ограничиваться переводами так называемых прогрессивных писателей и деятелей культуры; когда Дж.Неру был приглашен в СССР, а наше руководство посетило Индию. Интересно заметить, что к приезду

Дж.Неру в 1955 году из закрытого хранения была взята одна из наиболее известных его книг — «Открытие Индии», незамедлительно переведена и издана в «Иностранной литературе», одном из важнейших издательств того времени. С этого же года, после почти восемнадцатилетнего перерыва вновь стали издавать произведения Р.Тагора. Переводились (в том числе впервые с оригиналов) произведения других выдающихся индийских писателей и деятелей культуры.

Как известно, дело о визе, о которой долго и безуспешно хлопотал Юрий Николаевич, было решено благодаря Н.С.Хрущеву. Во время его визита в Индию Ю.Н.Рерих был представлен главе Советского Правительства, и тот пригласил его работать в СССР.

«Мы Вас ждем. Мы Вам все организуем. А что бы Вы хотели?» — спросил Хрущев.

«Вот если бы Вы могли мне предоставить кафедру, я бы мог продолжать читать лекции», — ответил Юрий Николаевич.

Ему предоставили квартиру на Ленинском проспекте, машину, назначили заведующим сектором философии и истории религии отдела Индии и Пакистана в Институте востоковедения АН СССР. Кроме того, он преподавал три индийских языка и тибетский. В ИВ РАН и ныне функционирует кабинет его имени, в котором размещена привезенная им из Индии обширная библиотека, содержащая немало тибетских ксилографов.

На его лекции и консультации приходило много слушателей, он стал очень популярен, особенно среди индологов. Юрий Николаевич был и у нас в МГИМО. На встречу с ним приходили со всех факультетов и отделений студенты, лаборанты, преподаватели.

Своей семьи, как известно, у Юрия Николаевича не было. Он всегда был с отцом, его верным помощником и сотрудником, но в научной работе шел своим самостоятельным путем. Сегодня на утреннем заседании остроумно было замечено, что Николай Константинович, будучи художником и ученым и одновременно представляя искусство и науку, как бы раздвоился в своих сыновьях. Святослав Николаевич стал художником, а вот Юрий Николаевич — ученым. И каким ученым! Но он прожил у нас до обидного мало и ушел в 1960 году так внезапно и непоправимо несвоевременно. Но столько за это отведенное ему короткое время сделал!

А теперь позвольте перейти непосредственно к теме моего небольшого выступления. Оно основано на статье «Индология в России», которую Юрий Николаевич Рерих опубликовал в 1945 году в одном индийском научном журнале. В этой небольшой статье он сумел отразить всю историю культурных и любых других связей России с Индией, начиная еще с периода, предшествующего знаменитому путешествию тверского купца Афанасия Никитина (XV в.). И главное, он расставил правильные акценты. Многие, и я в том числе, полагали тогда и, возможно, еще полагают, что научные интересы Юрия Николаевича были сосредоточены главным образом в области тибетского языка, тибетологии и буддизма, но, как оказалось, его знания были не менее велики и глубоки и в сфере непосредственно индологии. Упомянутая выше работа была переведена на русский язык и опубликована в Самаре издательством «Агни» только в 1999 году, войдя в очень ценный сборник трудов Ю.Н.Рериха «Тибет и Центральная Азия». В предисловии к этой, повторю, очень ценной и нужной книге Ю.Н.Рерих определен только как тибетолог, монголист и исследователь Центральной Азии, что, на мой взгляд, не совсем корректно. По моему глубокому убеждению, тибетологию и индологию нельзя рассматривать отдельно. И я хотел бы особо подчеркнуть, что тибетология — это своего рода автономная часть индологии в широком смысле слова и отрывать их друг от друга неправомерно. О чем, кстати, неоднократно говорил Юрий Николаевич.

В этом же предисловии совершенно справедливо отмечается, что в работе Ю.Н.Рериха «Индология в России» *«выделены школы ведущих отечественных индологов, определены основные проблемы, над которыми работали русские ученые. Отдельно отмечены буддологические исследования, и в этой связи упомянуты также тибетологи и монголисты, работавшие в области изучения буддизма»* [1, с. 11]. Однако трудно согласиться с тем, что эта работа всего лишь *«не утратила своего значения и в наши дни и воспринимается как одна из страниц российской индологии...»* [там же]. По моему мнению, она не только не утратила своего значения, но *является опорой подлинной истории развития нашей индологии*. В ней Юрий Николаевич, несмотря на краткость изложения материала, особо четко определяет значение трудов важнейших крупных ученых — коллег и учеников Ф.И.Щербатского, о которых незаслуженно

и сознательно не упоминалось до настоящего времени. Таких, как О.О.Розенберг, Е.Е.Обермиллер, М.И.Тубянский, А.И.Востриков, А.М.Мерварт.

Юрий Николаевич подробно рассматривает труды самого Ф.И.Щербатского, имя которого хотя и не было предано забвению, но фундаментальные труды его по буддизму, буддийской логике не переиздавались, не изучались и не переводились (большинство из них были написаны Ф.И.Щербатским на английском языке). Лишь недавно, с выходом книги Ф.И.Щербатского «Избранные труды по буддизму» (ГРВЛ, издательство «Наука», 1988), они стали доступными, но не полностью (так, из фундаментального труда академика «Буддийская логика», т. I и II, Л., АН СССР, 1930–1932 гг., из 1957 страниц переведено только введение – 58 страниц).

В своей статье Ю.Н.Рерих отмечает, что российско-индийские отношения существовали с незапамятных времен, но *«Ранний период индийско-русских культурных отношений остается скрытым непроницаемой завесой. Наши сведения крайне скудны, а по некоторым периодам и вовсе отсутствуют»* (до XVII в. – А.Г.) [1, с. 173].

Опираясь на летописи, сказания, легенды и мифы, ученый говорит о некоторых фактах, пробивающихся сквозь тьму веков. Так, он упоминает о «рахманах», почитающих Бога, о которых говорится в «Повести временных лет» (XI век), о «черной смерти» (чуме), пришедшей из Солнцеграда в Индии, о чем под 1352 годом имеется запись в Новгородской летописи. Юрий Николаевич упоминает о популярных в Древней Руси «Деяниях Св. Фомы в Индии», об известных с XIII века «Легенде об Индийском царстве» и русской версии «Истории завоеваний Александра в Индии», а также о «Повести о Варлааме и Иосафе», представляющей собой христианизированное жизнеописание Будды.

Среди всех этих фактов особый интерес представляют дневниковые записи Афанасия Никитина, российского купца-путешественника из Твери, которые выгодно отличаются от путевых заметок Николо Конти [1, с. 174], как пишет Юрий Николаевич, ссылаясь на мнение профессора Минаева. Афанасий Никитин, примкнувший к посольству (торговой миссии, направленной Иваном III в Ширван, Персия), услышав в Персии о прибыльной индийской торговле, решил отправиться в Индию, где он и пробыл

с 1469 по 1472 год. Большую часть времени Афанасий Никитин прожил во владении Бахмани в районе Западного побережья Аравийского моря. До нас дошли его незавершенные дневниковые записи, найденные Н.К.Карамзиным, представляющие огромную историческую ценность. Эти записи поистине имеют уникальное значение, ибо они написаны на основе личных наблюдений повседневной жизни индийцев XV века.

После Афанасия Никитина в *«XVI столетии представления России об Индии были все еще скудны, и когда в 1532 году Ходжа Хусейн, посол султана Бабура, прибыл в Москву, российские власти не решились заключить договор и предложили лишь торговые соглашения»* [1, с. 174].

Как известно, в XV–XVI вв. началось проникновение европейцев в Индию. Первыми были португальцы. Почему португальцы? После открытий Колумбом и другими мореплавателями Америки Папа Римский поделил Земной шар между двумя главными католическими странами – Испанией и Португалией. Индия попала в португальскую часть. Португальцы высадились на западном берегу Аравийского моря, в районе г. Гоа и др., а также на востоке в районе Читтагонга (нынешняя Бангладеш). Позже другие европейцы (англичане, французы, голландцы) в основном вытеснили их, однако в силу папской буллы в Индии не было ранее и теперь нет никаких испанских поселений.

Документы свидетельствуют о том, что в середине XVI века (1545–1546 гг.) индийцы-купцы стали прибывать в район Астрахани, как записано в местной астраханской летописи. В Астрахани, которая стала столицей Астраханского Ханства, а с 1559 года, в царствование Михаила Федоровича, вошла в состав Русского государства, была основана постоянно возрасставшая индийская колония. Из той же летописи можно узнать, что в 1625 году здесь был построен караван-сарай для торговцев из Индии. Сложилась индийская община, состоявшая из торговцев, ремесленников и, как пишет Ю.Н.Рерих, случайных садху [1, с. 174]. Обосновавшись, индийцы заводили семьи, а некоторые овладевали русским языком. Правительство относилось к ним благосклонно, всячески поощряло их деятельность и принимало их сторону в столкновениях с местными властями. Интересно замечание англичанина Дж.Форстера, которое приводится в статье: *«Индусы также находят в Астрахани*

самую неподдельную терпимость, в самых прославленных центрах паломничества своей родины не могли бы они совершать обряды с большей свободой» [1, с. 175].

Правительство Российской Империи пыталось установить прямые связи с властями империи Великих Моголов. Так, в 1675 году в Индию было послано посольство Мухаммеда Юсуфа Касимова [2, с. 162–182], но ему удалось добраться только до Кабула.

Последнюю в XVII веке (в 1695 г.) официальную поездку в Индию возглавлял купец Семен Мартынович Маленький. Ему удалось добраться до Индии, посетить Агру и Дели, он был принят падишахом Аурангзебом, давшим ему фирман о праве на беспошлинную торговлю в Индии.

В XVIII веке в Астрахани продолжала существовать колония индийцев, насчитывающая около 100 индийских семей. В начале века индийские купцы из Астрахани свободно ездили со своими товарами в Москву, в Саратов, а с 1720 года – и в Санкт-Петербург, добирались даже до Архангельска. Как и в предыдущем столетии, индийские купцы были в большинстве своем очень богатыми и вели крупную торговлю, превосходя в этом отношении купцов других национальностей, торговавших восточными товарами в России. Помимо торговли, индийцы занимались ростовщичеством, взимая высокие проценты. Правительство Российской Империи всегда было на стороне индийцев в их тяжбах с русскими должниками.

Петр I продолжал традиционную политику русского правительства, организовал несколько миссий для поездок в Индию, например в 1716–1717 годах туда отправилась экспедиция князя А.Бековича-Черкасского, в составе которой под видом купца был поручик А.Е.Кожин с особой миссией.

«После Петра русское правительство более не предпринимало попыток установить непосредственные отношения с Индией. Вместо этого появились разные проекты учреждения в России торговых Ост-Индских компаний наподобие европейских... Поэтому все более возрастало значение Оренбурга (основан в 1735 году) в восточной торговле России и все более падало значение Астрахани» [3, с. 77].

В своих беглых заметках я хотел бы немного остановиться и на такой фигуре, как Герасим Лебедев – путешественник, первый русский индолог, музыкант и дипломат поневоле, проживший в Индии двенадцать лет (1785–1797). Высадившись первоначально

в Мадрасе, он переехал в Калькутту, овладел бенгальским языком, в том числе и разговорными формами. В Лондоне в 1801 году вышла на английском языке его большая работа – «Грамматика чистых и смешанных восточно-индийских диалектов» (почему-то их сейчас иногда именуют «калькуттским хиндустани»). Он был знаком с современной ему бенгальской литературой и выполнил первый перевод на русский с бенгали поэмы «Бидде шундор» Бхаротчондро, крупнейшего поэта XVIII века. Так как Юрий Николаевич в своей статье пишет о Лебедеве немного, позволю себе рассказать о нем подробнее.

По возвращении его на родину в 1801 году именным указом Александра I от 29.01.1802 повелено было причислить Герасима Лебедева к Академии наук со званием профессора восточных языков. Однако президент Академии А.А.Николай в письме от 31.01.1802 заявил, что «так как в Академии наук нет никого, кто бы мог судить о знаниях Г.Лебедева, то посему Академия сама собою без высочайшего повеления Г.Лебедева удостоить звания профессора восточных языков не может». Последовал указ императора от 04.02.1802, которым он повелевал причислить его в Коллегию иностранных дел к азиатскому департаменту, пожаловав в коллежские асессоры. 11 октября 1811 года Герасим Лебедев был представлен в на-дворные советники, а именным указом от 01.01.1817 года награжден орденом Св. Владимира четвертой степени. На выделенные по его просьбе правительством деньги он отлил первый в Европе шрифт деванагари. А в 1805 году опубликовал обширный трактат «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов...» (брахманов. – А.Г.), представляющий собой исследование религиозных и философских систем Индии, а также перспектив торговли с этой богатой страной. Умер Герасим Лебедев 15 июля 1817 года. На его могиле в Санкт-Петербурге стоит памятник с эпитафией, написанной его женой, где начертано:

*Он первый из сынов российских
В Восточну Индию проник
И списки с нравов сняв индийских
В Россию их принес язык [4, с. 368].*

* * *

В своем выступлении я ограничиваю себя анализом материала, относящегося по времени по XVIII век включительно (тем более что материал XIX—первой половины XX вв. очень обширен и достаточно известен), и не смогу сейчас сказать больше обо всем богатстве фактов и мыслей в статье Ю.Н.Рериха «Индология в России» и во всем том, что он успел сделать в отведенный ему краткий срок. Так быстро и внезапно ушел он от нас, и нам еще предстоит большая и серьезная работа по усвоению всего того, что он нам оставил.

Спасибо за внимание.

Литература

1. *Рерих Ю.* Тибет и Центральная Азия. Самара: Агни, 1999.
2. *Пальмов Н.Н.* Астраханские архивы // Записки Института востоковедения. Л., 1934.
3. Россия и Индия. М.: Наука, ГРВЛ, 1986.
4. *Мамуд Хаят.* Герасим Степанович Лебедев. Бенгальская Академия Дакка. Бангладеш, 1986 (на бенг. яз.).

С.В.ИЛЬНИЦКИЙ,

Центр научно-прикладных технологий,
Киев

СЮЖЕТ О ВАРЛААМЕ И ИОСАФЕ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ Н.К. И Ю.Н. РЕРИХОВ
И И.Я.ФРАНКО

(ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ
ХРИСТИАНСКОЙ И ИНДО-БУДДИЙСКОЙ ТРАДИЦИЙ)

В своей работе «Индия в долгу перед буддизмом» Ю.Н.Рерих пишет: «...*Благодаря своей общечеловеческой направленности буддизм был способен преодолеть национальные границы. По буддийским каналам в Центральной Азии стали известны индийские светские науки: астрономия, медицина, драматические произведения, поэзия и грамматика; они были восприняты народами, живущими от степей юга России до берегов Тихого океана*» [1, с. 7].

«От степей юга России до берегов Тихого океана»... Просто дух захватывает, стоит только окинуть мысленным взором весь этот огромный ареал. Что же позволило Юрию Николаевичу с такой уверенностью говорить о столь широком культурном единстве, сложенном на основании буддизма? Свидетельств тому, безусловно, много. Ю.Н.Рерих, как известно, опирался не только на свои собственные изыскания, но и на весь опыт востоковедной науки, в том числе и российской, об истории развития и достижениях которой можно узнать из его работы «Индология в России». Также следует вспомнить и творческие прозрения Николая Константиновича Рериха, который еще в конце XIX века говорил о единстве культур Руси и Индии, подметив его прежде всего в быту и в сходстве сюжетов легенд.

Несколько позже, в 1926 году, на Алтае Н.К.Рерих пишет очерк «Сын царя», где пересказывает сюжет повести про Варлаама и Иосафа, которая является, по его словам, прикрытым вуалью христианской интерпретации жизнеописанием Будды. Ю.Н.Рерих в свою очередь упоминает эту повесть в статье «Индология в России», ссылаясь на французское издание P.Alfarich'a. «La Vie Chretienne du Buddha». Н.К.Рерих ссылается на «Четы-Минеи» Димитрия Ростовского.

Остается только сожалеть, что ни Ю.Н., ни Н.К. Рерихи не давали ссылок на еще одного выдающегося исследователя и писателя – Ивана Яковлевича Франко (1856–1916), который в 1893 году в Венском университете защитил диссертацию по теме «Варлаам и Иосаф», старохристианский духовный роман и его литературная история».

Трудно переоценить значение этой работы, в которой показано, насколько широко история жизни Будды была распространена даже в канонической христианской литературе, не говоря уже об апокрифах и художественных произведениях. Так, И.Я.Франко приводит сведения о латинских переводах повести и об их вариантах; о романтических поэмах про Варлаама и Иосафа во Франции и Германии XII века; прозаических произведениях, популярных книгах, драмах во Франции, Германии, Италии, Англии, Испании, Швеции, Чехии; стихотворной легенде Барановича, стихотворном переводе Кулиговского и школьной драме Лихоневича в Польше; русско-украинском переводе, изданном в Кутеине в 1636 году; в «Четьи-Минеях» Дмитрия Ростовского; переводах румынских, новогреческих и т.д.

Что же дают нам собранные воедино эссе Н.К.Рериха «Сын царя», работы Ю.Н.Рериха, посвященные буддизму и индологии, а также исследования И.Я.Франко?

Во-первых, они, безусловно, пробуждают интерес к теме взаимопроникновения Учений Будды и Христа. Они снабжают нас неоспоримыми фактами и доказательствами культурного единства Азии в I тысячелетии н.э., единства, в которое были включены народы стран от острова Ява до как минимум Средиземноморского бассейна.

И, во-вторых, приподнимают завесу над эпохой конца XIX – начала XX века, когда мыслители и творцы различных народов, почуяв дуновение Нового мира и Новой эпохи и обратившись к духовным накоплениям древних, прозрели за мишурой позднейших религиозных наслоений единые основы. Они трепетно собирали осколки былого величия, готовили путь для тех, кто должны были принести новое Учение.

Коснемся вначале проблемы взаимопроникновения Учений Будды и Христа, непосредственное отношение к которой имеет повесть о Варлааме и Иосафе. Исследуя путь буддизма с Востока на Запад, мы неизбежно обратимся к территории, которая в оп-

ределенный момент истории была средоточием взаимодействия классической культуры Греции и индо-буддийской традиции. Мы имеем в виду Гандхару. Краткая историческая справка.

«Гандхарой именовалась в древности северо-западная область Индостана, занимавшая часть Пенджаба — ныне эта территория входит в основном в состав Пакистана. <...> В 327 году до н.э. в Гандхару вступают войска Александра Македонского. В III в. до н.э. она входит в состав государства Маурьев. Во II в. до н.э. — I в. н.э. ею последовательно владеют среднеазиатские правители: греко-бактрийские, скифо-сакские, парфянские, а затем кушанские. Период вхождения Гандхары в I—III вв. н.э. в состав Кушанской империи знаменует блестящий расцвет местной культуры. Он продолжается и в III и в IV вв., когда область принадлежит индийской династии Гуптов» [2].

Чем же ценны для нас эти сведения из истории Гандхары? Прежде всего тем, что походы Александра Македонского и рождение империи создали политическую предпосылку для греко-индийского культурного обмена. Достаточно, на самом деле, беглого взгляда на карту, чтобы в этом убедиться.

С запада на восток прошла армия Македонского, а в обратном направлении неотвратимо должен был последовать поток, точнее, ручейки распространения Учения Будды. Имеются в виду путешественники и проповедники из Индии.

Ю.Н.Рерих пишет: *«Эта общечеловеческая направленность была одной из важнейших причин распространения буддизма вдаль и вишьрь по соседним странам, а также среди иноземных захватчиков, которые пришли с северо-запада и сделали Индию своим домом. Так буддизм помог своей родине ассимилировать захватчиков.*

Обращение этих иноземцев — иранцев, греков и центральноазиатских тюрок — в буддизм сделало возможным быстрое распространение буддизма по Центральной Азии вплоть до Дальнего Востока» [1, с. 11].

В унисон утверждению Ю.Н.Рериха звучит ссылка И.Я.Франко на Ф.Конбира: *«Это самый древний греческий вариант повести о Варлааме и Иосафе, вероятно, был написан в Бактрии в третьем веке по Рождеству Христову в кругах, где религия Иисуса смешивалась с буддийской» [3, с. 492].*

В другом месте своей диссертации И.Я.Франко, анализируя работу Цотенберга об истории создания повести, пишет: *«...Некоторые находки признаны Цотенбергом почти неопровержимыми.*

К таким находкам относится тот факт, что Иоанн Дамаскин не был автором повести про Варлаама и Иосафа, а также то, что повесть была написана около года 630 по Рождеству Христову» [3, с. 470].

То есть создание повести Цотенберг, по сравнению с предположением Конбира, передвигает на 300 лет ближе к нашему времени. И это позволяет сделать интересные выводы. Учитывая тот факт, что индийское, а именно буддийское происхождение повести не подлежит сомнению и *«греческая повесть является не переводом, а свободной переработкой индийского оригинала»* [там же], а также тот факт, что и *«пхлевийское произведение не было дословным переводом никакого буддийского произведения, но его автор свободно пользовался всей буддийской традицией»* [3, с. 482], мы можем утверждать, что в VII веке по Рождеству Христову, а вероятнее всего, и ранее, буддийская традиция была хорошо известна в среде христианских греков. Если в дополнение к этому вспомнить путь из варяг в греки, а также легенды о путешествии апостола Андрея на берега Днепра, которое некоторые авторы считают не историческим фактом, а отголосками походов варягов, то мы поймем, что *«Полезная для души история из крайнего края Эфиопского, называемого Индией»* [3, с. 321–322], является только верхушкой айсберга в море контактов «христианство—буддизм».

Насколько глубок был интерес к буддизму, а вместе с ним и к космогоническим доктринам Востока, иллюстрирует тот факт, что в повести про Варлаама и Иосафа дается неканонический вариант описания процесса сотворения мира. Варлаам говорит, что Бог раньше создал *«невидимые силы небесные без числа множество духов бесплотных»* [3, с. 332–333]. Только после этого был создан видимый мир, то есть небо, земля и море. Подобная точка зрения в большей степени отвечает позиции, изложенной в «Тайной Доктрине» Е.П.Блаватской, нежели ортодоксальному церковному взгляду.

Как известно, ортодоксальной церковью активно пропагандировалось и пропагандируется мнение, что буддизм и христианство в корнях своих принципиально различные Учения. Но так ли это?

Обратимся к путевому дневнику Н.К.Рериха «Алтай-Гималаи», в котором во время Центрально-Азиатской экспедиции он тщательно отмечал следы пребывания Христа в Гималаях. Так, Николай Константинович пишет: *«Послушаем, как говорят в Гималаях о Христе. В рукописях, имеющих древность около 1500 лет, можно прочесть: «Исса (Иисус) тайно оставил родителей и вместе*

с купцами из Иерусалима отправился к Инду, за усовершенствованием и изучением законов Учителя. Он провел время в древних городах Индии Джагарнатхе, Раджагрихе, Бенаресе. Все его любили» [4, с. 82].

«Затем Исса был в Непале и Гималайских горах...» [4, с. 83].

«Другой источник, менее известный, говорит также о жизни Иисуса в Тибете. Около Лхасы был храм учений, богатый рукописями. Иисус хотел ознакомиться с ними сам. Минг-Сте, великий мудрец всего Востока, был в этом храме. Через много времени, с величайшими опасностями, Иисус с проводником достигли этого храма в Тибете. И Минг-Сте и все учителя широко открыли врата и приветствовали еврейского мудреца» [4, с. 85]. «...Иисус достиг горный проход, и в главном городе Ладака — Ле Иисус учил в монастырях и на базарах» [там же].

Кстати заметить, знаменателен тот факт, что Иисус отправился в Индию с купцами. Это безусловно свидетельствует о наличии очень тесных политических контактов (ведь кто-то должен был обеспечивать безопасность торговых путей), а также означает, что канал распространения проповеди буддизма был открыт. Все же сомнения или нежелание многих признать факт пребывания Иисуса в Индии следует отнести на счет стереотипности мышления или, хуже того, предвзятости. Если в добавление ко всему тому, что было уже сказано об Александре Македонском и его завоеваниях, а также об активности проповедников Учения Благословенного, мы вспомним территориальное расположение Израиля, откуда родом был Иисус, то ответ на этот столь остро дискутируемый вопрос: «Ходил ли Он в Индию?» — очевиден.

Подытоживая все вышесказанное, позволим себе утверждать, что Христос был величайшим проповедником Учения Будды, Учения Общины, с учетом исторической миссии и своеобразия израильского народа.

Конспективно коснувшись темы общности Учений Будды и Христа и эпохи, давшей нам замечательное явление литературы — повесть о Варлааме и Иосафе, считаем необходимым добавить несколько штрихов к описанию той эпохи, творцами которой были, в том числе, и Ю.Н.Рерих и И.Я.Франко.

На наш взгляд, для того чтобы оценить труд, проделанный обоими учеными, сферы трехмерного пространства недостаточны. Пребывая в привычном измерении, мы не сможем понять главного — цели их исследований. Обратимся к одной из книг

Учения Живой Этики. Так, в «Беспредельности» сказано: «Только при самых устремленных явлениях слияний удаются высшие трансмутации. Человечество болеет отталкиванием, и сфера Земли пронизана этими удушающими ужасами» [5, § 116]. Как нам кажется, в свете этих слов проступают контуры эволюционных задач И.Я.Франко и Ю.Н.Рериха, а именно: преодолеть этот «удушающий ужас отталкивания» для «высших трансмутаций».

При определенных различиях в акцентах миссии деятельность и того и другого ученого в данном контексте едины по сути. В настоящий момент нам не столь важно то, что И.Я.Франко владел четырнадцатью языками и свободно ориентировался в огромном количестве источников, что он собирал духовные шедевры разных народов и переводил их на украинский язык на пользу соплеменникам, что он принимал активное участие в жизни страны. То есть делал то, что и Ю.Н.Рерих, но в своих обстоятельствах. Но нам более чем важно сходство деятельности и стиля научных трудов Ю.Н.Рериха и И.Я.Франко, а также то, какой была эпоха, в которую пришел человек, чей столетний юбилей мы сегодня отмечаем.

О ее особенностях мы можем судить по следующим извлечениям из работ И.Я.Франко.

«Ныне не подлежит сомнению тот факт (выделено нами — С.И.), что гностицизм вырос в значительной степени под воздействием буддизма, а манихейство было не чем иным, как персидским дуализмом, слабо склеенным с христианскими доктринами. А воздействие этих двух сект на христианство было очень велико: оно дало толчок к выработке основных моментов христианской догматики. Секты эти создали богатейшую литературу, которая, без сомнения (выделено нами. — С.И.), черпала из тех же самых индийских источников, что и эти секты» [3, с. 319–320].

«Открытие Либрехтом буддийских истоков повести о Варлааме и Иосафе <...> отодвинуло хронологическую границу буддийского влияния на Запад значительно в древность, до крестовых походов и магометанства» [3, с. 463].

«...(Повесть) была написана в Бактрии в третьем веке по Рождеству Христову в кругах, где религия Иисуса смешивалась с буддийской» [3, с. 492].

Полагаю, что этих трех коротких извлечений достаточно, чтобы хотя бы в некоторой степени ощутить тот ветер перемен

в сознании, который повеял во второй половине XIX века, и особенно в его последнее десятилетие. Как раз накануне рождения Ю.Н.Рериха.

Весьма интересен тот факт, что И.Я.Франко был лично знаком с Ф.И.Щербатским [6], когда тот изучал санскрит у профессора Г.Бюлера в Вене в 1889–1893 годах. Принимая во внимание ту интонацию, с которой И.Я.Франко пишет А.Ю.Крымскому и М.П.Драгоманову о Щербатском, нетрудно понять, что их связывало что-то очень важное. Вероятнее всего, они были в очень дружеских отношениях. «Слышал, что приехал в Вену Щербатской. Кланяюсь ему низко. Предназначенную для него книжечку моих стихов надеюсь также вручить ему лично» [7, с. 445]. И.Я.Франко был настолько очарован Ф.И.Щербатским, что посвятил ему поэму «Царь и аскет». Во вступлении к этой поэме он пишет:

*В непривітний далекій чужині?
В наддунайській столиці шумній,
Мов криницю посеред пустині,
Я найшов тебе друже мій.*

*І як рад, хто в пустині кочує,
Край криниці в жару спочиває,
Так і я самотній в тім здвизі,
Із тобою любив розмовляти.*

*Як криниця і небо, і зорі
Відбива на перловому дні,
Так слова твої чесную душу,
Світлий ум виявляли мені,*

*Про індійську країну чудову,
Про індійського духа розвій
Ми не раз заводили розмову —
Тут уважний слухач був я твій.*

*Так прийми ж отсю вбогую пісню,
Одну вітку з індійських дібров,
Яко спомин далекого друга,
Наших щирих братерських розмов [7, с. 303].*

(Прошу прощения за цитирование на украинском языке, но я опасаясь, что не обладаю достаточными способностями, чтобы дать художественный перевод стихотворного произведения великого поэта.) К факту столь глубокого эмоционального отклика И.Я.Франко на общение с Ф.И.Щербатским следует добавить и сведения о тех их научных контактах, которые так или иначе касаются исследований исторических трансформаций сюжета о Варлааме и Иосафе. «...*От Щербатского достал статью Ольденбурга о персидской редакции*» [7, с. 382] (речь идет о повести о Варлааме и Иосафе), – пишет он одному из своих корреспондентов.

Продолжая тему перемен в научном мировоззрении на рубеже XIX–XX вв., приведем следующие цитаты из работ И.Я.Франко: «*Стоит вообще обратить внимание на то характерное изменение, которое в конце XIX в. произошло в понимании движущих сил в истории человечества. Особенно последнее десятилетие XIX в. можно назвать эпохой реакции против одностороннего марксовско-го экономического материализма или фатализма*» [9, с. 284].

И далее: «*Все, что выходит за рамки нации, это или фарисейство людей, которые интернациональными идеалами рады были бы приккрыть свои притязания на главенство одной нации над другой, или болезненный сентиментализм фантастов, которые рады были бы громкими фразами завуалировать свое духовное отчуждение от родной нации*» [там же].

Не те же ли самые мысли мы встречаем позднее и у Н.К.Рериха, и у Ю.Н.Рериха, который, бесспорно, шел в фарватере исследований и творческих прозрений отца.

Известно, что появление диссертационной работы И.Я.Франко во многом обязано находке им рукописи повести о Варлааме и Иосафе в селе Крехив на Львовщине. Это уже предгорья Карпат. Каждый, кто читал «Листы дневника» Н.К.Рериха, знает о его интересе к этому региону. И в свете того факта, что ни Николай Константинович, ни Юрий Николаевич не имели доступа к нему, не могли работать в архивах Австрии, в состав которой входила Западная Украина, исследования И.Я.Франко приобретают для нас особую ценность.

Дополняя картину параллелей, выявляемых в научно-философском наследии И.Я.Франко и Н.К. и Ю.Н. Рерихов, коснемся их взглядов на историю. «*Под историей мы понимаем прослеживание внутренней связи между фактами, т.е. такую группировку*

единичных, как более значительных, так и мелких фактов, чтобы из них получался какой-то смысл, т.е. чтобы были видны определенные основные законы природы, управляющие фактами и вызывающие их» [9, с. 77], — читаем мы у И.Я.Франко в статье «Мысли об эволюции в истории человечества».

Не подлежит сомнению, что выявлением основных закономерностей такого процесса занимались как Н.К., так и Ю.Н. Рерих. И так же, как и И.Я.Франко, использовали эти находения для поиска эволюционных путей в современности. Рассмотрим это на примере одного вывода Ю.Н.Рериха в работе «Буддизм и культурное единство Азии». Так, он пишет: *«Не будет преувеличением сказать, что в течение первого тысячелетия нашей эры буддизм создал культурное единство, которое дало возможность идеям свободно расцвести и вызвало замечательный рост искусства и литературы, определивший уникальную позицию Индии в истории азиатской культуры»* [1, с. 11].

Вдумаемся в положения этого утверждения:

«буддизм создал культурное единство», то есть буддизм выступил основанием, на котором развилось многообразие национальных культур со всею уникальностью этнического своеобразия;

«которое дало возможность идеям свободно расцвести». Что это за идеи? Учение Христа, гностицизм, конфуцианство, даосизм, различные течения буддизма в Японии, Китае и Юго-Восточной Азии и т.д.;

«вызывало замечательный рост искусства и литературы» — вспомним шедевры Гандхары, китайского и японского искусства;

«определивший уникальную позицию Индии в истории азиатской культуры». Другими словами, Индия — эпицентр всех этих широких культурных движений. И это утверждение об уникальной роли Индии в духовном развитии человечества отчасти снимает проблему высокомерного отношения европейцев к Азии. Ю.Н.Рерих, выявляя истоки культуры и цивилизации в Евразии, как воин-герой защищает Азию от «цивилизованных дикарей», обвиняющих ее в дикости и кичащихся собственным интеллектом. Здесь стоит вспомнить, что Россия для Европы — это Азия.

И в заключение следует отметить, что хотя Ю.Н.Рерих, как и И.Я.Франко, успел сделать невероятно много, масштаб задачи, которую он принял на себя, был столь огромен, что она не могла быть выполнена одним, пусть даже величайшим, человеком.

Во всех работах Ю.Н.Рериха просматривается стратегический подход. Он ведет исследования и расставляет вехи, по которым, как по открытым каналам, должны пойти будущие исследователи. Но если этого не сделать, то стоящие за этим возможности так и останутся всего лишь возможностями без реализации.

Литература и примечания

1. *Рерих Ю.Н.* Индия в долгу перед буддизмом / *Рерих Ю.Н.* Буддизм и культурное единство Азии. М.: МЦР, 2002.
2. *Пугаченкова Г.А.* Искусство Гандхары. М., 1982.
3. *Франко І.Я.* Зібрання творів. У 50 т. Т. 30. Київ: Наукова думка, 1986.
4. *Рерих Н.К.* Алтай-Гималаи. Рига: Виеда, 1992.
5. Учение Живой Этики. Беспредельность. Ч. I. М.: МЦР, 1995.
6. Интересно отметить, что в статье «Буддизм и культурное единство Азии» Ю.Н.Рерих писал о нем: «...Ф.Щербатской, которого можно назвать махапандитой...», что буквально переводится как великий посвященный.
7. *Франко І.Я.* Зібрання творів. Т. 49.
8. *Франко І.Я.* Зібрання творів. Т. 1.
9. *Франко І.Я.* Зібрання творів. Т. 45.

А.В.ИВАНОВ,

*доктор философских наук,
профессор Алтайского государственного
аграрного университета,
Барнаул*

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Ю.Н.ПЕРИХА И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЕВРАЗИЙЦЕВ

1

Евразийское движение оформилось в среде белой эмиграции в 20-е годы прошлого века. Истоком евразийских идейных исканий стала попытка по-новому, с учетом горького исторического опыта гражданской войны, взглянуть на сущность и цивилизационную миссию России и наметить пути ее национального возрождения, опираясь не на идеологические догмы (коммунистические и буржуазные), а на последние достижения естественных и гуманитарных наук. Лидерами и вдохновителями евразийства выступили крупнейшие русские ученые: лингвист и культуролог Н.С.Трубецкой (сын выдающегося русского философа и общественного деятеля С.Н.Трубецкого), географ и экономист П.Н.Савицкий, историк Г.В.Вернадский (сын знаменитого В.И.Вернадского), правовед Н.Н.Алексеев, культуролог и теоретик музыки П.П.Сувчинский и целый ряд других видных деятелей русской науки и философии.

В течение 1920-х годов кружки и семинары евразийцев существовали практически во всех крупных европейских столицах, где жили эмигранты из России, — в Софии и Берлине, Париже и Праге. Ими издавались многочисленные книги, газеты и журналы, читались циклы лекций, посвященные евразийской проблематике. Евразийцы хотя и вели довольно интенсивную полемику с представителями православно-монархических и либерально-демократических эмигрантских кругов, но считали себя не столько политическим движением, сколько **духовным орденом**, призванным сформулировать положения нового, примиряющего белых и красных синтетического мировоззрения и сформировать

костяк будущей российской управленческой элиты, которая могла бы обеспечить целостное и поступательное развитие России после краха ортодоксального большевизма. Ими же, еще в середине 1920-х годов, была предсказана неизбежность распада единого евразийского геополитического пространства на множество национальных государств в случае крушения идеологии пролетарского интернационализма и отсутствия объединяющего евразийского мировоззрения, способного его заменить.

Как идейное течение, евразийство не было чем-то однородным: ряд изначально примкнувших к нему мыслителей впоследствии от него отошел (историк П.М.Бицилли, философ Л.П.Карсавин), а некоторые превратились в ярких критиков евразийского мировоззрения, как, например, богослов Г.В.Флоровский, введший в идейный оборот расхожий штамп «евразийский соблазн». С конца 1920-х годов начинается политический раскол внутри евразийства. Парижская группа, издающая газету «Евразия», все более и более переходит на откровенно просоветские позиции (не без активного влияния ГПУ). Это вызывает у главных теоретиков евразийства, живущих в Восточной Европе, — Трубецкого, Савицкого и Алексева, решительные возражения, ибо, объективно оценивая положительные достижения советской власти (сохранение территориальной целостности и независимости России-Евразии, принцип федерализма в государственном устройстве, справедливое решение национального вопроса, введение плановых начал в экономике), они категорически не приемлют в большевистской России ни пролетарский интернационализм в политике, ни воинствующий атеизм в сфере духовной культуры, ни подавление частной инициативы в хозяйственной деятельности. Нарастающие идейные разногласия приводят к постепенному затуханию евразийского движения и его идейной дискредитации в молодежных кругах русской эмиграции. Питлеровская же оккупация Европы фактически прерывает всякие контакты между евразийскими центрами и его крупнейшими теоретиками.

Судьбы последних были довольно трагическими. Князь Николай Трубецкий скоропостижно умирает в 1939 году во время нацистской оккупации Чехословакии. Вернадский еще до войны уезжает работать в Америку, где основывает отделение русистики Йельского университета. Савицкий все годы войны живет в Праге под постоянным контролем гестапо, а после ее освобождения

попадает на 10 лет в сталинские лагеря за антисоветскую деятельность. Освободившись в середине 50-х годов, он возвращается в Прагу. Алексеев сражается в рядах югославского сопротивления, а после войны – живет и преподает в Австрии в качестве профессора теории государства и права. Сувчинский навсегда оседает во Франции, приобретя славу одного из крупнейших французских музыкальных критиков.

На первый взгляд может показаться, что евразийское движение потерпело полное политическое и идейное крушение, не будучи востребованным ни эмигрантскими, ни советскими кругами и практически не оставив после себя учеников и научной школы. Однако судьба великих идей бывает весьма причудливой и никому не дано знать, в каком историческом контексте и чьими усилиями им суждено будет триумфально возродиться. **В сфере Духа все решает отнюдь не количество, а качество: качество как самих идей, первоначально неизбежно превосходящее средний уровень человеческих сознаний, так и личные качества их немногих творческих носителей.**

Так, едва ли не единственным учеником Савицкого, которого он обрел в сталинских лагерях, стал Л.Н.Гумилев. Однако именно он передал живую эстафету евразийства от его отцов-основателей нынешним поколениям российских исследователей и обогатил евразийское учение новыми гранями, по праву став крупнейшим теоретиком этнологии вообще и знатоком евразийских этносов в частности. Наряду с Л.Н.Гумилевым виднейшим популяризатором и оригинальным продолжателем идей евразийства в СССР в 1960–70-е годы стал отечественный критик, литературовед и историк В.В.Кожин. Сегодня же на позициях евразийства стоят многие отечественные литераторы, философы, историки и политологи. Понятия «Евразия» и «евразийство» – неперенный атрибут современной политической лексики и предмет довольно интенсивной теоретической полемики, в которой участвуют не только отечественные, но и многочисленные зарубежные авторы [1]. Налицо также попытки исказить и подменить подлинный дух евразийства совершенно произвольными идеологическими построениями с явной ориентацией на современную политическую конъюнктуру, как это свойственно, например, многочисленным писаниям и декларациям «традиционалиста» А.Г. Дугина.

Все это позволяет констатировать, что евразийство — не музейный экспонат, а действующая система весьма глубоких и перспективных идей. Их настоятельно необходимо знать сторонникам Учения Живой Этики, ибо члены семьи Рерихов не только были лично знакомы с некоторыми видными деятелями евразийского движения, но, без сомнения, разделяли их ключевые идеи. Более того, система взглядов семьи Рерихов на Россию и на ее место в мировой цивилизации по сути является совершенно евразийской. Что же касается взглядов Юрия Николаевича Рериха, то его можно с полным основанием считать крупнейшим носителем евразийской идеи в советский период, внесшим не только колоссальный вклад в укрепление советской востоковедческой науки, но и стимулировавшим интерес к научному уяснению огромной роли восточных начал в бытии России-Евразии.

2

Каковы же ключевые идеи евразийцев [2, гл. II], пересекающиеся с мировоззрением семьи Рерихов и особенно с идеями Юрия Николаевича Рериха?

Прежде всего, налицо несомненная переключка общеметодологических установок в наследии евразийцев и Рериховском наследии. Для евразийцев, начиная с программной работы Н.С.Трубецкого «Европа и человечество» совершенно **неприемлемая позиция европоцентризма** в понимании истории и культуры, когда европейская история выдается за стержневую линию всего исторического процесса, а европейская культура почитается за вершину развития всей мировой цивилизации. Для евразийцев, как и для Рерихов, история Востока и история России не менее ценны, чем история Европы, а всякая попытка какую-то культуру рассмотреть как высшую — не выдерживает никакой критики. Такая порочная методологическая установка ведет к явной ненаучности подходов и способна лишь перессорить народы между собой. Отсюда следует вторая, общая для евразийцев и Рерихов, методологическая максима: **история должна быть синтетической наукой в двояком смысле**. С одной стороны, она призвана объединять народы, вскрывая их глубинные исторические связи и общие корни; а, с другой, сами методы исторической науки должны носить синтетический

характер, предписывая исследователю-историку принимать во внимание не только данные своей науки и близких ему гуманитарных дисциплин, но смело привлекать также и идеи естественных наук. Так, при обосновании своих исторических идей евразийцы активно использовали данные не только собственно истории (Г.В.Вернадский), но также филологии, этнографии и культурологии (С.Н.Трубецкой), истории государства и права (Н.Н.Алексеев), физической и экономической географии (П.Н.Савицкий). Везде они делали упор на историческом и культурном единстве различных этносов многонациональной России-Евразии: славян, угро-финнов, монголов и тюрков. *«Над Евразией веет дух своеобразного братства народов»*, – писал П.Н.Савицкий в одной из своих программных работ «Географические и геополитические основы евразийства». Буквально ту же самую мысль высказывает и Ю.Н.Рерих в работе «Культурное единство Азии», и под его словами, без сомнения, подписались бы все теоретики евразийства: *«В поисках единства нам не следует забывать уроки прошлого, но, напротив, следует тщательно оберегать остатки былого единства и везде, где возможно, разжигать заново священный огонь культурного единения, культурного обмена, который когда-то принес человечеству благие плоды и которого так недостает нашему современному миру»* [3, с. 27].

Стержневой идеей евразийцев, на которую «нанизываются» все их остальные теоретические положения и эмпирические обобщения, является обоснование того факта, что Россия представляет собой **особый евразийский культурно-исторический мир** (показательно, что в наследии Е.И.Рерих встречается близкое словосочетание «культурно-географический мир»), лежащий на перепутье между Востоком и Западом, выступающий в роли культурного «связного» между ними и органично впитывающий их достижения, но при этом обладающий ярко выраженными своеобразными чертами, вытекающими, в частности, из природно-климатических особенностей евразийского культурного ландшафта. По мысли евразийцев, у лесостепной России-Евразии, колыбели тысячи племен, есть великое историческое прошлое, но есть и великая задача в будущем – *используя тысячелетний опыт мирного сосуществования евразийских народов, способствовать общемировому культурно-политическому единению*. Но ведь

именно на этом евразийском потенциале мирного культурного сотрудничества и духовного синтеза делают акцент и Рерихи, когда связывают спасение планеты с «Новой страной» (с Россией-Евразией) и с трудами «Ивана Стотысячного».

Величайшей заслугой евразийцев является то, что они подвергли радикальному переосмыслению роль кочевых этносов в формировании российской государственности, доказав то большое положительное влияние, которое оказали на нее монгольские традиции государственного управления, организации армии и почтовая связь. «*Монгольское наследство облегчило русскому народу создание плоти евразийского государства*», — писал в работе «Начертания русской истории» Г.В.Вернадский [4, с. 106]. Рерихи, несомненно, были знакомы с этими историческими идеями евразийского движения и разделяли их. В частности, Ю.Н.Рерих в течение многих лет вел переписку с Г.В.Вернадским и весьма высоко ценил его попытки написать историю России с евразийских методологических установок. А что касается его взглядов на роль монгольских племен в становлении евразийской государственности, то следующие его слова почти буквально перекликаются с выводами Вернадского: «*Говоря о Монголии, мы всегда должны помнить, что современная Монголия — это прямой потомок ряда великих народов и племен, пожертвовавших собою ради создания обширных империй, и что ее судьба — это путь Завоевателей*» [3, с. 315]. В советский период своей жизни Ю.Н.Рерих, как известно, познакомился с Л.Н.Гумилевым. Двух великих евразийцев — помимо общности учителей и подходов к истории — объединяла искренняя любовь к истории и культуре монгольского народа, одного из ключевых этносов Евразии, игравшего и продолжающего играть в ее судьбе исключительно важную роль. Дружбу с братским монгольским народом они считали необходимым условием геополитической стабильности и экономического процветания всего евразийского пространства. Это завещание великих евразийцев было забыто в последние годы, и только сейчас начинается восстановление традиционных культурно-экономических связей между Россией и Монголией.

Несомненны также близость взглядов Ю.Н.Рериха и евразийцев на роль Сибири в существовании России-Евразии, а также то особое внимание, которое они уделяли Алтайскому региону. Так, П.Н.Савицкий установил следующую любопытную эмпирическую

закономерность в работе «Миграция культуры» [5]: существует тенденция неуклонного смещения культурных центров цивилизации из районов более теплых в районы со все более низкими годовыми температурами: Египет и Вавилон (среднегодовая температура + 20); Афины (+17); Рим (+15); Франция и Византия (+15); Англия, Германия и Скандинавия (от +10 до +6); Москва (+3,9). Экстраполируя эту тенденцию, Савицкий предсказал в будущем расцвет США, Канаде, а также Сибирскому региону в той его части, где среднегодовые температуры не падают ниже 0 градусов по Цельсию, т.е. это регион Западной и Юго-Восточной Сибири. Тот же Савицкий особое внимание уделял Алтаю как колыбели кочевых народов и нераскрытой археологической сокровищнице [6]. В свою очередь, хорошо известно, что писали Рерихи о Сибири, – о тех сокровищах, которые хранятся под ее вечной мерзлотой и многометровыми северными льдами; знаем мы также, какое внимание они уделяли сердцу всего евроазиатского материка – Алтайскому региону, где ныне сходятся границы четырех крупнейших евроазиатских государств (России, Казахстана, Китая и Монголии) и где необходимо утвердить принципиально новую, общую для всего региона стратегию развития [7], нацеленную на сохранение и рачительное – ноосферное – использование уникального биосферного потенциала алтайских гор, лесов и степей.

Тема «Движение евразийцев и Рерихи» нуждается в дополнительных архивных и теоретических исследованиях, однако уже сейчас можно твердо констатировать близость мировоззренческих установок евразийцев и семьи Рерихов по крайней мере еще в нескольких ключевых пунктах:

– критика западной – механистической и техногенной – модели цивилизационного развития, приведшей мир к глобальному кризису. Акцент на необходимости возвращения к традиционной мудрости Востока и народов евразийского культурно-географического мира;

– подчеркивание роли духовных начал в жизни общества, в том числе и в сфере материальной деятельности человека. Так, в своей работе «Хозяин и хозяйство» П.Н.Савицкий разводит западную экономику и традиционное евразийское хозяйство, доказывая, что подлинный рачительный хозяин, в отличие от предпринимателя, никогда не ориентируется на получение денежной

прибыли любой ценой, а заботится о гармоничном воспроизводстве человека — субъекта хозяйственной деятельности, а также окружающих природных условий существования. Культ «экономического человека» (*homo economicus*) является, по мнению Савицкого, настоящим проклятием западной цивилизации, забывшей об истинной иерархии ценностей. Буквально ту же мысль можно найти у Е.И. и Н.К. Рерихов, утверждавших, что экономика сама по себе — это «тело и брюхо» цивилизации, и она никогда не строила истинной культуры. Сугубый акцент на экономике и технизации жизни представляют явную угрозу духовным и природным основам человеческого бытия;

— объективная оценка советской власти в единстве ее положительных и отрицательных моментов. И евразийцы, и все члены семьи Рерихов являют собой образцы подлинного патриотизма, чуждого национальному самолюбанию и бесплодному критиканству. Они сумели увидеть тот гигантский потенциал исторического творчества евразийских народов, который раскрепостила советская власть; но при этом они никогда не одобряли насильственные методы построения «светлого будущего» и подавления духовной устремленности человека к высшему и надземному. Атеизм, да еще принудительного характера, вызывал у них чувство глубокого негодования и отторжения.

Вместе с тем, евразийское мировоззрение семьи Рерихов преодолеvalo некоторые слабые стороны мировоззрения евразийцев, и прежде всего их гипертрофированный этатизм, то есть переоценку государственно-централизованных начал в жизни того или иного народа, и, напротив, явную недооценку ими общинно-вечевых начал в жизни России-Евразии. Другим слабым элементом в мировоззрении евразийцев можно назвать абсолютизацию ими роли православной церкви в русской культуре. Правда, следует уточнить, что эта фундаментальная роль церкви лишь декларировалась в ряде евразийских работ и выступала скорее как естественная реакция на большевистские гонения против религии и священнослужителей, нежели как детально продуманная и обоснованная теоретическая позиция. Здесь идеи Ю.Н.Рериха об огромной позитивной роли буддизма в становлении восточной и евразийской культур могут рассматриваться как существенный вклад в разработку духовных основ современного евразийского мировоззрения [3].

В целом же точек схождения между учением евразийцев и мировоззрением семьи Рерихов значительно больше, нежели различий, что должно стимулировать сторонников Учения Живой Этики поглубже ознакомиться с богатым и по сей день весьма актуальным идейным наследием евразийского движения.

Литература

1. В частности, в Турции с 2000 года издается журнал «ДА. Dialog Avrasya», где турецкие авторы предлагают свое понимание Евразии, отличное от концепции евразийцев. Poleмику с турецкой интерпретацией «евразийства» автор ведет в альманахе «Алтайский вестник», №1, 2002 год, издаваемом в г. Барнауле.
2. Более подробно об основных идеях евразийцев и их современном звучании см. в монографии: *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю.* Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул, 2001.
3. *Рерих Ю.Н.* Тибет и Центральная Азия: лекции, статьи, переводы. Самара: Агни, 1999.
4. *Вернадский Г.В.* Начертания русской истории / Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.
5. См.: *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997.
6. См.: *Савицкий П.Н.* О задачах кочевниковедения / Континент Евразия. М., 1997.
7. См. начавший недавно выходить в г. Барнауле альманах «Алтайский вестник», призванный объединить политическую, хозяйственную и гуманитарную элиту сопредельных территорий четырех алтайских стран на духовно-экологических принципах.

А.Н.ХОХЛОВ,

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИВ РАН,
Москва*

Ю.Н.РЕРИХ И ЕГО КОНТАКТЫ С ВОСТОКОВЕДАМИ

Прежде чем непосредственно перейти к теме своего доклада, хотелось бы привлечь внимание присутствующих к одному обстоятельству. В конце августа сего года в библиотеку Ю.Н.Рериха, находящуюся в нашем Институте востоковедения РАН, явился с мемориальной доской молодой человек приятной наружности, назвавший себя членом рериховского общества Екатеринбурга. Он направлялся в Новосибирск через Москву для участия в юбилейной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Ю.Н.Рериха, замечательного человека и выдающегося ученого, внесшего значительный вклад в отечественное и зарубежное востоковедение. В беседе с заведующим библиотекой Ю.Я.Цыганковым молодой рериховец, восхищаясь научным подвигом Юрия Николаевича, сослался на бытующее среди почитателей ученого мнение о том, что Ю.Н.Рерих знал 100 языков. Чтобы немного помочь молодому человеку приблизиться к более правильному представлению о Юрии Николаевиче как полиглоте, мне как участнику беседы пришлось объяснить, что Юрий Николаевич действительно знал много языков, и западных и восточных, но что подчас при подсчете языков, которыми он реально владел, не всегда учитывается тот факт, что под языком на бытовом уровне нередко, а точнее довольно часто, понимают и диалекты, и наречия, и даже говоры. Познакомившись после упомянутой беседы с некоторыми книгами из библиотеки Юрия Николаевича, в перевозке которых после кончины последнего в 1960 году из квартиры ученого на Ленинском проспекте мне довелось участвовать, я как китаист попытался уяснить для себя, хотя бы в предварительном порядке, вопрос об интересе замечательного востоковеда к китайскому языку. Для получения ответа на этот вопрос пришлось обратиться к архивным и опубликованным материалам. Особенное же внимание при этом было обращено на изучение автографов на книгах, подаренных Юрию Николаевичу китаеводами.

После столь краткого предуведомления, не претендующего на полноту информации о проделанной работе, позвольте предложить вниманию присутствующих некоторые факты и свидетельства из источников, касающихся поставленной нами проблемы, порой выходя за рамки чисто синологического сюжета.

Судьба семьи Рерихов, оказавшихся после Октября 1917 года за пределами своей родины, характерна для многих талантливых людей тогдашней России. Не случайно известный в Китае русский журналист Виктор Сербский [1] в статье «Трагедия России», опубликованной 25 января 1931 года в газете «Шанхайская жизнь», не без горечи и сожаления отмечал: *«Знаменитый художник Николай Рерих – американский подданный*, чемпион мира по шахматам Алехин – французский подданный, Сергей Рахманинов – американский гражданин»*. Указанную тройцу можно было бы пополнить не одним десятком столь же талантливых и гениальных русских эмигрантов, вынужденных в силу сложившихся жизненных и политических обстоятельств сменить российский паспорт на подобное свидетельство, выданное им гражданскими властями того или иного иностранного государства. Но, пожалуй, лишь в творческой и общественной деятельности Рерихов и небольшого числа подобных им русских патриотов, оказавшихся в эмиграции, наиболее полно и органично проявилась неразрывная связь науки и культуры, освещенная их давним интересом и любовью к народам Востока. Отсюда их неистребимая страсть к дальним путешествиям в малоизвестные науке страны в поисках памятников седой старины – немых свидетелей развития цивилизации в самых удаленных уголках азиатского континента.

Позвольте вкратце напомнить основные вехи жизненного пути юбиляра. Юрий Николаевич Рерих, годы жизни: 1902–1960, видный востоковед и путешественник, прекрасно владевший несколькими восточными языками. Среднее образование он получил в Петербургской, тогда Петроградской, гимназии, которую ранее окончил его отец. После переезда последнего с семьей в 1918 году из Финляндии в Англию Юрию Николаевичу довелось заниматься на индо-иранском отделении Школы восточных языков при Лондонском университете. Когда же Н.К.Рерих, получив приглашение от директора Института искусств г. Чикаго, перебрался

* Н.К.Рерих трижды был в Америке, в которой провел в общей сложности около трех лет, но американского гражданства не принимал. (Прим. ред.)

в США, Юрий Николаевич, или, на тамошний манер, Джордж, стал посещать лекции в Гарвардском университете, который успешно закончил со степенью бакалавра по отделению индийской филологии, занимаясь помимо санскрита китайским языком. В 1922–23 годах его научная деятельность протекала в Париже, в Сорбонне, где ему посчастливилось работать под руководством известного китаевода Поля Пельо и опытного ираниста В.Ф. Минорского. Благодаря полученным знаниям в области восточной филологии он в качестве переводчика стал незаменимой фигурой в составе Центрально-Азиатской экспедиции 1925–28 годов, организованной его отцом. По свидетельству художника-футуриста Д.Бурлюка, беседовавшего в 1929 году с Николаем Рерихом в Нью-Йорке об итогах этой экспедиции, местные жители Тибета, восхищаясь глубокими познаниями Юрия Николаевича в тибетском языке, не раз говорили его отцу: «Еще ни один европеец не умел так говорить по-нашему». Наличие в составе экспедиции такого блестящего знатока восточных языков, по словам Николая Рериха, *«дало громадное преимущество перед другими лицами путешественников, странствующих по Тибету»* [2, с. 20]. Из сказанного нетрудно представить, насколько полезны были для экспедиции знания Юрия Николаевича в области китайского языка, когда ее руководителю приходилось вести трудные, весьма дипломатичные переговоры с представителями китайской администрации в Тибете и Восточном Туркестане, где иностранцы постоянно сталкивались с подозрительностью местных китайских властей. Чтобы проиллюстрировать вышесказанное применительно к занятиям Юрия Николаевича китайским языком, достаточно обратиться к семейной переписке, относящейся к различным периодам его жизни. Но прежде хотелось бы процитировать фрагмент письма Н.К.Рериха брату Борису, отправленного из Берлина 7 октября 1900 года, который свидетельствует о том, что в семье Рерихов обращалось серьезное внимание на изучение иностранных языков. *«У тебя, — писал Н.К.Рерих, — есть большие способности. Ты должен это сознавать и потому стараться, чтобы они не пропали даром. Надо учиться распределять время. Все выдающиеся люди умели его хорошо распределять. Не забрасывай и языки (то есть иностранные языки. — А.Х.). А главное, не делай из всего важного дела»* [3].

О своих занятиях китайским языком девятнадцатилетний Ю.Н.Рерих сообщал родителям в письме от 10 октября 1921 года

из Гарвардского университета. Он писал: «Получили ли вы мои письма с сообщением о переговорах с Prof. Pelliot? Успех полный. Решено, что в будущем году я буду в Париже. Pelliot — человек в высшей степени замечательный. ...Усиленно изучаю китайский язык с Dr. Chao. За уроки не плачу, ибо он просил меня давать уроки русско-го и персидского языка»[4, с. 14].

Интересные сведения о молодом Ю.Н.Рерихе в период научной работы в Париже в Сорбонне можно найти в воспоминаниях известного востоковеда В.Ф.Минорского, питомца юридического факультета Московского университета, состоявшего в течение многих лет на дипломатической службе в Иране до и после октября 1917 года. Так, он пишет: «В начале 20-х годов я вел в Парижской Школе Восточных Языков семинар по Шах-наме ... Юрий Николаевич только что закончил в Харварде отделение дальневосточных языков и санскрита и приехал пополнить свои знания под руководством Поля Пеллио и других французских светил. Я думал, что он заглянул в мою аудиторию просто полюбопытствовать, что там делается, но оказалось, что он очень недурно знал и по-персидски и тотчас принял активное участие в наших занятиях. Характер его был живой и общительный... Юрий Николаевич свободно говорил на европейских языках и быстро устанавливал отношения. В Париже нашлись и его старые гимназические товарищи, смотревшие на него, как на восходящую звезду. Несмотря на разницу возраста в 25 лет мы скоро подружились, и я с интересом слушал о проектах его исследований и путешествий по далеким и мало мне известным странам... мы постоянно встречались на лекциях и приемах, в музеях и ученых обществах. Я не помню, когда Юрий Николаевич покинул Париж, а в 30-х годах моя педагогическая деятельность перенеслась в Лондон. Связь наша с Юрием Николаевичем перешла на переписку, но где бы он ни был, в Монголии, в Тибете или Индии, я всегда получал от него хоть несколько строк вестей и добрых пожеланий» [4, с. 25–27].

Особо следует сказать о серьезном интересе Юрия Николаевича к китайскому языку в период Маньчжурской экспедиции 1934–1935 годов. Нужно подчеркнуть, что приезд Николая Константиновича Рериха с сыном Юрием Николаевичем в Харбин летом 1934 года совпал с нелегким для местной русской интеллигенции временем, что было связано с экономическими трудностями и безработицей в связи с усилением политического влияния Японии в различных сферах политической, экономической и

культурной жизни Маньчжурии. В 1932 году на территории Маньчжурии, после ее захвата японскими войсками в сентябре 1931 года, усилиями японских военных и дипломатов было образовано государство Маньчжоу-го. Утверждение прояпонского режима, ориентированного на подавление демократических свобод и усиление полицейского надзора, негативно сказалось на положении русского населения в зоне КВЖД, и в частности научной интеллигенции, состоявшей главным образом из преподавателей вузов и сотрудников просветительных учреждений. Хотя в Харбине издавна функционировал японский Торговый музей, привлекавший к своей работе некоторых россиян-экономистов, существовала русско-японская школа с трехгодичным сроком обучения, а также был открыт японцами Институт по изучению Маньчжурии, положение востоковедов, в том числе преподавателей китайского языка на КВЖД, оставалось нелегким и непрочным из-за возрастающей ориентации властей Маньчжоу-го на Японию и на ее духовные ценности. О нестабильном положении старых кадров преподавателей-переводчиков на КВЖД позволяет судить письмо опытного преподавателя китайского языка И.Г.Баранова [5], который 23 января 1933 года сообщал известному китаеведу академику В.М.Алексееву в Ленинград: *«Еще с конца 1931 года меня из управления КВЖД фуркнули за штат, из-за сокращения штата. Потеря главного заработка, выселение из квартиры, где прожил девятнадцать лет и т.д. — все это печальные воспоминания о минувшем годе»*. Касаясь серьезных перемен, происходивших во внешнем облике Харбина — самого крупного центра российской эмиграции на Дальнем Востоке, И.Г.Баранов подчеркивал: *«Теперь комиссар почты — японец, комиссар таможни — японец, при полицейском управлении — японский советник, но полицеймейстер пока китаец. Харбин обеднел (много зажиточных китайцев-иностранцев за последние месяцы уехали отсюда в Шанхай и другие места Китая)»* [6].

Особое беспокойство харбинских россиян вызывал вопрос о КВЖД, о дальнейшей судьбе которой велись трудные переговоры между представителем СССР и Маньчжоу-го под патронажем правительства Японии. В этой связи И.Г.Баранов в ноябре 1934 года сообщал академику В.М.Алексееву: *«В городе идут очередные перемены, упраздняется местная таможня. Но самым главным для населения вопросом здесь в настоящее время является вопрос о про-*

даже КВЖД. Все, кто так или иначе связан с ней, и русские и китайцы, думают, гадают: завершится ли сделка, как и когда. И какова будет судьба служащих, что будет на дороге, если она будет продана» [там же].

Пребывание Николая Рериха и Юрия Николаевича в Харбине в связи с предстоящей поездкой к монголам в Баргу не прошло без повышенного внимания к ним со стороны местной русской печати, весьма неоднородной по своим политическим пристрастиям. Наиболее здравомыслящая часть российской эмиграции, и особенно интеллигенция, надеялась, что визит столь видных и популярных россиян, деятелей науки и культуры, внесет свежую струю в культурную жизнь города. Эти ожидания в значительной мере оправдались яркими публичными выступлениями именитых гостей на собраниях и научных заседаниях местной интеллигенции, связанных с проведением в Харбине Дня русской культуры. Как правило, в заседаниях научной общественности с участием Рерихов принимали участие наиболее известные ее представители. Так, на докладе Николая Рериха об Институте гималайских исследований, состоявшемся 10 июня 1934 года в Клубе естествознания и географии, присутствовали, помимо членов клуба и его руководителей Э.Э.Анерта и В.Н.Жернакова, преподаватели харбинских вузов: профессора С.В.Кузнецов, В.В.Энгельфельд, Г.К.Пинс [7], преподаватели-китаисты Г.Г.Авенариус, А.П.Хионин [8], С.Н.Усов и другие, сотрудники краеведческого музея Н.А.Лукашкин, Т.П.Гордеев, а также художники В.М.Афанасьев и Н.А.Вьюнов, с которыми Николай Рерих позднее встречался лично.

О характере научных занятий Ю.Н.Рериха в Харбине позволяет судить другое письмо китаиста И.Г.Баранова академику Алексееву, датированное 15 января 1935 года, в котором он сообщал следующие новости из жизни Юридического факультета: *«В первый семестр несколько интересных лекций по географии и истории Средней [Центральной] Азии, а также Тибета прочитал профессор [Ю.Н.]Рерих – сын художника [Н.К.]Рериха, директор Гималайского института. В настоящее время он и отец уехали в Пекин, а оттуда должны были направиться в Чахар для ознакомления с ламаистскими монастырями. Рерих-сын увлекается тибетской медициной и собирает лекарственные травы, а также тибетскую и монгольскую литературу о лечении болезней. Месяца через два путешественники намеревались снова быть в Харбине. Рерих-сын, ка-*

жется, приступил к изучению китайского разговорного языка»[6]. Свидетельством тому, что в то время Ю.Н.Рерих интересовался китайским языком, может служить сохранившийся в его личной библиотеке «Новейший китайско-русский словарь», составленный известным востоковедом А.П.Хиониным. Словарь был издан на средства КВЖД в Харбине в двух томах, в 1928 и 1930 годах. Над предисловием к первому тому в правом углу листа имеется следующий, оставленный черными чернилами автограф составителя: «Ю.Н.Рериху на добрую память от автора. Ал.Хионин. 4 июня 34 года».

Как известно, в 1957 году, после многолетних и безуспешных попыток, Юрий Николаевич вернулся, наконец, на свою историческую родину. Став ведущим сотрудником Института востоковедения АН в Москве, он, уже в других условиях, вновь окунулся в изучение Востока, чему никогда не изменял в самые трудные для него и всей семьи Рерихов годы. Благодаря своим энциклопедическим познаниям в области востоковедения, о чем свидетельствовали его постоянные, регулярные публикации по различным проблемам истории буддизма в Индии, Тибете, Монголии и Китае, Юрий Николаевич много сделал для возрождения традиций отечественного востоковедения. Он охотно делился своими знаниями с творческой молодежью, связавшей свою судьбу с изучением упомянутых стран на основе изучения восточных языков, в том числе санскрита, которым после Октября 1917 года в России занимались только энтузиасты-одиночки. Особым вниманием Юрия Николаевича пользовались китаисты, которым приходилось бывать в Харбине, Пекине и других городах Китая, где в 1930-е годы останавливался Юрий Николаевич во время Маньчжурской экспедиции. Здесь прошло немало интересных встреч его с коллегами, а также были приобретены книги по востоковедению. Осев в его личной библиотеке, эти книги постоянно напоминали ему о тех годах. Когда в коллективе сотрудников Института востоковедения возник вопрос о выдвижении в член-корреспонденты Академии наук известного китаиста И.М.Ошанина [9, с. 288–301], Юрий Николаевич охотно дал свой отзыв. В этом отзыве о научно-педагогической деятельности И.М.Ошанина, составленном 21 мая 1958 года, Юрий Николаевич характеризовал видного китаеоведа следующим образом: *«Выдающимся вкладом в науку является его одностомный китайско-русский*

словарь, появившийся в двух изданиях в 1952 и в 1956 годах (второе, дополненное), ставший настольной книгой для советских и многих зарубежных китаеведов». В заключительной части своего отзыва Рерих подчеркивал: «Избрание И.М.Ошанина в члены АН СССР будет иметь исключительное значение не только как признание его ученых заслуг, но и как признание значения российского китаеведения в мировой науке» [10]. Не нужно быть глубоким аналитиком, чтобы понять, сколь требовательным был в оценке трудов своих коллег Юрий Николаевич, заботившийся прежде всего о достойном месте российского востоковедения в мировой науке.

В заключение позвольте зачитать высказывание известного советского поэта Николая Тихонова о Юрии Николаевиче Рерихе: «В нем жила мудрость Востока, которая невольно сквозила в его речах и жестах. Слушать его рассказы о Тибете было удивительным удовольствием. Обладая знаниями необыкновенными для обычного человека, он так искусно рисовал картины быта и природы, что вы видели и перевалы, заваленные снегом, где падает верблюд от переутомления и жажды, и пустыни, и скалы, на которых блистали сказочные изображения, и, наконец, моления паломников в уединенных священных местах в окруженных тишиной и тайной пещерах» [11, с. 286–287]. Чтобы убедиться в справедливости данного высказывания, достаточно обратиться к трудам Юрия Николаевича, посвященным его замечательным путешествиям в Центральной и Восточной Азии.

Литература и примечания

1. Псевдоним, наст. имя Арнольдов Лев Валентинович (1894–после 1946).
2. *Бурлюк Давид*. Рерих (Черты его жизни и творчества) (1918–1930). Нью-Йорк, 1930.
3. ОР ГТГ, ф. 44, ед. хр. 127.
4. Рериховский сборник. Публикации, сообщения, исследования. Вып. 5. Извара–СПб.–М., 1992.
5. Ипполит Гаврилович Баранов (1886–1972) – выпускник Восточного института во Владивостоке. После окончания учебы в 1911 году его направили в Харбин, где он в течение многих лет служил переводчиком на КВЖД, а затем преподавал китайский язык на Юридическом факультете и в других учебных заведениях. Он – автор многих публикаций, связанных преимущественно с изучением духовной культуры Китая. Одну из них – «По китайским храмам Ашихэ» (Харбин, 1926), ему удалось передать Н.К.Рериху с автографом (в верхнем правом углу страницы):

- «Глубокоуважаемому Николаю Константиновичу Рериху. Харбин, ноябрь 1934 г. Автор». После возвращения на родину И.Г.Баранов, как и многие россияне-харбинцы, проживал в Казахстане, где и скончался в Алма-Ате.
6. СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 143.
 7. Георгий Константинович Гинс (1887–1971) – известный правовед и педагог, автор многочисленных работ по социологии и другим дисциплинам, в том числе по востоковедению. Родился в Польше, окончил гимназию в Кишиневе в 1904 году, в 1909 году – юридический факультет С.-Петербургского университета, а в 1918 году – возглавил кафедру гражданского права в омском Политехническом институте. Его работа в качестве Управляющего делами правительства Колчака нашла отражение в двухтомнике «Сибирь, союзники и Колчак», изданном в Пекине в 1920 году. В последующие годы он преподавал на Юридическом факультете, учрежденном в Харбине в июле 1922 года на базе возникших в марте 1920 года «Высших экономо-юридических курсов». В 1941 году Г.К.Гинс уехал в США, где с 1945 по 1954 год преподавал в Калифорнийском университете, а затем с 1955 года, до выхода в отставку по болезни в 1964 году, работал на радиостанции «Голос Америки». Умер 24 сентября в Рейвуд-Сити (Калифорния). (См.: «Новое русское слово», 30 сентября 1971 года). Из его многих книг, посвященных Китаю, Японии и Монголии, в библиотеке Ю.Н.Рериха осело сочинение Г.К.Гинса под названием «Монгольская государственность и право в их историческом развитии» (Харбин, 1932).
 8. Алексей Павлович Хионин (1879 –1971)– востоковед, дипломат и педагог. После окончания Астраханской семинарии в 1899 году его приняли в только что открытый Восточный институт во Владивостоке, на китайско-монгольское отделение. По окончании учебы в мае 1903 года он поступил в МИД, в ведении которого протекала его служба вплоть до закрытия дипломатических представительств в Китае в сентябре 1930 года. В октябре 1910 года он – драгоман российского консульства в Кашгаре (Синьцзян), в мае 1913 года ему пришлось выполнять обязанности секретаря консульства в Улясутае (Монголия) (См.: АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, 1900–1905, д. 284, П. I, л. 666). Последующие годы службы Хионина на дипломатическом поприще прошли в консульских учреждениях России в Монголии. В 1920–30-е годы он был занят преподавательской работой в разных учебных заведениях востоковедного профиля в Харбине, откуда в 1945 году уехал в Австралию, где и закончился его жизненный путь.
 9. Подробнее об известном китаисте-языковеде Илье Михайловиче Ошанине (1900–1982) см.: *Хохлов А.Н.* Китаист И.М.Ошанин и его служба на дипломатическом поприще в Китае // *Китайское языкознание. Изолирующие языки. XI Международная конференция. Материалы.* Москва, 25–26 июня 2002 года. М., 2002.
 10. Архив ИВ РАН. Л. д. И.М.Ошанина.
 11. *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Пер. с англ. Н.Н.Зелинского. Хабаровск, 1982.

В.А.КОЗАР,
художник,
председатель Украинского отделения МЦР,
Киев

ПОСЕЩЕНИЕ Ю.Н.РЕРИХОМ КИЕВА В 1958–1959 гг.
ВСТРЕЧИ, СОБЫТИЯ, ОТЗВУКИ

Юрий Николаевич имел мужество в 1957 году приехать к нам и принять наше гражданство. Он умер в 1960 г., пройдя свой крестный путь до конца и с великим достоинством. Он прекрасно осознавал цель своего приезда и, конечно, знал, чем все это для него кончится. Однако ничто не могло поколебать его решения. Ибо это решение было неотъемлемой частью той миссии, которую несли все Рерихи. То, что он сделал, переоценить невозможно. Его великий подвиг был достоин семьи Рерихов. Именно он, и никто другой, вернул нашей стране ее ценнейшее национальное достояние – самих Рерихов.

Л.В.Шапошникова

Приветствуя нашу конференцию, прежде всего хотелось бы выразить огромную благодарность организаторам празднования столетия со дня рождения Юрия Николаевича Рериха – президенту МЦР Юлию Михайловичу Воронцову, вице-президенту Центра, Генеральному директору Музея имени Н.К. Рериха Людмиле Васильевне Шапошниковой.

Осознавая важность тех вех, которые расставили для нас Рерихи на пути прозрения будущего человечества через постижение его прошлого, следует подчеркнуть их необычайную актуальность именно в наши дни, в сложнейшее время переустройства мира и возрождения национального духа.

Украинское национальное возрождение XIX–XX веков, являясь естественным процессом и подчиняясь исторической закономерности, развивалось в общем русле национального возрождения

и освободительной борьбы всех угнетенных народов Европы и Азии, но при этом обладало и неповторимым своеобразием. Не имея своей государственности, украинцы, в лице своих талантливых представителей, вынуждены были реализовывать свои чаяния в культурных центрах других государств, под гнетом которых они страдали, – в Вене, Кракове, Вильнюсе, Петербурге, Москве. Искренняя благодарность и братские чувства зарождались в их сердцах к тем, кто разделял их взгляды в творческой среде этих центров. Так рождалось содружество, основанное на культурном единстве, понимании общего направления.

Украинское национальное возрождение в большом долгу перед передовыми людьми России, среди которых особое место занимают Рерихи, в первую очередь – Николай Константинович Рерих, его брат Борис Константинович, архитектор, и старший сын Юрий Николаевич.

Возвращение Юрия Рериха на Родину – событие историческое, значение которого еще не осознано до конца, и поэтому очень важно сейчас собрать даже самые малые крохи памяти о встречах с ним, что сохранились на огромном пространстве бывшего Советского Союза. Все эти свидетельства помогут в будущем понять, какое мощное действие имел подвиг одного Рериха на целое движение, которое позже назовется Рериховским.

Л.В.Шапошникова указывала: *«Именно от Юрия Николаевича окружавшие его люди узнали о сути и главной концепции Учения Живой Этики, или Агни Йоги. И узнали об этом не из книг, а от самого носителя этой концепции. Он был богато одарен духовно, и эти беседы о Живой Этике принесли его слушателям значительные накопления. Можно утверждать, что, ведя такого рода работу, Юрий Николаевич постепенно становился уникальным энергетическим центром, которого так недоставало в те годы культурной России. В лице Юрия Николаевича возник действительный магнит, лучи которого осветили и энергетически инициировали будущее Рериховское движение. Пребывание лишь одного Рериха на нашей территории уже сыграло огромную роль в нашей духовно-культурной жизни.*

Многие участники Рериховского движения, возможно, и не подозревают, кто в действительности стоял у истоков. Возможно, они наивно полагают, что являются первыми. Думаю, не все из них представляют и те условия, в которых оказался Юрий Николаевич.

Пятидесятые годы были расцветом догматической идеологии, запрещались все иные направления мысли и философии. За это платили свободой, а иногда и жизнью. Тех, кто читал Живую Этику, исключали из партии, арестовывали и судили. Мы должны помнить об этом. Интерес к Рерихам зародился именно в этом канале диссидентства, где мужественно и бескомпромиссно боролись против тоталитаризма и правящей идеологии.

Юрий Николаевич действовал осторожно, но в то же время смело. Его подвиг и жертва на этом пути еще не осознаны нами до конца» [1, с. 4–5].

Точно так же в те далекие 1950-е годы мало кто осознавал, что своим открытием новой, прежде неизвестной «Державы Рериха» мы были обязаны именно ему, старшему сыну. Необычный свет, чистота, простота и вместе с тем глубокая мудрость картин Николая Рериха покоряли, кажется, всех, и в сердцах счастливых, сумевших пробиться в огромных очередях к этому свету, зарождалось необычное чувство, которое правильнее было бы назвать устремлением к чему-то новому и очень родному и желанному. Сказочная красота неведомых Гималаев поражала своей свежестью и убедительностью, каким-то особым реализмом, присущим только Рерихам. Он существенно отличался от соцреализма тем, что как бы растворял плотный мир видимой поверхности и превращал ее в тонкий струящийся свето-цвет, несущий в себе особую благодать; в картинах как будто не было теней, в них чувствовалась пульсирующая изнутри энергия, живая и теплая, словно человеческая. Это был рериховский реализм с его эффектом авторского присутствия. Многие буквально физически ощущали исходящую от полотен силу Мысли, напоенной восточной Мудростью. Юрий Николаевич, напитанный этой мудростью, был ее живым носителем и магнитом.

Он как бы приводил в движение механизм, остановленный и оставленный на время. Динамика пробуждения действовала на каждого, кого она касалась, зажигая искры сердечного огня, душевной теплоты, и навсегда запечатлевала в воображении красивые гармонические сочетания цвета и света. На всем пространстве Союза, где побывали «Гималаи» Николая Рериха, была восчувствована эта Красота, невзирая на национальные различия. На вопрос художника — живо ли сердце народа? — был дан мощный и убедительный ответ, его предположения оправдались.

Оправдались не фигурально, но реально – как пробуждение духовного органа народа. Сердце народа приняло то, что было ему адресовано, что принадлежало ему по праву, что незаконно было от него отнято.

Юрий Николаевич отдал себя полностью этому начавшемуся процессу пробуждения самосознания на Родине. Он организовывал и сопровождал выставки, читал лекции, встречался с учеными, художниками, поэтами, писателями, простыми людьми. Были встречи с теми, кто был знаком со старшими Рерихами, а также с теми немногими, кто знал о Живой Этике, «Тайной Доктрине». Несколько экземпляров книг он привез с собой и оставил надежным людям, рискуя жизнью. Имена некоторых из этих людей известны. Сохранились фотографии, записи, тетради с воспоминаниями и другие вещи, но, самое главное, живы еще те, кто встречался с Юрием Николаевичем в то тревожное время и мог бы немало интересного и важного рассказать. Но многие еще и теперь боятся рассказывать об этом.

«16 октября 1958 выставку открыли в Киеве», – отмечает в своем дневнике Рихард Яковлевич Рудзитис [2, с. 102]. Она разместилась в Киевском музее русского искусства и экспонировалась до 8 января 1959 года. В письме к Рудзитису от 24 декабря 1958 года Юрий Рерих пишет: «*Был в Киеве. Встретил очень теплый прием со стороны художественной общественности. Многие «болеют Рерихом». Провел три беседы. Была хорошая телевизионная передача, в которой показали 51 картину. Выставка в Киеве продлится до начала января. Затем пойдет в Тбилиси, после чего предстоит организация мемориального музея – Ленинград и Сибирь (Алтай)*» [2, с. 111–112].

Вскоре состоялось второе посещение Киева, о чем упоминает в своей статье «Рерих и Шевченко» Ю.А.Ивакин, сообщивший, что в январе 1959 года, воспользовавшись пребыванием в Киеве сына художника – Юрия Николаевича Рериха (во время выставки картин Рериха), он расспрашивал его об отношении прославленного художника к Тарасу Шевченко [3]...

В третий раз Юрий Николаевич посетил Киев, по-видимому, в мае 1959 года. Это следует из двух писем директора Киевского музея Западного и Восточного искусства Александра Крыжицкого, которые хранятся в архиве МЦР. Так, он пишет: «*Глубокоуважаемый Юрий Николаевич! Когда я был у вас в Москве, мы условились,*

что Вы сможете приехать в мае или июне в Киев». В другом письме Крыжицкий пишет: «Когда я был у Вас в марте, Вы предположительно назвали возможную дату приезда в мае или июне. В июне я буду, по-видимому, в отпуску».

В архиве Киевского музея искусств им. Варвары и Богдана Ханенко хранятся записи по атрибуции предметов, проведенной Юрием Рерихом, которая до сих пор считается эталонной. В статье Елены Огневой и Галины Биленко «Семья Рерихов и Киевский музей Западного и Восточного искусства» отмечено: «После визуального осмотра 23 вещей, из которых 12 — произведения живописи (так наз. тханка, тханкгха, или икона), исследователь атрибутировал их: датировал изображения, локализовал их по месту происхождения, определял изображенные сюжеты. По атрибуции Рериха, преобладают тханкгха, которые датируются XVIII — XIX ст. и происходят из Тибета и его районов — северо-восточного, Амдо, Кхам и Монголии, а также Монголии Внешней» [4, с. 152].

Особый интерес вызывает следующее сообщение в той же статье: «В процессе поиска памятников, отождествленных Ю.Н.Рерихом в коллекции музея, удалось выявить два музыкальных инструмента, имеющих отношение к Н.К.Рериху — отцу Юрия. Свидетельством этого является металлическая табличка, прикрепленная к одному из инструментов, с надписью: «Глубокоуважаемому Н.К.Рериху от П.К.Козлова. С.-Петербургъ. 1913 годъ». По внешнему виду инструменты напоминают канлинг — духовой инструмент, звук которого, по преданиям, воссоздает/воспроизводит ржание чудесного коня, помогающего праведникам попасть в Девачан. И Н.К.Рерих, и П.К.Козлов во время своих путешествий по Центральной Азии обращали внимание на роль и значение музыкальных инструментов, как в буддийских службах, так и в повседневной жизни. Каждый из них записал довольно интересные предания о духовых инструментах, подытоживая которые, можно сказать: 1) инструмент призывает Учителя, несущего новое учение; 2) звук инструмента, воссоздающий ржание чудесного коня, содействует перенесению праведников в Сукхавати (Девачан — «счастливую землю». — В.К.); 3) инструмент извещает о проповеди; 4) инструмент своим звучанием отгоняет злых духов, насылающих несчастья, болезни и т.п.» [4, с. 155–156].

Авторы статьи отмечают неслучайный характер подарка, указывая на время возвращения П.К.Козлова из двухлетнего путешествия и встречу с Тринадцатым Далай-ламой, его присо-

единение к Комитету по сооружению буддийского храма в Петербурге, членом которого был и Н.К.Рерих.

Пытаясь определить пути, по которым атрибутированные Ю.Н.Рерихом предметы оказались в киевском музее, Елена Огнева высказывает следующее предположение: *«Музейный городок на территории Лавры, несомненно, состоял из коллекции т. наз. церковно-археологических музеев, расформированных в советское время. Поэтому поступления из этого музея связаны, как можно предположить, с пребыванием украинских священников в составе Российской Духовной Миссии в Пекине, их миссионерской деятельностью на территории Калмыкии, Бурятии, Тувы с конца XVII века и до начала первой мировой войны 1914 г.*

Вполне вероятно, что собственно тибетские иконы, скульптуры и предметы прикладного искусства связаны с именами Иллариона Лежайского, Иннокентия Кульчицкого, Геврасия Денцовского, Софрония Грибовского и других священников, выпускников Киево-Могилянской академии или Киевской церковной академии, которые были в составе Пекинской миссии в течение XVIII и в начале XIX вв. Это было в традиции священников-миссионеров — доставлять с собой рукописи, иконы, предметы культа из тех стран, где они бывали» [5, с. 2–3].

Из устных воспоминаний Эммы Аркадьевны Бабаевой, сотрудника Киевского музея русского искусства, известно, что во время посещения Киева в 1959 году Юрий Николаевич провел заседание в Союзе художников Украины, но, к сожалению, каких-либо документов об этом заседании не найдено, так как Союз художников не имеет своего архива,

Нужно отметить, что уже упоминавшиеся слова Юрия Николаевича: *«Был в Киеве. Встретил теплый прием со стороны художественной общественности. Многие «болеют Рерихом», — означают очень многое, но трудно доступное для исследователей. Дело в том, что в то время в Киеве оставалась еще целая плеяда творческой интеллигенции, близко знакомой с конца XIX — начала XX века с Николаем Константиновичем Рерихом и его братом Борисом Константиновичем. Живы были Праховы, Асеевы, Красицкие, Трубецкие, Покровские, многие выпускники Петербургской Академии художеств, Школы общества поощрения художеств, хорошо знавшие и любившие Рерихов. Жив был и известный художник и друг Рериха — И.Ижакевич, с которым они*

вместе путешествовали по Киевщине, Волыни и Подолии. Исследователь жизни и творчества Рерихов Виктор Киркевич называет имена выдающихся деятелей украинской культуры, с которыми сотрудничал Борис Константинович Рерих, профессор архитектуры. Это историки Михаил Грушевский и Николай Макаренко, художники Михаил Бойчук, Георгий Нарбут, Федор Эрнст, Ф.Красицкий, В.Рыков и др. В свое время Борис Константинович работал в Киеве, был проректором института архитектуры, археологом-архитектором в составе архитектурной секции отдела искусств Народного комиссариата образования. Вместе с Алексеем Щусевым он реконструировал храм Св. Василия в Овруче, который расписывали К. Петров-Водкин, Блазков и Савелюк. Известно, что Б.К.Рерих – автор портретов выдающихся украинских композиторов Кирилла Стеценко, Николая Лысенко, Якова Степового. Из Киева Б.К.Рерих переезжает в Петербург, затем в Москву, где в 1945 году обрывается его жизненный путь [6, с. 25].

Особо хотелось бы отметить единственную серьезную искусствоведческую работу 1960-х годов о Николае Рерихе в Украине – смелую и глубокую статью Ю.А.Ивакина «Рерих и Шевченко». Для нас особо важен следующий факт, записанный автором статьи из уст Юрия Рериха: *«Ю.Н.Рерих уверенно подтвердил, что отец на протяжении всей жизни очень любил Шевченко. Он же рассказывал директору Музея русского искусства О.М.Малашенко, что «Кобзарь» принадлежал к любимым книгам отца и часто читался в семейном кругу. По предположению Ю.Н.Рериха, какие-то материалы об этом, возможно, есть в архиве художника»* [3].

Ю.А.Ивакин приводит свидетельство одного из первых исследователей творчества Рериха С.П.Яремича: *«Через Микешина Рерих сроднился с артистическим миром, сроднился с его атмосферой, и, что еще важнее, через Микешина он постиг и страстно любил украинского поэта Т.Г.Шевченко, одного из величайших певцов степи и простора, какой когда-либо существовал на свете. Необъятное чувство первобытного приволья, опьяняющий аромат волнующейся степи, тысячи раз умирающей и тысячи раз воскресающей в непрерывной смене бесконечной цепи воспоминаний, начинающихся вчерашним днем и след которых совершенно теряется в глубинах древности, проникновенное понимание жизни настоящего момента, библейская энергия языка, глубокая сердечность и строгая простота – все эти элементы поэзии Шевченко имеют огромное значение*

в эстетическом развитии Рериха (выделено мной. — Ю.И.). Из лесов родного Севера, из своего уединения он выходит на равнины южной Руси, манящие синееющими далями, где все еще сквозь тонкую оболочку мирного уклада жизни слышится звон бранных доспехов великокняжеского времени и вполне явственно заметны следы привольной жизни Запорожья. Выходя из непроходимой чащи дремучих лесов, впечатлительный художник впитывает полной грудью аромат безбрежных степей, наслаждается речным простором. Два наиболее резко выступающие влияния — влияние первичной природы и влияние той же природы, преобразенной в поэзии (Шевченко. — Ю.И.), представляются наиболее сильными и наиболее плодотворными в жизни художника» [3].

Отметим здесь также, что в своих повестях и дневнике Т.Г.Шевченко протестовал против варварского уничтожения и перестройки архитектурных памятников. С аналогичными протестами выступал еще в дореволюционное время и Н.К.Рерих. Есть и другая общая черта: оба художника явили в своем творчестве любовь и уважение к народам и культурам Востока. Монгольские и тибетские циклы картин Н.К.Рериха 1930-х годов явно перекликаются с шевченковскими акварелями казахских степей, причем не только мотивами, но временами — и настроением.

Посетив Киев, Юрий Николаевич, конечно же, не мог не побывать в Софии, Лавре, Кирилловской церкви. Мы можем только предполагать, какой восторг он испытал при встрече со свидетельствами культурного единства разных народов.

Мы имеем в виду буддийский символ «Колеса Времени» в росписях Софии Киевской, в украшениях гробницы Ярослава Мудрого (1027 г.), который как бы нарочито проступает поверх христианской символики. Учение о Калачакре, или «Колесе Времени», проникло одновременно на Русь и в Тибет из Индии. В свое время Николай Константинович Рерих многозначительно замечал: «*Останавливаемся на исследовании Киева потому, что в нем почти единственный путь проследить минувшие наслоения культуры*» [7, с. 31–32].

Нам неизвестно, как прочел эти наслоения Юрий Николаевич, но, опираясь на его научные обобщения, мы можем вполне определенно пройти по расставленным им вехам и пережить радость открытия и прикосновения к тому подлинно прекрасному и грандиозному, что уже было в истории челове-

чества и что даже в наши дни массового затмения сознания, техногенных катастроф, фанатического безумия и конфессиональных войн вселяет надежду.

Посещение Юрием Рерихом Киева не только восстановило нить связи, прерванную репрессиями конца 1930-х годов и Великой Отечественной войной. Оно совпало с хрущевской «оттепелью», и тепло, родившееся в результате «теплого приема» Юрия Николаевича, прямо или косвенно зажгло огонь национального возрождения и движения «шестидесятников», в числе которых были и историки, архитекторы, археологи. Это и возрождение «великого монументального стиля», начатого в свое время Михаилом Бойчуком с благословения Николая Рериха, и, к сожалению, так беспощадно задушенного в 90-х годах XX столетия в угоду коммерческому псевдоискусству и церковной подделке очень низкого пошиба.

Еще одно свидетельство глубинного воздействия деяний Юрия Николаевича Рериха на тех, кто затем стал совестью народа, защитником его Культуры. Киевская газета «День» обратилась к известному украинскому ученому – филологу, публицисту, общественному деятелю, академику Ивану Дзюбе с просьбой назвать десять самых необходимых, по его мнению, книг. Второй после «Ицзин» – китайской «Книги перемен» И.М.Дзюба назвал «Дхаммападу», знаменитый сборник изречений Будды, который вышел в свет в атеистическом Советском Союзе благодаря усилиям Юрия Николаевича Рериха. Вспомнив о своем первом знакомстве с «Дхаммападой» и том волнении, которое он ощутил, перечитав ее сорок лет спустя, Иван Михайлович приводит на страницах газеты несколько самых необходимых, на его взгляд, моральных сентенций из этой книги: *«Как крепкую скалу не может сдвинуть ветер, так мудрецы нерушимы среди хвалы и хулы»; «Мудрецы уходят: дома для них нет наслаждения. Как лебеди, оставляющие озеро, покидают свое жилище... Их путь, как путь птиц в небе, труден для понимания»; «Блажие светятся издали, как Гималайские горы. Злые же и вблизи не видны, как не видны стрелы, выпущенные ночью»* [8].

Продолжая подобные примеры, мы можем подытожить, что Ю.Н.Рерих, вернувшись на Родину и посетив многие города, мощным магнитом своего сердца привлек к идеям Н.К.Рериха, к идеям Живой Этики, Учений Востока огромное число людей,

которые несли в своем сердце часть этого магнита, как сокровище, как самое дорогое, и донесли его разными путями до нашего времени.

Живыми впечатлениями от встреч с Юрием Рерихом поделилась участница Круглого стола, проведенного в Киеве в 2002 году, Галина Абрамовна Павлинкер, которой уже почти 90 лет. Она скульптор, член Союза художников Украины, в свое время вынуждена была скрываться, изучая Живую Этику. Юрий Николаевич остался в ее памяти простым, очень спокойным человеком, всегда опрятным, исключительно вежливым, но в то же время непреклонным, если дело касалось чего-то принципиального. Лекции вел в виде бесед. Люди к нему тянулись. Многие интересовались Живой Этикой и «Тайной Доктриной», Юрий Николаевич смело говорил об Учении и Учителях.

Нужно сказать, что эта встреча повлияла на творчество художницы, но ей было сложно в Союзе художников. Она тайно встречалась с группой «Амаравелла» и с группой московских скульпторов, связанных с Юрием Николаевичем.

У Г.А.Павлинкер остался архив профессора химии Виктора Адамовича Вераксо. Он ездил в Москву, встречался с Ю.Н.Рерихом, от которого получил фотографии ступы на месте кремации Е.И.Рерих в Калимпонге. Фотография наверняка была сделана самим Ю.Н.Рерихом и очень хорошо передает свечение от ступы. В архиве имеется также фото кабинета Ю.Н.Рериха в квартире на Ленинском проспекте, сделанное в 1960 году А.Н.Зелинским.

Галина Абрамовна поддерживала связь с латвийскими рериховцами – с Горностаем Польским, который отсидел за свои убеждения 10 лет, с Зельмой Карловной Кермель. Это только несколько штрихов к сложнейшим обстоятельствам того времени.

И еще два характеризующих то время примера. Художник, архитектор Ю.А.Химич под влиянием выставки Рериха и, может быть, уже упомянутого совещания в Союзе художников, которое провел Ю.Н.Рерих, вырабатывает свой стиль архитектурного пейзажа и совершает путешествия, как один, так и в паре с Г.М.Логвином, по древнерусским городам, «Золотому Кольцу», по Украине. В результате в 1968 году Ю.Химич вместе с А.Волынским издают книгу «Страницы каменной летописи». Заметим, что после ухода Юрия Николаевича Рериха с земного плана прошло всего несколько лет, а люди уже успели проделать тысячеки-

лометровый путь с мольбертом и фотоаппаратом, сделать тысячи зарисовок и записей. Это огромный труд, осуществленный благодаря энергии энтузиазма. И такой энтузиазм мы наблюдаем в 1960-х годах у многих подвижников, которых теперь называют «шестидесятниками».

Не вызывает сомнений, что все эти процессы нужно серьезно исследовать, нужно попытаться осмыслить, какая мощь может исходить от настоящего Иерарха, несущего большую созидательную миссию.

В заключение позвольте выразить надежду, что наши скромные находки войдут в число тех, образно выражаясь, нитей, из которых соткнется ткань исторической справедливости. Уверен, что лучшие люди Украины в будущем оценят значение тех спасительных вех на пути национального возрождения, которые расставили для нас Рерихи в своем наследии.

Литература

1. *Шапошникова Л.В.* Слово о Ю.Н.Рерихе // Ю.Н.Рерих. Материалы юбилейной конференции. М.: МЦР, 1994.
2. *Рудзитис Р.* Встречи с Юрием Рерихом. Минск: Лотаць, 2002.
3. *Івакін Ю.О.* Реріх і Шевченко // Радянське літературознавство. 1964. № 2.
4. См. сб.: *Україна в минулому*. Вип. VIII. Київ—Львів, 1996.
5. *Огнева Е.* Украина: новые материалы по Тибету. Выступление на VIII тибетологическом конгрессе в Блумингтоне. США, 26—31 июля 1998 г. Машинопись.
6. *Киркевич В.* Бори Реріх, якого знають у Горлівці й не знають у Києві // Украина. 1996. № 2—3.
7. *Рерих Н.К.* Десятичная церковь в Киеве / *Рерих Н.К.* Берегите старину. М.: МЦР, 1993.

ШАШИБАЛА,*доктор философии,**Институт Национального музея,**Международная академия индийской культуры,**Дели, Индия***ИЗУЧЕНИЕ ШАМБАЛЫ И КАЛАЧАКРЫ
НИКОЛАЕМ И ЮРИЕМ РЕРИХАМИ – КАК СИМВОЛ
ИНДИЙСКО-РУССКОЙ ДРУЖБЫ**

Исследования Рерихами Шамбалы и Калачакра-тантры были поиском идеальной страны. Благодаря глубокому изучению и тонкому пониманию буддийской философии Рерихи стали символом индийско-русской дружбы. Празднуя столетний юбилей великого русского ученого-ориенталиста, мы отмечаем тем самым важную веху индийско-российского культурного сотрудничества и вспоминаем то время, когда Юрий и его отец, Николай, его брат Святослав и мать Елена Рерихи, живя в Индии, установили культурные связи между нашими странами, тесно сотрудничая и обмениваясь взглядами с такими выдающимися индийскими деятелями, как Джавахарлал Неру, проф. Рагу Вира, д-р Радхакришнан, дипломат К.П.С.Менон.

Когда Юрий Рерих был ребенком, он узнавал об Индии из русских сказок и преданий. Он учился в Санкт-Петербурге, который тогда был известным центром тибетологии, китаистики и буддологии. Еще в нежном возрасте он начал проявлять острый интерес к азиатской культуре. В Петербурге он учит монгольский и древнеегипетский языки, а затем уезжает за границу для дальнейшего обучения у крупнейших индологов того времени. Для исследования истории культуры, религии, философии и языков Азии он вместе со своим отцом предпринимает экспедицию по странам Центральной Азии, по недоступным землям Тибета и Монголии. Во время путешествия ему постоянно приходилось преодолевать трудности и опасности – от Кашмира до гор Каракорума, через пустыню Гоби и тибетское плато до Сиккима и Дарджилинга. Эта экспедиция стала воплощением русской мечты о Шамбале.

Во время этого путешествия он собрал коллекцию произведений искусства и культуры Тибета, изучил тибетский язык. Его перевод жития тибетского монаха, пилигрима и переводчика Дхармасвамины Чаг-лоцзавы Чорджепала стал важнейшим трудом, позволяющим увидеть историю Индии изнутри. Сотни тибетцев отправлялись в Индию и сотни индийцев бежали в Тибет, но лишь единицы оставили столь полное описание Индии, ее традиций и обычаев, ее народа и общественных институтов.

Юрий Рерих изучал проявление тибето-монгольских отношений на философском, культурном, религиозном и лингвистическом уровнях. Он описывал монгольские связи с Центральной Азией и их отражение в языке, исследовал санскритские слова в монгольском, пришедшие через посредничество согдийского и уйгурского языков.

Мать Юрия Рериха – Елена Рерих, известна как мать Айги Йоги, Учения Живой Этики. Как провозглашают гималайские Мудрецы-Риши, Агни всеобъемлющ, всепроникающ и всеприсущ. Елена Рерих писала о том, что во все времена стремление людей облегчить себе жизнь заставляло их забывать о главнейшем. Но подобный путь не ведет к подлинному благу. Юрий всегда стремился к знаниям, накапливал их в себе и мечтал о Державе Света. Для него *теджас* и *манас* были качествами, несущими в себе свет. В своем сердце он хранил пламень жизни.

Юрий Рерих изучал историю индийско-русской дружбы, писал о русских музыкантах, которые много сделали для возрождения бенгальского театра. Он работал над трактатом о посмертном существовании потока сознания, называемым «Паралокасиддхи». Во время пребывания в Лахуле он исследовал и записал обряд Разбивания камня, проведенный монахами из Спити. Этот обряд был совершен, чтобы уничтожить злых духов, которые были заключены в камень.

В 1929 году на Юрия была возложена должность директора Института гималайских исследований в Наггаре, основанного его отцом Николаем Рерихом. Это был авторитетный центр исследования азиатской культуры. В 1957 году Юрий покидает Индию и возвращается в Москву. Он становится руководителем отдела философии и истории религии Индии в Институте востоковедения Академии наук.

Первые письменные свидетельства индийско-русской дружбы относятся к XII–XIII векам, когда на Руси были написаны «Повесть об Индейском царстве» и «Сказание об Индее богатой». Эти тексты восходят к сербским переводам с латыни. Русские версии дошли до нас в многочисленных манускриптах, относящихся к разным столетиям; они пользовались популярностью вплоть до XIX века. В русской былине о Дюке Степановиче повествуется о прибытии индийского «боярина» на Русь, излагаются его рассказы об Индии. Постоянный эпитет для Индии на Руси был «богатая» или «обильная», страна изобилия и великолепия. Несколько русских ученых исследовали историю индийско-русских отношений [7, с. 1].

Г.Лебедев был одним из первых, кто расширил знание об Индии и ее языке; его труды были весьма значительны для своего времени. Он верил в изначальное единство человеческого общества и указывал на сходство русских обычаев с индийскими. Он особенно подчеркивал, что важно изучать правильное произношение слогов и отдельных звуков, поскольку это — путь к пониманию структуры разговорных языков (в частности, это касается традиционного индийского произношения санскритских слов), и пренебрежение этим ведет к утрате подлинного смысла многих корней [7, с. 145].

Байер был первым европейским ученым, установившим сходство между персидским, греческим и санскритом. Все свое свободное время он отдавал изучению санскрита. Ссылаясь на Каши как на «*Academia Indorum*», он дал общий обзор индийского общества, санскритской литературы и науки [7, с. 140]. Иван Павлович Минаев (1840–1890), профессор сравнительного языкознания Петербургского университета, совершил три путешествия по Индии, Непалу, Бирме и Шри-Ланке при поддержке Русского Географического Общества. Он опубликовал ряд филологических и буддологических работ. Он по праву считается одним из самых выдающихся ученых, писавших об Индии. Его исследовательские инициативы были поддержаны такими хорошо известными русскими востоковедами, как барон фон Сталь-Гольштейн, посетивший Индию в 1903–1904 годах, и профессор Щербатской, приезжавший туда в 1909–1910 годах [7, с. 151].

Лев Николаевич Толстой (1828–1910), великий русский писатель и философ-моралист, в 1876 году окончательно понял, что ему в тягость его светская жизнь. Он страстно желал найти рели-

гиозное оправдание своей жизни. И он стал проповедовать религию, которая была чисто антропоцентрической. Он проповедовал, что целью человека является достижение счастья, а это возможно только благодаря добродетельным поступкам, любви ко всем людям и освобождению от проявлений жадности, похоти и гнева. Он считал, что все формы насилия одинаково грешны. Он питал глубокий интерес к индийской философии. Об этом его интересе индийцы могли судить по контактам теософов, а также самого Льва Николаевича с Махатмой Ганди. В свои последние годы Толстой изменил свой образ жизни. Он стал одеваться как крестьянин и перешел на вегетарианскую диету. Он проповедовал аскетизм и под конец отказался от всего своего имущества.

Русские, посетившие Индию в XIX веке, оставили замечательные свидетельства. Князь А.Д.Салтыков, талантливый художник, совершил турне по Индии в 1841–1845 годы, ради собственного удовольствия и для живописной практики. В.В.Верещагин (1842–1904) посетил Индию дважды – в 1874 и в 1882 годах [7, с. 151].

Елена Петровна Блаватская (1831–1891) в 1875 году основала Теософское общество. В 1856 году она совершила поездку по Индии и Индонезии, а также провела некоторое время в Тибете. В 1868 году она предприняла масштабное путешествие по Ближнему Востоку, Египту и вновь посетила Тибет. Целью Теософского общества было содействие сравнительному изучению религии, философии и науки, раскрытие необъясненных законов природы и сил, скрытых в человеке. В 1879 году Блаватская приехала в Индию вместе с полковником Олькоттом и основала в Адьяре штаб-квартиру Теософского общества. Собрание ее сочинений вышло в Адьяре в семи томах. Ей принадлежат такие работы, как «Тайная Доктрина», «Ключ к Теософии», «Голос Безмолвия» [3, с. 502].

ШАМБАЛА: УТОПИЯ ТИБЕТА

Шамбала представляет собой путь к воплощению идеала просветленного общества. Не имеет значения, существует она в реальности или нет. Это идеальный мир, который человек во все времена стремился воплотить на земле. Утопия – это идеальная община, члены которой живут в наилучших условиях. Утопия предназначена для того, чтобы показать воображаемые реформы.

Это слово впервые появилось в книге сэра Томаса Мора, опубликованной на латинском языке. В литературе идея утопии восходит к глубокой древности. Это слово, созданное сэром Томасом Мором, означает «нигде». Его королевство Утопия существует здесь и сейчас. Оно может воплотиться, если человек захочет его воплотить. Это было подобно революционному призыву.

Утопия – это страна счастья. Античные авторы писали о золотом веке, царящем в некоей далекой стране. Феокрит, писавший в Александрии, избрал в качестве таковой Сицилию. Вергилий, знавший Сицилию, перенес эту землю в Грецию и вошел в литературу как певец земного рая, известного под названием Аркадия. Таким же идеалом предстает Спарта в «Жизнеописании Ликурга» Плутарха. Сходная идея встречается в греческих, кельтских, арабских сказаниях, где описывается земной рай, находящийся на западе или в Атлантическом океане. В «Утопии» Мора воображаемый путешественник прибывает в идеальную страну. Многие утопии представляют собой сатиры. Иные же основаны на социалистических идеях [2, с. 913–914].

В буддийских текстах говорится о «Чистых Землях», где живут будды. Эти земли – вместилище света, они расположены в Гималаях. Это символ чистоты и ясности, красоты и великолепия, духовности и высоких идеалов. Эти земли – священный символ духовного восхождения и сокровище мира. Их покрытые снегом горные цепи и являются местом для Шамбалы.

В Шамбале, стране мира и процветания, правят мудрые и сострадательные цари. Сказания о легендарном царстве Шамбала – источник многих знаний. Многие буддийские учителя полагают, что царство Шамбала не может быть соотнесено с конкретным местом, но что это – основа, корень, потенциальная возможность Пробуждения и мудрости, и эта возможность есть внутри каждого человека [1, с. 25–26].

Тибетцы верят, что вход в царство Шамбала и по сей день может быть обнаружен, что он находится в потаенной долине где-то в Гималаях. Николай Рерих, изучая эти сказания, изображал Гималаи как местоположение Шамбалы, место Просветления, место высочайших знаний. Все учителя путешествовали по этим горам. Самые вдохновенные песни, самые чудесные звуки и цвета были созданы в этих горах.

Тибетские монахи в состоянии транса совершали путешествие в это буддийское чистилище, а придя в себя, давали детальное описание тех наказаний, которые ожидают грешников. Другие находили клады, где хранились книги и священные предметы, которые гуру Падмасамбхава спрятал, когда его преследовали. Эти тайники должны быть заново открыты при помощи сверхъестественных существ — для блага всего человечества. Монахи, благодаря экстатическим видениям, указывали путь в земной рай — мифическое царство Шамбала [3, с. 502].

Шамбала — это символ будущей надежды, это сочетание власти и добродетели. Николай Рерих пишет, что как ладакцы, так и монголы жили в ожидании прихода воителей и созидателей новой жизни. Они наделяют их не только львиной храбростью, но еще и змеиной хитростью и неутомимостью оленя. Как отраднo видеть этот рост сознания и воплощение героических символов [9, с. 111]! На его картинах Шамбала предстает как символ победы над захватчиками. Он был изображен среди мечей, копий и непробиваемых доспехов.

Считается, что в Шамбале зародилась Калачакра-тантра; в этом случае Шамбалу локализуют на северо-востоке Индии. Калачакра-тантра играет важнейшую роль в тибетском буддизме, являясь источником предсказаний. Главное пророчество заключается в том, что когда в мире будут царить войны и разрушения, то спасение человечеству придет из Шамбалы. Существует множество мнений относительно точного местоположения Шамбалы — от Центральной Азии до Китая и даже до Северного Полюса. Однако гораздо важнее понять, что Шамбала — это определенный духовный уровень, чем выяснять, где же именно находится эта страна.

Двадцать пять учителей, принесших Калачакру, также играют важную роль в мифе о Шамбале. Считается, что во время правления последнего из них все злые силы будут повержены и наступит новый золотой век. Ригден Джапо, Кулика-раджа, правитель Шамбалы, — неутомим, он всегда стоит на страже судеб человечества. Его волшебное зеркало отражает все события на земле. Его мощный свет способен рассеять любую тьму. Его бесчисленные богатства приготовлены, чтобы удовлетворить нужды тех, кто служит делу справедливости. Панчен-лама Третий составил описание пути в это царство [11].

В наиболее просвещенных монастырях были учреждены особые школы (дацаны) Шамбалы. Монастыри Тибета и Монголии воспринимались как отражение Шамбалы и шамбалин-дацаны стали частью уже существующих монастырей.

НИКОЛАЙ РЕРИХ: В ПОИСКАХ ШАМБАЛЫ

Николай Рерих смотрел на Шамбалу как на воображаемое царство, недоступное для людей, расположенное в потаенной области Гималаев. Рерих пересек высокогорья священных Гималаев. В своих воспоминаниях об экспедиции он называет Гималаи «Вместилищем Света». Для него они — священный символ восхождения. Сикким он видит как Сокровище Снегов. Он был мудрецом среди мудрецов, когда писал свои очерки «Риши», «Восхождение к вершинам» и «Из Кайласа». Его очаровали те сказания и ритуалы, которые ему удалось обнаружить. Гималайские пророчества были для него символом будущей надежды.

Николай Рерих был очарован сказаниями и таинствами Шамбалы, страны, чуждой разрушению. Эти сказания ему поведали ламы, которые побывали там. Некий бурятский лама рассказал, что прошел туда через узкий проход. В глубине души Николай Рерих хотел бы, чтобы Чистая Земля существовала на земле как связующее звено между двумя мирами.

Николай Рерих писал, что таши-ламы были тесно связаны с Шамбалой, потому что именно они являются высокими защитниками Калачакры. Учение Калачакры распространилось благодаря Атише. Монастырь Морулинг в Лхасе был одним из наиболее просвещенных, в которых практиковалась Калачакра. Во время экспедиции Рерих пытался найти Шамбалу. Он говорил с одним из лам о том, что наши ученые ловят каждый проблеск истины относительно этого замечательного царства. Чома де Кереш узнал о Шамбале, когда посещал буддийские монастыри. А.Грюнведель перевел книгу знаменитого Таши-ламы Третьего «Путь в Шамбалу». Мы чувствуем, как из-под тайных символов проступает великая истина. Подлинно ревностные ученые стремятся узнать о Калачакре.

Далее в своей работе Николай Рерих рассказывает ламе, что у него хранится манускрипт Калачакра-тантры. Он изучил большинство тогдашних работ по истории Шамбалы, он

прочел книгу «Красный путь в Шамбалу». Монгольские песни о Шамбале очаровали его. В Турфане в Туркестане ему показали пещеры, где были длинные неисследованные ходы, ведущие к ашрамам Шамбалы.

Лама был впечатлен искренностью Николая Рериха и объяснил, что Великая Шамбала находится далеко за океаном. Это могущественное небесное владение. Она не имеет ничего общего с нашей землей. Лишь в некоторых местах, на Крайнем Севере, можно различить сияющие лучи Шамбалы.

Николай Рерих в своем эссе «Шамбала Сияющая» пишет о том, как он спрашивает ламу, говоря со всем пылом: «Лама, если великие воины воплощены, разве не будет Шамбала действовать здесь, на земле?». Лама отвечает: «Везде — здесь и на небесах. Все силы блага объединятся, чтобы уничтожить тьму. Каждый, кто поможет в этом великом труде, будет вознагражден во сто крат и на самой земле, в этом воплощении. А все грешащие против Шамбалы погибнут в этом же воплощении, так как они исчерпали милосердие».

Далее Николай спрашивает о том, каким образом Шамбала помогает простым людям и каким образом мощь Шамбалы проявляет себя среди обычных. В Турфане в Туркестане ему показали пещеры, где были длинные неисследованные ходы, ведущие к ашрамам Шамбалы.

ЮРИЙ РЕРИХ О КАЛАЧАКРЕ И ШАМБАЛЕ

Поиск пути в Шамбалу и духовное общение с царями Шамбалы всегда было излюбленной темой среди аскетов и святых Тибета. Письменные и устные предания, касающиеся местоположения Шамбалы, а также история распространения учения Калачакры в царстве Шамбала и в Тибете вызывали интерес Юрия Рериха. Западный человек вспомнит историю о двух иезуитских монахах, которые искали Шамбалу. Они пытались найти путь туда, но не смогли.

Юрий Рерих в своей работе «К изучению Калачакры» [4] писал, что проповедь Калачакры оказала огромное влияние на религиозную жизнь тибетцев. Комментарии на Калачакра-тантру представляют собой многотомную литературу. В большинстве тибетских и монгольских монастырей велось преподавание этой сложнейшей из мистических систем на специальных факультетах, подобных Таши-Лумпо в Шигацзе.

Калачакра принадлежит к Ануттара-йога-тантре, высшей из четырех тантрических систем. Она тесно переплетается с образом царства Шамбала, откуда система Калачакры была принесена в Индию во второй половине X столетия. Помимо нескольких работ, включенных в тибетский канон Каджур и собрание комментариев Танджур, комментарии и сокращенные версии Калачакра-мула-тантры приписываются двадцати пяти царям Шамбалы. О тексте, включенном в Канджур, говорится, что он был переведен на тибетский с манускрипта «Бхагаван-Ваджрапани-гухьябхидеша-тантра-раджа», написанного в Шамбале. Юрий Рерих изучал труды по Калачакре, написанные следующими авторами:

Бутон Ринчендуб (<i>Bu-ston Rin-chen-grub</i>)	1290–1364	Комментарий
Кхайдуб Гелег Палсан (<i>mKhas-grub dGe-legs dpal-bzañ</i>)	1385–1438	<i>Grel-chen</i> (комментарий)
Гой-лоцзава Шонну-пал (<i>Gos-lotsava gŠon-nu dpal</i>)	1392–1481	Голубые Анналы
Бруг Падма-карпо (<i>Brug Padma-dkar-po</i>)	XVI век	Раздел Калачакры
Таранатха (<i>Tārānātha</i>)	1575–?	Описание пути
Панчен Лобсан Чойкьи Гьялцан (<i>Panchen bLo-bzañ</i> <i>chos-kyi rgyal-mtshan</i>)	1571–1663	Обширный комментарий
Сангья Гьялцо (<i>Sans-rgyas rgyal-mtsho</i>)	XVII век	<i>Baidurya dkar-po</i>
Сумпа Кхампо (<i>Sum-pa mkham-po</i>)	XVIII век	<i>dPag-bsam Ijon-bzañ</i>
Лондол лама Нагдан Лобсан (<i>kLoñ-rdol bla-ma Nag-bdañ blo-bzañ</i>)	1719–?	Распространение Калачакры

Многие религиозные тексты были утрачены, но, к счастью, значительное число их до сих пор распространено в Тибете. Ни один из них не был переведен. Юрий Рерих считал, что эти тексты ждут ученого, который смог бы взять на себя задачу проникнуть в святая святых северного буддизма. Он писал о великих историках

и комментаторах тантры. Один из них – Кхайдуб Гелег Балсан (1385–1438), великий ученик Цзонкхапы. Его комментарий, написанный в 1434 году, занимает несколько томов *сумбума* (собрания сочинений), изданного в Лхасе. Он послужил основой для многих дальнейших работ.

«*Deb-ther snon-po*», или «Голубые Анналы», или «*Gos-lo'l Deb-ther*», хроника Гой-лоцзавы, – это другое историческое сочинение, составленное в 1478 году ученым и переводчиком Гой-лоцзавой Сонну-палом (1392–1481). Там есть целый раздел, посвященный истории распространения учения Калачакры вплоть до XV века. Юрий Рерих перевел многотомные «Голубые Анналы» на английский с издания монастыря Кумделинг. Самое старое издание было уничтожено во время непало-тибетской войны 1791 года, а третье издание хранится в Амдо в Зорге-гомпа недалеко от великого города-монастыря Лабранг.

«Голубые Анналы» частично пересекаются с историей буддизма, написанной Бутоном ринпоче, это различие стало главным источником информации для всех позднейших исторических сочинений Страны Снегов. Александр Чома де Кереш был первым, кто упомянул это имя. «Голубые Анналы» (§§ 769–770) повествуют, что Джамса Шераб, родом из верхнего Мьяна, был сведущ в многочисленных сказаниях-питаках. В течение многих лет он занимался практикой аскетизма. В своих видениях он посетил многие райские миры, в частности Западный рай Сукхавати [5, л. 8b].

Юрий Рерих изучал работы Таранатхи, Таши-ламы Панчен Лобсана Чойкьи Гьялцана, Сумпы Кхампо, Сангьямцо и многих других. Когда статья «К изучению Калачакры» вышла в свет, он был занят переводом ряда тибетских исторических текстов по учению Калачакры и царству Шамбала и тем проложил дорогу переводу и обстоятельному комментированию.

Описание пути в Шамбалу дается в специальной литературе, которая была хорошо известна Юрию Рериху и так очаровала его. Один из таких текстов, входящий в Танджур и озаглавленный «Калапаватара» (*Kalāpāvātāra*), был переведен на тибетский язык с непальского. Профессор А.Грюнведель опубликовал его перевод на немецкий язык. Анонимный труд, описывающий Шамбалу, хранился в Институте гималайских исследований. Юрий Рерих хотел издать этот текст и всеми силами старался поднять как можно больше источников по Шамбале.

Юрий Рерих установил, что в XVII веке ламой Тагцан Райченом был составлен *ламьи* Шамбалы. Он выяснил это благодаря переводу фрагмента данного текста д-ром Б.Лауфером [4, с. 153–165].

ДАТИРОВКА КАЛАЧАКРА-ТАНТРЫ

В различных традициях Индии и Тибета представлено несколько вариантов описания первой проповеди Калачакра-тантры. Хотя традиции и различны, все они сходятся в том, что учение было преподано самим Буддой у ступы Шри-Дханьякатака. В сокращенном комментарии, составленном Ачалагарбхой, говорится, что учение пришло из Шамбалы и что царь Сучандра слушал его у Шри-Дханьякатаки. Согласно текстам Рива-лоцзавы и Бро-лоцзавы, Будда проповедовал это учение в год своего ухода в Нирвану, в то время как другие авторы полагают, что он проповедовал его во время своего Просветления. Согласно некоторым авторам, учение Кала было преподано Буддой, когда ему было восемьдесят лет, в месте Шри-Дханья-Катака (Амаравати) по просьбе Сучандры (тиб. форма имени – Злабсан, *Zla-bzan*). Согласно Бутону ринпоче, Будда проповедовал систему Кала в год, когда достиг Просветления. Бутон указывает, что утверждение, будто бы Будда проповедовал ее в год ухода в Нирвану, не заслуживает внимания.

Согласно основной тибетской традиции, предполагаемая датировка Калачакра-тантры должна определяться как 804 год н.э. Традиция говорит, что закон *лало* (*Kla-klo*, мусульмане) был утвержден в Мекке и эра Хиджры началась в 622 году. «Вимала-прабха-тика» говорит, что была ужасная война между дэвами, данавами и млеччхами в городе Багдаде. Это был век разрушения и разграбления буддийских святынь. В это время Калачакра рассматривалась как источник духовного пути к спасению и возрождению. Посвящение абхишека означало обретение радости и в земной жизни, и в запредельных мирах.

Тибетская традиция приписывает победу над *лало* с помощью богов Рудрачакрину (санскритское имя Ригдена Джапо), который восстановил буддийский Закон. Тибетцы полагают, что спустя 182 года после установления власти *лало* Гьялко начал отсчитывать циклы Кала [6, с. XXII–XXIII].

В тексте «Мула-вимала-прабха-тика» ранняя история ислама описана на основании других компетентных работ. В нем говорится, что прославленный Манджушри должен быть рожден в

Шамбале, к северу от реки Сита, а восемьсот лет спустя в земле Макха (Мекка) разрастется общество млеччхов. В это время принципы *jyotish* исчезнут, а те, что были враждебны буддизму, погибнут. Но буддисты спасутся благодаря практике Калачакра-тантры. Приведенные даты таковы:

Датировка Калачакры	804 год
Начало эры Хиджры	622 год
Рождение Манджушри	178 год до н.э.
Рождение Шакьямуни	778 год до н.э.

Будда передал основополагающую тантру Злаба Занпо, который сделал ее пересказ, составил разъясняющий комментарий в шестьдесят тысяч строк и записал его в книгу, разъясняющую смысл тантры народу Шамбалы. Он посвятил Калачакре мандалу, сделанную из драгоценных камней, явил множество чудес и ушел в Нирвану. В течение последующих столетий проповедь Калачакры продолжалась. Нимаи Синрита в полнолуние месяца Чайтра дал посвящение риши через мандалу, символизирующую Злабо Занпо, и написал комментарий в три тысячи строк к основной тантре.

В передаче Калачакра-тантры будды и бодхисаттвы выступают как гуру и шисья. Ваджрапани Сучандра молил Будду передать ему просветляющую тантру. Он проповедовал ее народу Шамбалы, жителям деревни Санвати к северу от реки Сита. Чтобы объединить (*Ekakalka*) людей из разных каст, Сучандра Яса стал известен как Калкин. Так возникла линия духовной передачи Калкин-Ваджракила. К ней, в частности, относятся: Чандра, Суресвара, Теджи, Сомадатта, Вишвамурти, Суресан, Яах, Пундарика, Сурьяпрабха, Сучандра, Кшитигарбха, Ямантака, Джамбхака, Мамака, Кхагарбха, Локанатха, Ямади, Дашакродха.

Согласно тибетской традиции, Рудрачакрин соответствует фигуре Калкина, которого лама Лондол сравнивает с царем, чьи армии несметны и который к югу от реки Сита ведет великую битву в стране Румпа Чагьял с *лало*, господин которых исчез [12, с. 599].

Калкин – это десятая инкарнация Владыки Вишну. Он защищает мир, принимая облик животных, и уничтожает тех, кто несет зло. Джаядева в «Гитаговинде» (1.10) так описывает его:

Mleccha-nivaha-nidhane kalayasi karavālam
Dhūma-ketumiva kimati karavālam, Kesavadhrta-
Kalki-śarīra jaya jagadīśa hare.

Согласно д-ру Юрию Рериху, эта обширная литература имеет первостепенное значение для изучения центральноазиатского буддизма. Для надлежащего понимания буддизма существенно знание тантрической терминологии индийской астрономической и астрологической системы. Поэтому в монастырях были факультеты, где изучали астрономию, астрологию и санскрит.

Юрий Рерих проник в тонкости этой системы, ее абстракции и символы. Он пытался сопоставить это учение с другими древними системами. Учения, вошедшие в корпус текстов Калачакра-тантры, считаются содержащими самую глубокую мудрость тибетского буддизма.

Согласно величайшему комментарию на Калачакра-тантру, написанному в XIX веке буддийским учителем Мипхамом, страна Шамбала находится к северу от реки Сита и разделена восьмью горными хребтами. Дворец Ригденов, то есть правителей Шамбалы, возведен на вершине круглой горы в самом центре страны. О горе говорится, что это Кайласа. Дворец, который называется Калапа, занимает площадь в несколько квадратных миль. К югу от него расположен прекрасный парк, известный как Малайя. В центре парка находится храм, посвященный Калачакре; его возвел Дава Сангпо.

ПУТЬ В ШАМБАЛУ

Настоятель монастыря Утайшань в книге «Красный путь в Шамбалу» описывает путь, ведущий в это запретное место. В конце описания есть характерная деталь: путешественник видит на ближайших подступах к оберегаемому месту соляной караван тибетских купцов, которые не подозревают о близости жилья.

«Путь в Шамбалу», тибетский манускрипт, написанный Ташиламой Третьем, одним из наиболее чтимых духовных лиц Тибета, был переведен профессором Грюнвелелем.

Некий бурятский лама детально описал свое путешествие в Шамбалу, куда его провели по подземному проходу. Проход подчас становился таким узким, что приходилось с большим трудом проталкивать породистого барашка, которого вели в запретное место. Монгольские ламы также указывали, что на границах Хангая и Гоби есть несколько оберегаемых мест.

ПОСЕЩЕНИЕ ШАМБАЛЫ В МЕДИТАЦИИ

Считается, что ачарью Калачакрападу обучал системе Калачакра сам Падма Карпо, воплощение бодхисаттвы Авалокитешвары. Он был индийским кшатрием и родился после того, как его царственные родители совершили обряд, дарующий рождение великого сына (*kulapurta*). Он известен как воплощение Манджушри [5, с. 756]. Богиня Тара благословила ачарью и однажды поведала ему, что в Северной Шамбале есть множество тантр и комментариев, преподанных самим Буддой: «Отправляйся искать их и слушать их!». Одни ученые считают, что он отправился туда, присоединившись к каравану купцов. Согласно другим авторам, он следовал за монахом-призраком. Третьи полагают, что сама Тара вела его. Однако есть ученые, утверждающие, что он посетил Шамбалу в медитации и получил учение от самого Авалокитешвары. Последнее утверждение наиболее приемлемо для нас.

Тибетцы и монголы провозглашают путь народного самосознания, национального достоинства и мечты о герое, несущем свободу. Пророчества о Шамбале и Майтрейе приобрели популярность во время войн, разрушения монастырей и грабежа, учиняемого подлыми захватчиками. Это обусловлено тем, что, согласно пророчествам, воплощенный Майтрейя должен прийти после войн. Но последняя война должна быть войной за истинное Учение. Каждый, кто поднялся против Шамбалы, будет уничтожен. Каждый воин Шамбалы будет непобедим. Владыка уже спешает. Его знамя уже над горами. Оно обойдет кругом центральные земли Благословенного. Каждый, кто примет его, возрадуется. Сокровище возвращается с запада, и огни торжества зажигаются на горах. Учение, пришедшее из Бодхгаи, вернется туда, когда процессия, несущая изображение Шамбалы, пройдет через земли Будды и вернется к источнику буддизма [8, с. 64–67].

Николай Рерих в своей статье о Шамбале пишет, что звучание Шамбалы – это самый верный знак великого будущего в бесконечных пустынях Монголии. В сказаниях о Шамбале, в легендах и преданиях и песнях заключается наиболее значительная весть Востока. Тот, кто ничего не знает о Шамбале, не должен утверждать, что он изучал Восток и знает пульс современной Азии.

Глубокая вера создала более чем одну Шамбалу. Место под названием Шамбала есть в штате Уттар-Прадеш, другая Шамбала — в Харьяне, еще одна — в Ориссе. Подобно тому, как в Таиланде есть Айодхья, легендарная столица Рамы, а в Камбодже — Меконг (Ма Ганга). Существует несколько городов с названием Рамангар или Кришнанагар, а в разных областях Индии есть города, названные в честь Ганди и Неру.

МАНДАЛА ШАМБАЛЫ

Во время экспедиции Рерих видел танец, исполняемый в честь горы Канченджанга. Этот танец исполняется в каждом монастыре в одно и то же время. По-разному были одеты люди из различных областей Гималаев. Сиккимцы нарядились в короткие красные одеяния и конические шапки с перьями, бутанцы предстали более скромными, люди из Кхама были в красных тюрбанах, непальцы — в маленьких круглых шапочках, одежда людей из Лхасы походила на китайскую, лепчхи и шерпы выглядели застенчивыми и тихими. Все они собрались, чтобы выразить свое почтение пяти сокровищам Канченджанги.

Ревели трубы и били барабаны. Защитник Сиккима вышел в высокой красно-золотой маске, с коротким копьем в руке. Танцуя, он двигался по магическим кругам. Затем появилась защитница в образе Кали или дакини; ее голову украшали черепа, она была облачена в одежды темного цвета. Исполнив священный танец, она совершила призыв божества и села.

Один за другим появлялись защитники Пяти Сокровищ Канченджанги; они были готовы сражаться за священную гору, поскольку в ее пещерах хранятся сокровища, оберегаемые веками. Эти защитники охраняют отшельников, посылающих свои благословения из горных недр. Они танцуют, потрясая мечами и щитами [8].

ТХАНКИ ШАМБАЛЫ

Царство Шамбала, Монголия, тханка, гуашь на картоне, 112 х 222,5 см, Музей Гимэ, Париж.

Картина разделена на две части. Справа изображено мифическое царство, окруженное двойным рядом снежных гор;

Рудрачакрин, последний царь Шамбалы, восседает во дворце Калапа. Вокруг расположены девяносто три дворца его вассалов. Наверху – девять царей Шамбалы. Левая часть представляет изображение войны в самом конце темного века. Считается, что Рудрачакрин появится на белом коне в сопровождении генерала Хануманды. Он подвергнет западных варваров уничтожению и даст возможность буддийскому учению распространиться по всему миру.

Могучий правитель Шамбалы Ригден Джапо сидит в центре в сиянии своей непревзойденной славы. Ниже него изображены жестокие битвы, в которых гибнут его враги. Ламы-художники пишут такие картины, исполненные великого почтения и благоговения. Они верят, что эра Шамбалы уже наступила и время великих событий близко [10, с. 157–158].

Дж. Туччи в своей книге «Тибетская живопись в свитках» описывает другую тханку. В меньшем круге представлена Калапа, царский дворец Кулики (*rigs ldan*), возведенный в центре Шамбалы. Традиция помещает их где-то на севере, и описание пути, имеющееся в Танджуре (сxxx, 12, *Ka la pai ajug pa*), свидетельствует, что это место в Центральной Азии, но оно не определено четко.

Шамбала изображена в виде круга, подобного восьмилепестковому лотосу, в небесах сияет слава Калачакры. Подобно Уддияне, обители дакини, Шамбала – это обитель посвященных, достичь которой можно только в том случае, если преодолешь свои грехи. Ее представляют также вознесенной на небеса. Дома, образующие второй круг, представляют собой девяносто шесть вассальных царств, окружающих Калапу. Дома и храмы многочисленны; дворцы прописаны изнутри, и там видны маленькие фигуры божеств. Выделяется изображение воителя на коне. Рудрачакрин (*Drag-po ak'or-lo*) поражает своим копьем врага, поверженного на землю... Надпись обозначает его как Бьяпайло. Над Рудрачакрином воин стреляет из лука, его имя Хануманду. Эта тханка определена профессором Туччи как изображение эпизода из истории Калачакры – победа Рудрачакрина над лало, то есть мусульманами [12, табл. 211–213]. Рудрачакрин – это последний царь Шамбалы.

Кто знает Шамбалу – знает будущее. Шамбала – это устремление к блистательному будущему, подобно тому как Калкин – Будущее Мира.

Литература

1. *Truhgpa Chogyam*. Shambhala. The Sacred Path of the Warrior, Shambhala. Boston & London, 1988.
2. Encyclopaedia Britannica. Vol. 22. London, 1965.
3. Encyclopaedia of Religion. Vol. 14. New York: Macmillan Publishing company, 1987.
4. *Roerich George*. Studies in the Kalacakra-tantra // Journal of Urusvati, Himalayan Research Institute of Roerich Museum. Vol. II, published by Urusvati Himalayan Research Institute of Roerich Museum, 1932.
5. *Roerich George*. Blue Annals. Delhi: Motilal Banarasidas, 1976.
6. Jagannatha Upadhyaya, ed., Vimalaprabha-tika of Sri-laghu-kalacakra-tantra-rajya by Kalki Sri Pundarika, Kendriya Uccha Tibbati Shiksha Sansthana. Sarnath: Varanasi, 1986.
7. *Kemp P.M.* Bharat-Rus // ISCUS. Delhi, 1958.
8. *Roerich Nicholai*. Himalayas; The abode of Light. Bombay: Nalanda Publications, 1947.
9. Altai–Himalayas. A Travel Diary. London: Jarrold Publishers, 1930.
10. *Rhie Marylin M., Thurman Robert A.F.* The Sacred Art of Tibet. London: Thames and Hudson, 1991.
11. Shambhala Dictionary of Buddhism and Zen. Translated by Michael H. Kohn. Boston: Shambhala, 1991.
12. *Tucci Guiseppe*. Tibetan Painted Scrolls. Kyoto: Rinsen Book Co. Ltd., 1980.

С.Ю.КЛЮЧНИКОВ,
*психолог, академик РАЕН,
член Союза писателей РФ,
Москва*

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ТИБЕТСКОМ БУДДИЗМЕ И В НАСЛЕДИИ Ю.Н.РЕРИХА

В своем выступлении о категории времени и об учении Калачакры я буду опираться на две книги, недавно изданные нашим издательством «Беловодье». Когда во время своей первой поездки по Индии я увидел эти две работы, и прежде всего, «Практику Калачакры», в одном книжном магазине Дхармасалы, этого тибетского мини-государства на территории Индии, я немедленно приобрел их, уже зная внутренним чувством, что их перевод когда-нибудь выйдет у нас и я скажу об этом на рериховской конференции. Одна книга – «Тантра. Мантра. Янтра» – принадлежит перу Рамачандро Рао, индийского пандита из Бангалора, другая, уже упомянутая «Практика Калачакры», написана американским тибетологом Гленном Муллином, учеником его святейшества Четырнадцатого Далай-Ламы, который любезно предоставил нашему издательству права на издание своих книг. Значение этих работ трудно переоценить. Впервые на русском языке излагается практика Калачакры. Дается также уточненный перевод работы Ю.Н.Рериха «К изучению Калачакры», раскрывается сокровенная практика этого учения – излагаются методы работы с той «внутренней каплей», что содержит в себе «океан пустоты» и проясняет сознание духовного искателя.

С самых давних эпох люди интересовались понятием времени и пытались понять, что это такое. В пантеонах как восточных, так и западных религий всегда были божества, олицетворяющие собой время. Достаточно вспомнить античного Хроноса или Сатурна, Шиву в индуизме и Махакалу в буддизме. Сложено огромное количество пословиц о роли времени в жизни человека, в которых нашли свое отражение быстротечная природа времени, его исчезновение, его цикличная и ритмическая основа. Время сравнивали с водой, текущей в вечной реке, с кругооборотом

гончарного круга и даже с лекарем (вспомним старинное латинское изречение: «Время лечит»). Человечество впечатляла огромная сила, заключенная во времени и способная постепенно растворить в его бездонных водах огромные материки, исполинские горы, цветущие цивилизации. Лучшие умы Запада — Платон, Аристотель, Августин, Лейбниц, Кант, Фихте, Гегель, Шопенгауэр — пытались разгадать загадку времени, неумолимой силе которого подчинено все сущее. Ницше, вдохновленный мудростью античности, писал о вечном возвращении — законе, пронизывающем Мироздание и сопряженном с энергией времени. В XX веке о времени говорили Шпенглер, Вебер, Бердяев, Лосский, Лосев. Об осевом циклическом времени, определяющем многие исторические процессы, писал Ясперс. Наиболее продвинувшиеся в духовной сфере люди не просто размышляли о времени, но искали способ научиться управлять его силой, сжимать время, чтобы таким образом выскользнуть из потока убывания и аннигиляции, стирающей в прах все проявленные формы. А сколько людей мечтали о том, чтобы остановить время и жить вечно! Вспомним знаменитую фразу Доктора Фауста: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!», выражающую эту жгучую человеческую потребность в бессмертии. И европейские и китайские алхимики пытались найти эликсир бессмертия, который, по их мнению, мог остановить бесконечный поток убывания жизни. Однако мечты о продолжении человеческой жизни на неограниченный отрезок времени оказались неосуществимыми и количество срубленных голов даосских алхимиков, не справившихся с заданием императоров, яркое тому подтверждение.

Немало духовных искателей пошли по иному пути — они пытались применить заключенную во времени скрытую силу для духовных целей, и прежде всего для обретения непрерывности сознания — свойства, позволяющего выйти за пределы энтропийного кругооборота. Многие подвижники великих восточных религий, и в первую очередь буддизма в его тибетской версии, весьма преуспели в этом искусстве. Речь идет прежде всего о сокровенной сердцевине тибетского буддизма — учении Калачакры, ранее совершенно недоступной для западного мира. Именно те тибетские мудрецы и мастера, которые шли по пути Калачакры (букв. «Колесо времени»), достигли в этом наибольших высот. Они научились управлять этим «колесом» за счет того, что овладели той

скрытой силой, или принципом, что находится внутри времени. Как указывала В.С.Дылыкова-Парфионович, автор предисловия к книге «Практика Калачакры», само понятие «Кала» означает не только «время», но и «черный» — невидимый, несоизмеримый, динамический принцип, присущий всем вещам» [1, с. 11].

Как воспринимается само понятие «время» в учении Калачакры? Каковы характеристики и признаки времени, содержащиеся в этом учении? Перечислим их.

1. Нелинейный и неоднородный характер времени, его кривизна. Это свойство хорошо иллюстрируется следующим высказыванием В.С.Дылыковой-Парфионович: в тибетском буддизме *«Вселенную можно представить в виде гигантской мандалы или сложной конструкции бесчисленных мандал, которые обозначают систему символов, базирующихся на круговом движении и иллюстрирующих взаимодействие и соположение духовных и космических сил. Кривизна в этой связи означает движение, обладающее как постоянством, так и изменением, т.е. ритмом. Такое движение содержит элементы вечности и быстротечности, позже ощущаемые как время. И если мы говорим о «кривизне» пространства, то должны говорить и о «кривизне» времени, так как время — не движение по прямой линии, начало которой утеряно навсегда и которая уходит в бесконечный вакуум неумолимого будущего, это нечто, сочетающее неремени со стабильностью»* [1, с. 12].
2. Ритмичный, пульсирующий характер этой кривизны.
3. Время в Калачакре — это не просто Майя, иллюзия, словно покрывало, наброшенная на единую божественную основу, но некая сила, соединяющая проявленное с непроявленным и отвечающая за скорость проявления. Как утверждал знаменитый буддист лама Анагарика Говинда, который был лично знаком с семьей Рерихов, время — это не просто «негативное свойство нашего быстротечного существования, но настоящий динамический аспект Вселенной».
4. Время, которое можно сравнить с рекой, имеет свой исток, обладающий бесконечной природой или длительностью, и потому любое событие и процесс, с внешней, иллюзорной точки зрения имеющие ограниченный период существования, с другой точки зрения, в высшем измерении, делятся вечно, то есть имеют вневременную природу. Их существование

в вечности можно сравнить с музыкальным аккордом, звучащим вечно в отличие от его краткого звучания в земных условиях.

5. Человеческое сознание стоит перед выбором: либо отождествиться с чисто материальными целями и ценностями и ограничить длительность своего существования малыми земными сроками, потеряв ощущение непрерывности жизни, либо продлить себя в Бесконечность и Вечность и обрести бессмертие духа. Иначе говоря, человек, с точки зрения своего высшего, космического назначения, может и должен преодолеть малый, энтропийный поток жизни и выйти за пределы малого времени в Большое время, или в Вечность, и встретиться со своей Божественной частью или, точнее говоря, с Божественным целым. Только слившись с Вечностью, Пустотой, Божественным Океаном, человек может по-настоящему помочь тем, кто, образно говоря, барахтается в реке времени.
6. Есть конкретная наука, или духовная практика, позволяющая остановить это колесо времени в самих себе. Ключевое описание принципов этой практики содержится, на мой взгляд, в следующих словах современного индийского философа, глубокого знатока буддизма Рамачандро Рао, автора уже упомянутой книги «Тантра. Мантра. Янтра»:

*«Одним из основополагающих принципов доктрины Калачакры является представление о том, что макрокосм — вселенная со всеми ее объектами и событиями, находится внутри микрокосма, а именно — внутри человеческого тела; а также то, что внешнее время со всеми его подразделениями (часы, сутки, месяцы, годы и т.д.) есть модуляции потоков жизненной энергии, текущих по энергетическим каналам внутри человеческого тела. Обычно ошибочно интерпретируют, даже в письменных текстах и комментариях к ним, что **кала** означает просто «время», а **чакра** — «пространство» (позже, мандалу), и, соответственно, кала-чакре придают значение циклически динамичной вселенной. Однако по смыслу последнее соответствует скорее бхава-чакре, то есть совершенно иному понятию. Калачакра построена на принципе параллелизма течения жизненных токов («прана») внутри тела и времени по вселенной. Калачакра утверждает, что если внутри тела нет течения энергии, то восприятие времени невозможно. Развивая данное положение, теоретики и*

практики Калачакры утверждают, что, останавливая токи жизненной энергии, особенно восходящей и исходящей (прапангапти), возможно остановить течение времени. Таким образом можно выйти за пределы временного потока, и, тем самым, устранить феноменальную обусловленность развития, изменения и распада. Поэтому пространство, в котором развиваются йогические свершения, находится только внутри тела (дехамадхье самастам йогам). Ближайшая цель йоги – развить алмазные качества тела – неподверженность изменениям и силу. Конечная цель – достижение великого блаженства (махасукха), которое наступает, когда вся омраченность исчезает. Другими словами, цель практики Калачакры: уход из цикла обусловленного существования – бхавачакры. В практике Калачакры вселенная визуализируется как собственное тело, а время и событийность – как движение жизненной энергии (праначалана)» [2, с. 207–208].

В результате обретения способности удерживать жизненные токи практикующий получает реальную способность «переродиться за пределами феноменального водоворота», что означает озарение, или просветление. Чем длительнее человек умеет останавливать жизненные токи, тем выше и тоньше состояние просветления.

Овладение скрытой силой времени имеет исключительное значение как для достижений в духовной сфере, так и для гармонизации внешней, мирской сферы бытия. Взыскующий духовного совершенства преодолевает препятствия в виде слишком сильного желания ускорить просветление, порожденного умом, ожиданием и энергиями низшего времени, и познает Бога в аспекте вечности и отсутствия всех желаний, в том числе и желания добиться просветления. В то же время, действуя в рамках обычной жизни, он овладевает четким ритмом, точностью и своевременностью действий, ведущими его к гармонии и успеху всех начинаний. Тайна овладения энергией времени связана с повышением интенсивности внутренней жизни, при которой каждое мгновение наполняется особым смыслом. Осознанное погружение в настоящее помогает человеку ощутить особую ясность сознания и точное знание, что нужно делать в каждый миг. И, наконец, способность управлять энергией времени предполагает еще одно важное умение – умение чувствовать энергию эпохи, соответствовать духу времени, быть современным в самом положительном

смысле этого слова и опережать свое время. Именно это искусство демонстрировали великие буддийские мастера, внося в учение Гаутамы новые энергии и краски, соответствующие изменившимся реалиям. Именно так действовали Рерихи, которые в XX веке одни из первых обратили внимание на сокровенную традицию Калачакры. В буддийской среде бытует мнение, что Рерихи были посвящены в эту традицию непосредственно благодаря своим контактам с высокими Ламами. Что позволяет высказывать это предположение с большой степенью определенности?

Во-первых, сам факт признания Николая Константиновича буддийскими Ламами как перерождения Пятого Далай-Ламы, высочайшего духовного авторитета в Тибете, связанного со священной страной Шамбхалой, родиной Калачакры.

Во-вторых, тесное знакомство Рерихов с высокими тибетскими мистериями. Позволю себе обратить внимание присутствующих на один еще недостаточно исследованный факт длительного общения Елены Ивановны и Юрия Николаевича с тогда еще молодым, впоследствии крупнейшим буддийским мастером XX века Дуджутом Тругпу-рингпоче. Этот человек достиг высочайших духовных вершин на буддийском пути — и как проповедник учения Гаутамы во всем мире, имевший множество учеников и последователей, и как писатель, оставивший множество ярких произведений по буддизму, и как мастер, достигший святости и обретший после смерти нетленные мощи. Войдя в состояние окончательного просветления, он оставил этот мир и свое тело, которое было покрыто золотом и перевезено в Непал, где и пребывает до сих пор как объект массового высочайшего поклонения. Общение с этим человеком, происходившее на протяжении семилетнего пребывания Елены Ивановны и Юрия Николаевича Рерихов в Калимпонге, было, безусловно, взаимообогащающим и полезным для обеих сторон. Так, например, ступа, сооруженная в Калимпонге после ухода Елены Ивановны и являющаяся свидетельством признания ее высоких заслуг в буддизме, была поставлена благодаря участию Дуджута Тругпу-рингпоче. Об этом во время моей поездки в Индию рассказал настоятель местного красношапочного монастыря.

И, в-третьих, что касается Юрия Николаевича, одного из крупнейших тибетологов и буддологов XX столетия, то его посвященность в Калачакру и другие сокровенные тибетские традиции

косвенно подтверждается не только его научными изысканиями в этой области, но и свидетельствами его последователей в науке. Я специально беседовал на эту тему с В.С.Дылыковой-Парфионофич, и она с уверенностью говорила об этом, хотя и сделала важнейшую оговорку, что, как подлинный духовный мастер, Юрий Николаевич никогда не говорил об этом.

Калачакра – это время, циклы и круги времени, это, наконец, сакральный календарь Тибета. Известно, что Ю.Н.Рерих изучал самые разнообразные хронологические системы, приобретал календари мира, знал астрономию, сакральный смысл влияния каждого созвездия. Именно он обратил внимание на новую хронологию в тибетской традиции, связанную с 60-летним циклом. Свою любовь к изучению проблем времени и сакрального календаря он передал одному из своих учеников – А.Н.Зелинскому, который написал на эту тему несколько интересных работ. Да и сама научная специализация Юрия Николаевича – археолога, историка, филолога, лингвиста, знатока древних языков и наречий, отчетливо говорит о том, что феномен времени и его влияния на культуру представлял для него значительный интерес. А его самая короткая из всей рериховской семьи, но сверхнасыщенная жизнь ярко свидетельствует о том, что он овладел искусством сжатия энергии времени в необыкновенно прочную субстанцию научных и духовных достижений. Он действительно повернул, образно говоря, колесо времени в отечественном востоковедении на новый оборот, восстановив прерванную традицию в XX веке.

В последнее время появились материалы, по которым можно судить, что Юрий Николаевич принимал непосредственно участие в приеме и записи книг Агни Йоги, где содержалось приветствие Великих Учителей «собираемой Калачакре», а также выступал как ученый-эксперт по тонким востоковедным проблемам даже для своих родителей. Все это помогло сложиться той особой концепции времени, которая присутствует в философском наследии Рерихов, и прежде всего в Учении Живой Этики. И чтобы осознать, сколь важное место занимает понятие времени в этом Учении, достаточно произвести простой подсчет частоты употребления этого слова (благо, в нашем издательстве была осуществлена своего рода уникальная работа и выпущена «Симфония Агни Йоги»). 886 раз произносится в Учении слово «время», что

впечатляет уже само по себе! Однако дело не в количестве, а в качественно новом осмыслении этого понятия по сравнению с прежними традициями.

Чтобы глубже понять рериховскую концепцию времени, обратимся к хорошо знакомому всем присутствующим символу Знамени Мира, которое, как известно, говорит нам о трех малых кругах времени, заключенных в одном большом круге Вечности. Перед нами – величайшая живая и ключевая Мандала времени, относящаяся не только к Мирозданию, которое стоит как бы отдельно от человека, но к самому человеческому сознанию, взятому в совершенном состоянии. Расширенное сознание, о котором говорит Учение, – это именно то сознание, что пребывает в Вечности и вмещает в себя все лучшие достижения трех времен – прошлого, настоящего и будущего. Не следует рассматривать этот символ отвлеченно, ибо он есть выражение сущности просветленной человеческой экзистенции и графическое изображение того духовного синтеза, к которому призывает нас Учение. Реализация этой мандалы в самом себе посредством интенсивной духовной практики и творчества жизни и есть, на мой взгляд, задача последователя Огненной Йоги.

Как научиться осуществлять в себе этот синтез постоянно? Прежде всего необходимо исправить ошибочное отношение к различным кругам времени. В Живой Этике и в рериховской концепции в целом есть немало ценных мыслей и идей на этот счет. Ошибочное отношение к энергии прошлого может проявляться как в привязанности к магнитам прошедших событий (вспомним библейский образ жены Лота, оглянувшейся назад и обратившейся в соляной столб, – о чем часто упоминала Е. И.Рерих в своих письмах), так и в пренебрежении к древней мудрости, оборачивающимся беспамятством и разрывом живой связи эпох (предупреждениями о недопустимости такой акультурной установки полны статьи Н.К.Рериха). Предупреждает Учение и о нежелательности обращения при строительстве здания духовной культуры к энергиям недавнего прошлого. Кстати сказать, то, что в последнее время произошло с нашей страной, в период перестройки выпустившей из бутылки джинна негативных энергий прошлого и разворотившей могилы предков, является яркой иллюстрацией этой ошибки. Нельзя бесконечно и безнаказанно тревожить еще не остывшие энергии недавнего прошлого, иначе можно вызвать к жизни демонов и чудищ.

Символ Знамени Мира дает ключ к видению возможных ошибок и в отношении человека к настоящему. Многие люди совершенно неверно воспринимают слова Христа «Не живите завтрашним днем» и начинают исповедовать поклонение сиюминутной выгоде или удовольствию, ярко выражаемое старинной поговоркой «*Carpe diem*» («Срывай миг»). Жить в настоящем — значит искать свет Вечности, пробивающийся сквозь ежесекундное мерцание майи повседневности, но вовсе не значит заменять этот свет на суетливый поток минутных выгод.

Ошибки человека в отношении будущего проявляются в том, что он либо отключается от настоящего и уносится в мир сладких грез о грядущем, либо совершенно теряет стратегическую перспективу жизни, отворачивается от спасительных энергий и возможностей будущего и остается полужречим существом, не видящим дальше собственного носа.

Отношение человека к большому кругу Вечности, окаймляющей его временное существование, также отмечено ошибками и неправильными установками. Не стоит говорить о таких очевидных дефектах человеческого сознания, как материализм, либо в воинствующе-атеистической, либо в смягченной, бессознательно-гедонистической форме. Но даже обожествление Вечности при полном отключении от проблем времени и человеческих страданий не поощряется Великими Учителями и рассматривается как мировоззрение, не соответствующее духу нашей эпохи. Не случайно Е.И.Рерих не раз напоминала, что Великие Учителя воспринимают подвижников, помышляющих только о личном самадхи, как дезертиров.

Правильное отношение ко времени, как можно понять из Рериховского наследия, — это улавливание нити необходимости и скрепление ею всех миров, в том числе и миров времени, в своем сознании и использование их энергии, как говорит современная психология, в качестве ресурсов для строительства. Это умение настолько четко и осознанно сосредоточиться на том, что есть в настоящем переживании, чтобы расширить его и вобрать присутствующие в нем лучшие накопления прошлого и будущего и таким образом совершить прорыв в Вечность. Это умение понимать смысл настоящего в контексте будущего и способность с беспощадной ясностью отвечать самому себе на вопрос: «Чего же я на самом деле хочу в данной ситуации?» Это умение соединять

энергию всех кругов времени в единое, живое и острое переживание, называемое в буддизме осознанием «здесь и теперь». Это умение привлекать энергию будущего в настоящее, а не уходить от текущих сложностей в иллюзорный мир фантазий.

Непредвзятое рассмотрение отношения к феномену времени в Рериховском наследии помогает снять мнимое противоречие между призывом жить в настоящем или в вечном, встречающимся, например, в «Голосе Безмолвия» Блаватской и в классических буддийских текстах, и призывом устремляться к будущему, звучащим в Живой Этике буквально с каждой страницы. Наверняка многие из нас ломали голову над этим противоречием. Я тоже много размышлял на эту тему, пока не понял, что будущее рассматривается в Учении не как ряд событий, лежащих за чертой непосредственно настоящего на чисто линейном плане времени, в духе западной концепции прогресса, а как качественно иное состояние бытия, обеспеченного энергией четкого и активного творческого сознательного устремления человека и поддержанного силой Вечности. С этой точки зрения Калачакра Рерихов отличается от классической Калачакры тем, что она в большей степени ориентирует человека на активное действие добра, света и культурно-духовного строительства во внешнем мире как на наиболее правильную, отвечающую духу времени жизненную стратегию.

Особая кривизна и сжатие нашего времени приводит к тому, что человек, желающий успеть на «корабль эволюции» сегодня, должен сделать гораздо больше, нежели люди прежних эпох. Кстати заметить, *успеть, успех и успешный* – это однокоренные слова, связанные с понятием времени. Об этом же свойстве нашей эпохи говорят и ученые. Недавно я слушал по телевизору потрясающе интересную беседу академика С.П.Капицы и футуролога И.В.Бестужева-Лады, где Капица докладывал о своих более чем сорокалетних изысканиях феномена времени в развитии нашей цивилизации. Он назвал эпоху, в которой мы живем, временем, когда происходит фазовый переход из одного качественного состояния цивилизации в другое. Дело в том, что количество изменений, процессов и событий, которое можно насчитать в нашей цивилизации за последние тридцать лет, равны тому же количеству событий, которое произошло с человечеством за пять тысяч лет обозримой человеческой истории. Потому мы стоим на

пороге громадных изменений, которые по его расчетам завершат свой цикл к 2025 году, причем это будет переход не из «красного в оранжевое», а из «красного в круглое», как образно выразился академик, то есть в принципиально иное состояние. Понятно, что это огромное наблюдаемое сегодня ускорение событий накладывает совершенно иные предписания на позицию духовного искателя. Энергии эпохи требуют совершенно иного, неизмеримо более интенсивного и активного, переживания времени и иного отношения к Вечности. Человек должен стать внутренне более свободным, открытым, текучим, как река времени, которая, все более ускоряясь, приближает нас к «Огненному океану». Необходимо, чтобы люди учились по-новому воспринимать время. В современной психологии есть мгновенный тест, позволяющий отнести человека к так называемым рациональному или эмоциональному типам на основании того, как он воспринимает время: как текущее слева направо или же как процесс, движущийся вперед, как поток, протекающий как бы сквозь человека. (Кстати, читающий эти строки может прямо сейчас примерить события своей жизни, чтобы отнести себя к тому или иному типу.) Однако едва ли большая часть нас при этом помнит и ощущает, что река нашего субъективного времени течет, окруженная океаном Вечности, озаряющим своей мощью каждое мгновение только в том случае, когда мы ищем в каждом мгновении нашего времени нить необходимости.

Переживаем ли мы взаимоотношения времени и Вечности столь остро, как это переживали Рерихи? Убежден, что если мы будем стремиться подражать интенсивности их духовных исканий, интенсивности духовных исканий других подвижников человечества и сумеем поймать нить необходимости каждого мгновения, то тогда мы получим шанс если и не опередить свое время и тем более достичь Вечности, то по крайней мере вскочить в последний вагон экспресса под названием «эволюция».

Литература

1. *Муллин Глен*. Практика Калачакры. Пер. с англ. М.: Беловодье, 2002.
2. *Рао Рамачандра*. Тантра. Мантра. Янтра. Пер. с англ. М.: Беловодье, 2002.

ЛОКЕШ ЧАНДРА,

доктор философии, профессор,
директор Международной академии индийской культуры,
Дели, Индия

ПО ТРОПАМ ЮРИЯ РЕРИХА

Рерихи провели в Хотане, который некогда был «важным местом по изучению буддизма», несколько месяцев. Здесь Юрий Рерих нашел фрагменты увольнительных VIII в., которые выдавались солдатам тибетского гарнизона в форте Миран. Эти документы проливают свет на широкое присутствие тибетского гарнизона в Хотанском царстве, ярко описанное в анналах Хотана и в «*Vimalaprabhā-pariprcchā*». Это вызывает в моей памяти фреску пещерного храма ДП в Дандан-Ойлыке с изображением восхитительной якшини, словно голос, настойчиво напоминающий о запустении древнего буддийского Хотана, который в былые времена заключал брачные союзы с китайскими династиями.

В 1900–1901 годах сэр Аурел Стейн обнаружил настенную роспись в буддийском пещерном храме ДП в Дандан-Ойлыке (тюркское «*dāndan öylik*» означает «дома из слоновой кости») на территории Хотана, относящуюся к VII–VIII вв. Стейн описывает женщину, стоящую в продолговатом водоеме с плавающими в нем лотосами. Она молода и полна особой прелести. Перед водоемом изображена лошадь, за ним – Будда и Бодхисаттва(?). В северо-восточном углу святилища находится глиняная статуя Вайшраваны, стоящего верхом на огромном существе. Стейн и Эндрюс полагают, что Будда, Бодхисаттва и Вайшравана не связаны с образом прекрасной женщины. Стейн [8, с. 227–228] высказал предположение, что это может быть нагини, обитающая в ручье к востоку от Хотана, с которой связана легенда, описанная Сюань Цзаном. Эта версия маловероятна, так как отсутствует отличительный признак нага, обнаженный младенец не может быть вестником, исчезнувшим в водах и вновь вернувшимся на землю, ввиду того, что на лошади отсутствует барабан. Эндрюс, исследуя этот образ, находит близкие параллели с западной Венерой. Кумарасвами [2, с. 181] описывает ее как водную нимфу. В самой поздней идентификации П.Банерджи [1, с. 46–54] она соотносится с Харити, содержащей атрибуты Лакшми.

Эта версия обуславливается характерными признаками великанши-людоедки, которая, согласно легенде, однажды поглотила всех детей в Раджагрихе. Она была замужем за Панчикой, божественным покровителем Гандхары, от которого имела пятьсот сыновей. Самым любимым был младший сын Приянкара, который всегда сопровождал ее. С целью отучить Харити поедать детей города, Будда спрятал этого сына под своей чашей, и Харити, по совету Вайшраваны, устремилась к Будде. Слепленная сиянием Будды, она последовала его повелению стать защитницей жителям Раджагрихи и отказаться от употребления в пищу человеческой плоти. Будда повелел монахам готовить ежедневную трапезу для Харити и ее детей. Ее имя было истолковано как «похитительница детей».

Не следует забывать и о других ипостасях Харити, упомянутых в сутрах:

- а) ей молятся о ниспослании детей;

б) она выступает и как дарительница богатства (в этом случае она изображается с мангустой и рогом изобилия);

в) и как богиня, избавляющая от болезней, например предохраняющая от оспы;

г) она обеспечивает защиту. Ее муж Панчика — один из двадцати восьми полководцев (*mahāyakṣa-senāpati*) в армии Вайшраваны.

Хотанская настенная живопись передает необыкновенное очарование ее молодости в изящных очертаниях, изумительной прическе, свидетельствующей о ее царском сане, изысканной простоте ее украшений (ожерелья, браслетов на запястье и предплечье, а также пояса). Изображение буквально излучает жизненную силу и красоту.

В садхане «*Mahayaksinī–Hārītī–Priyānkara*» (Nj 1392, T 1260, K 1348) она носит имя Абхирати, так как наделена несравненной красотой и привлекательностью [6, с. 83–96]. В конце садханы говорится, что Будда рад тому, что она будет ревностно опекать монастыри, монахов и всех людей, что она не позволит злым духам досаждать людям и ниспошлет всем покой. Она должна будет это сделать на Джамбудвипе. В тибетском пантеоне *Rin.hbyun*, относящемся к XVIII в. и восходящему к Таранатхе (1575–1634), Махаякшини Харити наделена эпитетами «прекрасная, грациозная, в изысканных украшениях» (Вильсон/Брауэн 2003:314 no. 270).

На хотанской фреске справа от Харити стоит обнаженный мальчик, судя по всему, четырех-пятилетнего возраста. На всех изображениях он неизменно сопровождает свою мать. Она настолько посвятила себя сыну, что, создав хридайя-дхарани и садхану «ее возлюбленного сына Приянкары», она простерлась у стоп Будды и сказала: «О Бхагаван, с помощью этих дхарани и садханы я приношу благо всем существам».

Мы не найдем упоминания о Харити в палийской Трипитаке. В палийском словаре имен собственных Дж.Малаласекеры и в палийско-английском словаре Риса Дэвидса и Стеде имя Харити отсутствует.

Харити — последняя из одиннадцати ракшаси, упоминаемая в сутре «*Saddharma-puṇḍarīka*» (изд. Керн и Нанджио, с. 400), которая поклялась Будде защищать и обеспечивать благосостояние тех, кто будет охранять и передавать сутру (*rakṣāvaraṇa-guṭṭim kariṣyāmaḥ, svasty-ayanam ca kariṣyāmaḥ*). В «*Māhāmāyūrī*» (Ольденбург, с. 241) десять Махаракшаси под предводительством ракшаси

Харити охраняют Будду в утробе, во время и после рождения (*mātuḥ kukṣigato rakṣitom, jāyamāno rakṣito, jāto'pi rakṣitaḥ*). Они наделены сверхъестественной силой (*Mahāmāyūrī-vidyārājñī*), изыщесством (*dyutimatyah*), чарующим видом (*varṇavatyah*). Посредством этой сверхъестественной силы они охраняют и защищают, даруют процветание и мир, предотвращают наказания, вооруженные нападения и предупреждают отравления, а также охраняют границы и патронируют государства. Таким образом, люди живут сто лет и радуются сотне осеней:

*tā apy anayā Mahāmāyūrī vidyārājñyā mama sarvasattvānām ca
racṣām kurvantu,
guptīm paritrānam paripalāṇam śāntīm svastyayanam
daṇḍaparihāraṁ śāstraparihāraṁ viśadūṣaṇam viṣanāśanam
śmābandham
dharaṇṭbandham ca kurvantu, jīvatu varṣasatam paśyatu śaradām
śatam...*

Во вступительной главе сутры «*Suvarṇa-prabhāsa*» [9, с. 30] говорится, что у тех, кто будет слушать сутру, прекратятся самые страшные бедствия, их защитят четыре Локапалы с помощью многочисленных якшей. Таким образом, Сарасвати, Харити Бхутамата и другие с должным терпением будут обеспечивать защиту денно и нощно. В главе 14 под названием «*Yakṣāśraya-parivarta*» сказано, что несколько якшей, Харити Бхутамата с ее пятьюстами сыновьями обеспечат защиту приверженцам сутры во время сна и бодрствования.

В самом начале сутры Будда сидит на горе Гридхракута в окружении пяти великих божеств (*māhadevatā*) и всех других существ. Среди них находится Харити Махадевата, которая занимает почетное место как защитница веры. В дошедших до нас санскритских буддийских текстах она нигде не упоминается в том отрицательном свете поедающей детей великанши, образ которой стал преобладающим в работе Пери, опирающейся на китайские источники.

Харити считается первой среди якшини, которые являются *maharddhikāḥ*, то есть наделенные огромной сверхъестественной силой (*ṛddhi*) и преисполненные неземного величия, как изложено в «*Manjusrī-mūlakalpa*» (608.16: *Yakṣiṇyaś ca sāmakhyaṭā hārṭy-ādyā maharddhikāḥ*). В главе по рисованию мандалы (44.1) ее называют махаякшини. Ее призывают в мандале «*Trailokyavaśamkara*» Локешвары из Оддияны, как это написано Сарахападой в «*Sādhana-mālā*», 36: «*Om hrīḥ ḍḥ, hām hārṭī yakṣeśvārī svāhā, hārṭī-mantraḥ*». В садхане «*Vādirāja*

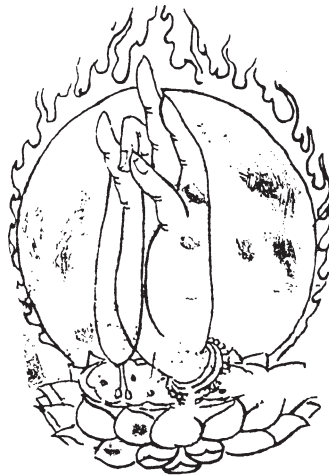
Manjuśrī» (Драгоценного Бодхисаттвы Мудрости) («Садхана-мала» 48, с.103) ее мантра читается: «*Om hārītyai mahāyākṣiṇyai, hara-hara sarva-pāpāni me, kṣiṇi sarva-yakṣiṇi praveśani svāhā, hārītī-mantraḥ*». В этой мантре Харити, величайшая якшини, отпускает все грехи и знает путь (*praveśantī*) преодоления их. «*Praveśantī*» означает, что ей ведомы средства и методы достижения желанной цели. Обращения, подобные «*praveśantī*», предназначены для выражения императива: «О Харити, укажи нам наилучший путь для достижения успеха». Харити, величайшая якшини, подчинила себе даже Махакалу («Садхана-мала», с. 367). Якши тесно связаны с водой [3, с. 97f]. Поэтому на хотанской фреске мы видим неглубокий пруд с лотосами, что указывает на то, что Харити изображена в своей ипостаси Защитницы.

Конь на переднем плане символизирует двадцать восемь полководцев-якшей, которые упоминаются вместе с Харити и ее сыновьями в «Суварне» (*Suv.* 85.4). «Лалитавистара» (202.9–12) упоминает двадцать восемь полководцев под предводительством Панчики и пятисот сыновей Харити (*aṣṭāvīmśati-mahāyakṣasenāpatayaḥ Pāñcika-yakṣasenāpati-pūrvangamāni ca pañca-hārītīputra-śatāni*). Панчика, как вы помните, является мужем Харити. Сама Харити предстает одним из двадцати восьми полководцев в свите тысячерукого Авалокитешвары в дхарани и обряде, переведенных на китайский язык Амогхаваджрой (705–774). Впервые эта дхарани была переведена Бхагаваддхармой между 650–661 годом в Хотане, где образ двадцати восьми полководцев очень популярен. Статую Харити в ипостаси одного из двадцати восьми полководцев (*nijūhachibu-shu*) можно видеть в известных японских монастырях *Sanjusagendo*, *Kiyomizudera*, *Ninnaji* и др. В скульптуре Гандхары часто встречается изображение Харити на престоле вместе с Панчикой, представленным в образе воина с копьем, окруженных множеством детей (Гетти 1928:87).

Правая стопа Вайшраваны покоится на красном демоне (Лессинг 1942:41). Этот демон, лежащий в основании скульптуры, соотносится с «краснолицыми», то есть тибетцами. В пророчестве Хотана [10, 1.78] говорится о часто вспыхивающей в Хотане вражде, разжигаемой краснолицыми. «Вималапрабха» сообщает о восстановлении ступы и монастырей, сожженных краснолицыми [там же, 202, 203, 233].

«*Suvaṇa-prabhāsa*» — одна из трех сутр, оберегающих японское государство, две другие имеют названия «*Sanḍharma-pundarīka-sūtra*» и «*Kāruṇikarāja-sūtra*». Были найдены несколько фрагментов

«Суварны» на хотанском языке, что свидетельствует о большой популярности этого памятника. Защита государства играет важную роль в этой сутре. Монах, изображенный на фреске рядом с Шакьямуни и держащий в левой руке книгу, это Ананда с «Суварной». Сутра начинается с главы «*Nidāna-parivarta*», которая рассказывает о том, что Татхагата пребывал на Горе Гридхракута в состоянии *dharmadhātu* – на трансцендентальном плане Просветленного Существа. В его окружении, помимо других существ, было пять великих богинь: Куладевата, Сарасвати, Шри, Дриджа, Харити. Далее Ананда вопрошает Благословенного: «Каким будет их введение в дхарму (*dharma-vinaya*)». И тогда Благословенный провозгласил «Суварну», являющую собой выражение трансцендентального самадхи (*samādhi-dharma-sāra*). Таким образом, Ананда является главным собеседником в «Суварне», и именно поэтому на фреске он держит в руке книгу. Он был двоюродным братом Будды и одним из самых близких учеников, равно как и его постоянным спутником. Его изложение сутр послужило основанием для кодификации «Сутрапитаки» в первом Каноне. В канонических текстах он превозносится за свою преданность Будде. На фреске он сидит по правую руку от Будды, ввиду своего особого положения. Правая рука Ананды сложена в джняна-мудре. Джняна-мудра-самадхи встречается в «Лotosовой Сутре» (353.1). Пояснения даются в «*Susiddhi-kalpa-mudrā*»

(яп. «*Soshiji-giki-kei-in*»), манускрипте периода Тан, датированном 864 годом, который был принесен Шуи (*Shuei*) из Китая и сейчас хранится в монастыре Тоджи (*Toji*) в Киото. (См. пространное введение к «*Chi-in 'jnāna-mudrā'*» (*Hobogirin* 4.303–306) Жака Мая, где цитируются отрывки из нескольких сутр, посвященных этой мудре).

Хотанские анналы указывают на то, что Будда назначил покровителей в различные земли, включая Хотан («Тибетские литер. тексты»). Пророчество Хотана говорит, что он назначил покровителями Хотана Вайшравану, Самджная, махаякши-сенапати, Вималапрабху, дочь Аджаташатру и ее брата Кумару Ваджрасену, Деваканью Сустхирамати, Деви Харити и др. [4, с. 9; 10, 1.97]. Они поклялись в присутствии Будды охранять Хотан.

В «*Vimalaprabhā-paripṛcchā*» сказано, что Вайшравана, Харити и другие покровители дают слово, что выступят в этом качестве, когда Деви Вималапрабха родится в Хотане, так как «Лотосовая Сутра» и Хотанское царство были отданы Буддой под их покровительство [10, 1.189–190]. Когда Хотану угрожали воинства краснолицых, Вайшравана, Деви Харити и ее сын обратились с просьбой к Будде помочь Хотану. Тогда Благословенный ниспослал Вималапрабхе и Ваджрасене дхарани «Конское стойло», посредством которой враги будут рассеяны, а Ваджрасена обретет царскую власть [10, с. 213]. Татхагата Ваджрадхаджа (другое имя – Ваджракету) передал дхарани Кумару Ваджрасене, Вайшраване, Махешваре, Самджная, Харити и ее сыну, с тем чтобы враги не смогли причинить вред [там же, с. 253]. «*Vimalaprabhā-paripṛccha*» сообщает, что Ваджрапани излагает сутру Вайшраване, Харити, ее ребенку и др. для того, чтобы Хотан был спасен силой его веры.

Над головой поверженного Вайшраваной демона сидит бодхисаттва. Это Ручиракету бодхисаттва махасаттва [9, 6.4], находившийся в Раджагархе во время передачи «Суварны» и получивший благословение предшествующих будд.

Как сказано в «Суварне» [9, 8.2.], Вайшравана является Локапалой Севера, а Дундубхисвара – Буддой Севера. В третьей главе «Суварны» говорится о том, что Ручиракету бодхисаттве было видение, в котором человек, похожий на брахмана, бил в золотой барабан. В звуках барабана он услышал десана-гатху (*deśanā-gatha*), восхваляющую Будду и дарующую избавление от страданий, бедствий

и других несчастий. Сюань Цзан излагает легенду о барабане сановника, которого поглотили воды, и вскоре после этого всплыла лошадь с барабаном из сандалового дерева на спине. В нем содержалось письмо от сановника, в котором он просил царя подвесить барабан в юго-восточной части города. Видимо, это местная версия легенды о золотом барабане, изложенной в «Суварне». Гатха, «переданная» барабаном, явилась ключевым посланием, и таким образом, мы видим упоминание о барабане, как в «Суварне», так и у Сюань Цзана. Ввиду того, что на фреске нет барабана, эту легенду в настоящий момент мы не принимаем во внимание.

На увеличенной фотографии с фрески отчетливо видны китайские миндалевидные глаза Харити, прическа также указывает на традиции императорского двора Китая, все это говорит о ее китайско-хотанском происхождении. Ее рука, прижатая к правой обнаженной груди, может служить намеком на «*Ku-stana*», санскритизированную форму часто встречающегося слова «*Khotamna*». В документах кхароштки, обнаруженных Стейном в местности Нийя и относящихся к III веку, действительно употребляются формы *Kustana* или *Kustanaka*, где «*ku*» означает «земля», а «*stana*» — «грудь».

Образ лилий в пруду восходит к хотанским анналам, где говорится о том, что когда Будда с учениками посетил Хотан, он окутал озеро лучами света, которые превратились в 353 сияющие лилии. Цифра 353 означала количество монастырей, которые должны были быть построены в Хотане. Лилии вокруг Харити подчеркивают благословение Владыки Будды. На ней короткое, очень необычное одеяние, стянутое спереди с помощью завязок пояса. В X веке царь Хотана, Ли Шенг-тьен (*Li-Shêng-tien*), носил одежду и прическу, аналогичные тем, что носили в Китае. Разрез глаз яхшини Харити и ее прическа свидетельствуют о поддержании дипломатических отношений с Китаем для защиты от вторжений тибетцев. Она является богиней-покровительницей Хотана и в качестве таковой изображена восхитительной «нефритовой красавицей», где нефрит означает Хотан. Ее цветущее тело — символ надежды, ее китайские глаза нацеливают на установление прочных отношений с Китаем, защитником Хотана от завоевателей. Всем своим внешним видом она указывает на необходимость стратегического сотрудничества с Китаем в деле защиты Хотана (*Budhakṣetra Khotan*), вверенного ей самим Владыкой Буддой.

Хотан имел политические связи с Китаем со времен правления императора У-ди (140–87 до н.э.). Хотан всегда искал помощи Китая в периоды иностранных вторжений. Посол Хотана прибыл ко двору императора Сянь-вэнь-ди (ок. 470 н.э.) с просьбой об оказании военной помощи в борьбе против жуань-жуаней, чья конница опустошительным набегом дошла до самых ворот столицы. С 648 года Хотан стал одним из «четырёх гарнизонов», опорных пунктов китайской мощи в Центральной Азии. Гарнизон существовал под протекторатом Аньси в Куче, и оттуда осуществлялся контроль. Китайцы не вмешивались в дела управления местных династий. Около 674 года царь Хотана лично платил феодальную повинность китайскому двору. Китайский император был признателен хотанцам за службу против тибетцев и закрепил территорию за хотанской династией Пиша (*Pi-sha*) = *Visa*, которая носила название «Правительство Пиша». После смерти основателя династии в 691 году императрица Ву-хэу поставила владетелем его сына. Тибетцы осаждали границы Китая начиная с 714 года. Китайская надпись в храме Эндере, датированная 719 годом, упоминает о жестоких набегах тибетцев на Хотан, во время которых они доходили до самых границ его главного города. Тибетская оккупация Бишбалыка в 790 году разрушила все связи империи с четырьмя гарнизонами почти на полтора столетия. Тибетское влияние пришло на смену китайскому на всем пространстве Таримского бассейна. В период тибетского господства связи между Хотаном и китайской империей были прерваны вплоть до 938 года. Народ Хотана непрестанно боролся с тибетскими племенами, особенно в местах расположения их ставок. Во время правления императора Гао-цзу к китайскому двору прибыло хотанское посольство с просьбой о помощи в борьбе против тибетской агрессии. Китайская миссия, прибывшая в Хотан в 938/940 году, была встречена с предложением о договоре. Миссия отметила, что одежда и причёска короля Хотана Ли Шенг-т'ена очень напоминали те, что носили в Китае. Король был окружен пятьюдесятью буддийскими монахами в фиолетовых одеяниях, по всей вероятности, с целью отправления обряда по обеспечению защиты и мира в Хотане.

Хотя Вайшравана находится в северном углу рядом с Харити, Стейн [8, с. 253] справедливо замечает, что на пустых пьедесталах в оставшихся углах когда-то располагались скульптуры трёх других Локапал.

Существует специальный китайско-японский термин для выражения понятия «Охрана государства» (яп. *Chingo-kokka*), которое подразумевало обеспечение защиты государства, его суверенитета и охраны народа от внутренних проблем, войн, природных катаклизмов и эпидемий посредством строительства храмов, чтения сутр и отправления особых обрядов. Буддизм объединил Закон Будды и закон государя, ибо человек царского происхождения олицетворяет собой одну из ипостасей Будды. В основе обряда по защите государства лежит глава из «Суварны» под названием «*Catur-mahārājika*», играющая ключевую роль. Шотоку Таиши, заложивший основы буддизма в Японии, построил первый буддийский храм, посвятив его четырем Махараджам, с тем чтобы обеспечить стабильность государства и оберечь буддизм. В «Суварне» четыре Махараджи говорят, что, если царь будет должным образом почитать этот текст («*Catur-mahārājika*»), то «*Мы охраним царя и его поданных. Мы сделаем все, чтобы обеспечить процветание, и развеем неудовлетворенность и печаль... Мы разгромим всех врагов царства*».

«Если в то время, когда царь слушает этот священный текст, враг из соседней страны думает о завоевании его территории с помощью четырех армий, тогда, о Благословенный, благодаря силе, уявляемой Владыкой Текстов, враждебно настроенный сосед станет сам осаждаем врагами, а на территории его страны распространятся эпидемии и приумножатся бедствия. Видя это, царь сможет подготовить свои четыре армии, чтобы двинуть их против врага и расчленить его территорию на части. Тогда мы, сопровождающие его якиши и бесчисленное воинство небесных существ, защитим его и окажем помощь; мы сделаемся невидимыми, и, благодаря нам, враг потерпит поражение, даже не приблизившись к границам, и, таким образом, вооруженное столкновение станет совершенно невозможным».

Около 800 года Праджня перевел «Дхарани, обеспечивающую защиту суверенитета страны», дающую подробное описание ритуала по защите государства. Кризис, разразившийся в Танской империи вследствие бунта Ан Лушаня (*An Lu-shan*), а также вторжения тибетцев и уйгуров, был преодолен благодаря таинству, совершенному Амогхаваджрой. Воздействие оказалось эффективным — зачинщик бунта умер в том же году. При династии Суй в различных местах империи были возведены храмы для обеспечения защиты государства. До сих пор в начале каждого года

в храмах Риндзай-Дзен совершаются ритуалы «для процветания нации и мира во всем мире». В Японии есть специальные храмы, способствующие охране государства. Первый из них, Шитенноджи (*Shitennoji*), Осака, был построен Шотоку Тайши в 593 году. В 741 году японский император Шому (*Shomu*) решил построить с помощью «*Catur-mahārājika*» из «*Suvarṇa-prabhāsa*» храмы для охраны государства во всех провинциях империи. По-японски эти храмы были названы *Konkomyo shitenno gokokuji* (более подробное изложение см. в введении к «*Chingo-kokka*» Жака Мая в «*Hobogirin*»).

Покровительница Харити, конь якшей-полководцев, Вайшравана, повергающий демона, вызывают в памяти Парфенон, воплотивший силу богини Афины. В 447 году до н.э., когда возникла угроза самому существованию Афин, Перикл решил воздвигнуть храм на Акрополе в честь национальной богини Афины. Это была политическая акция, призванная продемонстрировать мощь Афин, чьей законодательницей и покровительницей являлась богиня Афина. Статуя богини была сделана из золота и слоновой кости (в хризо-элефантинной технике), весила сорок фунтов и представляла Афину Парфенос, или Деву, в виде стоящей фигуры, облаченной в шлем, украшенный символическими изображениями. В левой руке она держит копье и щит, в то время как правой она несет «Победу» своему народу. На фризе Парфенона было изображено шествие во время праздника Панафиной в честь Покровительницы: это был союз народа Афин и его бессмертных богов. На фасаде нашла свое отражение тема победы.

Пещерный храм ДII из Дандан-Ойлыка, с его утонченной настенной росписью, изображающей Харити, а также статуей Вайшраваны, являлся храмом четырех Локапал (Катур-махарадж — *Catur-mahārājica*), воплощающим идеи «*Suvarṇa-prabhāsa*» и предназначенным для отправления ритуала по защите Хотанского царства.

Принц и государственный деятель Шотоку Тайши (573–621) построил *Shitennoji* в честь Катур-махарадж, Покровителей Дхармы и японского государства. Они изображены облаченными в доспехи, с вооружением в руках, их головы увенчаны коронами, глаза их пылают гневом.

Литература

1. *Banerjee P.* New Light on Central Asian Art and Iconography. New Delhy: Abha Prakashan, 1992.
2. *Coomaraswamy Ananda K.* History of Indian and Indonesian Art. London: Edward Goldston, 1927.
3. *Coomaraswamy Ananda K.* Yaksas: Essays in the Water Cosmology. New edition by Paul Schroeder. New Delhy: IGNCА, Oxford University Press, 1993.
4. *Emmerick R.E.* Tibetan Texts Concerning Khotan. London: Oxford University Press, 1967.
5. *Malalasekera G.P.* Dictionary of Pali Proper Names. London: Pali Text Society, 1937.
6. *Heri Noel.* Hariti, La Mere-de-Démons // BEFEO. 1917. 17/3.
7. *Rhys Davids T.W. & Stede William.* The Pali Text Society's Pali-English Dictionary. Chipstead, Surrey: Pali Text Society, 1921.
8. *Stein Aurel M.* Ancient Khotan. Oxford: Clarendon Press, 1907.
9. *Nobel Johannes (ed.).* Suvarnabhasottamasutra. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1937.
10. *Thomas F.W.* Tibetan Literary Texts and Documents concerning Chinese Turkestan. Part I. London: The Royal Asiatic Society, 1935.

С.Г.КЛЯШТОРНЫЙ,

*доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский филиал ИВ РАН,
Санкт-Петербург*

ЮЭЧЖИ И ГУННЫ

В своих изданных и еще не опубликованных работах Ю.Н.Рерих не раз возвращался к одной из самых трудных и острых проблем древней истории Центральной Азии — так называемой «тохарской (юэчжийской)» проблеме или, иными словами, проблеме древнего индоевропейского наследия в глубинах Азиатского материка.

Юэчжи (юечжи), могущественный племенной союз центральноазиатских кочевников, известен под этим именем только из китайских источников, описывающих события, происходившие в степи, по периметру северокитайских государств, в III—II вв. до н.э. Но к этому времени юэчжи уже были давними обитателями Внутренней Азии — *«данные об юечжах, усунях и сэ (саках) свидетельствуют о том, что эти племена продвинулись далеко на восток (юечжи до провинции Ганьсу) задолго до III в. до н.э., скорее всего, не позже VII—VI вв. до н.э.»* [3, с. 80].

Хотя Сыма Цянь располагает коренную территорию юэчжей в конце III в. до н.э. «между Дуньхуаном и Циляншанем», т. е. севернее Наньшаня, в юго-западной части провинции Ганьсу, более широкий анализ источников позволил Кадзуо Еноки утверждать, что здесь находились лишь основные центры юэчжей, привязанные к древней трансасиатской торговой трассе. Реальная власть юэчжийских вождей и расселение их племен распространялись тогда на большую часть Монголии, Джунгарии, Тянь-Шань, где они соседствовали с усунями, а также на Таримский бассейн и верховья Хуанхэ.

Глухие и неясные сведения о юэчжах и их стране появились в Китае еще в доханьской литературно-историографической традиции. В несколько иной иероглифической транскрипции (*юйши, юйчжи*) этноним упоминается уже в трактате «Гуаньцзы» (V—IV вв. до н.э.) как название народа и страны, где в горах добывают нефрит.

Позднее китайские комментаторы текста объясняют, что «*юйши есть название северо-западных варваров*» [22, с. 316]. Страна Юйчжи упоминается в другом древнекитайском трактате — «Повествование о Сыне Неба Му». Трактат, записанный на бамбуковых дощечках, был найден в 279 г. до н.э. в разграбленной княжеской могиле вместе с летописью «Бамбуковые анналы», доведенной до 299 г. до н.э. [6, с. 354–363]. Страна Юйчжи, согласно той реалистической части маршрута путешествия Сына Неба Му, которая в точности соответствует маршруту похода чжаоского государя Улинь-вана (правил в 325–299 г. до н.э.), находилась в пяти днях его пути к западу от нынешнего горного прохода Яньмэньгуань, на севере Шаньси, восточнее излучины Хуанхэ. Упоминается она в связи с «Нефритовой горой». Китайские транскрипции *юйши*, *юйчжи* и *юэчжи* адекватно передают одну и ту же исходную форму этнонима [24].

Другой аспект юэчжийской проблемы — этнолингвистическая идентичность носителей этого имени. Столь крупные исследователи древней Внутренней Азии, как Намио Эгами и Кадзуо Еноки, вслед за Г.Хэлоуном, решительно связывают юэчжей со скифосакской этнокультурной общностью [22, с. 316; 18, с. 227–232]. Не менее распространена и другая позиция, согласно которой юэчжи являются тем самым народом, который в античных и индийских источниках именуется *тохарами*. Такая идентификация серьезно подкреплена текстами середины и второй половины I тысячелетия н.э., обнаруженными в Восточном Туркестане, и связывает юэчжей с тохарами Таримского бассейна, говорившими и писавшими на диалектах архаичного индоевропейского языка (тохарский А и тохарский Б) [4, 1967, с. 106–118]. Опыт реконструкции этапов продвижения тохаров на восток и возможных тохаро-китайских языковых связей, предложенный Э.Пуллблэнком, основательно подкрепляет гипотезу о тождестве юэчжей с тохарами [19, с. 9–39; 20, 154–160].

Более определенное суждение об этнолингвистической принадлежности юэчжей, казалось бы, возможно получить в результате анализа тех языковых материалов, которые представлены памятниками среднеазиатских потомков юэчжей, создателей Кушанской империи. Благодаря эпиграфическим и нумизматическим находкам выяснилось, что кроме греческого и санскрита в кушанской официальной языковой практике использовался иранский язык, несомненно связанный с территорией древней

Бактрии и получивший название *«бактрийского»* [9, с. 312–313]. Какой же язык принесли в Бактрию предки кушан, юэчжи-тохары? По мнению В.А.Лившица, речь может идти только о *«сакском диалекте кушан»* [8, с. 48], прямо связанном с хотано-сакскими диалектами Восточного Туркестана. Сакский язык кушан, подобно языку парнов в Парфии, исчез в результате ассимиляции пришельцев местной иранской средой [там же]. Напротив, В.В.Иванов не исключает тохарской принадлежности первоначального языка тохар-кушан, имея в виду тохарский диалект Кучи [5, с. 19–20].

Вместе с тем именно В.В.Иванов сформулировал гипотезу об этнической неоднородности юэчжийского племенного союза, в который *«на определенном этапе наряду с тохарами входили и восточно-иранские племена»* [5, с. 17]. Учитывая, что во II в. до н.э. отнюдь не все юэчжи покинули Внутреннюю Азию (согласно китайским источникам, в Ганьсу и Восточном Туркестане остались «малые юэчжи»), В.В.Иванов допускает *«факт откочевки на запад, в Среднюю Азию, именно восточно-иранского компонента этого (юэчжийского. — С.К.) племенного объединения, пользовавшегося, наряду с другими, также этнонимом тохар»* [5, с. 17].

Тезис об этнополитической неоднородности юэчжийского племенного союза получил неожиданное подтверждение в результате петроглифических находок в Юго-Западной Монголии, где на скалах ущелья Цагангол (Гобиалтайский аймак), среди наскальных рисунков, помещался комплекс тамговых знаков [2, с. 69–73]. Б.И.Вайнберг исследовала возможные связи цагангольских тамг и показала их единство по начертанию и происхождению с весьма специфической группой тамг Средней Азии и Причерноморья — с тамгами на монетах царей Хорезма, Согда и Бухары, а также с сарматскими тамгами [там же]. Еще ранее ею было установлено, что родственные династии Согда, Бухары и Хорезма II–I вв. до н.э. вышли из среды кочевых племен, принимавших участие в разгроме Греко-Бактрии, но вместе с тем они никак не были связаны с кушанской династией [1, с. 146–154]. Б.И.Вайнберг именует их «юэчжами дома Чжаову». Именно с этим «домом», согласно китайским источникам, связаны все правящие «дома», созданные юэчжами к северу от Бактрии.

Очевидно, что та ветвь юэчжийских племен, тамги которой зафиксированы в Гобийском Алтае, а позднее — в Согде, Бухаре и Хорезме, не была идентична южной кушанской группе юэчжей.

По своим генетическим связям северные юэчжи тяготели к сарматским племенам Казахстана и Приуралья, аналогичные цагангольским тамги которых зафиксированы для III—I вв. до н.э. (о сарматских связях юэчжей см. также: [10, с. 194–195]). Цагангольский комплекс тамг свидетельствует о расселении в Юго-Западной Монголии, по крайней мере в пределах Монгольского и Гобийского Алтая, «*во второй половине I тыс. до н.э. группы иранских племен*» [2, с. 71]. Тем самым именно цагангольские тамги надежно подтверждают гипотезу о юэчжийской принадлежности «пазырыкцев», выдвинутую С.И.Руденко, и, более того, об их сарматских (восточноиранских) связях.

Этнополитическое разделение юэчжийских племен и их «владельческих домов» во II—I вв. до н.э. на северную и южную группы отражает распад, после тяжелых военных поражений конца III в. до н.э., юэчжийского (тохарского) многоплеменного объединения, создавшего до того во Внутренней Монголии архаичную кочевническую империю, во главе которой стоял единый правитель и которая располагала войском до ста тысяч конных воинов [23, с. 119–120]. Об этом периоде юэчжийской истории Сыма Цянь пишет: «*В прежние времена (юэчжи) были могущественны и с презрением относились к сюнну*» (цит. по пер.: [7, с. 237]).

Более того, гунны (хунны, сюнну) находились в политической зависимости от юэчжей, понуждавших их посылать сыновей шаньюя заложниками ко двору правителя юэчжей. Последним таким заложником был Маодунь, который, став шаньюем, нанес юэчжам первое военное поражение и вторгся на их коренные земли в Восточном Туркестане. Но лишь через несколько десятилетий наследник Маодуня, «*сюннуский шаньюй Лаошан убил правителя юэчжей и сделал из его головы чашу для питья*» [7, с. 237]. После 165 г. до н.э. начался великий исход большей части юэчжей на запад.

Таким образом, и прямо и косвенно китайская историография свидетельствует о долгой истории гунно-юэчжийских войн, о двух периодах в истории гунно-юэчжийских отношений. До конца III в. до н.э. юэчжи имели явное военно-политическое превосходство над гуннами («с презрением относились к сюнну»), которого они лишились на рубеже III–II вв. до н.э. [25].

Когда и где стали возможными первые контакты между юэчжами и гуннами? Сыма Цянь упоминает сюнну в связи с их набегами на царство Чжао (403–222 до н.э.). Царство Чжао занимало

южную часть провинции Хэбэй, восточную часть провинции Шаньси и земли к северу от Хуанхэ до Хэнани [14, с. 124]. Под контролем Чжао находились земли севернее Ордоса, столь ценные кочевниками монгольских степей. Для противодействия им было создано несколько военных округов. Главным противником Чжао на севере и стали гунны. В середине III в. до н.э. командовал этими округами самый опытный полководец Чжао — Ли Му. В течение многих лет он противостоял гуннам и даже нанес тяжелое поражение самому шаньюю. Лишь в 244 г. до н.э. он был отозван с границы [13, с. 259–260].

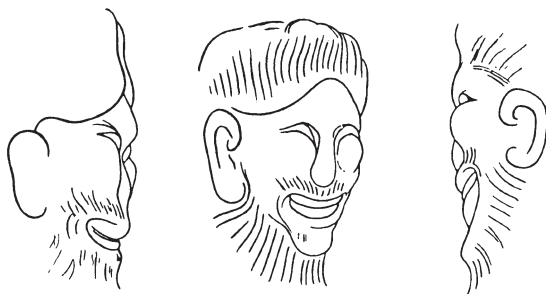
Много раньше на территории Внутренней Монголии, близкой к Ордосу, появились юэчжи, что засвидетельствовано и археологически. Как показала Эмма Банкер, только с юэчжами можно соотнести многочисленные находки во Внутренней Монголии блях с изображенными на них сценами борьбы мифических хищников, вполне пазырыкского облика, хорошо датируемых IV в. до н.э. [16, с. 99–116; 17, с. 41–74]. Юэчжи вели активную военную политику не только на западе от Алтая, о чем свидетельствуют некоторые «трофеи» пазырыкских вождей, но и на далеком востоке Великой Степи. Здесь они встретились с очень несхожими по внешнему облику племенами.

Были ли гунны монголоидами? Антропологически подтверждаемая материалами из гуннских погребений Монголии, эта монголоидность принималась с той оговоркой, что *«ни изображений, ни описаний наружности гуннов и дунху мы не имеем»* [11–12, с. 177]. В отношении гуннов эта оговорка, однако, не вполне корректна. Имеется вполне убедительный иконографический материал, позволяющий найти изобразительный контекст ликам на подвесках пазырыкской узды.

В 121 г. до н.э. император У-ди назначил прославленного воина Хо Цюйбина «военачальником сильной конницы», которая должна была подавить гуннов на их же территории. Действия Хо Цюйбина были столь успешны, что, несмотря на свою скорую кончину (117 г. до н.э.), он сумел нанести гуннам невосполнимые потери. Особенно прославила его победа над гуннами у гор Цилян, на земле «малых юэчжи». Над могилой Хо Цюйбина *«был насыпан холм, по форме напоминающий гору Цилян»* [14, с. 94]. А на мраморе гробницы были вырезаны барельефом несколько групп его противников и сцены триумфа. В 1936 г. венгерский антрополог Золтан Такач посетил погребальный комплекс Хо Цюйбина и снял эстампажные копии той группы, которая носила

*Модели человеческих голов
на пазырыкской узде (по С.И. Руденко);*

*Изображения гуннов из погребального комплекса Хо Цюйбина
(прорисовка и эстампаж по З. Такачу).*

название «Кони топчут сюнну». В 1938 г. эстампажи и прорисовки были опубликованы Такачем в Пекине [21, с. 275–277], но великолепный иконографический материал остался вне внимания исследователей. Между тем результаты работ Такача имеют эталонное значение, и мы пользуемся случаем использовать его рисунки именно в этой функции.

Иконографические изображения гуннов из гробницы Хо Цюйбина наиболее близки к загадочным ликам на пазырыкской узде [см. 11–12] – те же признаки монголоидности: выдающиеся скулы, низкий лоб, толстые губы, короткий приплюснутый нос, борода и торчащие вверх прямые жесткие волосы. Таким образом, имеются все основания утверждать, что позолоченные головы на пазырыкской узде, украшавшие парадный убор коня одного из юэчжийских вождей, – это головы убитых им воинов-гуннов, из черепов которых были сделаны золоченые чаши, свидетельство жестоких гунно-юэчжийских войн IV–III вв. до н.э. В ходе этих войн, надолго задержавших западную экспансию гуннов, юэчжи создали во Внутренней Азии свою кочевническую империю и, по оценке Сыма Цяня, «достигли расцвета». Свидетельством гегемонии юэчжей в Великой Степи, когда юэчжийские князья, похороненные на Алтае, сражались далеко на востоке ради власти «над народами, натягивающими лук» [14, с. 43], и стала пазырыкская узда. Прошло менее двух веков, и на Алтае утвердились новые владыки Великой Степи, сделавшие золоченые чаши из черепов вождей своих прежних сюзеренов – юэчжей.

Литература и примечания

1. *Вайнберг Б.И.* Некоторые вопросы истории Тохаристана в V–V вв. // Буддийский культовый центр в Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972.
2. *Вайнберг Б.И., Новгородцева Э.А.* Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
3. *Грантовский Э.А.* О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975.
4. *Иванов В.В.* Языковые данные о происхождении Кушанской династии и тохарская проблема // НАА. № 3.
5. *Иванов В.В.* Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.
6. *Кравцова М.Е.* «Жизнеописание Сына Неба Му». Вопросы и проблемы // ПВ. 1992. Вып. 2.
7. *Крюков М.В.* Туркестан в III в. о н.э. – VI в. н.э. // Восточный Туркестан

- в древности и раннем средневековье. М., 1988.
8. *Лившиц В.А.* К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.
 9. *Лившиц В.А.* Кушаны: письменность и язык // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I. М., 1974.
 10. *Мандельштам А.М.* Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I.
 11. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. – Л., 1953.
 12. *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. – Л., 1960.
 13. *Сыма Цянь.* Исторические записки. Т. VII. / Перевод с китайского Р.В.Вяткина. М., 1996.
 14. *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. М., 1968. Вып. 1.
 15. *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. М., 1973. Вып. 2.
 16. *Bunker E.* Significant changes in iconography and technology among ancient China's north-western pastoral neighbours (IV–I B. C.) // Bulletin of the Asia Institute. Vol. 6 (1992) Bloomfield Hills.
 17. *Bunker E.C.* Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York, 1997.
 18. *Enoki K.* The Jueh-chie-Scythians identity. A hypothesis // International Symposium on history of Eastern and Western Cultural contacts. Tokyo, 1959.
 19. *Pulleyblank E.G.* Chinese and Indo-Europeans // Journal of the Royal Asiatic Society, 1966.
 20. *Pulleyblank E.G.* The Wusun and Saka and the Jueh-chie migration // Bulletin of the School of Oriental Studies. 1970. Vol. 33.
 21. *Takacs Z., de.* On the Hsiung-nu figure at the tomb of Huo Ch'u-ping // Monumenta Serica, t. III, fasc. 1. Peiping, 1938.
 22. *Haloun G.* Zur Uetsi Frage // ZDMG. 1937. Bd. 91.
 23. *Hulsewe A.F.P.* China in Central Asia. Reiden, 1979.
 24. Консультация С.Е.Яхонтова, которому автор обязан подробным комментарием приводимых сведений.
 25. О возможном происхождении и истоках культуры сюнну см. работы С.С.Миняева.

И.Б.МОЛДОБАЕВ,

*доктор исторических наук,
НАН Кыргызской Республики,
Бишкек*

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ЭПОСОВ «ГЕСЭР» И «МАНАС» В СВЕТЕ ТРУДОВ Ю.Н.РЕРИХА

Ю.Н.Рерих был выдающимся востоковедом. Знание более десяти восточных языков позволило ему более глубоко, чем многие предшествующие ученые, раскрыть духовный мир центральноазиатских племен и народов. Как и его отец, Юрий Рерих высоко ценил местных информаторов — знатоков быта, обычаев, истории и культуры своего народа. Так, про одного такого человека он писал: *«Мы не без удовольствия провели вечер с человеком, великолепно знавшим племена разных районов Центральной Азии»* [1, с. 79].

Как известно, из всех членов семьи Рерихов одному лишь Юрию Николаевичу суждено было возвратиться в 1957 году на Родину и украсить собой школу советского востоковедения. Такие его работы, как «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета», «Голубые анналы», «Монголо-тибетские отношения», «Лахульский диалект тибетского языка», «Учебник разговорного тибетского языка», «Говор Амдо», «Сказание о царе Кэсаре Лингском», «Основные проблемы тибетского языковедения», «Тибетский язык», а также многотомный тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями (издан посмертно), входят в золотой фонд мировой ориенталистики.

В научном наследии Ю.Н.Рериха важное место занимает исследование эпического наследия народов Центральной Азии. Во время своих путешествий по этому региону он внимательно прислушивался к многочисленным местным легендам и сказаниям, передававшимся из поколения в поколение. Особое место он отводил героическому эпосу «Гесэр» — самобытному творению центральноазиатских кочевников. Как известно, Гесэр — персонаж мифологии тибето-бирманских, монгольских и ряда тюркских народов (салары, желтые уйгуры, тувинцы, алтайцы).

В своих работах «Сказание о царе Кэсаре Лингском», «Кочевые племена Тибета», «По тропам Срединной Азии» и др. ученый попытался дать полную характеристику эпосу «Гесэр». В связи с этим представляется возможность сравнительного изучения эпоса «Гесэр» с другими сказаниями центральноазиатских народов, в частности с известным кыргызским героическим эпосом «Манас». Говоря о тибетских сказителях, Ю.Н.Рерих отмечал, что они знают эпос наизусть «и часто поют в состоянии своеобразного транс». Такими были и кыргызские сказители – манасчи – в еще недалеком прошлом. В настоящее время таких сказителей как в Кыргызстане, так и в Тибете почти не осталось. В этом мы имели случай убедиться, побывав в некоторых районах Тибета осенью 2001 года. Встречающиеся изредка сказители рассказывают сегодня «Гесэра» по книжкам.

Вероятно, исследователей эпоса «Гесэр» в мировом масштабе гораздо больше, чем исследователей кыргызского героического эпоса «Манас». По этой причине я предлагаю здесь краткие сведения об эпосе «Манас» и его источниковедческих возможностях.

Фольклор кыргызского народа имеет многовековую историю формирования и развития. В определенной степени это подтверждается показаниями арабского автора Тахира аль-Марвази, который в начале XII в. отмечал, что кыргызские правители имеют певцов, развлекающих их своими песнями и сказаниями в сопровождении струнного инструмента [2, с. 8]. Вероятно, это были первые кыргызские акыны-импровизаторы. Другой письменный источник, где уже более четко говорится о кыргызском фольклоре – это таджикоязычное сочинение начала XVI в. «Маждму ат таварих» («Собрание истории»). В нем, наряду с другими событиями, отражены эпизоды из эпоса «Манас» в прозаической передаче [3].

Фольклор кыргызского народа – многожанровый, и героический эпос «Манас» является его вершиной. В нем в художественной форме отражена многовековая борьба кыргызского народа за свою независимость и свободу. Следует уточнить, что в случае с «Манасом» принято различать два понятия эпоса. В узком смысле это собственно сам эпос «Манас». В широком значении под эпосом «Манас» подразумевается трилогия, которую составляют «Манас», «Семетей» и «Сейтек». Эпос «Манас» состоит из нескольких сотен тысяч стихотворных строк и по своему объему

превосходит все известные эпические произведения мирового фольклора, что и составляет одну из его отличительных особенностей. Необходимо также отметить, что постепенное развитие эпоса привело его к генеалогической циклизации. Появились не только три самостоятельные сказания: «Манас», «Семетей» и «Сейтек», но и их продолжения. Продолжением «Сейтека» являются поэмы о сыне Сейтека, Кенене, и внуках Алымсарыке и Кулансарыке.

Краткое содержание собственно эпоса «Манас» по варианту Сагымбая Орозбакова (наиболее полного из известных нам версий «Манаса») сводится к следующему. У Когой-хана были сыновья: Ногой, Шыгай, Чыйыр. От Ногоя рождаются четыре сына: Орозду, Усен, Бай, Жакып. После смерти Ногоя враги кыргызов кытай (вероятно, имеются в виду кара-кытай. — *И.М.*) разорили кыргызов и всем сыновьям его пришлось разъехаться в разные стороны. Самый младший, Жакып, вынужден был поселиться на Алтае, где он очень разбогател. Однако проходили годы, а Жакып оставался бездетным, ибо его первой женой была Шакан, вдова его дяди Чыйыра, которую в честь ее первого мужа звали Чыйырды. И вот однажды Жакып видит чудесный сон, который приближенные истолковывают таким образом, что он будет иметь сына от Чыйырды. Вскоре после этого рождается Манас, который при появлении на свет в одной руке держал сгусток крови. Манас растет очень бойким и отважным мальчиком, еще в детстве он направляется со всеми посланными отрядами врагов.

Когда Манасу исполняется пятнадцать лет, его избирают ханом. Он организует отпор кара-кытаям и калмакам, побеждает их предводителя Жолюя. Во время своего первого выступления, когда ему помогает мудрый Кошой, он подчиняет земли Шестиградья и возвращается из этого похода с женой Карборк, дочерью Кайып-хана. Второе выступление Манаса было предпринято в сторону Средней Азии. Кыргызы перекочевывают из Алтая в Талас. Затем он воюет с афганским ханом Шооруком, дочь которого, Акылай, становится второй женой Манаса. К Манасу переходит инородец Алмамбет, который, убив своего отца, сначала находился у казахского хана Кокче. Впоследствии Алмамбет стал побратимом и одним из выдающихся полководцев Манаса. От первых двух жен у Манаса не было детей, и после долгих поисков Жакыпом невестки его сын Манас женится на красавице Каныкей. Затем следуют походы Манаса

на север и запад, войны с афганским ханом Тюлкю и Айган-ханом. Против Манаса устраивается заговор Кезкаманов, который в конечном счете не удался.

В эпизоде «Заговор семи ханов» рассказывается о том, что когда Манас принимает участие в поминках по Кокетею, правителю Ташкента, близкому ему человеку, происходит ссора сторонников Манаса как с противниками, так и со своими родоначальниками племен. После этого Манас предпринимает Великий поход («Чоь казат») на Бээжин и возвращается с победой. На старости лет у бездетного Манаса рождается сын, которого нарекли Семетеем. После этого Манас посещает Мекку. В это время предводитель кытаев Конурбай, собрав несметное войско, нападает на кыргызов и побеждает их. В этом бою погибают все военачальники Манаса: Чубак, Сыргак, Алмамбет и другие. Сам Манас смертельно раненным прибывает в Талас, где и умирает.

Во второй и третьей частях трилогии – в «Семетее» и «Сейтеке» повествуется о подвигах сына Манаса Семетея и внука Сейтека.

Сказители – манасчи, исполнявшие «Манас», свои сказительские дарования связывали с обязательными сновидениями. Первым легендарным сказителем эпоса являлся Ырамандын-ырчы уул, фигурировавший и как один из персонажей «Манаса». В то же время в эпосе «Манас» упоминается и другой легендарный сказитель по имени Жайсан, который только убранство юрты пел полдня. Существует предположение, что начальные строки эпоса сложены именно этим сказителем. Но удивительно другое. Дело в том, что женщина по имени Бюбю Мариям Муса кызы из Кыргызстана утверждает, что Жайсан вслед за лучом падающих в полночь с неба звезд спускается в определенном месте и рассказывает на каком-то языке ей эпизоды из эпоса «Манас». Таким образом, по ее записи издано семь книг [4]. Во второй книге даже приводится биография Жайсана и указывается, что он родился в 682 году и якобы был отравлен другим сказителем, Ырамандын-ырчы уулу [5, с. 1]. В кыргызском обществе XVIII–XIX вв. известны уже целые группы и разные сказительские школы. Наиболее прославленные из мастеров художественного слова этого времени: Нооруз (XVIII в.), Келдибек Карыбоз уулу (1800–1880), Балык (Бекмурат Кумар уулу, родился предположительно в 1793 г.), Тыныбек Жапий уулу (1845–1902), Чоюке-Омур уулу (1880–1925) и др. Из тех, кто увидел новое время, можно назвать

имена таких выдающихся манасчи, как Сагымбай Орозбаков (1867–1930), Саякбай Каралаев (1894–1971) и др. Отметим, что С.Каралаев наизусть знал свыше полумиллиона поэтических строк «Манаса».

Впервые научную запись отдельного крупного эпизода «Манаса» сделал в 1856 г. Ч.Валиханов. В 1862 г. и в 1869 г. полное содержание эпоса, лишь в очень кратком и отрывочном изложении, зафиксировано В.В.Радловым, который впервые в мире опубликовал этот текст в 1885 г. на кыргызском и немецком языках. В 1909 г. очень маленький отрывок сумел записать венгерский ориенталист Г.Алмаши. С 1920-х годов стали записываться полные варианты эпоса из уст С.Орозбакова и С.Каралаева. К настоящему времени в Рукописных фондах отдела рукописей и публикаций НАН Кыргызской Республики хранятся свыше 60 как полных, так и неполных вариантов записей «Манаса». Первые образцы исследования эпоса оставили вышеуказанные ученые Ч.Валиханов и В.Радлов, а также первый кыргызский этнограф Б.Солтоноев. Библиография литературы о «Манасе», охватывающая период с 1849 по 1960 г., включает 695 названий. Однако большинство этих работ газетно-журнальные и носят не научный характер. К названной цифре добавилась литература, написанная после 1960 г.

На протяжении многих веков эпос «Манас» играл огромную роль в культурной жизни кыргызов, был своеобразной устной летописью народа. В этом плане он не потерял своей актуальности и в наше время. Имеются театральные постановки по эпосу. Появились географические объекты, получившие название по именам персонажей «Манаса». Проводятся конкурсы манасчи. Лучшие варианты эпоса издаются массовыми тиражами, хотя в полном объеме он до сих пор еще не опубликован. Однако для нас он важен еще и тем, что содержит комплекс самой разнообразной информации. Здесь можно найти сведения по истории, этнографии, философии, языку, фольклору (в нем представлены почти все жанры кыргызского фольклора), дипломатии, военному делу, музыкальной культуре, народной педагогике, традиционной медицине и т.д.

В качестве примера обратимся к историко-этнографическим сведениям эпоса. Судя по эпосу, у кыргызов имелись элементы государственного строя и письменность. Об этом говорит его социальная терминология, имеющая классовый характер. В отдельных полных вариантах «Манас» содержит более 300 наименований

народов. Многие из них являются названиями тех народов и племен, которые в разные периоды дореволюционной истории имели этнокультурные связи с кыргызами. В строках эпоса нашли свое отражение названия таких народов, как шибээ (шибей), солон, кара-кытай, манжу, найман и другие, как результат действительных ранних контактов кыргызов. Широки были их торговые связи. Так, в «Манасе» упоминаются почти все маршруты Великого Шелкового пути.

В эпосе есть сведения о культуре кыргызского народа. Здесь говорится о типах жилищ, разнообразной одежде, пище, домашней утвари, конском снаряжении, упоминается множество названий тканей. Эпос может стать хорошим источником по изучению военного дела кыргызов, особенно вооружения и боевого облачения. О географических познаниях кыргызов можно судить по многочисленным упоминаемым в эпосе топонимам (свыше 500 названий), до Крыма и далее на востоке и начиная с верховьев Амура на западе. Интересны сообщения эпоса о народной медицине, особенно о своеобразной хирургии и инструментах лекарей.

Мифологическими мотивами насыщены поэтические строки «Манаса» о всяких чудовищных животных и их волшебных превращениях. Эпос отразил в своих строках сведения о языческих верованиях и о трех мировых религиях. В «Манасе» очень живописно переданы народные игры и развлечения, содержатся данные о восточных единоборствах. В эпосе мы обнаружили около 20 названий музыкальных инструментов.

Наиболее трудной задачей является определение времени сложения эпоса «Манас». Сам Манас, на мой взгляд, — образ собирательный. Наиболее вероятным нам кажется связать эпоху сложения первоначального ядра эпоса с кара-кытайским временем. Дело в том, что в X в. древние кыргызы несколько ослабли. Конечно, специфика эпического материала не дает возможности достоверно определить год сложения «Манаса». И все же я думаю, что он вполне мог сложиться под воздействием событий X в., когда начали свою агрессию кара-кытаи. А сам текст эпоса, на мой взгляд, в художественной форме и в своеобразном эпическом стиле отразил исторические события и этнографические реалии из жизни кыргызов начиная с гуннского (с III в. до н.э.) времени и до поздних наслоений начала XX в. Отдельные авторы считают самого Манаса мифическим персонажем.

Несмотря на то, что по содержанию эпос «Манас» повествует преимущественно о делах земных, а герои эпоса «Гесэр» гуляют иногда по верхнему миру, между ними есть и нечто общее. Как «Манас», так и «Гесэр» имеют большой объем. Так, Ю.Н.Рерих писал: *«В районе Западного Хора, или Нуб-Хор (район хребта Данг-ла, к северу от Нагчука), эпос очень популярен среди племен хоров, исповедующих древнюю религию бон, и я сам видел очень красивую рукопись эпоса о Кэсаре в 16 томах у одного вождя»* [6, с. 58]. И действительно, во время пребывания в местности Хорпа мы осмотрели три больших кургана, где якобы были похоронены три брата, имеющих отношение к «Гесэру». У старика, который нам рассказал эту историю, мы даже купили иллюстрированный текст «Гесэра».

Хотя Ю.Н.Рерих в своих трудах не упоминает об эпосе «Манас», небезынтересно привести следующее его мнение об эпосе «Гесэр»: *«Обширный эпос, главным героем которого является знаменитый Гесэр, собран в 16 томах. Насколько нам известно, этот эпос никогда не издавался, его рукописные экземпляры ревниво оберегаются. Для кочевников Восточного и Северного Тибета легенда о Гесэре — не просто героическое сказание. Это воплощение их мечты о лучшем будущем в образе славного прошлого. В эпосе о Гесэре отложились разные исторические эпохи, воспоминания о них служат фоном, на котором прославляется воинственный хан, некогда правивший на Северо-Востоке Тибета»* [1, с. 221]. Думается, сказанное вполне можно было бы отнести и к эпосу «Манас». Еще ждет своих исследователей сравнительное историко-этнографическое исследование тюрко-монгольского эпоса кочевых народов.

Параллели между «Манасом» и «Гесэром» мы находим и в географических названиях. В целом в кыргызском эпосе хорошо представлена топонимия Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. «Манас» также упоминает Тибет, Гималаи и другие соседние земли. Например, Ю.Н.Рерих в своем исследовании по «Гесэру» называет озеро Куку-Нор — по-кыргызски Коко-Ноор [6, с. 75]. Это же название вместе с пустыней Гоби упоминается и в эпосе «Манас». По этому поводу С.М.Абрамзон писал: *«У киргизов существуют, например, имеющие очень древнюю традицию заговоры (бадик) от укусов змей, ядовитых насекомых и т.д. В одном из заговоров против злой силы, которую несут с собой змеи и вредные насекомые, говорится: «Кекеноордун келоне кеч!... Какшаалдын челоне кеч!» (Переселяйся на озеро Куку-Нор!... Переселяйся*

в степь Какшаала). Откуда взялось название Куку-Нор среди киргизов? Какое отношение к киргизам имеет этот отдаленный притибетский район? По показаниям некоторых информаторов, а также географа А.В.Станишевского, отдельные группы киргизов еще сравнительно недавно проникали вплоть до Тибета. И теперь в горах Куэнь-Луня, на сравнительно небольшом расстоянии от Тибета, расселены мелкие киргизские группы» [7, с. 57].

Еще одно, возможно, незначительное сходство — это упоминание носорога в обоих эпосах. Ю.Н.Рерих писал: «*В монгольском тексте мы также находим тибетские название единорога (носорога) — серу...*». В «Манасе» носороги (по-кыргызски *керик*) участвуют в боевых действиях. Отсылая к своей статье об этом, отмечу лишь, что носороги в древности применялись в бою, что и запечатлел в своих строках эпос «Манас» [8, с. 20–23].

В Тибете много святых мест. Одним из таких мест является озеро Манасаровар (другое название — «Манас сары»). В Тибете берет начало река Манас. Озеро Манас, как нам рассказали местные гиды, — святое, в нем тибетцы не купались и не ловили рыбы. Точно такое же отношение наблюдалось и к озеру Иссык-Куль в Кыргызстане. Кстати, название Иссык-Куль следует переводить как «святое», а не «горячее» озеро.

Отмечая случаи сходства в эпосах «Гесэр» и «Манас», мы не можем не отметить почитание белого цвета. В «Манасе» даже боевое одеяние воина называется «ак олпок». Слово «ак» означает «белый», а вторая часть — «олпок» — маньчжурского происхождения и означает «латы».

Есть общее в обоих сказаниях и в почитании коня, и в превращениях человека в другой образ или животное.

Чрезвычайный интерес вызывает мнение Ю.Н.Рериха о том, что историческая основа эпоса о Кэсаре уводит нас в далекое прошлое великих кочевых империй Центральной Азии. Он склонен считать Кэсара вождем центральноазиатских кочевых племен, врагов Тибета. При этом он опирается на название племени другу (гругу), с которыми связано имя Кэсара. А оба эти названия, по утверждению Ю.Н.Рериха, означают тюрков. Любопытно и то, что, анализируя различные издания эпоса разными авторами, ученый обратил внимание на название страны Пар-Пурум из надписи в Хошо-Цайдаме в Северной Монголии. Он отмечает, что страна Пар-Пурум упомянута в этой надписи вместе с Тибетом и словом Киргиз [6, с. 78–79].

Если сделать экскурс в историю, то древние кыргызы действительно имели связи с Тибетом. Известно, что брат Барс-бега, кагана кыргызов начала VIII в., был послан в Тибет и не вернулся. Есть и другие примеры связей кыргызов с Тибетом. Подтверждением этому служат рунические надписи, найденные якутским ученым Г.Левиным в нашей поездке по Тибету. Пока не представляется возможным прочесть эти надписи, но, по мнению Левина, слова надписей являются кыргызскими.

Вполне возможно, что в Тибете найдутся и другие кыргызские и древнетюркские надписи, ибо, как утверждает Ю.Н.Рерих: *«Эпос о Кэсаре в его изначальном виде представлял собой типичный героический эпос, поэтическую запись о старинных войнах между тибетскими и тюркскими племенами»* [6, с. 83].

Из вышесказанного следует, что сравнительное изучение исторических основ «Гесэра» и «Манаса» позволило бы решить немало вопросов, связанных с этногенезом и этнокультурными связями кыргызов и других центральноазиатских народов с населением Тибета.

Литература

1. Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. Хабаровск, 1982.
2. Молдобаев И.Б. «Манас». Историко-культурный памятник кыргызов. Бишкек: Кыргызстан, 1995.
3. Маджму ат-таварих (Собрание историй) / Пер. М.Досболова и О.Сооронова (на кырг. яз.). Бишкек, 1996.
4. Жайсан. Книги 1–7 (на кырг. яз.). Бишкек, 1996–2002.
5. Жайсан. Книга 2. 1997.
6. Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия. Статьи. Лекции. Переводы. Самара: Агни, 1999.
7. Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
8. Молдобаев И.Б. Гипотеза о применении носорогов в боях (Эпос «Манас» о некоторых вопросах военной организации кыргызов) // Мээрим. 1998. № 1.

В.Д.ГОРЯЧЕВА,

кандидат исторических наук,
доцент Кыргызско-Российского
Славянского Университета,
Бишкек

**БУДДИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ
СЕВЕРНОГО ПРИТЯНЬШАНЬЯ
(В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИИ)**

Во многих странах, куда в свое время проник буддизм, он уступил место другим религиям, и сама имя его было забыто, но его культурное наследие сохранилось, хотя зачастую и в новом облачении...

Ю.Н.Перих

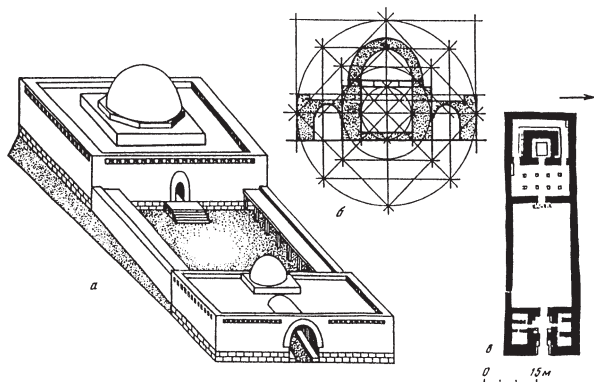
Слова эпитафии извлечены из статьи Ю.Н.Периха «Культурное единство Азии» [1, с. 20–27], в которой он провидчески (еще до значительных археологических открытий в Средней Азии и обобщающих работ о памятниках буддизма) определил то культурное единство, которое, несмотря на разнообразие народов, языков и религий, сложилось в Средней Азии в древности и раннее средневековье благодаря существованию буддизма. Именно эта религия с самого своего возникновения перешагнула национальные и политические преграды, провозглашая единство человечества, сострадание к миру и стремление к социальной справедливости и равенству.

Ю.Н.Перих проследил историю и пути распространения буддизма от Индии во все стороны горизонта. Вместе с учением и «художественные традиции Гандхары распространялись вдоль караванных путей через центральноазиатские пустыни и достигли берегов Тихого океана... Центральная Азия, районы Западного и Восточного Туркестана стали местом встречи индийских, иранских и китайских художественных воздействий, из которых выросло яркое и сильное искусство... В столетия, предшествовавшие приходу ислама (в VIII–IX вв. – в западную часть Центральной Азии, в X–XIV вв. – в восточную часть), существовал непрерывный пояс буддийских культур от берегов Аральского моря на западе до

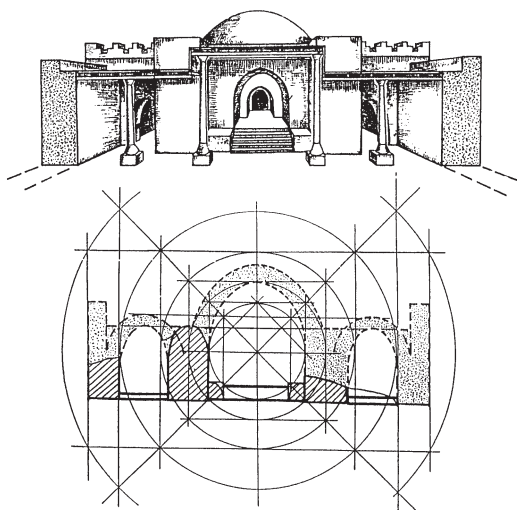
Тихого океана на востоке. Такой культурный пояс не мог не способствовать утверждению идеала культурного единства. Путь буддизма из Индии на Дальний Восток отмечен важными памятниками, подобно маякам, освещавшими прилегающие регионы...» [1, с. 21].

На этом пути распространения буддизма огромное значение имел регион Притяньшанья (или юго-западного Семиречья, в междуречье Чу – Талас – Или), где в это время находились важнейшие перекрестки Великого Шелкового пути, административно-политические центры древнетюркских каганатов со ставками в развитых согдийских поселениях-колониях на пути в Восточный Туркестан, Китай и Сибирь. В раннее средневековье Чуйская долина стала важным центром буддизма Азии, где особо выделяются археологические комплексы городищ Ак-Бешим и Краснореченское, уверенно отождествляемых ныне со столицами каганатов Ордукендом = Суябом (Ак-Бешим) и Навекатом = Синчэн китайских источников (Красная речка). Эта локализация, предложенная мною двадцать пять лет назад гипотетически (Клоусон в отношении Суяба – сорок лет назад), без каких-либо оговорок подтверждается новыми археологическими артефактами и, в частности, памятниками буддийской эпиграфики, найденными на этих городищах (об этом см. ниже).

Культурное наследие буддийских общин Семиречья (в основном в пределах границ Кыргызстана) включает в себя разнообразные памятники материальной, духовной и художественной культуры, уже не раз освещавшиеся в печати и получившие типологические характеристики в рамках центральноазиатского буддизма. Достаточно назвать вышедшие в последнее десятилетие обобщающие работы академиков Б.А.Литвинского, Б.Я.Ставиского, Э.В.Ртвеладзе, докторскую диссертацию Н.Лапьер, а также целый ряд статей по отдельным категориям (и регионам) памятников буддизма, в том числе и авторские – по Кыргызстану, которые приводятся в прилагаемой к докладу библиографии. Она также отражает и историю изучения памятников буддизма – с конца XIX в., с момента открытия в южном Прииссыккулье тибетских надписей на камнях, описанных Ф.В.Поярковым и Н.Н.Пантусовым (а затем обследованных многими учеными); археологических работ А.Н.Бернштама на городищах Ак-Бешим, Краснореченское, Ключевское и других (1939–1941 гг.); стационарных исследований буддийских храмов Ак-Бешима Л.Р.Кызласовым

*Городище Ак-Бешим. «Первый» буддийский храм.
Конец VIII – начало VIII в.
(раскопки Л.Р.Кызласова, реконструкция С.Я.Перегудовой)*

*Реконструкция сакральной части
«Первого» краснореченского буддийского храма.
Реконструкция С.Я.Перегудовой*

и Л.П.Зяблиным (1953–1956 гг.); исследований храмов на Краснореченском городище П.Н.Кожемяко (1961–1963, 1972 гг.), продолженных затем автором совместно с К.М.Байпаковым, архитектором С.Я.Перегудовой (1978–1989 гг.) и профессором К.Като (1996–1997 гг.).

Заинтересованно следил за археологическим изучением края и Ю.Н.Рерих и, в частности, сообщил сведения о тибетской буддийской эпиграфике на южном берегу Иссык-Куля А.Н.Зелинскому. Изученные Зелинским, совместно с Б.И.Кузнецовым, в ущельях Тамга и Зуука тексты на камнях отнесены ими к разному времени: 1) предположительно принадлежащие тибетцам и датированные второй половиной VIII в. в ущелье Тамга; 2) поздние калмыцкие, датируемые второй половиной XVII–XVIII вв., в ущелье Зуука. На мой взгляд, это неверное истолкование, все тексты следует относить ко времени тибетской экспансии в Кашгарии и Южном Прииссыккулье в VII–VIII вв.

Буддийскую эпиграфику многие годы изучал лингвист Ч.Жумагулов; реставрацией, описанием и определением бронзовой пластики занималась Т.В.Грек (Гос. Эрмитаж); археологическая глиняная скульптура исследовалась реставраторами Н.А.Ковалевой (ВНИИР, Москва), П.И.Костровым и Г.И.Тер-Оганьян (Гос. Эрмитаж); дешифровка китайских текстов на восточных стелах Ак-Бешима принадлежит синологам Е.И.Лубо-Лесниченко и Т.П.Супруненко.

В результате этих работ буддийское наследие Кыргызстана получило широкое звучание и международное признание. 19 сентября 2002 года было подписано трехстороннее соглашение (ЮНЕСКО, Ответственные фонды Японии по сохранению культурного наследия и государственные представители Кыргызстана по охране памятников) по пятимиллионному (в долл.) вложению в проект консервации объектов Навеката, прежде всего, остатков храма как опорного пункта на трассе Великого Шелкового пути, в развитие международного туризма и в создание музея в с. Красная речка. Проект рассчитан на четыре года (с возможным продлением сроков по консервации объектов Суяба (Ак-Бешим) и Баласагуна (Бурана). Этот акт международного сотрудничества в отношении памятников буддизма Кыргызстана в наши дни Ю.Н.Рерих, без сомнения, рассматривал бы как продолжение многовековой эстафеты по культурному взаимодействию Востока

и Запада, как утверждение идеала культурного единства — теперь уже через сохранение буддийского наследия на пути Великого Каравана Н.К.Рериха и его семьи через Срединную Азию...

* * *

По типологии буддийских памятников Согда (Чу-Таласское междуречье в VII в. составляло периферию «страны Сули» по Сюань Цзану), разработанной Натали Лапьер, семиреченские буддийские объекты монументальной архитектуры — так называемый первый буддийский храм Ак-Бешима, часть сангарамы там же и на Ключевском (современная застройка западной промзоны г. Бишкека), а также один из краснореченских храмов (все датируются в пределах VII–IX вв.) [2, с. 167–189] — относятся к структурам китайского типа, в которых двор используется в качестве фруктового сада, огорода, а монастырь при храмах выступает как независимая экономическая структура. Другие храмы (без дворового компонента) Ак-Бешима и Красной речки тяготеют к типу западной среднеазиатской храмовой архитектуры, отмечая, таким образом, два прототипа: Согда-Тохаристана и Восточного Туркестана-Китая. Настенная живопись и раскрашенная скульптура храмов также дают и гандхарский стиль, и восточнотуркестанский, хотя со временем меняется иконография и репертуар окружения Будды — от Индры и Брахмы — до бодхисаттв, дэваторов и донаторов, причем бодхисаттвы становятся предметом поклонения, как и Будда (например, колоссальная статуя Майтрейи во втором храме Ак-Бешима) [3, с. 358–359] и т.д. К подобным выводам пришла и я, что нашло отражение в ряде публикаций, однако, в какой степени гандхарские (через согдийские и тохаристанские прототипы) и дальневосточные влияния (в основе своей также индийские) проявились в искусстве семиреченских буддийских общин, определенно сказать пока нельзя. Необходимо привлечение специалистов в области художественной культуры и иконографии буддийского скульптурного наследия, довольно широко представленного в фондах Гос. исторического музея и в частных коллекциях г. Бишкека. Иллюстрирующая доклад серия буддийской художественной пластики с городищ Чуйской долины (в том числе и индуистские божества) в большей части определена Т.В.Грек как кашмирский импорт VII–X вв., однако некоторые

скульптурки можно было бы датировать и более ранним временем, к примеру «Будда коронованный» – случайная находка с Ак-Бешима, прототипом которому служит живописная иконография Аджанты и образцы сатаваханской бронзовой скульптуры Индии первых веков н.э., может быть отнесен к VI–VII вв.

Другая находка – скульптура Одиннадцатиглового Авалокитешвары (литая золоченая бронза, 12 см высотой) также представляется мне более ранней, чем известные по публикациям произведения XII–XIV вв. тибетского происхождения. Эта находка опубликована мною и дана иконография по Э.В.Ганевской [4, с. 149]. Здесь же хотелось бы привести отрывок из статьи Ю.Н.Рериха

относительно этого бога: *«...На протяжении многих эпох Авалокитешвара трудился для того, чтобы все существа вышли из колеса перевоплощений. Однако он увидел, что страдания в мире не уменьшаются, и это потрясло его так, что его голова раскололась на тысячу кусков. Дхьяни-будда Амитабха собрал эти куски воедино, сделав из них десять голов, а сверху добавил собственную, посоветовав при этом бодхисаттве избрать другой путь для достижения благой цели. И тогда возникла гневная ипостась Авалокитешвары – Махакала, борющийся против негативных сил состраданием и разрушающий препятствия на праведном пути. Голова Махакалы венчает девять милостивых ликом Авалокитешвары.*

Эта классическая форма Авалокитешвары соответствует садхане (описанию образа и медитативной практики божества), созданной Бхикишуни Шримати, сестрой царя Индии Индрабхути II, жившего около тысячи лет назад. Шримати была очень красива, но заболела чумой. Ее брат, благочестивый буддист, советовал ей медитировать на Авалокитешваре, и в итоге бодхисаттва явился к ней в одиннадцатиглавой форме. Она излечилась от чумы и стала монахиней. И хотя в тогдашней Индии не было принято, чтобы женщины путешествовали, она поехала по горам, обучая садхане Экадашамукха Авалокитешвары и давая посвящение в его практику...

Шримати также дала наставления по практике чтения основной мантры Авалокитешвары миллиард раз. Целью может быть мир всем живым существам; для этого нужны хрустальные четки.

Целью может быть возрастание здоровья и благополучия всех существ; для этого нужны четки из дерева арура. Целью может быть увеличение энергии и силы, может быть борьба со злом и преодоление препятствий — для всего этого нужны особые четки...» [6, с. 149].

«Его восемь рук соответствуют Осмиричному Пути, четвертой из благородных Истин, изложенных Буддой в первой проповеди. Две его руки — в позе анджали — моления; иногда он держит между ними драгоценный камень, исполняющий желания, который символизирует просветленный дух, наполненный любовью и мудростью.

Четки, которые он держит в верхней правой руке, предназначены специально для чтения мантры ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ. Расцветший лотос в его верхней левой руке — знак того, что достижение Просветления возможно лишь на пути сострадания. В тех случаях, когда Авалокитешвара держит тройной лотос (расцветший, полураспустившийся и бутон), цветок становится символом будд прошлого, настоящего и будущего.

В средних руках он держит Колесо Закона и лук со стрелой; последние символизируют единство медитации и мудрости. Глаз на его нижней правой руке означает способность зреть все страдания мира, что соответствует значению его имени. В его нижней левой руке — сосуд с эликсиром бессмертия.

Шкура антилопы через его плечо связана с мифом о том, что бодхисаттва был аскетом и обладает магическими способностями» [там же, с. 141–143].

Среди скульптурок бодхисаттвы Авалокитешвары в находках из Киргизии отмечаются разные типы: 1) тип упомянутого одиннадцатоголового Авалокитешвары (высотой 12 см, ярко-золотистой бронзы, индийского или тибетского происхождения по индийским образцам); 2) на лotosовом постаменте (18 см высотой) в позе «трибханга» (три изгиба), на голове венец с завязками, правая рука опущена, левая поднята от локтя (позолоченная бронза, изделие из Кашмира); 3) статуэтка с мандорлой на постаменте (позолоченная бронза, по датировке Т.В.Грек — VIII–X вв.).

Иконография бодхисаттвы хорошо разработана, отмечают лишь стилевые различия и уровень художественного мастерства. Наиболее раннее изображение дают рельефы VII–VIII вв. скального комплекса храмов в Канхере, где бодхисаттва имеет четыре руки, но с теми же жестами и атрибутами (прототипом послужил четырехголовый Брахма). Прямостоящий бодхисаттва

как бы дает начало симметричному построению всей композиции одиннадцати голов, поднимающихся четырьмя ярусами друг над другом.

Большое значение в повседневной жизни буддийских общин и мирян в древности и средневековье имели образки и мелкая скульптура алтарей, причем в западных районах Средней Азии преобладает терракота, а в восточной — бронзовая (с позолотой, серебрением и инкрустациями драгоценными камнями) скульптура. Сидящий под аркой или в кругу «созерцающий Будда» — наиболее излюбленная тема образков. Будды или бодхисаттвы, украшенные дисковидными серьгами, также восходят к индийским прототипам. Образки оттискивались в формах и покрывались красным ангобом. Это были культовые предметы, характерные и для храмовых, и для домашних алтарей. Поскольку это была массовая продукция, то и штампы их были разными, отражая либо высокий, либо низкий уровень мастерства художника-ремесленника. В некоторой части этих образков сказалось влияние местных культов, а нередко иконография Будды использовалась для передачи образа местного божества.

Однако до сих пор в Согде не раскопано ни одного храма или монастыря, хотя, по древнекитайским источникам, таковые здесь были; отмечаются также первые проповедники буддизма, выходцы из Согда, которые основали в Китае монастыри, перевели на китайский язык буддийские тексты и, видимо, составляли комментарии к ним (например, Кан Сэн-Хуэй, предки которого в начале III в. переселились в Индию, а Кан пришел в Цзянь-Нанкин, где основал монастырь «Цзяньчусы»). Позже Хой Чао, посетивший Самарканд, сообщает, что в это время буддийские монастыри находились в упадке, местные жители были настроены по отношению к буддизму враждебно; Хой Чао видел лишь один монастырь с единственным монахом. Эти сообщения китайских путешественников широко известны. Ю.Карев усматривает в этом не столько свидетельство полного упадка буддизма в Самарканде, сколько вероятность массового исхода согдийцев к восточным соседям после восстания и арабских погромов в 721–722 гг.

В соседних с Самаркандом княжествах Тохаристана и области Чаганиан буддийские традиции были еще сильны и буддизм преобладал среди других культов. Во второй половине VII в. он поддерживался Танской империей, широко распространился в Семиречье, особенно в ставках тюркских и тюркешских каганов VII–VIII вв.

В самом Китае, где буддизм стал государственной религией, во всяком случае поддерживался императорской властью, с IV–V вв. (о чем также писал Ю.Н.Рерих), были широко распространены маленькие бронзовые образки-штампы. Массовое изготовление их в храмах и монастырях объясняется в это время не столько влиянием верховной власти императора Поднебесной, сколько включением в монастырскую жизнь и покровительством буддизму городских слоев разного сословия. Именно среднее и нижнее сословие горожан становятся основными заказчиками бронзовых культовых изделий малых форм [7, с. 182]. Особой популярностью среди народа, исповедовавшего махаяну, пользовались Будда Шакьямуни и бодхисаттва Авалокитешвара, чьи образы запечатлены в большинстве известных бронзовых скульптур буддийских общин Западного и Восточного Туркестана. Правда, в глиняно-алебастровой скульптуре храмов, кроме этих персонажей, представлены также Амитабха, Вайрочана и некоторые другие.

Особо хочется отметить такие памятники, как каменные рельефы или вотивные стелы – уникальные для Центральной Азии памятники истории и искусства, так как помимо изобразительного сюжета они зачастую доносят до нас исторический текст с указанием события, в ознаменование которого воздвигнута стела, и лица, установившего данный памятник в храме или монастыре. Для истории Бактрии подобные стелы сохранили тексты на санскрите, письмом кхароштки или бактрийским (Айртам, Термез), китайские иероглифы (Суяб, Навекат).

Китайские надписи на трех стелах из Ак-Бешима (Суяб) и Красной речки (Навекат) существенно дополняют сведения письменных источников по истории тюркских каганатов, их тяжелой войне против Китая в союзе с Тибетом и т.д. В честь кратковременных побед базирующегося в Суябе (официально с 648 по 719 г. Суяб входил в Танскую империю) китайского гарнизона в борьбе против Тибета и тюрков и были поставлены эти стелы в храмах. Несколько фрагментов декоративных каменных плит было найдено на Ак-Бешиме еще в конце 1930-х годов А.Н.Бернштамом. Тексты писались на серийных заготовках каменных рельефов, выполненных в Китае (не исключается и работа тибетских мастеров в монастырях) для всей Восточной Азии, включая Монголию, где подобные стелы воздвигались в честь подвигов тюркских каганов VI–VIII в. (например, Кюль-тегина, 732 г.)

Вотивная стела с городища Ак-Бешим (Суяб). VII в.

Э.Шефер, посвятивший немало работ танскому религиозному искусству, отмечает множество «экзотических» изображений, образов, живописные свитки, иконы и статуи из Индии, Тибета, Хотана. Целый набор образцов и моделей для изображения божественных существ и религиозных символов, предназначенных для того, «чтобы направлять разум и руки художников, не имевших счастья родиться в тех землях, где ступала нога самого Будды и буддийских Святых...». Для того чтобы получить такие иконографические стереотипы, за границу Танской империи отправляли специальных посланцев. Более того, *«божественные трафареты могли также составлять важную часть военной или дипломатической добычи»* [8, с. 353].

Изображения на стенах однотипны и копируют рельефы индийских храмов и ступ (Аджанты, Сарнатхи, Бамиана и др.). В то же время некоторые божества, изображаемые на стенах (на боковых или тыльных гранях), претерпевают иконографические изменения и лишь приближенно соотносятся с индийско-буддийскими персонажами, например охранителями сторон света – Локапалами, «солнечными» и «огненными» богами.

И, наконец, такая категория памятников, составляющих одну из граней бриллианта буддийской культуры Центральной Азии, как индоязычная буддийская письменность, которая прекрасно отражена по Восточному Туркестану и Средней Азии в работах М.И.Воробьевой-Десятовской и В.В.Вертоградовой.

В реликварии Краснореченского храма хранилась буддийская рукопись письмом брахми на бересте, дошедшая до нас в мелких фрагментах, переписанная в VII–VIII вв., по определению

М.И.Воробьевой-Десятовской. Других сведений об этом я пока не имею, хотя замечателен сам факт этой находки в Семиречье, наряду с другими местами распространения буддизма в Центральной Азии (Гяур-Кала в Мерве, Занг-тепе, Кафыр-кала в Южном Таджикистане).

Как вышеперечисленная бронзовая мелкая скульптура, так и находка священного буддийского текста могут быть связаны, помимо Кашмира, непосредственно уже с Тибетом, ставшим после VIII в. главным поставщиком буддийского импорта. Теперь с ним, как пишет Ю.Н.Рерих в статье «Кочевые племена Тибета», *«связывается представление о бесчисленных буддийских монастырях, богатых памятниках индийского и китайского искусства, о многочисленных книгохранилищах, содержащих бесчисленные рукописи на древнеиндийском языке санскрите, давно утерянном в самой Индии»* [9, с. 93].

В изданных томах «Истории Киргизской ССР» (1967–68, 1984–86 гг.), в учебниках нового поколения «История кыргызов и Кыргызстана» (с разным авторским коллективом и альтернативным изданием), вышедших в свет в 1995–2002 годах, очень смутно упоминается лишь факт участия Тибета в совместной борьбе тюрков против танского Китая в VII–VIII вв., со ссылкой на «Танские хроники». Мне думается, что вышеприведенная китайская эпиграфика на вотивных стелах из Ак-Бешима = Суяба (прочтение и палеографический анализ синологов Е.И.Лубо-Лесниченко, Г.П.Супруненко) отражает события 679–680 гг., связанные с борьбой Тибета и Танской империи за «Западный край», в частности, Прииссыккулье. Надписи на стелах из Суяба выступают надежными историческими источниками в спорных вопросах: участвовал ли Суяб в этих войнах, была ли битва при Суябе (в Чуйской долине), на чьей стороне выступал тюргеши – на стороне марионеточного ставленника Китая в Суябе или Тибетского правителя?

Эпиграфические тексты буддийских стел из Ак-Бешима свидетельствуют о том, что Суяб (являясь китайской резиденцией в Туркестане с 648 по 719 г., наряду с Кучой, Кашгаром и Хотаном) находился в зоне военных действий, а тюрки выступали в союзе с Тибетом в совместной борьбе против Танской империи. Тибетцы проникали не только в районы оз. Иссык-Куль, но и далее, в долину р. Чу. Тибетская эпиграфика в ущельях рек, впадающих в озеро (Тамга, Джууку, Ак-Терек, Ак-Улен), связана не только с обще-

འཇམ་མཁའ་ལྷན་པོ་ལྷོ་

принятой в буддизме Тибета традицией устанавливать камни с магической формулой (мантра) в местах паломничества, в качестве маркера сакрального, но может также рассматриваться и в качестве «определителя» тибетских владений.

Это становится еще более очевидным в свете недавнего (1998 – 2000 гг.) открытия археологом К.Табалдиевым в Кочкорской долине Тянь-Шаня (к северо-востоку от оз. Иссык-Куль, где находятся истоки р. Чу) древнетюркских рунических текстов на валунах, подобных тамгинским, зуукинским (или чолпон-атинским с наскальными рисунками для более ранней эпохи), то есть типичной россыпи камней в горной местности (в небольшой долине их открыто всего девять), по репертуару знаков, аналогичных таласским руническим текстам, хотя и с иным расположением текста. Обе группы памятников принадлежат к одной эпохе недолгого правления тюркшей в Семиречье (716 – 739 гг. – дата таласских памятников по С.Г.Кляшторному). Но кочкорские тексты функционально совсем иные. Это не эпитафии, а своего рода памятники обычного права кочевников. *«Согласно существовавшим среди тюркских и монгольских племен нормам землепользования, право на постоянное или преимущественное пользование*

зимниками определялось сроками давности пользования и свидетельствовалось какими-либо знаками прежнего пребывания... Очевидно, что наиболее убедительным свидетельством был своего рода камнеписный документ, превращавшийся в часть местного ландшафта и указывающий, кто и когда (или сколько раз) пользовался здешними угодьями. Поэтому одна и та же формула (в Кочкоре — «Мое мужское имя Адык. Мой (наш) Ярыш в стране десяти стрел» или «наш Ярыш») многократно, скорее всего, ежегодно, повторялась, а сами надписи высекались на видном месте крупными знаками и были предельно кратки» [10, с. 87].

Заповедный тюркешский курук в Кочкорской (в древности — Ярышской) долине, откуда каган отправлял войско «десятистрельного» эля в походы, находится в непосредственной близости от юго-восточного побережья Иссык-Куля, где сосредоточена основная масса тибетской эпиграфики (в то время новых владений Тибета) и в двух днях пути конного перехода по берегу р. Чу через Боомское ущелье до столицы тюркских каганов и до танского гарнизона в Суябе.

Мне кажется вполне историчным тот факт, что тибетский правитель или его военачальник, выступая на стороне кагана в совместной борьбе против танской агрессии, использовал правовой обычай тюрков и монголов на владение куруком — заповедной землей, но вместо имени правителя завоеванных земель ставили свой маркер — начертанную на валунах излюбленную и широко распространенную мантру «Ом мани падме хум» — мантру самого почитаемого в Тибете и Центральной Азии бодхисатвы Авалокитешвары. Как пишет Ю.Н.Рерих: «Посредством своей мантры «Ом мани падме хум» он путешествует по мирам в неустанном стремлении освободить все живые существа от страданий... Тибетцы верят, что он принял особый обет — освободить их народ от омрачений и сделать их страну сияющей счастьем. Согласно тибетским легендам, Авалокитешвара был божественным прародителем тибетцев...» [6, с. 141].

Символика основной мантры детально проанализирована Н.Л.Жуковской, которая пишет о том, что «мани — буквально «драгоценность» — соответствует ваджре, и оба являются символами мужского начала Вселенной; падма — «лотос» — символ женского начала; слоги *ОМ* и *ХУМ* — обычный зачин и концовка мантр. Таким образом, эта мантра воплощает в себе основную тантрическую идею единения двух начал Вселенной. Ее поздние переводы (например, «ОМ,

ты сокровище, сидящее на лотосе») только затушевывают начальный смысл. Заметим, кстати, что мантры обычно вообще не переводятся, воздействуя магическим звучанием, а не смыслом» [11].

* * *

В заключение хотелось бы отметить, что хотя Ю.Н.Рерих и не бывал в Киргизии, но его научное наследие и неустанное внимание к археологическим открытиям в Тянь-Шане вносят неоценимый вклад в историографию таких проблем, как искусство кочевников-саков, взаимодействие на Великом Шелковом пути, диалог культур между Востоком и Западом, где особенно ярко блистает буддизм Тибета и Центральной Азии.

Литература

1. India Quarterly, New-Delhi. 1950. Vol. vi. № 1; переиздана в 1995 г.: Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия / Статьи, лекции, переводы. Самара: Агни, 1999.
2. Новые датировки памятников и их обоснование приводятся в статье: Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. 1996. № 2. Здесь же рецензии: Литвинский Б.А. Еще о буддийских памятниках Семиречья (Киргизия). С. 190–193; Ставиский Б.Я. Новое о буддизме в Средней Азии (По поводу статьи В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой).
3. Lapiere N. Le Bouddisme en Cogdiane, d'après les données de l'archéologie (VI-e – IX-e). Paris: Presses Universitaires du Septentrion. Janvier. 1998.
4. Горячева В.Д. Новые находки индо-буддийской культуры в Кыргызстане // India and Central Asia (Pre-Islamic period). Tashkent, 2000. P. 207–208; Ганевская Э.В. К проблеме атрибуции культовых предметов (на материале сравнительного анализа скульптуры из собрания Музея искусств народов Востока) // Использование музейных коллекций в критике буддизма. М.: ВИНК, 1981.
5. Lipton B. Nima Dorjee Ragnuba. Treasures...
6. Рерих Ю.Н. Тибетская живопись / Пер. с англ. А.Л.Барковой. М.: МЦР, 2001.
7. Крюков М.В., Малявкин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979.
8. Шефер Э. Золотые персики Самарканда: книга о чужеземных диковинках в империи Тан. М.: Наука, 1981.
9. Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. Самара: Агни, 1999.
10. Клишторный С.Г. Древние рунические надписи на Центральном Тянь-Шане // Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан и НАН КР. Серия общественных наук. 2001. № 1.
11. Жуковская Н. Мантра // Буддизм: словарь. М., 1992.

* * *

1. *Байпаков К.М.* Новые данные о буддизме в Семиречье и Южном Казахстане // *India and Central Asia (Pre-Islamic period)*. Tashkent, 2000. P. 199–204.
2. *Бернштам А.Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.
3. *Бернштам А.Н.* Чуйская долина / Труды Семиреченской археологической экспедиции // МИА. 1950. № 14.
4. *Воробьева-Десятовская М.И.* Рукописная книга в культуре Индии // Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 2. М., 1998. С. 34, 53.
5. *Горячева В.Д.* Буддийские стелы из Суяба и Навеката // Древняя средневековая культура старого света: Сб. в честь 75-летия академика Б.Я. Ставиского. М.: Музей искусств народов Востока (в печати).
6. *Горячева В.Д.* Культура кыргызов во взаимодействии древних культур и цивилизаций: некоторые аспекты культурогенеза // Сб. статей по итогам семинара «Гуманитарные науки без идеологии». Вып. I. Бишкек: Фонд «Сорос-Кыргызстан», 1998. С. 13–24.
7. *Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. 1996. № 2. С. 169–182.
8. *Грек Т.В.* Буддийская и индуистская бронзовая скульптура из Киргизии // Культура и искусство Киргизии: Тезисы международной конференции. Вып. 1. Л., 1983. С. 71–72.
9. *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. Фрунзе, 1982. С. 47–57.
10. *Жуковская Н.* Мантра // Буддизм: словарь. М., 1992.
11. *Зелинский А.Н., Кузнецов В.И.* Тибетские надписи Иссык-Куля // СНВ. Вып. VIII. М., 1969. С. 183–185.
12. *Зяблин Л.П.* Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. – Фрунзе, 1961, рис. 32 на с. 63.
13. *Карев Ю.В.* Статуэтка бодхисаттвы Авалокитешвары из Самарканда // ВДИ. 1998. № 1.
14. *Кожемяко П.Н.* Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. // Красная речка и Бурана: материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. Фрунзе, 1989. С. 17–24.
15. *Кожемяко П.Н.* Отчет о раскопках работ на Краснореченском городище в 1962–1963 гг. // Там же. С. 25–69.
16. *Литвинский Б.Я.* Буддизм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос. Языки. Религия. М.: Наука, 1992; *он же:* Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Архитектура. Искусство. Костюм. М.: «Восточная литература» РАН, 2000.
17. *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические надписи на Центральном Тянь-Шане // Известия МОИ РК и НАН РК. Серия общественных наук. 2001. № 1. С. 83–89.
18. *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Тр. КАЭЭ. Т. II. М., 1959. С. 160–227.
19. *Лубо-Лесниченко Е.И., Семенов Г.Л.* Новая китайская надпись VII в. из Киргизии (городище Ак-Бешим) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: к 90-летию со дня рождения / Тезисы документов. СПб., 1998. С. 48–51.

20. *Малявкин А. Г.* Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. Новосибирск, 1992.
21. *Пантусов Н.Н.* Заметки о древностях Семиреченской области // Изв. Императорской Археологической комиссии. Вып. 12. Спб., 1904. С. 74–75; Древности Средней Азии (каменный бурхан в Токмакском уезде Семиреченской области) // Ученые зап. Казанского университета. Год XIV. Кн. 5–9. Казань, 1887. С. 105–108.
22. *Поярков Ф.В.* Из археологических экскурсий по Пишпекскому уезду и по берегам оз. Иссык-Куль // Памятная книжка Семиреч. обл. статистич. Комитета за 1898 г. Т. 2. Верный, 1898. С. 60.
23. *Рерих Н.К.* Искусство Тибета (Листы дневника экспедиции). Шекар-Дзонг, 1928.
24. *Рерих Н.К.* Шамбала. М., 1994.
25. *Рерих Ю.Н.* Культурное единство Азии / *Рерих Ю.Н.* Тибет и Центральная Азия / Статьи, лекции, переводы. Самара: Изд. дом «Агни», 1996.
26. *Рерих Ю.Н.* Тибетская живопись / Пер. с англ. А.Л.Барковой. М.: МЦР, 2001.
27. *Ртвеладзе Э.В.* Великий Шелковый путь. Ташкент, 1999. С. 90–104.
28. *Ставиский Б.Я.* Судьбы буддизма в Средней Азии: По данным археологии. М., 1998.
29. *Ставиский Б.Я.* Новое о буддизме в Средней Азии (по поводу статьи В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой) // ВДИ. 1996. № 2. С. 193–195.
30. *Хмельницкий С.Г.* Опыт реконструкции буддийского храма городища Ак-Бешим // Тр. КАЭЭ. Т. II. М., 1959. С. 243–245.
31. *Clauson G.* Ak-Beschim – Sujab // Труды международного конгресса востоковедов. Т. III. М., 1963. С. 126–127.
32. *Forte A.* An ancient Chinese monastery exavation in Kirgizija // CAJ. 1994. V.31.1. P. 42, 53.
33. *Gabain A.* Der Buddhismus in Zentralasien // HO. 1961. Abt. 1. Bd. Ht. 2. S. 506–507.
34. *Goryacheva V.D.* New Findings of the Indo-Buddhist Cultural in Kyrgyzstan // India and Central Asia (Pre-Islamic period). Tashkent, 2000.
35. *Goryacheva V.D.* Buddhist Heritage of Central Asia: Problem of Stay and Conservation // Bamiyan: Challenge of World Heritage / Edited by K.Wari Koo. New-Dehli, 2002.
36. *Lapierre N.* Le Bouddisme en Cogdiane, d'apres les donnees de l'archeologie (VI-e – IX-e). Paris : Presses Universitaires du Septentrion. Janvier, 1998.

В.Н.ТУГУЖЕКОВА,

*доктор исторических наук, профессор,
директор Хакасского НИИ языка,
литературы и истории,
Абакан*

РЕРИХИ И САЯНО-АЛТАЙ

«Страна великого будущего» – так назвал Сибирь Николай Константинович Рерих. После пребывания экспедиции Н.К.Рериха на Алтае священная гора Белуха стала центром духовного притяжения для многих людей мира. «Две прекраснейшие из высот азиатских» чтит Н.К.Рерих до путешествия в Сибирь – Эльбрус и индийскую Канченджангу, после пребывания на Алтае добавилась еще одна прекраснейшая «азиатская высота» – Белуха, которую коренные жители Алтая называют «Хан-Алтай». В алтайских эпических сказаниях Алтай именуется «горами баатыра», а старообрядцы в своих былинах рассказывают о чудесной стране Беловодье.

Изучение Сибири и нашего региона началось с экспедиции Даниила Готлиба Мессершмидта, снаряженной по указу Петра I и явившейся первой научной экспедицией в Сибирь. Она проходила с 1 марта 1719 по 27 марта 1727 г. Итоги экспедиции – 23 тома научных трудов, богатые коллекции флоры и фауны. Маршрут экспедиции – Санкт-Петербург, Москва, Тобольск, Томск... Летом 1721 г. экспедиция достигла Хакасии, где на берегу р. Уйбат Мессершмидт обнаружил на древних камнях неизвестные тогда науке рунические письмена [1]. Только через 158 лет, в 1879 г., Г.Н.Потанин открыл первый памятник руноподобного письма в Туве. И лишь десять лет спустя, в 1889 г., в результате сделанных Н.М.Ядринцевым в Монголии находок научный поиск вышел за пределы Саяно-Алтайского нагорья [1, с. 7]. Подлинники рунических надписей находятся главным образом в трех странах: в России (Саяно-Алтай), Монголии и Китае (провинция Синьцзян).

Датский ученый В.Томсен и российский востоковед В.В.Радлов в 1893 г. сумели раскрыть тайну этих рунических надписей, и мир узнал о существовании древнетюркской рунической письменности, которая непрерывно развивалась в течение

шести-семи веков, с VIII и по конец XIII – начало XV вв. Большой вклад в изучение древнетюркской рунической письменности внесли российские востоковеды – В.В.Радлов, Н.Ф.Катанов, С.Е.Малов, Л.Р.Кызласов, С.Г.Кляшторный, И.В.Кормушин и др.

Следует подчеркнуть, что именно на территории Хакасии 3–6 января 1722 г. Д.Г.Мессершмидт впервые в Сибири провел археологические раскопки курганов у Абакана – Перевозной. С тех пор уже почти 300 лет Хакасия привлекает внимание археологов, которые не случайно называют ее «археологической Меккой», так как по насыщенности археологическими памятниками Хакасия занимает первое место в мире. Как считает известный в России ученый, президент Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства Яков Абрамович Шер, для того, чтобы провести паспортизацию древних памятников Хакасии, понадобится не менее 50 лет. Ведь древних памятников насчитывается здесь более 30 тысяч.

О существовании древней цивилизации в Саяно-Алтае свидетельствуют царские курганы в Горном Алтае, Туве и Хакасии. Не случайно во время знаменитой Центрально-Азиатской экспедиции (1923–1928 гг.) Николай Константинович Рерих хотел пройти по этим местам. Именно эта экспедиция дала Юрию Николаевичу тот богатый материал, который лег в основу его дальнейших исследований кочевой цивилизации народов Центральной Азии, культуры народов этого региона, скифского «звериного стиля». Научным результатом экспедиции стала монография Ю.Н.Рериха «По тропам Срединной Азии», работа «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета».

Н.К.Рерих предполагал, что в понятии староверческого Беловодья и буддийской Шамбалы лежит один источник. Алтай и Гималаи – единая горная система, которая связана между собой бесконечными ходами неизведанных пещер. *«От Тибета через Куньлунь, через Алтынтаг, через Турфан, «длинное ухо» знает о тайных ходах. Не случайно алтайский Белый Бурхан напоминает индийского Будду».*

О существовании этих тайных ходов свидетельствует тот факт, что недалеко от села Казановка Аскизского района Хакасии археологи нашли недавно наскальные рисунки, где очень тонкими росписями на каменных плитах нарисованы священные лотосы, которым более двух тысяч лет. Для ученых этот факт пока остается загадкой.

Еще в начале 1990-х гг. недалеко от этого места известным хакасским археологом Я.И.Сунчугашевым была обнаружена глубокая расщелина в земле, вдоль вершины горы, на которой стояли древние каменные менгиры. Что это такое? Опять тайна...

И еще такой факт. На границе между Хакасией и Тувой есть знаменитый Самбыльский перевал и гора Самбыл в виде мужской головы. «Самбыл» и «Шамбала» чем-то созвучны... За перевалом Самбыл открывается сказочная панорама прекрасных гор со снежными вершинами. И мы попадаем в волшебную горную страну. А может быть, Самбыл и есть врата, направляющие путников в Шамбалу..

Находясь на Алтае, Рерихи собирали минералы и лекарственные растения, занимались обследованием древних курганов, наскальных рисунков, их интересовала история и культура народов этого региона. Позднее в своей книге «Сердце Азии» Н.К.Рерих напишет: *«В пределах Алтая можно также слышать очень значительные легенды, связанные с какими-то неясными воспоминаниями о давно прошедших здесь племенах. Среди этих непонятных племен упоминается одно под именем Курумчинские кузнецы. Само название показывает, что племя было искусно в обработке металлов, но откуда и куда направилось оно? Не имеет ли в виду народная память авторов металлических поделок, которыми известны древности Минусинска и Урала? Когда вы слышите об этих кузнецах, вы невольно вспоминаете о сказочных Нибелунгах, занесенных далеко на запад»* [2, с. 124].

Исследования, проведенные Я.И.Сунчугашевым в Хакасско-Минусинской котловине в 1960–1990 гг., доказали, что металлургия была известна местным жителям с древних времен, так, медеплавильные печи существовали здесь в VII–III вв. до н.э., позднее, в I в. до н.э., появились печи железоплавильные [3].

Местные жители были искусными мастерами ювелирных дел, особого совершенства они достигли в изображении животных, зверей. За особую манеру исполнения оно названо исследователями скифо-сибирским звериным стилем.

Изучая и обследуя древние курганы, каменные изваяния, Н.К.Рерих пришел к выводу, что *«Алтай в вопросе переселения народов является одним из очень важных пунктов. Погребения, установленные большими камнями, так называемые Чудские могилы, надписи на скалах, все это ведет нас к той важной эпохе, когда с далекого*

юго-востока, теснимые, где ледниками, где песками, народы собирались в лавину, чтобы наполнить и переродить Европу. И в доисторическом, и в историческом отношении Алтай представляет нескрытую сокровищницу. Владычица Алтай, белоснежная гора Белуха, питающая все реки и поля, готова дать свои сокровища» [2, с. 124].

Согласно первоначальным планам, исследования Н.К.Рериха на Алтае должны были продолжаться в течение месяца, однако они были неожиданно прерваны. Появившаяся 1 августа 1926 г. в Верхнем Уймоне экспедиция уже 19 августа двинулась в Бийск.

По воспоминаниям старожилов Верхнего Уймона, Н.К.Рерих говорил о намерении возвратиться на Алтай через несколько лет [5, с. 124], но планы возвращения оказались несбыточными.

О завершении экспедиции в Сибири Юрий Николаевич Рерих писал: *«Наш экспресс мчался по равнинам Сибири, покрытым темными девственными лесами из елей и кедра. Ранним утром поезд миновал Иркутск с его кафедральным собором, четко выделявшимся на фоне предрассветного неба. Затем показался красивый южный берег и спокойная гладь великого озера Байкал... Поздним вечером поезд прибыл в столицу Бурятской автономной республики Верхнеудинск. Здесь мы провели три дня, занимаясь погрузкой и подготовкой к экспедиции в Монголию. Ранним утром 9-го сентября мы выехали из Верхнеудинска на двух «доджах», благополучно переправились на пароме через широкую Селенгу и взяли курс на Троицкосавск, последний русский пограничный город...» [6, с. 115].* Впереди их ждала Монголия, страна великих покорителей Азии.

И позднее, в воспоминаниях об отце, Юрий Николаевич отмечал, что Азия, Восток всегда привлекали внимание Н.К.Рериха. Его интересовали общие корни славянства и индоиранцев, восточные истоки культуры Древней Руси. Для Николая Константиновича Алтай на севере и Гималаи на юге были как бы полюсами единого грандиозного горного мира. Недаром дневник экспедиции, куда он заносил свои мысли, родившиеся во время странствования, был назван им «Алтай-Гималаи». Живя в Индии, Н.К.Рерих узнавал в очертаниях Гималаев далекую северную Белуху. Нам, живущим в Хакасии, в Саянах, образ гималайской Канченджанги и алтайской Белухи видится в горе Самбыл. Каждый народ имеет в сердце своем свою Шамбалу. Как говорил Николай Константинович: *«Повсюду люди знают этот Великий символ под разными названиями».*

В своей знаменитой экспедиции Рерихи расставляли магниты-вехи, по которым ученые нашего времени ориентируются, как мореплаватели по звездам.

Литература

1. См.: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию открытия древнетюркской письменности. Абакан, 2002.
2. *Рерих Н.К.* Сердце Азии. Избранное. М., 1979.
3. См.: *Сунчугашев Я.И.* Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М., 1974; Древняя металлургия Хакасии. Новосибирск, 1979; Памятники горного дела и металлургии древней Хакасии. Абакан, 1993; и др.
5. См.: *Ларичев В.Е.* Рерих и сотоварищи в Сибири // Рерих и Сибирь. Новосибирск, 1992.
6. *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1994.

Е.П.МАТОЧКИН,

*кандидат искусствоведения,
профессор Международной славянской академии,
Новосибирск*

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ РЕРИХ И НАСЛЕДИЕ СКИФОВ АЛТАЯ

Юрий Николаевич Рерих – крупный ученый-востоковед, труды которого имеют отношение и к странам Азии, и к России, поскольку ее территория за Уральским хребтом – это тоже Восток, а Горный Алтай – это уже Срединная Азия. Именно эта родина кочевников с ее богатой историей и культурой была особенно близка Юрию Николаевичу как исследователю. И потому мы с полным основанием можем считать его не только монголоведом или тибетологом, но также и алтаистом, тем более что в 1926 году маршрут Центрально-Азиатской экспедиции Рерихов пролегал по Сибири и Алтаю.

«Мы совершили краткую поездку в чудесную страну Алтай, – писал Юрий Николаевич, – уникальный район и один из крупнейших центров древней кочевой культуры. Богатые пастбища алтайских высокогорий, его хорошо укрытые долины и богатые минеральные ресурсы вполне объясняют большую роль, какую играл этот район в прошлом» [1, с. 242]. Действительно, чем далее, тем более Алтай предстает сокровищницей древних культур, горной территорией с характерными историческими ландшафтами, в которых с далеких времен сохраняются и каменные изваяния, и святилища с петроглифами, и могильные курганы.

Юрий Николаевич констатировал, что *«археологические раскопки в этом интересном районе находятся на начальной стадии»* [1, с. 242]. Он отмечал первые известные до их экспедиции 1926 года изыскания в Русском Алтае академика В.В.Радлова у деревни Катанда и работы профессора С.И.Руденко [2, с. 22]. Исследования этих ученых известны тем, что дали начало изучению курганных захоронений на Алтае: Радловым – в конце XIX века и в 1924 году – Руденко. Под его руководством Алтайская экспедиция из Ленинграда обнаружила Пазырыкские курганы, раскрытие которых значительно обогатило представление об историческом прошлом Центральной Азии.

На интересные размышления навели Ю.Н.Рериха каменные человеческие фигуры, которые в изобилии встречаются на степных просторах к северу от Тянь-Шаня. Эти изваяния он отнес к категории надгробных памятников вождям. Немаловажный атрибут — горящую чашу в руках — ученый расценил как символ, связанный с древним культом огня [3, с. 174].

Определенную ценность представляют для нас мысли Юрия Николаевича, связанные с изучением наскальных изображений. Он отмечал, что они *«являются памятниками старины и связаны с древними формами шаманизма, повсеместно распространенного в высокогорных районах Азии»*. Его замечание, что *«их высекают на камнях и по сей день»*, является важным научным свидетельством, поскольку бытует мнение, что в XX веке наскальное искусство прекратило свое существование. Что касается семантики петроглифов, то здесь им высказано интересное соображение по поводу символики горных козлов, которые, как он считал, *«играли важную роль в культе огня»* [3, с. 47].

«Одной из задач нашей экспедиции, — писал ученый, — была регистрация обнаруженных нами могильных курганов и других следов кочевой культуры, расположенных вдоль северной границы Тянь-Шаня, Джаирировых гор и Алтая, еще не описанных в научной литературе» [3, с. 110]. К сожалению, на сегодня мы не имеем сведений о могильниках, обнаруженных экспедицией Рериха на Алтае. Не исключено, что записи на этот счет где-то еще, в каких-то архивах хранятся и, возможно, будут со временем обнаружены. Во всяком случае, Юрий Николаевич полагал, что на Алтае *«можно ждать крупных открытий в будущем»* [1, с. 242].

Предсказания Юрия Николаевича в полной мере оправдались. Уже летом следующего, 1927 года археологи приступили к более интенсивному изучению Алтая. Так, М.П. Грязнов исследовал большой каменный курган в урочище Шибге на реке Урсул [4]. В 1929 году начались раскопки первого Пазырыкского кургана, которые проводил Грязнов под непосредственным руководством Руденко [5, с. 166–275; 6, с. 44; 7, с. 90]. В послевоенное время археологические работы в Горном Алтае были продолжены. Начиная с 1947 года в течение ряда лет под руководством Руденко исследовались четыре Пазырыкских кургана, а также два Башадарских и два Туэктинских [8, с. 266; 9, с. 267; 10, с. 351].

Ледяные линзы, образующиеся на Алтае в погребальных камерах, сохранили до наших дней предметы, которые обычно истлевают. Во многом благодаря этому счастливому обстоятельству «царские» курганы с их удивительными находками прославили Алтай на весь мир как район замечательных памятников скифской культуры. Собственно, по имени курганов, расположенных в далеком Улаганском районе Республики Алтай, теперь культуру ранних кочевников, этих «стерегущих золото грифов» Геродота, живших приблизительно 2,5 тысячи лет назад, стали называть пазырыкской.

Известно, что Юрий Николаевич мечтал переехать в Сибирь [11, с. 47] и работать там в одном из научных институтов Сибирского отделения Академии наук СССР, организованного в самом конце 1950-х годов. Созданный при Институте истории, филологии и философии Восточно-Алтайский отряд Северо-Азиатской экспедиции, возглавляемый В.Д.Кубаревым, в 60-е годы активно включился в проблему изучения пазырыкской культуры. Отрядом были произведены раскопки в долинах рек Уландрык, Юстыд, Барбургазы и Бургузун. В целом было раскрыто более 160 захоронений, большинство из которых относится к скифской эпохе Алтая V–I вв. до н.э. [12–15].

В дальнейшем совместными усилиями ученых Санкт-Петербурга, Сибири и Алтая были исследованы курганы ранних кочевников на правом берегу реки Кок-су [16, с. 62–91], в долине Узунтал [17, с. 220–221], могильники Семисарт, Эликмонар, Верх-Еланда Тыткесань, Айрыдаш, Кызыл-Джар, Кызык-Телань, Бийке, Чоба, Карбан, Бойтыгем, Токусхан, Кара-Кобы и другие [18; 19; 20, с. 3–39; 21–23].

Представление об искусстве ранних кочевников на Алтае обогатили также открытые за последнее время наскальные рисунки. Среди них изучавшиеся нами петроглифы Бош-Туу, где выбиты многофигурные композиции с зооморфными и антропоморфными персонажами [24]. До недавнего времени сцены терзаний, столь распространенные в искусстве скифов, не встречались среди наскальных изображений. Однако нами были обнаружены прекрасные композиции на эту тему среди петроглифов Карагема и Бош-Туу [25, с. 110–117; 26, с. 75–78].

Центральными образами недавно исследованных нами петроглифов Куйген-Кышту оказались типично «скифский» птицеголовый олень, а также впервые обнаруженный на Алтае хобото-

образный олень [27, с. 67–72]. В качестве аналога последнему можно привести хоботообразного быка петроглифов Карагема эпохи бронзы. Тот же, в свою очередь, находит свои параллели с образом хоботообразного существа – «мамонта-быка» из «Грота Быка» Каменной Могилы на Украине. Видимо, миф о «небесном», или «дождевом», быке, возникший в конце неолита и нашедший отражение в образе «мамонта-быка», был актуален и для эпохи палеометалла, и для раннескифского оленного «алтаря» Куйген-Кышту, в котором воплотились религиозные представления о тотемах, ассоциировавшихся с образами солнца и водной благодати в виде «дождевого» оленя.

В 1990 году во время разведывательной экспедиции по Алтаю на скалах Карагема нами был обнаружен замечательный рисунок с лучником, стреляющим в птицу. Судя по характерным особенностям лука и наконечника стрелы, время создания петроглифа можно отнести к IV в. до н.э. Сюжет с лучником, стреляющим в птицу, свою будущую невесту, распространен на обширном ареале Евразии с древнейших времен. Здесь же, по-видимому, воплотились космические в своем значении представления о браке небесного стрелка, возможно, самого громовника, атрибутом которого является лук, с птицей – символом солнечного начала. В композиционной же схеме рисунка лежит арифметически-геометрическая структура, отражающая глобальные астрономические феномены, связанные со склонением солнца в различные календарные периоды [28, с. 57–63].

В итоге карагемский рисунок со стреляющим лучником и птицей предстает как синкретичное явление культуры алтайских скифов, в котором воплотились не только художественная одаренность мастеров, но и их незаурядные знания законов Мироздания. При этом их изобразительное творчество отнюдь не иссушалось, не превращалось в схему, а обретало большую глубину и значительность в своем синтезе числовой детерминированности и эмоционального вдохновения. Мы еще недостаточно оцениваем духовные достижения кочевников Центральной Азии и только начинаем подходить к разгадке их способов переложения на язык искусства, как оказывается, сложных и достаточно проработанных эмпирических наблюдений. И сегодня мы не можем не восхищаться интуицией и проницательностью мудрецов древнего Алтая, надо полагать, ничуть не уступавшим своим западным современникам-пифагорейцам.

В последние годы изучение пазырыкской проблематики вышло на новый уровень интерпретации артефактов благодаря интеграции с естественными и точными науками. В рамках международной программы «Пазырык» специалисты Института археологии и этнографии СО РАН на плоскогорье Укок в течение пяти лет исследовали целый ряд «замерзших» курганов с погребениями представителей среднего слоя и рядовых членов пазырыкского общества [29–32]. Извлеченные из вечной мерзлоты артефакты дали в руки ученых новый материал, проливающий свет на наследие пазырыкцев.

Их культура поражает своим высоким уровнем, стремлением украсить любое проявление их жизни; почти каждый предмет или утилитарная вещь могут рассматриваться как художественное произведение. Основными образами этого удивительно яркого и своеобразного по стилизации народного творчества сибиряков были звери, и поэтому само это искусство получило название искусства скифо-сибирского звериного стиля [33, с. 5–14; 34–36; 37, с. 23–28].

Его очень хорошо охарактеризовал Ю.Н.Рерих: *«Этот «звериный стиль» состоит из декоративных мотивов, состоящих из фигур животных, которые иногда комбинируются, формируя наиболее поразительные орнаментальные композиции. Некоторые из этих мотивов высоко стилизованы и образовывались в результате длительного развития. Художники, создававшие их, были острыми наблюдателями природы и хорошо знали характер и привычки животных, которых они изображали»* [3, с. 337]. *«Этот стиль, использовавший условные изображения фигур животных для декоративных мотивов, представляет собой одну из самых важных связей между различными кочевыми племенами Центральной Азии. Именно этот стиль позволяет нам говорить о единой кочевой культуре от южно-русских степей до самых пределов Китая»* [1, с. 297].

Проблема «звериного стиля» в искусстве и его распространения по всей Центральной Азии очень увлекала Юрия Николаевича. Надо сказать, что увлечение это в семье Рерихов было традиционным. Николая Константиновича также постоянно восхищали «изысканнейшие формы» и богатая «животнообразная орнаментация» скифских древностей. *«Великие кочевые народы, — писал он в статье «Великое наследие», — оставили по себе целое сокровище, так близкое художественной концепции нашей современности»* [38, с. 69].

Надо полагать, что среди вопросов, обсуждавшихся Николаем Константиновичем со своим старшим коллегой по археологии — А.А.Спицыным, были и загадки скифской истории. Именно Спицыну принадлежит бытующая и по сей день периодизация скифских памятников Восточной Европы. Еще в 1918 году он предложил разделить их на три хронологических этапа: старшескифский (в современной научной литературе — раннескифский. — *Е.М.*) (вторая половина VII—VI вв. до н.э.), среднескифский (VI и V вв. до н.э.) и позднескифский (IV — первая половина III в. до н.э.) [39, с. 87—143]. Собственно, такая же периодизация принята и для более обширной территории скифских памятников, включая Центральную Азию и Алтай.

Открытие Юрием Николаевичем в Тибете бронзовых предметов, выполненных в канонах «звериной» орнаментики, продвинули границу бытования «звериного стиля» далеко на юго-восток [40]. Экспедиции удалось обнаружить немало предметов с изображениями *«фантастических животных, переходящих в чистый орнамент. Все эти находки убедительно свидетельствуют о древней связи кочевого Тибета с великим кочевым искусством Центральной Азии»* [1, с. 93].

Ученый пришел к мысли, что *«существовал общий источник, из которого черпали свое вдохновение художники Центральной Азии, где, как показывают современные исследования, и находится центр кочевой культуры»* [3, с. 48]. В другой статье он конкретизирует, что *«центр этой культуры кочевников, которая так сильно повлияла на искусство более цивилизованных соседей, находился в Алтайских горах — области, изобилующей золотом и металлической рудой, и фауна которой часто отображается в предметах в «зверином стиле»* [3, с. 337].

Вопрос этот в настоящее время является остро дискуссионным; в его рамках обсуждается также и другая точка зрения, высказанная в свое время М.П.Грязновым: *«Скифо-сибирские культуры, видимо, создавались не в каких-то центрах, а по всей области их распространения при широком культурном взаимном межплеменном обмене, как единый процесс развития ранних кочевников Великого пояса степей»* [41, с. 4—7].

Новый «звериный стиль», по наблюдениям Юрия Николаевича, остается и поныне любимой орнаментацией тибетцев [1, с. 43]. *«Тибетец-кочевник еще и поныне вдохновляется окружающей его*

природой, животным миром и следует заветам «звериной» орнаментики» [1, с. 93]. Столь же распространен он и в современном декоративно-прикладном искусстве алтайских умельцев. Мастера Улаганского района воспроизводят хорошо известные мотивы пазырыкского искусства и обрамляют их тюркскими узорами. В резьбе по дереву и мягкому камню агальматолиту воскрешается традиционная анималистическая поэтика, окрашенная скифским декоративизмом. В оформлении музыкальных инструментов, в мелкой пластике из рога, в торевтике, в сувенирной продукции — везде прослеживается стилизация, характерная для искусства ранних кочевников. В 1993 году образ грифона, ставший широко известным только после археологических раскопок Пазырыкских курганов, вошел в состав национального герба Республики Алтай.

Происходящий на Алтае своеобразный процесс возрождения охватывает не только возвращение к традиционным художественным ценностям, ранее относимым к пережиточным явлениям. Возрождается также наследие древних тюрков и в значительной мере наследие пазырыкцев. Алтайцы искренне гордятся культурными достижениями прошлого своей земли и воспринимают их как свои, кровные, хотя о носителях пазырыкской культуры можно говорить лишь как об одних из далеких предков алтайского народа [42, с. 131–142].

Художественные шедевры алтайских скифов вдохновляют и профессиональных художников Горного Алтая, среди которых хотелось бы выделить живописца и графика, заслуженного художника России Игната Ивановича Ортоңулова. Ортоңулов родился в Балыктуюле, расположенном совсем неподалеку от Пазырыкских курганов. В послевоенное время, еще мальчиком, он был участником археологических раскопок, работал землекопом у известного археолога С.И.Руденко, пылливо следил за раскрытием курганов и наблюдал, как извлекали из вечной мерзлоты уникальные памятники древнего искусства алтайских скифов. Осознание причастности к великому наследию прошлого оказалось настолько сильным жизненным впечатлением, что теперь, кажется, стремление к воскрешению былой красоты присутствует во всех его работах.

Наиболее значительное произведение по скифской тематике у Ортоңулова — монументальная роспись «Пазырык» (1992) в Республиканском краеведческом музее имени А.В.Анохина.

Художник попытался дать в ней целостное представление о жизни пазырыкцев, а также показать ту роль, которую играет наследие скифов в его творчестве и в современном сознании алтайцев.

В центральной части росписи Ортонулов поместил знаменитую аппликацию на войлочном ковре из пятого Пазырыкского кургана – всадник перед богиней на троне. В правой части нельзя не узнать ритуальную повозку из того же кургана. Художник нарисовал ее ведомую парой запряженных лошадей, с возницей и торжественно восседающей принцессой в высоком головном уборе. В левой части композиции большое пространство отдано воспроизведению литой ажурной пластины-застежки из Сибирской коллекции Петра I. В росписи у женской фигуры также выделен высокий головной убор. Еще раз Ортонулов изобразил свою героиню несколько ниже, вместе со скифским стрелком – это уже полностью авторское добавление. Этой сценой художник соединил мифопоэтический мир образов ранних кочевников с обликами пазырыкцев, как они ему представлялись.

Следует отметить, что буквально через год после создания росписи ее образный смысл стал восприниматься совершенно по-иному. Дело в том, что в 1993 году на плато Укок новосибирскими археологами было сделано сенсационное открытие. Ими исследовалось погребение пазырыкской женщины высокого положения, чье мумифицированное тело сохранилось в древнем льду в погребальной камере кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3. Весть эта быстро облетела весь Горный Алтай, что привело к возникновению среди алтайцев совершенно самостоятельной «мифологии» вокруг этой женщины. В газетах появились сообщения, что археологи работали *«на месте древнего святилища, которому поклоняются народы Алтая, и откопали саму «княжну Кадын» – прародительницу алтайцев»* [31, с. 84]. Та же история случилась с одной из женских мумий, обнаруженных в Синьцзяне – так называемая Прекрасная из Крорайны была объявлена матерью уйгурского народа [30, с. 280].

Примечательной деталью костюма «княжны Кадын» был высокий головной убор, подобный тому, который изобразил Ортонулов у трех героинь своей росписи. Благодаря этому обстоятельству музейная фреска стала восприниматься через призму «современной мифологии».

Роль великого женского образа проясняет и недавно изучавшаяся нами уникальная плита с рисунками из Усть-Коксы [43, с. 112–115]. На плите рядом с древними изображениями животных выбита фигура пазырыкской воительницы. Об этом свидетельствует ее костюм, с таким тщанием выбитый древним художником, – шуба, сапоги-чулки и головной убор в виде шлема с высоким завершением. Как правило, такие шлемы были в ходу у мужчин, однако иногда и девушки-воительницы облачались подобным образом. Именно в таком высоком головном уборе была обнаружена погребенная девушка на плато Укок в кургане 1-го могильника Ак-Алаха-1 [29, с. 43].

Память о таких живших когда-то замечательных людях, ставших своего рода легендой, доносит до наших дней не только наскальное искусство, но и алтайский героический эпос. Сказание «Очы-Бала» целиком посвящено подвигам отважной и мужественной девы, не раз освобождавшей свой народ от завоевателей.

Интересно, что Очы-Бала своею матерью называла «одну из нежно-лунных скал». Более того, она могла скалу превратить в свое подобие. Эта связь девы, которая «сама собою рождена», со скалой оказывается весьма многозначительной. Можно вообразить, что пазырыкская дева, подобная отважной героине эпоса, вдохновила скифского художника запечатлеть ее в камне. Потом же ее образ стал настолько почитаем, что она как бы сошла со скалы и обрела жизнь в поэтическом сказании. Возможно, что и сейчас алтайцы, увидев петроглиф пазырыкской воительницы, будут воспринимать его как первообраз своей великой богатырки Очы-Бала.

Подобные метаморфозы в русле «современной мифологии» вполне возможны в Горном Алтае. Так, на республиканском празднике «Эл-Ойын» летом 2000 года у села Кокоря Кош-Агачского района алтайская девушка, наряженная в пазырыкский костюм, являла собой живое воплощение женщины, более двух тысяч лет назад захороненной на плато Укок. Более того, в сознании народа она соединилась с богатыркой Очы-Бала, то есть стала персонажем одноименного алтайского героического произведения [30, с. 285].

Об эпосе, их исполнителях и о роли эпоса в культуре Алтая стоит сказать особо. Кайчи (по-алтайски – сказитель) – феноменальное явление в современной культуре России. Кайчи – это народный алтайский поэт, исполнитель эпических произведений.

Производится это горловым пением — каем, под аккомпанимент струнного инструмента — топшура и продолжается нередко несколько суток без перерыва. Ранее у бесписьменных народов Сибири сказитель был своеобразной живой памятью народа, хранителем и транслятором его фольклорного наследия. В отличие от поэтов кайчи как бы живет в мире мифопоэтического сознания и не поэтизирует действительность, а сочиняет, вернее, импровизирует в русле эпической традиции. Таким выдающимся кайчи и ясновидцем Алтая был Алексей Григорьевич Калкин (1925–1998). В репертуаре Калкина, обладавшего феноменальной памятью, насчитывалось более 30 героических сказаний, множество сказок, мифов, легенд, преданий, рассказов и песен. От него записан монументальный алтайский героический эпос «Маадай-Кара».

Феномен Калкина — это осколок цельной языческой культуры, которая дожила до наших дней и входит в третье тысячелетие. И это такая же реальность, как и реальность самой алтайской земли, до сих пор во многом не потревоженной современной цивилизацией. Она еще родит великих людей, которые тонко чувствуют природу во всех ее глубоких проявлениях — не только сугубо материальных, но и тех, где властвует дух.

Для Калкина мир эпоса и мифов — живой. Его память простирается необычайно далеко, и наскальные рисунки седой древности «читаются» им, как раскрытая книга. Его артистизм и художественное вдохновение непосредственно связаны с переживаниями реальности событий и героев, о которых он повествует. Он сам как бы участвует в битвах богатырей, их странствиях по верхнему и нижнему миру и в освобождении Алтая от поработителей.

Он видит действие сказаний ясно, в цвете, в противоборстве света и тьмы. Ранее эпос в какой-то мере заменял отсутствующее у народов Сибири искусство живописи. Возможно поэтому, как показывают наши исследования, цветовая «палитра» эпитетов Калкина живописует мир ярко и гармонично, в соответствии с законами цвета, сформулированными Гете [44, с. 11–18]. Не случайно эпос является богатейшей основой национального изобразительного искусства, неиссякаемым источником творчества современных живописцев. И сам Калкин нередко подсказывал художникам, как выглядят те или иные фольклорные персонажи, в какой цветовой гамме видится ему пейзаж и все окружающее

космическое пространство. Более того, у Калкина были и совершенно необычные красочные видения, которые, как он считал, должны были воплотиться на холсте художника. Так, в соответствии с этими видениями были созданы некоторые значительные картины Ортонулова. Один из визионерских сюжетов имеет совершенно особое значение.

Как известно, в конце сказания «Маадай-Кара» богатырь Когюдей-Мерген поднялся на небо и обещал, что он будет оттуда наблюдать, как живет его народ, и в случае нужды – помогать ему:

*...Живите общию судьбой
И не враждуйте меж собой.
Живите как одна семья,
Любите отчие края...
Я подымусь на небосвод
И стану яркою звездой
Смотреть оттуда, как живет
Народ освобожденный мой.
В любых краях с заката дня
Среди небесной темноты
Всегда отыщете меня,
Я – вас увижу с высоты.*

Однажды Алексей Григорьевич Калкин приехал в Горно-Алтайск к художнику и сказал ему: «Сейчас настал трудный момент в жизни народа и нужна помощь Когюдей-Мергена. Богатырь должен встретиться с небесными Богами. Встреча произойдет на очень высокой вершине. На нее никому не дозволено ходить. На вершине ровное место и синее озеро. Туда должен подняться на своем коне Богатырь. Боги-Бурханы решили направить на встречу с Когюдей-Мергеном Белую Птицу-Бурхана. ...Вдруг открывается небо, сияет. Оттуда спускается Белая Птица, садится на озеро и превращается в девушку в белой одежде. Одна встречает Богатыря. Богатырь приехал с миссией просить Благодати для своего народа, которому необходима помощь свыше. Она вручает ему ветку арчына. Богатырь принимает этот дар на раскрытый белый хатык».

Ортонулов написал картину в точном соответствии с наказом Калкина и назвал ее «Когюдей-Мерген» (1998). В мистическом колорите полотна властвуют два условных тона – теплый и холодный.

Они, словно эфир, возникают из небесной выси и спускаются в осязаемые формы на Земле. Божественное связывается с более светлым тоном, земное — с более темным. Необычайно сильное впечатление производит серо-голубая гамма, в которой написаны горы, воды и богатырский конь. Кажется, что конь этот является живым воплощением Алтая, что он есть его высочайшая одушевленная вершина.

Художник достаточно точно визуализирует пророческое видение Калкина. Действие картины разворачивается среди высоких гор, что сообщает происходящему грандиозный масштаб и феноменальный характер. Зритель, как бы созерцающий чудесную сцену с другого берега озера, воспринимает ее как таинственное и сакральное действо божественных персонажей. На Земле все замерло в торжественный момент благословения, и только из Космоса изливаются благодатные волны света.

Ортонулов написал встречу Когюдей-Мергена с Богиней — посланницей Неба, следуя аналогичному сюжету на знаменитом ковре из пятого Пазырыкского кургана. Художник повторяет позу сидящей Богини, только теперь у нее в руке вместо фантастического растения ветка можжевельника, считающегося у алтайцев священным.

Оконченная картина была принесена Калкину. Он, уже тяжело больной и почти лишившийся зрения, протянул к ней ладонь правой руки, провел ею несколько раз, как бы исследуя полотно, и сказал одобрителное слово: «Тяраар (Подойдет)». Через полмесяца Калкина не стало.

Ранее считалось, что выбитый на скале образ обретал силу реальности, когда племя устремляло к нему свои самые сокровенные помыслы. Люди верили, что чем горячее их молитвы, тем скорее они будут услышаны наверху, тем вернее исполнятся их просьбы. Художник надеялся, что и сегодня, устремив взоры к картине и объединив свои чаяния в общем порыве, алтайцы помогут завещанию Калкина сбыться.

Как не вспомнить тут известные слова Юрия Николаевича Рериха: *«Для кочевников Восточного и Западного Тибета легенда о Гесэре не является просто эпической поэмой, это их религия, их воплощенная надежда на лучшее будущее, которое представляет собой выражение славного прошлого»* [3, с. 331]! Все это в полной мере относится и к алтайцам с той лишь разницей, что их культурным героем является не Гесэр, а Когюдей-Мерген. Представляя кар-

тину на вернисаже в 2002 году, ведущий алтайский поэт Паслей Самык сказал, что Когюдей-Мерген — это тот же Мессия, что и Майтрейя для индийцев, а Матерь Мира алтайцы представляют в образе Богини с веткой в руке.

Все это говорит о том, что к языческим верованиям и менталитету коренных народов Сибири с их необычайно древней и богатой культурой следует относиться с должным уважением и вниманием. Именно об этом предупреждал в свое время Юрий Николаевич Рерих, проницательно отмечая, что в наши дни возрождается народное творчество, иногда в виде пророчеств, легенд или напутствий. *«Не следует недооценивать значения этой разбуженной силы, таящейся в юртах кочевников...»* [3, с. 138].

Перифразируя его же слова, сказанные в отношении Тибета [1, с. 93], можно констатировать, что продолжает жить кочевой Алтай, Алтай Когюдей-Мергена и кочевого эпоса.

Литература

1. *Рерих Ю.Н.* Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара: Агни, 1999.
2. *Рерих Ю.Н.* Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. М.: МЦР, 1992.
3. *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1994.
4. *Грязнов М.П.* Раскопки княжеской могилы на Алтае // Человек. 1928. № 2—4.
5. *Руденко С.И.* Скифская проблема и алтайские находки // Известия АН. Серия история и философия. 1944. Т. 1. № 6.
6. *Грязнов М.П.* Пазырыкский курган. Л., 1937.
7. *Грязнов М.П.* Первый Пазырыкский курган. Л.: Искусство, 1950.
8. *Руденко С.И.* Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952.
9. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
10. *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
11. *Рудзитс И.Р.* Жизнь Ю.Н.Рериха — путь труда на общее благо // Ю.Н.Рерих: материалы юбилейной конференции. М.: МЦР, 1994.
12. *Кубарев В.Д.* Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск: Наука, 1979.
13. *Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987.
14. *Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991.
15. *Кубарев В.Д.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992.
16. *Сорокин С.С.* Щепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Южный Алтай) // Археологический сб. Гос. Эрмитажа. 1974. Вып. 16.

17. *Савинов Д.Г.* Курганы позднескифского времени в долине Узунтал // Археологические открытия 1973 года. М.: Наука, 1974.
18. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992.
19. *Суразаков А.С.* Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1988.
20. *Могильников В.А.* Курганы Кызыл-Джар I–VIII – памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983.
21. *Марсадолов Л.С.* История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996.
22. Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1998.
23. *Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1997.
24. *Кубарев В.Д., Маточкин Е.П.* Петроглифы Алтая. Новосибирск: Институт Археологии и Этнографии СО РАН, 1992.
25. *Маточкин Е.П.* Искусствознание и проблемы изучения первобытного искусства Сибири // Международная конференция по первобытному искусству. Т. 1. Кемерово, 2000.
26. *Маточкин Е.П.* Петроглифы Бош-Туу // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994.
27. *Маточкин Е.П.* Петроглифы Куйген-Кышту // Древности Алтая. № 9.
28. *Маточкин Е.П.* Лучник и птица петроглифов Карагема // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 3.
29. *Полосьмак Н.В.* Стерегущие золото грифы. Новосибирск: Наука, 1994.
30. *Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001.
31. *Молодин В.И.* Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2000.
32. *Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Чекишева Т.А. и др.* Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во Института Археологии и Этнографии СО РАН, 2000.
33. *Грязнов М.П.* Древнее искусство Алтая. Л.: Искусство, 1958.
34. *Руденко С.И.* Искусство скифов Алтая. М., 1949.
35. *Руденко С.И.* Искусство Алтая и Передней Азии. (Середина I тыс. до н.э.). М.: Искусство, 1961.
36. *Руденко С.И.* Сибирская коллекция Петра I. М.–Л., 1962.
37. *Федоров-Давыдов Г.А.* О сценах терзаний и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975. Вып. 3.
38. *Рерих Н.К.* Листы дневника. Т. 1. М.: МЦР, 1995.
39. *Спицын А.А.* Курганы скифов-пахарей // Известия Археологической комиссии. Пг., 1918. Вып. 65.

40. *Roerich G.N.* Animal style among the nomad tribes of Northern Tibet. Prague: Seminarium Kondakovianum, 1930.
41. *Грязнов М.П.* Об едином процессе развития скифо-сибирских культур // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства (тезисы докладов конференции). Кемерово, 1979.
42. *Молодин В.И.* Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4.
43. *Маточкин Е.П.* Образ богатырки на скалах Алтая // История и культура Азии. Материалы международной научной конференции (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г). Т. 2. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002.
44. *Маточкин Е.П.* Цвет и свет в «Маадай-Кара» // Алтай и тюрко-монгольский мир (тезисы, статьи). Горно-Алтайск: Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований, 1995.

А.В.СКИБА,

*аспирант Института археологии НАН Украины,
Киев*

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ В СВЕТЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ Ю.Н.РЕРИХА (КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В истории человечества мы видим периоды, которые были ознаменованы грандиозными передвижениями народов, как кочевых, так и оседлых, и которые охватывали большую часть евразийского пространства. Эти явления вызывали огромные сдвиги во всех сферах жизни тех эпох. В волнах Великих переселений народов в едином историческом движении сливались Запад и Восток. И сегодня, когда человечество нуждается в обновлении культурных первооснов, когда необходимы новые, более широкие выявления человеческой мысли, как никогда актуально взаимное сближение Востока и Запада. Еще в 1923 году Ю.Н.Рерих писал в статье «Расцвет ориентализма»: *«Некогда считавшаяся «абстрактной» наука приобретает сегодня практическую ценность. Еще совсем недавно ориентализм был замкнутой областью, в которой проводились углубленные научные изыскания, но сокровища которой были не доступны остальному миру и скрыты за плотной пеленой времен. Однако пробил час, и именно этой науке, занимавшейся воссозданием прошлого, выпало на долю указать людям новые пути, облегчающие взаимопонимание между двумя великими очагами мировой цивилизации»* [1, с. 13]. В историческом срезе взаимодействия Востока и Запада важную роль сыграло Великое переселение народов.

Тема больших этно-исторических миграций занимает центральное место в научных исследованиях Ю.Н.Рериха, выдающегося ориенталиста, одного из основоположников номадистики. Проблематике Великого переселения народов Ю.Н.Рерих посвятил такие работы, как «Звериный стиль у кочевых племен Северного Тибета», «Тохарская проблема», «Память о тохарах в Тибете», «Монголия. Путь завоевателей», все еще неопубликованная «История Средней Азии» и др. По праву концептуальной можно

назвать одну из наиболее ранних работ Юрия Рериха – «Расцвет ориентализма». Большой фактический материал содержится в экспедиционном дневнике «По тропам Срединной Азии».

Ключевым в подходе к изучению феномена больших этно-исторических миграций для Ю.Н.Рериха стал тот грандиозный исторический и культурный след, который они оставили. Великое переселение народов ученый рассматривает как динамическое явление, которое связывало в единое целое разные части исторического пространства. Для него особенно важным было культурное содержание этого явления. Ю.Н.Рерих ставит вопрос о закономерности больших этно-исторических миграций и о роли в них древних культурных центров Средиземноморья и центров, расположенных вокруг Великого Гималайского хребта. В статье «Расцвет ориентализма» ученый размышляет: *«Как объяснить это наступательное движение, не прекращавшееся в течение 15 веков?»*. И далее: *«Мы встречаемся здесь с необъясненным еще феноменом жизни кочевых народов, с новой для нас проблемой психологии «орды». Может быть, древние центры великих цивилизаций обладали особой силой притяжения? Психология народов остается еще почти не исследованной областью науки...»* [1, с. 17–18]. Здесь автор затрагивает еще один чрезвычайно важный аспект, а именно: значение явлений, связанных с внутренним миром человека, и их отражение в культурно-исторических реалиях, что дает новый, более глубокий срез феномена Великого переселения народов. *«Кочевниковедению – этой новой отрасли восточной археологии – надлежит в будущем восстановить картину кочевого мира, этого звена между культурами Древнего Китая, Индии и бассейна Средиземного моря»* – отмечает Ю.Н.Рерих [1, с. 29]. При этом он обращает особое внимание на роль Индии, на ее духовное влияние в этом культурном взаимодействии. *«Исследование Центральной Азии, – читаем мы в той же статье «Расцвет ориентализма», – выявило тесные связи, существовавшие между царствами Китайского Туркестана и Индией. Если формы политического устройства Центральная Азия несколько раз заимствовала у Китая, то большинство своих религиозных теорий она получала именно из Индии»* [1, с. 17]. *«На протяжении примерно тысячи двухсот лет, – пишет ученый в статье «Индия в долгу перед буддизмом», – влияние индийского искусства и философии главенствовало в Центральной Азии. Теперь мы знаем, что это влияние было, главным образом, буддийским.*

Благодаря своей общечеловеческой направленности буддизм был способен преодолевать национальные границы» [2, с. 7]. Культурное влияние Индии Ю.Н.Рерих изучает во взаимосвязи с культурами стран, куда оно проникало, выявляя при этом саму сущность этих влияний. В статье «Буддизм и культурное единство Азии» ученый отмечает: «...Общечеловеческая направленность буддизма, подкрепленная высокой философией, на протяжении столетий вдохновляла философию, искусство и литературу стран Азии. Далекий от реакционности, буддизм, благодаря своему влиянию, повсеместно воспитывал новый тип творчества» [2, с. 10]. Именно с буддизмом Ю.Н.Рерих связывает сложение культурной общности, охватившей большую часть Азии. Раскрытие Юрием Рерихом глубинных следов индийско-буддийской духовной традиции, которые выразились в ее культуротворческом влиянии, явлениях культурного синтеза, является чрезвычайно важным для понимания роли Индии в культурном взаимодействии народов эпохи Великого переселения, а также значения этих выявлений индийской культуры для последующих периодов.

С Индией в разные эпохи тесно соприкасался кочевой мир — это и скифское время, и Кушанская эпоха, и период I Тюркского каганата. Ю.Н.Рерих обратил внимание на гораздо более широкое географическое и культурное значение контактов, которые возникали между кочевыми племенами и Индией. *«Стенному поясу Центральной Азии с его речными оазисами, — пишет он, — было предопределено стать каналом культурных влияний, идущих из Индии, Ирана и Китая. Этот перекресток различных культур создал уникальную и красочную смешанную культуру, основа которой по большей части — индийская» [2, с. 7].*

Широкое взаимодействие оседлых цивилизаций и кочевого мира, а также культурный синтез становятся определяющими для эпохи Великого переселения народов. В искусстве этой эпохи мы можем наблюдать выражения, которые делаются общими для многих народов. Это полихромный стиль гуннского времени (V в.), геральдические поясные наборы VI–VII вв., распространение «звериных» мотивов, антропоморфные изображения и у кочевников, и у славян. Славянские племена выступают тем звеном в цепи культурного взаимодействия, значение и роль которого еще предстоит раскрыть. Культуры раннесредневековых славян и кочевых племен обнаруживают особенно сильное взаимовлияние.

Кроме уже названного, перекликаются у них орнаменты на деталях поясных гарнитуров и конской сбруи, мотивы «звериного стиля» и др. Общим для кочевников и славян было влияние византийской культуры. Интересно отметить, что в одном регионе — в Приднепровье, в один и тот же период складывается культурное средоточие и славянских племен, и кочевников. В эпоху Великого переселения народов мы можем наблюдать как бы сближение культур, видим, насколько близкими становятся типы художественного восприятия. В свою очередь, это сближение давало возможность непосредственного взаимообогащения, взаимовдохновения культур. Археологические материалы раскрывают перед нами картину творческого всплеска, наблюдаемого у разных народов и давшего богатство и неповторимость выражений искусства. В Восточной Европе этот всплеск особенно ярко проявился в VII в. Этот период также дает примеры мирного сосуществования кочевых и оседлых народов. Известны союзнические отношения Византии с I Тюркским каганатом, а затем — с Великой Булгарией, образовавшейся после его распада. Тесными были взаимоотношения славян и кочевых племен Северного Причерноморья (славянские поселения находятся рядом с маршрутами сезонных перекочевок степняков, в это же время славяне активно заселяют степную полосу). Безусловно, культурное взаимодействие накладывало свой отпечаток на все области взаимоотношений между народами.

Благодаря возникновению огромной Тюркской империи (вторая половина VI — начало VII в.) возобновляются связи Средиземноморского бассейна со Средней Азией, Индией и Китаем, оживают торговые пути. В свое время Ю.Н.Перих ставил вопрос о связях причерноморских степей с Центральной Азией. Современные научные изыскания дают новые материалы, которые подтверждают эти связи. Для нас особенно важен тот факт, что связи с центральноазиатским регионом существовали в разные периоды эпохи Великого переселения народов. В частности, они проявились в появлении в Паннонии удлиненных ременных наконечников с изображениями животных, в приднепровских поминальных комплексах с прямоугольной оградой, аналогичных комплексу, возведенному в честь тюркского кагана Кюль-Тегина в Монголии (первая половина VIII в.), в тамгообразных орнаментах мартыновского типа, встречаю-

щихся в славянских и кочевнических древностях VII века, в распространении у кочевников Восточной Европы амулетов в виде восьмиспицевого колеса.

В исследовании художественных выявлений кочевой культуры Рерихи одними из первых обратили внимание на значение «звериного стиля» и его влияние на культуры оседлых народов. «Звериный стиль» был непосредственно связан с великими этно-историческими миграциями. *«Огромный интерес, — пишет Ю.Н.Рерих, — вызванный замечательной, уникальной стилизацией, характерной для искусства кочевников, а также широкое распространение этого стиля среди разнообразных племенных групп Внутренней Азии и его громадное влияние на искусство соседних культур поставили на очередь вопрос о культурной роли кочевников»* [1, с. 29]. Во время Центрально-Азиатской экспедиции Рерихами был собран огромный фактический материал, свидетельствующий о широком распространении «звериного стиля». Так, предметы в «зверином стиле» были обнаружены в Тибете. Этот, на первый взгляд вполне ординарный факт указывал на связь Тибета с кочевой культурой евразийских степей (ряд «звериных» мотивов в Тибете аналогичен скифо-сибирским; Ю.Н.Рерих на основании этнографических и антропологических данных появление «звериного стиля» в Тибете связывал с переселением туда части тохарских племен). Сопоставление ученым области распространения «звериного стиля» с обнаруженными экспедицией в Трансгималаях мегалитическими памятниками показало, что он охватывает районы, которые были связаны с миграциями более древних эпох. К культурной параллели, проходившей через евразийское кочевое пространство, добавилась еще одна, — которая объединяла его с Гималаями.

«Звериный стиль» как явление искусства выходит далеко за пределы одного хронологического периода. Наряду с эпохой первого тысячелетия до н.э. мы видим широкое его распространение в начале раннего средневековья как у кочевых, так и у оседлых народов на огромном пространстве от Центральной Азии до Скандинавии. Интересно отметить, что в раннесредневековом искусстве известны мотивы, аналогичные скифским — изображение копытного с повернутой назад головой и подогнутыми под себя конечностями, а также зооморфные пластинки. С другой стороны, на кочевнических подвесках VII в. можно увидеть

круторогих козлов, таких же, как на скалах Алтая или Ладака. Широкое распространение «звериного стиля», его связь с богатыми культурными выражениями разных эпох позволяют рассматривать его как синтетическое выявление культуры.

Обращают на себя внимание древности ранних славян. Их неотъемлемой чертой являются яркие «звериные» стилизации в отделке фибул, деталей поясных наборов, пластинчатые фигурки животных. Причем в этих художественных выражениях соединяются мотивы, характерные как для кочевников, так и для германских племен. Следует заметить, что в славянской культуре начала раннего средневековья «звериный стиль» соединяется с удивительным богатством и разнообразием выражений искусства, а также явлением широкого культурного синтеза. Перед нами явление культурного всплеска, которое совпало с периодом расселения славянских племен.

Затрагивая тему культурного взаимодействия, будет правомочным поставить вопрос о влиянии индийско-буддийской традиции на славянство через посредство кочевого мира в эпоху Великого переселения народов, в том числе о влиянии на упомянутые нами синтетические явления в искусстве ранних славян.

Литература

1. *Рерих Ю.* Тибет и Центральная Азия. Самара: Агни, 1999.
2. *Рерих Ю.Н.* Буддизм и культурное единство Азии. М.: МЦР, 2002.

Н.В.ТЮТЮГИНА,

старший научный сотрудник

Художественного музея им. М.В.Нестерова,

Уфа

К ПРОБЛЕМЕ «ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ» НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Наше время рубежа тысячелетий интересно тем, что не только Магомет идет к горе, как утверждает известная пословица, но и гора может двигаться навстречу. Такими своеобразными подвижками гор, выдающих сокровища своих недр, явилась целая серия одновременных открытий в курганах скифов на Алтае (плато Укок) и на Южном Урале (Оренбургские степи).

В июне 2002 года в Уфимском художественном музее имени М.В.Нестерова открылась выставка «Золотые олени Евразии», где были представлены произведения искусства скифского мира середины первого тысячелетия до н.э. от Монголии до Причерноморья. Центральное место в экспозиции заняли ювелирные изделия кочевников Южного Урала из Филипповского кургана.

Археологические раскопки кургана проводились в 1987–1988 годах экспедицией Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН под руководством Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Было найдено около 600 золотых предметов, а также изделия из бронзы, железа и керамики. В своем выступлении хотелось бы поделиться некоторыми размышлениями, невольно возникающими при непосредственном соприкосновении с культурой скифского мира.

Находки Филипповского кургана Оренбургской степи явили ученым почти весь спектр образов «звериного стиля», когда-либо бытовавших в мифологии номадов: здесь и конь, и сайгак, и архар, и волк, и медведь, и верблюд, и змея, и грифон, и рыба. Иерархической вершиной этого «пантеона» в Филипповском кургане явился олень: было найдено двадцать шесть, некогда резных, деревянных скульптур оленей (дерево почти не сохранилось), обложенных золотой фольгой (высота скульптур в среднем 50 см). При внимательном изучении художественных особенностей изделий

из Филипповского кургана, в том числе скульптур оленей, у нас невольно возник ряд вопросов. Первый из них: а существовал ли олень на Южном Урале две с половиной тысячи лет назад? Может, олень-то и не было? Как оказалось, вопрос далеко не праздный.

О том, что основой филипповской деревянной скульптуры, обложенной золотыми листьями, послужил образ оленя, явно свидетельствуют в изображениях только рога, да и те предельно стилизованы символами вечного движения: волютами, S-образными завитками, мотивами, напоминающими лабиринт. Необычен и тупой овал морды оленя, вызывающий ассоциации то ли с кабаном, то ли с волком, а нижний завиток под мордой – разве не козлиная борода?

Если мы взглянем на образ оленя на Западе кочевого мира и на Востоке от Южного Урала, то заметим, что скифы-художники прекрасно знали, как выглядел олень, его пластику, телосложение, пропорции. Это знание давалосьномадам самой жизнью среди природы, неотъемлемой частью которой они себя ощущали. Это знание также позволяло нашему предку стилизовать реальные формы в той мере, в которой они, выполняя свою декоративную функцию в качестве оберега, не теряли своей изначальной связи с натурой. Что же мы видим у оленей из Филипповки?

При всей своей величественной красоте и изысканной декоративности, скульптуры почти полностью утрачивают реалистическую основу оленного образа. Мастер (или мастера), исполнивший скульптуру, явно не наблюдал оленей в природе, художник, имея о них, скорее всего, общее представление, явился перед нами своеобразным, пластическим, хранителем генетической памяти, опыта предков, поклонявшихся оленю как символу Солнца и перекочевавших на Южный Урал из регионов, где олени водились.

Подтверждение своим размышлениям мы нашли в книге В.А.Иванова «Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала)», где автор пишет о том, что кочевой мир Оренбургской степи оставил в наследство изображения *«животных, на Южном Урале неизвестных: льва, горных козлов-архаров, благородных оленей с ветвистыми рогами»* [1, с. 65]. Но в этой связи возникают новые вопросы.

Если олени на Южном Урале во времена сооружения Филипповского кургана (V–IV вв. до н.э.) не водились и поэтому так предельно стилизованы их скульптурные изображения, то как же

быть с архарами? Мы имеем в виду золотые чеканные бляшки с реалистически моделированными скульптурными головами животных. Вряд ли для горных козлов когда-нибудь могли быть привлекательны высоты Урала: явно низковато. Откуда же такое знание этого животного у филипповского мастера? Вывод напрашивается один: если о скульптурах оленей возможно говорить как о самобытном искусстве Южного Урала, то золотые накладки в виде архаров явно не местного происхождения. Неместного происхождения и парные скульптурки горных баранов, предположительно служившие ручкой сосуда: не узнать этих животных невозможно, настолько точно пластика передает натуру. Так же, как невозможно не узнать изумительных по анатомической скрупулезности изображения фигуры сайгаков на обкладках сосудов, с их отвисающими мордочками и кривыми рожками. Не беремся утверждать, что эти животные водились до нашей эры в приуральских степях, но что еще в начале XX века в Оренбургской области можно было увидеть верблюда – это факт.

Золото золотом, но один из шедевров Филипповского кургана исполнен из бронзы. На литой, овальной формы бляхе, предположительно с конской сбруи, изображены два верблюда, сцепившиеся друг в друга. Здесь умение в конкретных, узнаваемых, реалистических образах передать философию Бытия, закон Мироздания, покоящегося на равновесных началах, в творчестве наших предков потрясает, быть может, более, чем скульптурная повествовательность античной классики. Но и это изображение верблюдов, как и подобные им из того же Филипповского кургана, ставят перед нами новые вопросы.

Вглядимся в особенности пластики филипповских верблюдов, в стилизацию их морды, в этот хищный оскал, взбитый хохол над круглым глазом, и мы перенесемся не только на один или пару веков назад, но и за тысячи километров от Южного Урала, а точнее – на Алтай. Именно точно такой же верблюд, с тем же оскалом, круглым ухом и глазом, торчащим хохлом, но исполненный из дерева и датируемый VI в. до н.э., был найден С.И.Руденко в 1954 году на Алтае в знаменитом Туэктинском кургане и хранится сейчас в Эрмитаже [2, кат. 190]. Невозможно не заметить единый художественный источник образа уральского и алтайского верблюда, и, естественно, напрашивается вывод: у нас нет твер-

дых оснований датировать все предметы Филипповского кургана V–IV вв. до н.э., часть этих памятников более раннего и явно не местного происхождения [3].

Загадкой остается и то, кто был погребен в Филипповском кургане. Погребение здесь женщины засвидетельствовано явно, причем женщины высокого положения: найдены женские золотые подвески в виде звезды и височного кольца, а золото, как известно, всегда было в скифском мире символом власти. Не противоречит ритуалу погребения женщины в скифском мире и наличие железных мечей с золотой инкрустацией. Если к тому же вспомнить о высоком положении женщины у кочевников и поклонении скифов Богине-Матери, то для предположения о захоронении в Филипповском кургане царицы есть все основания. Косвенным тому подтверждением может служить любопытная деталь: по свидетельству реставраторов Эрмитажа, дерево, из которого выполнены скульптуры оленей, — береза и ива [4].

Дело в том, что береза (ива) издревле в культурах разных народов символизировала женское начало — Богиню-Мать. Не случайно на золотой застежке из Сибирской коллекции Петра I, хранящейся в Эрмитаже, головной убор женщины вплетен в гибкие ветви дерева — Древа жизни, с которым ассоциировались и рога оленя [5]. На Алтае до сих пор существует обряд срубания священного дерева — березы — перед тем, как юноша женится [6, с. 41–42]. А у славян по сей день бытует знакомая всем песня со словами: «Некому березу заломати». Неведомыми путями из Центральной Азии через Южный Урал дошел этот брачный ритуал до славян.

Благодаря уникальным открытиям российских археологов за последнее десятилетие культура кочевого мира вновь входит в нашу жизнь. Эта богатая культура, связующие нити которой протянулись к традициям разных народов, будучи глубоко осмысленной, может стать тем мостом, что соединит между собою Восток и Запад, мир славянский и мир тюркский. Как писал Ю.Н.Рерих: *«Разница между Востоком и Западом заключается, конечно, не в отличии рас, но, скорее, в различных подходах к вещам, сложившихся на основе как несхожих условий жизни, так и множества предрассудков. На первый взгляд кажется невозможным пробить эту стену предубеждений и устоявшихся представлений, но если попытаться это сделать, то это не более сложно, чем следовать старым убеждениям»* [7, с. 14].

Литература и примечания

1. *Иванов В.А.* Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб.: УНЦ РАН, 1994. С. 65.
2. Воспроизведение см.: Золотые олени Евразии. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. С.-Петербург. 18 октября 2001 г. – 20 января 2002 г. СПб.: Славия, 2001.
3. Аналогии в пластической интерпретации животного у алтайских и уральских(?) мастеров просматриваются также в изображении волка. Сравн. золотую оковку деревянного сосуда из Филипповского кургана (воспр.: Золотые олени Евразии. Каталог выставки в Уфе. СПб.: Славия, 2002. С. 25) и войлочную подвеску из 1-го кургана могильника Ак-Алаха (воспр.: *Полосьмак Н.В.* Стережущие золото грифы. Новосибирск: Наука, 1994. Рис. 48.).
4. Заведующий Лабораторией научной реставрации произведений прикладного искусства ГЭ А.И. Бантиков пишет: «*Результат анализов: деревянная основа у оленей (кат. № 3, 91, 95) определяется как береза (Betula sp.), у оленей, стилистически отличающихся более тонкой проработкой деталей и изяществом форм (кат. №1, 2, 4), основа определена как ива (Salix sp.)*». См.: *Бантиков А.И.* Реставрация, реконструкция и научно-техническая экспертиза находок из Филипповских курганов // Золотые олени Евразии. 2001. С. 56.
5. Воспр. см. : Золотые олени Евразии. 2002. С. 61.
6. См.: *Шишин М.Ю.* Укок – алтарь Евразии (историко-культурологический анализ) // *Рудой А.Н., Лысенкова З.В., Рудский В.В., Шишин М.Ю.* Укок (прошлое, настоящее, будущее). Барнаул: Алтайский государственный университет, 2000.
7. *Рерих Ю.Н.* Расцвет ориентализма / *Рерих Ю.Н.* Тибет и Центральная Азия. Самара: Агни, 1999.

Л.ХАЛОУПКОВА,
научный сотрудник
Института Востоковедения АН ЧР,
Прага, Чехия

ТАНТРЫ ПРОТИВ ЗАСУХИ

Я родом из Бурятии, живу и работаю в Праге. Я очень благодарна за приглашение на эту замечательную Юбилейную конференцию, посвященную столетию со дня рождения Ю.Н.Рериха. Разрешите передать всем Вам приветствие от имени сотрудников Института Востоковедения, Музея имени В.Напрстка, членов Чешского востоковедного общества и Общества друзей Монголии в Чехии.

В Праге интересуются Тибетом и Востоком, работают тибетские и буддийские общества «Потала», «Лунгта», «Лотос» и др., устраиваются выставки, проводятся лекции. Например, с июня по сентябрь этого года в Северочешском музее в г. Либерец проходила выставка «Жизнь в буддийском монастыре от рассвета до заката», на которую были привезены экспонаты из Праги и из Института высшего тибетского учения в Швейцарии. На открытие выставки приехали высокие тибетские ламы Гонсар-ринпоче и Рабтен-ринпоче, а также Тричен-ринпоче из Австрии, который является перерожденцем учителя Его Святейшества Четырнадцатого Далай-ламы. Они провели буддийские обряды, а сопровождавшие их молодые монахи показали фрагменты из мистерии Цам, которые были потом показаны и в Праге на встрече Общества друзей Монголии.

Его Святейшество Четырнадцатый Далай-лама приехал в Прагу в июле 2002 года и принял участие в международной конференции «Роль и ответственность религии в современном мире», которая была организована в рамках фонда ФОРУМ-2000 чешским президентом В.Гавелом. Это был уже четвертый визит Четырнадцатого Далай-ламы в Чехию начиная с февраля 1990 г. На этот раз Общество друзей Монголии провело незабываемую встречу с Его Святейшеством, на которую собрались монголы и тибетцы, проживающие в Чехии, Польше и Германии. В ближайшем будущем

ожидается приезд в Прагу известного тибетского ученого Намкай Норбу-ринпоче, который долгие годы жил и работал в Италии вместе с профессором Дж.Туччи.

В Университете имени Масарика в г. Брно, в Институте религионики работает доцент Любош Белка, предметом исследований которого является буддизм в Бурятии и буддизм в России. В начале 1990-х годов он организовал несколько экспедиций в Бурятию, где посетил почти все старые и новые буддийские монастыри. В 2000–2001 годах, вместе с другими чешскими исследователями, он побывал в Монголии, Бурятии и Амдо, получив грант Фонда Сороса. Вместе с ним работал и молодой аспирант Дан Бороунский, который до этого провел восемь месяцев в бурятском монастыре, изучая тибетский язык и пережив суровую сибирскую зиму. В результате этих исследований была опубликована монография «Тибетский буддизм в Бурятии», а также выпущен фотоальбом «На краю света», который повествует о трудовых буднях Бурятии, о ее людях, обычаях и религии.

Перед приездом на Вашу конференцию я побывала в Музее имени В.Напрстка в Праге, где узнала, что в прошлом году его сотрудниками была организована большая выставка о Чукотке в г. Брно, а сейчас готовится постоянная экспозиция о Сибири. Есть желание сотрудничать в дальнейшем и с Вашим музеем.

* * *

В Институте Востоковедения Академии наук ЧР имеется коллекция тибетских дхарани, которая была описана мной в журнале *Archiv Orientalni* [1, с. 1–69]. Эти тибетские тексты, изданные отдельным сборником, входят также в состав тибетского и монгольского буддийского канона Ганджур. В данном докладе рассматриваются три текста на тибетском и монгольском языках, представляющие собой три дхарани против засухи, авторство которых приписывается самому Будде. В них прослеживаются очень древние символы и мотивы, связанные с культом обожествления змей в древней Индии. Эта тема была актуальной на протяжении многих столетий, и ее отголоски сохранились вплоть до наших дней. Свидетельством этому является и замечательная картина С.Н.Рериха «Заклинатель змей», которая висит прямо здесь, в этом зале Музея, справа от меня. В ней художник изобразил

горный пейзаж перед грозой и заклинателя в красных одеждах, который озабоченно разговаривает о чем-то со змеями на берегу высокогорного озера. А теперь давайте перейдем к старинным буддийским текстам и посмотрим, о чем они нам говорят.

Большинство сочинений в буддийском каноне Ганджур представляет собой ритуальную религиозную литературу, где Будда сам выступает как автор многих поучений и проповедей. В буддийском каноне существует также много литературных произведений, включая легенды, повести, биографии и джатаки. В монгольском Ганджуре [2] имеется несколько отделов, и первый отдел – Тантры – состоит из 25 томов, содержащих 745 произведений. Это значит, что больше половины сочинений в монгольском Ганджуре (из общего числа 1161) представляют собой различные виды тантрической литературы. Среди них мы можем найти многочисленные произведения, посвященные различным буддийским божествам, садхана и мандала ритуалы, руководства к медитациям и способам визуализации таких божеств, как Амитабха, Авалокитешвара, Тара, Майтрейя, Манджушри, Махакала, Ваджрадхара, Калачакра, Хеваджра, Маричи, Маюри и т.д. Большое внимание уделяется почитанию и произношению имен божеств, насчитывающих иногда до 108 разновидностей.

Отдел тантрической литературы еще недостаточно изучен с точки зрения его содержания. Тантрические тексты в целом недоступны для обыкновенного читателя из-за сокровенного, эзотерического, характера их содержания. Тантры во многих местах прерываются мантрами, или магическими формулировками призывания и заклинания богов, которые, как считается, представляют собой «наиболее древнюю часть священных текстов обычно без содержания», но на самом деле «имеют глубокое и весьма тонкое значение, содержащее квинтэссенцию многих сокровенных наук». Произношение мантр имеет прежде всего защитную функцию, предохраняет от воздействия всех вредных сил и препятствий на пути духовного очищения. В монгольском и тибетском Ганджуре мантры сохраняются в их оригинальном произношении на санскрите или других древних индийских языках, записанные тибетскими буквами или монгольским галиком. Отсюда вытекает исключительная трудность при чтении и комментировании тантрических текстов. Правильное использование и произношение мантр в соответствующее время и в соответствующих условиях

имеет большое значение для адепта и может повлиять на окружающую среду. В монгольском Ганджуре имеются тантры, направленные на исцеление от многих болезней тела и духа, которые еще недостаточно изучены в наше время. Темой нашего выступления являются три дхарани, которые предназначены для защиты и охраны растений против засухи и других стихийных бедствий.

В этих дхарани, коротких тантрических текстах, содержащих обычно мантры, проявляется культ обожествления змей в древней Индии. Согласно древним легендам, божества-змеи пребывали во многих реках и озерах. Они считались основными виновниками всех человеческих несчастий и болезней, от них зависело своевременное появление дождя, града и облаков, созревание урожая, плодов и семян.

Согласно А.Уодделю [3, с. 155–195], который занимался изучением дхарани в буддийской литературе, в этих текстах Будда ассоциируется с культом солнечного мифа или солнечной птицы. В этом солнечном мифе, широко распространенном во многих архаических цивилизациях мира, солнце представляется как огромная птица с развернутыми крыльями, которая приносит пользу человечеству, уничтожая вредных духов зла и темноты. Эти вредоносные силы, как правило, персонифицируются в образе змей или драконов. Поэтому в буддийской литературе появились дхарани, авторство которых приписывается самому Будде и которые имеют многофункциональное значение. Например, чтением дхарани можно избежать пожаров, землетрясений, наводнений, голода и болезней, смуты и войн, воровства и убийства, нападения диких зверей, преждевременной смерти и других несчастных случаев. Универсальное значение имеют также три дхарани, которые в буддийском каноне Ганджур называются «Громовой железный клюв», «Черный железный клюв» и «Железный клюв». Произношением этих дхарани одерживается победа над силами зла в образе змей и обеспечивается защита всех растений, цветов и плодов на земле.

«ГРОМОВОЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ КЛЮВ» [4]

Однажды Будда находился в Магадхе в окружении монахов в саду Амра. Индра, правитель богов, приблизился к Будде, поклонился ему в ноги и сел рядом с ним. Брахма, Вишну, Махешвара

и четыре царя подошли к нему, обошли вокруг него три раза и попросили его произнести дхарани, которые бы служили следующим целям:

1) устрашению всех змей; 2) разбитию их сердец; 3) уничтожению всех злых змей; 4) охранению от ветра, града и несчастий; 5) защите урожая, фруктов и цветов.

Будда согласился с ними и дал им свое благословение. Как только им были произнесены дхарани, называемые «Громовой железный клюв», все змеи начали разлагаться и тела их стали дурно пахнуть. Испуганные змеи пришли к Будде, поклонились ему в ноги и стали громко жаловаться: «О, Буддо, защити нас, пожалуйста. Боги и люди наносят нам ущерб и причиняют зло. Поэтому в будущем мы обещаем не вредить живым существам, мы не будем насылать на них смерть и другие несчастья». Все змеи океанов и рек, похожие на слонов и царей, суровые и жестокие змеи, тысячи и многие тысячи змей, все они спешили, чтобы поклониться Будде, и торжественно обещали в будущем охранять растения, цветы, урожай и фрукты, ветки и листья, останавливать ветер, град и засуху, своевременно посылать дождь. Все они поклялись исполнять желания и просьбы людей, не причинять зла и не вредить живым существам. В случае нарушения этой клятвы они не смогут достичь высшего состояния бодхи, не смогут стать просветленным буддой.

Во время сильного дождя или сильной засухи необходимо произносить эти дхарани семь раз на крыше дома, на горе или на другом высоком месте, при этом лучше смотреть на восток. Далее рекомендуется произносить эти мантры снова семь раз над белой горчицей и делать подношения по всем сторонам света. В результате этого много змей разбегутся по всем направлениям и быстро вызовут дождь. Когда эти мантры произносятся двадцать один раз над колокольчиком и двадцать один раз — над белой горчицей и делается подношение по четырем сторонам, все условия будут благоприятными и не будет препятствий в пути. Произношение этих мантр один раз защищает от града и облаков, даже молнии, падая вниз, превращаются в дождь. Если произносить эти дхарани восемь раз на ваджре, то все змеи снова соберутся вместе. Если покрутить ваджру, то после ее остановки в том направлении, где остановилась ваджра, не будет града. Эти мантры советуют

произносить тридцать два раза рано поутру в отдаленных местах, чтобы не было ветра, облаков и града. Произношение этих мантр над белой горчицей и приношение подношений по четырем сторонам создаст благоприятные условия в течение одного года, принесет счастье и удачу, предохранит от злых знамений и плохих условий. Эти мантры защищают каждого, кто услышал эти магические звуки. Если произнести эти дхарани двадцать один раз и позвонить в колокольчик, тогда головы всех змей разобьются, они замертво падут наземь и не смогут причинять зло. Все вредоносные существа, такие, как бхуты, ракшасы, пишачи и др., перестанут вредить людям. На расстоянии одной мили вокруг создается свободная и чистая зона без помех и препятствий. Все болезни, злые духи и противники постепенно умиротворяются. Все растения и цветы хорошо растут, урожай созревает и приносит ожидаемые плоды. Брахма, Вишну, Махешвара и четыре царя были рады услышать учение Будды и хвалили его слова.

Это были дхарани, называемые «Громовой железный клюв».

«ЧЕРНЫЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ КЛЮВ» [5]

Однажды Будда сидел со своим учеником Анандой. Будда сказал Ананде:

«Я собираюсь идти в мир Джамбудвипа и буду приносить пользу всем живым существам как буддийский монах». После этого Будда обратился с клятвой к девяти царям драконов, как Такшика и др., а также к тем нагам, которые имели две, три, пять, шесть, семь, девять и тысячу голов. Таким образом, Будда произнес три варианта очень сильных мантр и попросил змей защищать урожай, растения и цветы, ветки и листья, фруктовые деревья и их плоды. Если цари змей не послушаются слов Будды, то тела их будут сжиматься, кожа их огрубеет и покроется язвами и гнойничками, головы их будут болеть и сердца их разобьются вдребезги. Поэтому боги, наги и асуры, женские и мужские якши, все они быстро исполнили желание людей и заставили вовремя идти дождь.

Для этой цели рекомендуется набрать девять пригоршней воды из источников, где живут наги, и разместить их по отдельности, потом произносить мантры над белой горчицей, после этого смешать горчицу с водой и отнести обратно на места проживания

нагов. В результате этих действий обязательно пойдет дождь. Когда адепты будут смотреть на облака, а также посмотрят в четыре стороны света, сделают *мудры* и повторят мантры пятьдесят раз, тогда вскоре пойдет дождь. Когда начинает идти дождь, вы можете пойти в места, где живут злые наги, и умыться в потоке сильной воды, а также съесть три вида белой еды. Во время ритуала запрещено есть мясо, лук и чеснок, пить алкоголь. Лучше смотреть на восток и думать о сострадании к живым существам, молиться всем буддам и бодхисаттвам. Для осуществления этого ритуала рекомендуется приготовить синий трон, синий флаг, синюю одежду, синюю обувь и даже приготовить жертвоприношение синего цвета. Наполнить чистой водой четыре вазы и поставить их в четырех углах мандалы. В середину мандалы приглашаются цари всех нагов океанов и рек, в восточном лотосовом углу призываются наги с тремя головами, в южном лотосовом углу приглашаются наги с семью головами, в западном лотосовом углу приглашаются наги с девятью головами, в северном лотосовом углу приглашаются цари нагов с пятью головами.

Таким образом, когда Будда произносит сильные мантры во второй раз, большое количество нагов терпят поражение: качаясь, они падают наземь без чувств. Все они в страхе обращаются к Будде и выражают свои опасения от разрушительного воздействия этих сильных мантр. В этой новой ситуации Будда снова предупреждает нагов и советует им не вредить, а, наоборот, приносить пользу всем живым существам, охранять их урожай, увеличивать плодородие, не причинять зла людям и зверям, заставлять вовремя идти дождь и т.д. Только в результате таких положительных поступков все наги со многими ногами, и те наги, кто с двумя ногами, и те наги, кто с четырьмя ногами, и те наги, кто без ног, все они будут счастливы и благополучны в будущем под охраной тысячи будд и бодхисатв. Во время сильной засухи рекомендуется читать вслух первую часть мантр сто раз, вторую часть мантр — пятьдесят раз и третью, последнюю часть мантр, надо произносить семь раз. В это время лучше смотреть на облака и произносить мантры постепенно, по отдельности, но негромко, лучше шепотом, в одиночку, без присутствия посторонних лиц. Не рекомендуется произносить мантры больше, чем положено, потому что после этого может разразиться град. После того как будут произнесены эти сильные мантры, обязательно пойдет

дождь в течение одного—пяти дней. Царь учения никогда не умрет, и его молитвы будут исполнены в будущем. Такими словами Будда закончил свои поучения, Ананда и все монахи были очень рады выслушать наставления и хвалили его слова.

Это были дхарани, называемые «*Железный черный клюв*», известные как противник всех нагов, побеждающий великую засуху.

«ЖЕЛЕЗНЫЙ КЛЮВ» [6]

Эти дхарани относятся к сокровенным, тайным тантрам и не рекомендуются для общего пользования. Этот текст желательно спрятать поблизости от озер и рек, укрыть его надежно под камнем, чтобы не видели посторонние. Иногда эти дхарани выписываются в углу молитвенного флага.

Однажды Будда находился в Магадхе, он сидел в пещере в парке Амра. Индра, правитель богов, приблизился к Будде, учтиво поклонился в ноги и сказал ему следующие слова: «О, Буддо, асуры и люди наносят вред святому учению. Необходимо охранить учение с помощью сильных и действенных мантр». Тогда Будда ответил ему: «По твоему желанию я буду произносить дхарани, которые называются «*Железный клюв*» и которые предназначены для следующих целей:

- приносить пользу все живым существам;
- защитить святое учение;
- предохранить от всех опасностей;
- умирять все болезни, яды и оружие;
- привести в смятение всех тех, кто с двумя и с четырьмя ногами, и тех, кто без ног;
- покорить всех врагов;
- уменьшить влияние злых духов, таких, как бхута, пишача, якша и др.;
- нормализовать воздействие плохой пищи;
- лечить все болезни, причиняемые ветром, мочой и желчью;
- спасать от всех видов свирепых животных;
- прекратить ссору, борьбу и клевету;
- призывать сильный дождь и град».

Произношение этих мантр оказывает большое противодействие влиянию всех злых духов окружающей среды. Эти мантры произносятся над черной горчицей, потом их размешивают

с водой и делают подношения в реках и горах. Также адепт может размешать сахар, мед, разные виды лекарственных растений и произносить эти мантры над молоком, делать подношения недалеко от водных источников. Это обязательно вызовет сильный град. Эти мантры считаются очень мощным средством для умиротворения при ссорах и борьбе, помогают в дальней дороге и опасных местах. Все монахи и боги и все те, кто хотел охранять дхарму, все они были рады услышать поучение Будды и хвалили его слова.

Это были дхарани, называемые «Железный ключ».

* * *

В заключение я хотела бы еще раз подчеркнуть полезность сравнительного изучения и чтения текстов буддийского канона Ганджур на монгольском и тибетском языках. Такое параллельное чтение текстов имеет ряд преимуществ, позволяя:

- контролировать правильное произношение мантр;
- более точно и глубоко объяснить их значение;
- уточнить географические названия и личные имена;
- проанализировать грамматическую структуру предложений.

Как правило, монгольское предложение имеет ясную грамматическую структуру, содержит обилие дополнительных глаголов, вспомогательных частиц и падежных окончаний, сложное предложение четко делится на простые предложения. В то время как тибетские фразы являются более лаконичными, где содержание зачастую выявляется из контекста, в них отсутствуют дополнительные поясняющие глаголы и частицы, а основной глагол главного предложения находится в самом конце разветвленного предложения. Поэтому, согласно моим наблюдениям, следует в будущем вплотную заняться сравнительным изучением параллельных текстов на тибетском и монгольском языках, что значительно облегчит понимание сложных и запутанных вопросов средневекового буддийского канона.

Литература

1. *Chaloupkova L.* The Tibetan Dharani Collection in the Library of the Oriental Institute, Prague // *Archiv orientální*. Vol. 65/1997. Supplement to 2/65.
2. *Ligeti L.* Catalogue du Kanjur Mongol Imprimeu // *Bibliotheca Orientalis Hungarica*. III. Budapest, 1942–44.
3. *Waddell L.A.* The «Dharani» cult in Buddhism, its origin, deified literature and images // *Ostasiatische Zeitschrift*. Jg. 1 (1912–1913).
4. *Veir ogtorguj-yin temur qosigu-tu kemegdeku tarni* / *Mongolian Kanjur*. Vol. 18. P. 327–332. Edited by Lokesh Chandra. New Delhi, 1974.
Rdo-rje gnam-lcags-mchu zhes-bya-bari gzungs // *Tibetan Kanjur of Derge edition*. Vol. 96. No. 760. Pp. 50a⁴–52a¹.
5. *Qutugtu temur qar-a qosigu-tu* / *Mongolian Kanjur*. Vol. 18. P. 338–343; *rPhags-pa lcags-mchu nag-po zhes-bya-bari gzungs* / *Tibetan Kanjur of Derge edition*. Vol. 96. No. 763. Pp. 54a³–55b⁷.
6. *Qutug-tu temur qosigu-tu kemegdeku tarni*/ *Mongolian Kanjur*. Vol. 18. P. 332–336; *rPhags-pa lcags-mchu zhes-bya bari gzungs*/ *Tibetan Kanjur of Derge edition*. Vol. 96. No. 761. Pp. 52a²–53a⁶.

С.БАТЧУЛУУН,
аспирант УРГУ,
Монголия,

О.А.УРОЖЕНКО,
кандидат философских наук, доцент УРГУ,
Екатеринбург

ОБ ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЯХ В БУДДИЙСКОМ ИСКУССТВЕ МОНГОЛО-ЭТНИЧЕСКИХ НАРОДОВ: ОБРАЗ ХОЗЯИНА ЗЕМЛИ БЕЛОГО СТАРЦА ЦАГААН ЭБУГЕНА

Белый Старец – божество, широко распространенное в верованиях Восточной и Центральной Азии. Под именем Цагаан Эбугена он известен в Монголии; как Цагаан авга – в Калмыкии; о нем хранят память народные верования бурят. С образом Белого Старца в Тибете Н.Л.Жуковская связывает Пехара, в Китае – Шоу Сина, в Японии – Фукурокудзю и Дзюродзина [1, с. 33].

Тексты, посвященные Цагаан Эбугену, свидетельствуют, что его чтут как покровителя богатства, счастья, удачи, семейного благополучия, как божество долголетия, плодородия, продолжения рода. В Монголии он – «хозяин скота», хозяин Земли и всего, что находится на ней, – камней, лесов, воды, трав, зверей; его называют хозяином духов-хозяев земли, то есть ставят иерархически выше обычных монгольских духов-хозяев. В сутре из монастыря Гандан он действует как «*давший обет помочь всем живущим*». Об этой же функции Цагаан Эбугена свидетельствует и сутра, опубликованная А.М.Позднеевым [2, с. 84–85].

Вслед за Н.Л.Жуковской исследователи связывают с Цагаан Эбугеном тот уровень религиозного сознания, который О.Розенберг определил как «*народную религию*» [3, с. 48], то есть особую форму сознания, где непосредственно соприкасаются, образуя синкретический сплав, народные языческие верования и более поздние явления, представленные мировыми религиями, в нашем случае – буддизмом. Этот сплав официальной догматики и культов мировых религий с народными языческими верованиями становится реальной

религией народных масс. Подобное явление религиозного сознания отмечается на материале исторических судеб язычества практически всех народов. Именно так о важных для нас судьбах славянского язычества писали Б.Рыбаков, Б.Успенский, Г.Носова и др.

Каковы основания, почва подобного сплава? Что это – внешняя частная уступка, локальное заимствование, обусловленное приспособлением мировой религии к более древней, местной традиции в условиях прямых конкретно-исторических контактов; известное проявление толерантности, свойственное мировым религиям, или проявление неких сущностных, единых, универсальных оснований религиозного сознания?

Исследователи, и прежде всего авторитетнейший специалист в области северного буддизма Н.Л.Жуковская, приводят убедительные доказательства того, что включение образов языческого пантеона в буддизм не являлось следствием чисто механических заимствований. Для того чтобы быть включенным в новый пантеон, персонаж языческого пантеона должен был «преобразить» себя, совершить некий подвиг, взойти на новую ступень духовного сознания, взрастить мощь более тонкого, а следовательно, более глубокого проникновения в существо мира. Таким подвигом могло стать участие в битве с врагами истинной веры и победа над ними, достижение статуса Старца – того состояния святости, когда одного благожелательного взора, одного жеста уже достаточно, чтобы вокруг расцвела Жизнь. В редких случаях это могла быть встреча с самим Всесовершеннейшим Буддой.

В материалах, связанных с Цагаан Эбугеном, соблюдены все эти условия. В упоминаемой сутре, опубликованной А.М.Позднеевым, подробно описывается знаменитая встреча Белого Старца с Благословенным.

Будучи канонизированным в XVII веке, когда в свод буддийских сочинений была введена сутра «Воскурение и приношение Белого Старца», Цагаан Эбуген оказался включенным в число действующих лиц цама-мистерии устрашения еретиков и врагов веры, умиротворения и нейтрализации злых духов, торжества над ними. Так Белый Старец вошел в число известных буддийских богов-защитников веры.

Наконец, как отмечается в вышеназванной сутре, Мудрый Белый Старец достиг того состояния святости, когда, куда бы он ни кинул свой благословляющий взор, повсюду расцветала Земля,

плодился скот, рождались дочери и сыновья, приходило «счастье совершать добродетельные дела». При отсутствии внимания с его стороны тускнело все вокруг, жизнь замирала. Взгляд неодобрения греховных человеческих деяний нес «несчастливые дни»: болезни, раны, обман, убытки, мучения, смерть.

Так, не теряя основных характеристик персонажа языческого пантеона, образ Цагаан Эбугена развивался, трансформировался, наделялся чертами, присущими божествам пантеона буддийского.

Среди других возможных оснований взаимной адаптации языческого комплекса и мировых религий ученые (Н.Л.Жуковская, А.М.Позднеев, В.Н.Топоров и др.) называют некие общие типологические черты, характерные для язычески ориентированных сознаний и для мировых религиозных систем разных географических регионов. Эти черты не обязательно связаны с заимствованиями в процессе исторических контактов или с историко-генетическим родством. Нередко они возникали и существовали независимо друг от друга, будучи сходными в своем *«внешнем выражении (осмыслении, изображении) и в той функциональной роли, которую они играли в рассматриваемых религиозных комплексах»* [1, с. 147]. Таково сходство отдельных иконографических элементов. А.М.Позднеев, например, отмечает: *«Буряты-шаманисты убеждены, что православная церковь чтит Цагаан-Эбугена, объединяя личность последнего со святым Николаем»*. В качестве одной из возможных причин этого ученый называет известное иконографическое сходство *«маститых, убеленных сединами старцев»*, одетых в длинные одежды, с посохом и архиерейским жезлом в руках [2, с. 81]. Н.Л.Жуковская дополняет это сходство указанием на высокий лоб и белую бороду, а причину его видит в обычном внешнем заимствовании: *«В период активной христианизации бурят во второй половине XVIII – начале XIX века, – пишет она, – популярный здесь образ Цагаан Эбугена слился с популярным же образом православной церкви, каким был Никола Угодник»* [1, с. 31].

Однако это сопоставление бытующего в Центральной и Восточной Азии языческого образа с одним из самых популярных христианских святых, Николаем Чудотворцем (Николаем Угодником, Николаем Мирликийским, Николой – в древнерусской форме, сохраненной старообрядческой и фольклорной традицией), выводит исследовательский пафос монографии Н.Л.Жуковской за пределы простого типологического сходства, к упоминаемой выше проблеме народной религии.

Известно, что образ Николая Чудотворца подвергся, пожалуй, самой сильной фольклорной мифологизации. Культ его на Руси вплоть до XVIII века был низовым, плебейским, сливался на периферии с реликтами языческих медвежьих культов. Он принимал черты персонажей славянской мифологии, например Велеса – покровителя скотоводства и земледелия, «скотьего бога», культ которого переплетался с почитанием медведя как хозяина животных; хозяина земных вод, усмирителя водных стихий, наделяющего богатством, милостивого земного персонажа-Заступника, противостоящего грозному небесному громовнику и др. (В.В.Иванов, В.Н.Топоров, Б.А.Успенский и др.). Как Цагаан Эбуген в народной религии стал своеобразным соединительным звеном между добуддийским язычеством и буддийским религиозным комплексом, так Никола Угодник оказался «местом встречи» дохристианских персонификаций и христианской святости.

Но главное в контексте нашей проблемы то, что перечисленные языческие функции, с которыми связывает народная религия Николая Чудотворца, оказываются типологически родственными функциям персонажа пантеона монголо-этнических народов [4]. Приведенные в примечаниях сопоставления, свидетельствующие о родственности функций персонажей разных языческих комплексов и божеств различных мировых религий, столь широки, что и они адресуют к поиску неких глубинных оснований этого сходства, аналогии, подобия.

Наконец, наука выделяет еще один подход к решению проблемы оснований органичного соединения в народном сознании языческих форм и мировых религий. Исследователи называют его неким изначальным, первичным сходством мифопоэтического и религиозного сознания, фиксируемым не только в период прямых контактов культур и народов, но и в до- и послеконтактные эпохи. Труды видных ученых (Н.Жуковская, Ю.Левада, О.Розенберг, Б.Рыбаков и др.) показывают, что сходные модели осмысления мира прослеживаются практически в любом из основных обрядов, символов, представлений древнейшего архаического комплекса и мировых религий, до какой бы утонченной метафизики, до какого бы рафинированного абстрагирования не подымались богословские концепции. Народное религиозное сознание (причем не только примитивное, снижающее Высокое, но и то, благодаря которому история хранит память о Высоком)

непрерывно связывает эти построения с неким фундаментом, заложенным в традиционных ранних верованиях. Этот процесс нередко определяют как постоянное, настойчивое, даже «упрямое» возрождение примитивных, архетипических представлений и форм культа.

Однако современная наука, как ранее религиозное философствование, все чаще ставит вопрос о настойчивом проявлении в культуре особого человеческого чувства, особой неизбывной энергии человеческого духа — «*природной религиозности*» человека, которая живет в каждом из нас и которая есть явление человеческого духа. «*Религиозное чувство или, скорее, ощущение убить нельзя. Его можно только направить ... к ложным ценностям и ложным пророкам... Религиозные учения, возникшие на основе природной религиозности человека, имели своей целью направить эту религиозность в нравственное русло, дать человеку понятие о Высшем <расширить, углубить человеческое сознание> и сформировать его религиозный опыт как определенную систему познания*». Учения, принесенные Буддой, Христом, Мухаммедом, объединяли людей различных национальностей, стран, социальных слоев. «*На основе их человек создал конфессии ... сформировал конфессиональное сознание ... Конфессиональное, зачастую нетерпимое к иноверцам сознание выступило как начало разъединяющее*». Оно разъединило последователей разных Учений, раскололо сами Учения на многие конфессии и секты. Оно может быть понято как порождение низкого сознания, в котором «*гуляют миражи различных дифференциаций и разъединений*» [5, с. 21–22].

Минуя конфессиональное сознание, черпая углубление и уточнение нравственной координаты в «глубинах духовной памяти», родственной основам Учений мировых религий, народное сознание в своих высших формах непосредственно адресовалось к природному религиозному чувству и, опираясь на него как на родовое качество человека, просто и убедительно сплавляло ранние архаические верования с более поздними религиозными системами, утверждая таким образом универсальность, всеобщий характер основных, фундаментальных религиозных представлений и соответствующих им моделей мира.

Искусство, будучи одной из древнейших форм познания мира человеком, одним из ранних способов проникновения в тайны Природы — «Учительницы Учителей» (Леонардо да Винчи), —

сохраняло яркие свидетельства природной религиозности человека как его родовой черты. Такими свидетельствами, в частности, можно считать в изобразительных искусствах так называемые иконографические универсалии — сохраненные и закрепленные культурной традицией эталонные наборы знаков, типологических признаков, черт, смыслов, характеризующих персонажей в системах религиозного сознания различного уровня (от язычества до мировых религий) различных регионов, разных эпох.

Как свидетельствуют сутры, а также известные и датированные изобразительные образцы, изученные бурятскими исследователями, иконографическая традиция образа Цагаан Эбугена сложилась к XVIII веку, незначительно меняясь в начале XX столетия. В ней можно отчетливо выделить несколько групп. Прежде всего — иконографические признаки места пребывания персонажа: «Гора о пяти вершинах» [6], пещера, плодovitый лес, плодonoсящие деревья, в том числе персиковые, вода (река, обтекающая место, где сидит Цагаан Эбуген, или озеро перед ним). В танке XVIII века, описанной бурятскими исследователями [7, с. 10], Цагаан Эбуген изображен на фоне спинки трона, символизирующего, согласно культурной традиции многих народов, вход в храм, ворота-торана, Древо Жизни. Эта бурятская танка несет заметные стилевые черты китайской живописи: Цагаан Эбуген изображен в образе китайского сановника. Интересно, что гора Утайшань, хозяином которой называют Цагаан Эбугена в сутре из монастыря Гандан, находится в приграничной с Монголией китайской провинцией Шаньси. Здесь на горе расположен монастырь — главное святилище Манджушри.

Другая группа общих многим культурам и народам иконографических признаков характеризует саму фигуру Белого Старца: *«белый как снег, с бородой и волосами цвета раковины»*, с большим, высоким лбом, в буддийской изобразительной традиции восходящим к теменной выпуклости, или ушнише, обозначающей высшую меру знания и мудрости.

Еще одну группу составляют предметы, символизирующие основные функции божества: жезл, посох с одной или двумя головами дракона в правой руке, и с *«драгоценным камнем Чинтамани, исполняющим желания»*, как свидетельствует сутра из монастыря Гандан, — в левой. Камень этот в форме трех сокровищ, трех драгоценностей, триратны, имеет символическое значение

«тайны трех-в-одном». К этой же группе относится драгоценный пояс, проходящий через три мира, – своеобразная нить, связующая различные миры в структуре Мироздания. Сутры свидетельствуют о нем как об источнике жизненной силы. Наконец, фигуры животных, водоплавающих птиц [8], книга [9] – дополняют данную группу предметов.

Бытование перечисленных выше иконографических признаков столь широко, что, как свидетельствует история культуры, их употребление практически не зависит ни от религиозной системы, ни от национально-региональной принадлежности персонажа. Эти признаки оказываются универсальными.

Что касается конкретного художественно-образного наполнения универсальных иконографических знаков и схем, то и здесь, как это ни покажется странным на первый взгляд, обнаруживаются вполне сходные в языческой и религиозной традициях тенденции различных регионов. Так, опираясь на типологию религиозных образов, выделяемую П.Флоренским [10, с. 73] в зависимости от конкретного источника духовного опыта, служащего основанием писания иконы, в иконописной традиции Николая Чудотворца можно выделить его изображения, отмеченные печатью глубоких, утонченных, эзотерических погружений, лирико-поэтические образы, а также народные, фольклорные изображения в виде «мужичка, ждущего чуда».

Известные нам на данный момент бурятские и монгольские танки Цагаан Эбугена свидетельствуют о том, что и здесь встречаются изображения метафизические, с усложненно развернутой символикой, образы, окрашенные экспрессивными душевными переживаниями, а также земные, народные образы.

Однако даже в первом приближении сравнение бурятских и монгольских материалов с образами Николая Угодника обнаруживает вполне ощутимые отличия. Как отмечают бурятские исследователи, даже в системе новой изобразительности, в танках XX века, образы Цагаан Эбугена сохраняют интонационную окрашенность ранней хтонической культовой типологии. Лицо, улыбка божества даже в его добродетельной, а тем более устрашающей ипостаси имеет выражение, свойственное тотемической маске, несет на себе печать архаической застылости, некой древней неподвижности, что практически не встречается в изображении Николы

даже в виде «мужичка в зипуне». В русской художественной традиции свет ожидания чуда просвечивает сквозь плотское, по-иному, более тонко, структурирует телесное, чтобы в процессе дальнейшей духовной работы произрасти и преобразовать его. Если же сравнивать монгольские и бурятские изображения Цагаан Эбугена между собой, то знак древней магической экспрессии явственнее прослеживается в монгольских образцах. Вероятно, в бурятских танках сказывается постоянный контакт с христианской традицией, в ее православной и, более того, часто в Сибири в старообрядческой интонации, умиряющей смятенность души, гармонизирующей внутренний хаос.

Таким образом, исследование иконографических универсалий и их художественных претворений является одним из способов раскрытия природного родового чувства религиозности народа, его развития в истории культуры и может служить плодотворной почвой для решения ряда культурологических и искусствоведческих проблем.

Литература и примечания

1. Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977.
2. На речь Цагаан Эбугена перед Буддой: «Зачем в одиночестве живет он у горы», — Всесовершеннейший ответил, обратившись к сопровождающим его ученикам и словно суммируя сказанное Белым Старцем: «Дети высородных, дайте клятву перед моим лицом в том, что вы будете охранять одушевленные существа и помогать им!». См.: Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста, 1993.
3. Розенберг О. Введение в изучение буддизма. Пг., 1918.
4. С Велесом Цагаан Эбугена роднит покровительство скоту, земным водам, богатству. С Николой (*Nikolaj* — у кашубов, Польша, см.: Успенский Б.А. С. 90–91), демонологическим персонажем, лешим, пугающим сомневающимися, и одновременно милостивым земным заступником, выводящим блуждающих на дорогу (см.: *Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław-Warszawa-Kraków-Cdańsk. T I–IV. 1967–1973. T III. S. 259*), Цагаан Эбугена связывает двойственность его функций: охранительных, спокойных и, с другой стороны — устрашающих, карающих, угрожающих, как свидетельствуют сутры. В изобразительной традиции это проявляется буквально: в танках Цагаан Эбуген выглядит добрым, ласково улыбающимся Старцем, в масках Цама его облик устрашает. Наконец, с Николой Дуплянским (в фольклорной новелле «Никола Дуплянский» или «Никола Дубенский» речь идет о фигуре, находя-

- шейся в лесу, в дупле дуба. См.: *Успенский Б.А.* С. 92; *Митропольская Н.К.* Русский фольклор в Литве. Вильнюс, 1975. С. 327; *Померанцева Э.В.* К вопросу о национальном и интернациональном начале в народных сказках // История, фольклор, искусство славянских народов: V Международный съезд славянистов в Софии. М., 1963. С. 397) Цагаан Эбугена сближают сложившиеся в начале XX века его изображения на фоне горной пещеры, которая, как и дуплистое дерево, может быть понята в качестве символического входа в чрево, в полость, в лоно Земли, в «Тот Свет», в качестве варианта трансформации входа в Храм, или как Мировое дерево, осуществляющее связь с бытием Иного, являющееся местом встречи Земли и Небес.
5. См.: *Шапошникова Л.В.* Живая Этика и наука // Рериховские чтения. М.: МЦР, 1999.
 6. В сутре из монастыря Гандан Цагаан Эбуген называется хозяином пятивершинной горы Утайшань, сотворенной, согласно буддийским текстам, одним из трех главных бодхисаттв – Манджушри (санскр. «славный сиянием»), бодхисаттвой Мудрости, разрушителем неведения, отсекающим своим пламенеющим мечом пути незнания, невежества. Утайшань – место постоянного пребывания Манджушри, место, откуда он спускается, приходит в долины к людям.
 7. Бурятская живопись. Улан-Удэ, 1999.
 8. О сакральных предметах см.: Мифы народов мира; *Сент-Илер Ж.* Криптограммы Востока. М.: МЦР, 1993; *Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1994; *Виноградова Н.А., Кантерева Т.П., Стародуб Т.Х.* Традиционное искусство Востока. М., 1997; *Славянская мифология.* М., 1995; *Буддийский словарь.* Новосибирск, 1987.
 9. В сутре, опубликованной А.М.Позднеевым, Цагаан Эбуген говорит о себе: «*В храмах – я владыко пространства, на котором помещаются священные книги*». Последнее также связывает его с Манджушри, одним из неперенных атрибутов которого является книга-свиток.
 10. *Флоренский П.* Иконостас. М., 1994.

В.В.ДЕМЕНОВА,
аспирант УРГУ,
Екатеринбург

БРОНЗОВАЯ ПЛАСТИКА БУДДИЗМА КАК СОСУД ВЕЛИКОЙ ПУСТОТЫ

Погружение в мир религиозного искусства неизбежно связано с прямым прикосновением к философско-религиозному наследию, составляющему его мировоззренческую основу. Само же религиозно-философское наследие при этом оказывается огражденным от опасностей «голой» понятийной трактовки, ибо претворяется в мире художественных образов в способ чувствования, строй мыслей, в пространство непосредственных ценностных действий человека, а произведение религиозного искусства в этом случае обогащается новыми смыслами, которые существенно углубляют его художественное содержание.

Одной из важных категорий религиозно-философского наследия древнего Востока является категория Великой Пустоты. Искусствоведческая наука не раз отмечала соотнесенность термина Пустоты с важнейшими принципами китайской, японской, монгольской культур. Категории *сюй* (кит. *Пустота*), *кун* (кит. *Пустотность*) встречаются в текстах даосизма, китайских средневековых трактатах, активно используются в художественной практике китайской и японской живописи. Представляется плодотворным рассмотреть буддийскую художественную пластику с точки зрения претворения в ней феномена Великой Пустоты.

В мире буддизма Великая Пустота определяется специальным термином *«шуньята»* (санскр.), появившимся еще в хинаяне. Шуньята является одним из ключевых понятий в традиции махаяны и как философская концепция была сформулирована в трудах известного архата и отшельника Нагарджуны во II–III в. н.э. Нагарджуна, прославившийся своей диалектической тонкостью в метафизических спорах, считается великим философом буддистов. К нему обращались как ко «Второму Будде», «одному из солнц, освещающему мир» [1, с. 300]. В одном из своих классических

произведений – «Наставления другу» Нагарджуна, упоминая категорию Великой Пустоты, поясняет: *«Пустота – есть цвет и форма. Цвет и форма – есть пустота. Форма и цвет неотличимы от пустоты, а пустота неотличима от формы и цвета»* [2]. Троякая истина Нагарджуны сформулирована следующим образом: все вещи пусты, так как не имеют субстанциональной реальности; все они временны; все вещи представляют собой синтез пустоты и временности.

Концепция шуньяты неоднократно привлекала к себе внимание учителей буддизма. Для нас особый интерес представляют размышления Шестого патриарха школы Чань Хуэй-нена: *«Когда я говорю о «пустоте», не подумайте, что я подразумеваю вакуум. Это очень важно. Беспредельная «пустота» Вселенной способна вместить мириады различных форм и размеров: солнце, луну, звезды, миры, горы, реки и речушки, весну, леса, кустарники, хороших и плохих людей, законы, охватывающие добро и зло, небесные уровни и ад, великие океаны и всю гору Махамеру. Пространство пребывает во всем этом, и таким же образом выявляется «пустота» нашей природы. Мы говорим, что сущность ума велика, потому что она охватывает все вещи, так как все вещи находятся внутри нашей природы»*[3].

Изречения апологетов буддизма позволяют понять, что все сущее в древней восточной традиции есть лишь сосуд для Великой Пустоты, лишь ее вместилище. Это же отмечает Т.П. Григорьева в статье «Красота Небытия в искусстве японцев»: *«Восточное Небытие можно назвать полнотой Бытия, где в потенции пребывает абсолютно все. Все формы заключены в бесформенном, в Пустоте. Время от времени невидимое проявляется на земном уровне в акте творчества. Говоря словами Дайсэцу Судзуки, сделавшего буддизм Дзэн достоянием Запада: «Пустота бесформенна, но она основа всего сущего. Сделать небытие бытийным и есть акт творчества»*. И далее: *«Как японцы видели мир, так творили свое искусство, и даже не столько творили, сколько угадывали волю Космоса, веление Неба или Небесных богов»* [4, с. 206–219].

Наполненность произведений пластических искусств «Беспредельной Пустотой» рассматривается в восточной культуре особо – как проявленность мира Инобытия в предметах, имеющих сугубо материальную природу. Развивая классификацию видов искусства по степени одухотворения материи, разработанную Гегелем, Б.М. Бернштейн подчеркивает: уникальность

пространственных искусств заключается в том, что среди всех видов искусств именно они максимально непосредственно и глубоко погружены в косное земное трехмерное вещество – в телесность камня, глины, бронзы, дерева, холста, бумаги, «красочного теста». Все они имеют вещественную природу; они являются нам в виде вещей – дома, храма, чаши, одежды, стола, картины на стене, скульптуры, и как вещи они формируют предметно-пространственную среду, в которой мы живем [5].

Преобразуя косный материал в носителя духа, раскрывая истинную сущность вещей, проявляя природу Света, Огня невидимого, Великой Пустоты, мастера многих художественных традиций особенно благоговейно относились к созданию полых предметов. Недаром форма чаши, сосуда как Вести Инобытия имеет свои корни в зороастрийской, буддийской, христианской философско-религиозной и художественной традициях [6, с. 293].

Опираясь на обозначенные выше подходы, рассмотрим буддийскую бронзовую пластику. Буддийская бронза аккумулирует и усиливает многократно художественно-эстетическое звучание Великой Пустоты.

В буддийской художественной традиции пространство скульптуры в целом всегда существовало как особое субпространство, хранящее глубокие ментальные смыслы, доступные лишь посвященным. Мастер, изготавливающий скульптуру, в процессе работы должен был следовать определенным правилам: читать мантры божества, соблюдать пост, медитировать на изображение и т.д. К обряду открывания глаз Божества, так же как к запечатыванию скульптуры (ритуальному закрыванию свободной внутренней полости специальной пластиной) и ритуалу «вдыхания жизни», допускались лишь духовно опытные ламы. Распечатанная же скульптура воспринималась как оскверненная, покинутая духом божества, несущего отблески Великой Пустоты. Так в процессе изготовления все пространство скульптуры наполнялось звучанием Великой Пустоты, ее сакральными нотами.

Традиционно представляя собой по технике изготовления полную скульптуру, буддийская бронзовая пластика может быть понята и как особое местопребывание Великой Пустоты. Техника отливки скульптуры, какой бы она ни была – сборной или цельнолитой – всегда подразумевала наличие полости. Исключение

могла составлять лишь многочисленная штампованная скульптура конца XIX века, производимая в Германии как дань моде, небывалому всплеску интереса к буддийскому Востоку.

Подробно о перенесении акцента с видимого на Невидимое, о вотворении Великой Пустоты в произведениях восточного декоративно-прикладного искусства на материале, по-видимому, ритуализированного процесса создания древнейших японских сосудов периода Дзёмон пишет О.А. Уроженко в статье «Пластические искусства как способ приобщения к полноте Бытия» [7, с. 263–264]. Пустота рассматривается здесь не как «антиформа», «антимасса», «антитеза наполненности», а как «потенциальная возможность» проявления, зарождения материальной формы, например стенки глиняного сосуда, рельефа его поверхности: прогибов, выпуклостей, впадин, формы венчика, общего силуэта и т.п. Широко известны положения Лао-цзы и Чжуан-цзы: от пустоты зависит емкость сосуда; полое определяет пространство дома; глиняные стенки кувшина образуют кувшин, но лишь Пустота внутри кувшина является сущностью кувшина [8, с. 337–339].

Феноменологически присутствие Великой Пустоты во внутренней полости скульптуры выражалось во вкладывании в нее священных веществ и молитвенных текстов. Нередко в скульптуру вкладывалась мантра ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ. По мнению Н.Л. Жуковской, эта мантра является символом ваджры и лотоса, в свою очередь олицетворяющих Великую Пустоту [9].

Священный предмет, ваджра, представляющий собой двойное объемное изображение мандалы (буддийской диаграммы Вселенной), в буддийской религиозной традиции считается одним из важных символов Великой Пустоты. Как известно, на потенциальную развертываемость ваджры указывает ее центр — бинду (точка, ноль, начало спирали) — свернутое состояние Всего. От цельного центра в противоположные стороны отходят две формы в виде цветов лотоса, представляющие полярность мира, это два полюса «процесса развертывания» бинду. Символически именно здесь берет начало пространство, то есть трехмерный земной мир, обозначенный «четырьмя сторонами света» и осью-центром — горой Сумеру. От лотосоподобных форм отходят пять лучей энергии, пять ребер, пять спиц, вновь сходящихся на вершине центрального луча, стержня, пронизывающего все формы, входящие в ваджру.

Ваджра как предмет является излюбленным атрибутом буддийских божеств и существует как в графическом, так и скульптурном виде, что для нас особенно важно, так как скульптурная ваджра включает в себя Великую Пустоту в качестве особой пространственной формы, или, пользуясь языком искусствоведения, — в качестве межпредметного пространства. Следует также отметить, что на пластине, запечатывающей скульптуру, особенно в монгольской художественной традиции, мастера очень часто ставили золотое графическое изображение ваджры.

Можно предположить, что, являясь центральным символом буддийской мандалы, многократно «пульсирующей» в композиции буддийских храмов, в подношениях, в принципе организации алтаря, в живописных изображениях, ваджра как пластическое выражение Великой Пустоты пронизывает все буддийское изобразительное искусство, раскрываясь в том числе и в бронзовой пластике. Не следует также забывать о том, что ваджра часто находилась в руках изображаемых божеств и на пьедестале бронзовой скульптуры, так называемом ваджрном троне.

Таким образом, ваджра, существуя в бронзовой пластике в графическом виде на запечатанном поле скульптуры, в виде написанных и вложенных в ее внутреннее пространство мантр и священных веществ, придавала скульптуре особое звучание, включая ее в структуру специально организованного сакрального пространства, построенного по принципу многократного подобия Великой Пустоте.

Даже бронза — материал, из которого в основном изготавливалась ритуальная пластика, может быть понята как несущая в себе отблеск Великой Пустоты. Бронза — материал концептуальный. В истории культуры многих народов она стала олицетворением сакрального, ибо, возникнув как сплав металлов, бронза проходит очищение или преобразование в «горниле огня». В своей книге «Путь белых облаков. Буддист в Тибете» Лама Анагарика Говинда пишет: *«Кузнецы, связанные с огнем и металлом, всегда особо восприимчивы к воздействию психических сил, возможно, что такова доисторическая традиция, уходящая еще в те времена, когда металл только начали добывать и новая эра человеческой истории только зарождалась. В древности считалось, что металл наделен магической силой, а те, кто добывал и обрабатывал его, владели магическим искусством. Генрих Циммер так говорит о «волшебном кузнеце», освободившем мир от Каменного Века:*

«Герой, способный извлечь из камня железный меч, не обязательно великий воин, но всегда — могущественный волшебник, повелевающий духовными и материальными явлениями». Автор также отмечает, что часто именно кузнецы, из поколения в поколение избирались божествами для изъявления их воли [10].

Будучи связана с Великой Пустотой, буддийская бронзовая скульптура, однако, никогда не являлась прямым воплощением шуньяты, которым традиционно считается ваджра. Можно сказать, что обязательное включение полого пространства в объем скульптуры служило отзвуком, тонким, художественным резонатором Великой Пустоты, так как ни описать ее, ни воплотить ее образ в «вещном» мире невозможно, о чем и писал Шестой патриарх школы Чань Хуэй-нен. Именно поэтому и ваджра является объемным, но символическим ее воплощением. Можно предположить, однако, что изготовление бронзовой религиозной скульптуры в странах, исповедующих буддизм, основывалось не только на привычном способе отливки, но и на художественном освоении феномена «шуньята», ее многократного, многогранного развертывания в сакральном пространстве храма. Оно опиралось на философско-религиозное осмысление Великой Пустоты и особое предназначение скульптуры в лоне данной религиозной системы.

Литература

1. Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1994.
2. См.: Андросов В.П. Буддизм Нагарджуны: Религиозные трактаты. М., 2000.
3. См.: Говинда Анагарика, Лама. Психология раннего буддизма. Основы тибетского мистицизма. СПб., 1993.
4. Григорьева Т.П. Красота Небытия в искусстве японцев // Искусство как способ познания. Материалы международной общественно-научной конференции. 1998. М.: МЦР, 1999.
5. См.: Бернштейн Б.М. К спорам о специфике пространственных искусств // Советское искусствознание-88. Вып. 23. М., 1988.
6. См.: Хайдеггер М. Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы. М., 1987; Рудзитис Р.Я. Братство Грааля. Рига, 1994.
7. См.: Искусство как способ познания. 1999.
8. См.: Виноградова Н.А., Каптерева Т.П., Стародуб Т.Х. Традиционное искусство Востока. М., 1997.
9. См.: Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М.: Наука, 1977.
10. Говинда Анагарика, Лама. Путь белых облаков. Буддист в Тибете. М.: Сфера, 1997.

В.В.ВОРОПАЕВА

кандидат исторических наук,
доцент Кыргызско-Российского
Славянского Университета,
Бишкек

**Ю.Н.РЕРИХ О ДУХОВНОМ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ В МИРЕ КОЧЕВНИКОВ
(В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ КЫРГЫЗОВ)**

Предваряя раскрытие темы моего доклада, мне хотелось бы обратить Ваше внимание на две мысли из огромного наследия Юрия Николаевича Рериха.

«Пространство человеческих знаний непрестанно расширяется, и как по волшебству появляются все новые горизонты. Беспредельность возможного манит не знающий покоя человеческий разум, не страшившийся сказать то, что им уже познано: только такое состояние открывает путь к настоящей научной работе», — пишет молодой ученый в статье «Расцвет ориентализма», опубликованной в Париже в 1923 году [1, с. 13].

«В блестящем созвездии исследователей Центральной Азии два имени занимают особое место: Николай Пржевальский и Свен Гедин... Оба они во время своих путешествий преодолели огромные расстояния и силой своей личности, глубоким научным методом и литературным дарованием создали широкую картину научных изысканий» [1, с. 211], — так великий знаток письменных источников, языков и среды обитания народов, исследованию которых он посвятил всю свою жизнь, сформулировал в статье «Свен Гедин» свое понимание науки о Центральной Азии и необходимых качеств ее исследователей. Научные результаты экспедиций, содержащие ценнейшие географические, этнографические, археологические и лингвистические наблюдения, проведенные Ю.Н.Рерихом в мало изученных областях, сразу поставили и его имя в ряды ученых-первопроходцев Центральной Азии, таких, как Н.М.Пржевальский, Свен Гедин, В.И.Роборовский, Г.Н.Потанин, П.К.Козлов, П.П.Семенов-Тянь-Шанский и другие.

Первое соприкосновение с Центральной Азией произошло во время Центрально-Азиатской экспедиции 1923–1928 гг. Она происходила в той части Земли, откуда *«почти две тысячи лет волна за волной неукротимые племена бросали под копыта своих коней могучие цивилизации и поработали целые народы»* [1, с. 288].

Обследование кочевых погребений в Китайском Туркестане, на Алтае, в Западной Монголии и Тибете позволило обнаружить у кочевых племен следы «звериного стиля». Ареал его распространения наблюдался значительно южнее Тянь-Шаня и достигал северных склонов Трансгималаев. И здесь Юрий Николаевич подмечает: *«Находки нескольких «звериных» мотивов, хорошо известных из скифо-сибирских курганов, еще раз подчеркнули древнюю связь, когда-то существовавшую между Тибетом и богатым кочевым миром Внутренней Азии. Эти древние контакты многократно упоминаются в исторических хрониках Китая»* [1, с. 31].

Многочисленные научные изыскания подтвердили гипотезу о том, что и для культуры саков, древнейшего народа, кочующего в I тыс. до н.э. по территории современного Кыргызстана (Казахстана и Средней Азии), характерен «звериный стиль», следы которого обнаружены Ю.Н.Рерихом в богатом памятниками кочевой культуры азиатском регионе.

Открытие «звериного стиля» в художественной орнаментике и убранстве оружия кочевников Тибета оказалось созвучным с теорией о единстве древних кочевых культур, с их культовой символикой, распространенных некогда на обширных пространствах Великой Евразийской степи.

Подчеркивая устойчивость культурной традиции, ученый отмечает, что никакое мощное влияние властей или очень сильных отдельных соседних государств не может уничтожить пережитки древнего кочевого искусства: *«Тибетец-кочевник и поныне вдохновляется окружающей природой и следует канонам «звериной» орнаментики»* [1, с. 43].

Результаты научных изысканий экспедиции в этой области Юрий Николаевич обобщил в классической научной работе «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета», впервые опубликованной в Праге в 1930 году и долгое время являвшейся библиографической редкостью.

Следует упомянуть, что все эти научные изыскания происходили в самый критический период работы Центрально-Азиатской экспедиции Рерихов: ее участники вынуждены были провести в течение пяти месяцев суровейшую зиму 1927–1928 гг. на плато Чантанг на высоте 5 тыс. метров. Еще в 1879 году экспедиция Николая Михайловича Пржевальского смогла находиться здесь лишь в течение восемнадцати дней в ожидании пропуска от лхасских властей, и... повернула обратно, не добившись намеченной цели.

После пятимесячного стояния экспедиция отправилась в путь по неизвестной географической науке первой четверти XX века части земли. Это был Великий путь паломников к священной для индуистов и буддистов горе Кайлас, который проходил ближе к северо-западу от озера Манасаровар. И здесь Юрий Николаевич пришел к выводу о том, что именно по этому древнему пути на дальний Тибет кочевниками Кукунора и верховьев Желтой реки была принесена исконно кочевая культура с ее «звериным стилем», а также традиции племенного эпоса.

В свое время, занимаясь исследованием тибетского эпоса о Гесэре, Ю.Н.Рерих писал, что тот *«в своем изначальном виде представлял собой... поэтическое свидетельство о древних войнах между тибетскими и тюркскими племенами»* [1, с. 84–85]. Генезис древне-кыргызского эпоса «Манас» также свидетельствует о соответствии описанных в нем событий реальным фактам, восходящим к древнейшим векам. Происхождение имени главного героя восходит к древнеарийскому мифу о первочеловеке *Manu, Manus, Mana* [2].

В этой интерпретации имя Манас (мифический герой) должно соответствовать его сущности, реконструируемой следующим образом: рожденный от брака Неба (Тенгри) и Земли (Умай), Манас – первый человек в мифологии кыргызов. Он побеждает различные чудовища, порожденные хтонической стихией, очевидно, в том числе и тех врагов, которые постоянно стремились покорить сам вольный дух Эля (народа).

Древнеарийский пантеон включает персонификацию верхнего мира – Неба и мира нижнего – Земли. Очевидно, необходимо воплощение «среднего мира», мира людей, и первочеловек Манас вполне может претендовать на эту роль. Но как первочеловек, родоначальник земных людей, он неразрывно связан

смертным миром и, согласно эпосу, умирает. Но как сын божественной четы — он принадлежит к миру богов. И потому может быть включен в пантеон.

Брачный союз Неба (Тенгри) и Земли (Умай), рождение Манаса — первочеловека — можно рассматривать как космогонический акт. По семантике он аналогичен ведийской космогонии, трактующей создание организованной упорядоченности Вселенной.

Для кыргызов она заключалась в идее, которую пытается реализовать Манас, а именно: объединить разрозненные племена и сначала завоевать, а потом отстаивать свою независимость, и не только в плане сложения этноплеменной организации. То есть в основе эпоса «Манас» лежит космогонический миф, в котором находит свое выражение (скорее проявление) модель мира древних предков кыргызов — кочевников.

Истории известен реальный каган кыргызов — Барс-бег, его тронное имя Инанчу Али Бильге (конец VII — начало VIII в.). По благородству, великим свершениям, рыцарской доблести и воинским достоинствам он соотносится с образом Манаса. После гибели Барс-бега, не обнаружив его тела среди погибших сподвижников, современники согласно обычаю соорудили символическую могилу с надмогильным памятником. В эпитафии, исполненной в форме современного кошкока (плач), записано: «Мы Умай-беги, то есть Барс-бег, божественного происхождения от Умай-Земли».

Вся жизнь Барс-бега была посвящена идее — объединить кыргызов, то есть упорядочить Вселенную — пространство для проявления психологических возможностей целого этноса.

Следует отметить, что символическая могила (VIII в.) Барс-бега находится не на территории современного Кыргызстана. Барс-бег погиб в черни Сунга — это Енисейская эпопея.

А в Таласе (это Кыргызстан) имеется величайший памятник мусульманской архитектуры XIV в., который сегодня почитается как Гумбез (Мавзолей) Манаса. Это уже вопрос пространства возможностей.

В 1929 г. в Кулу Юрий Николаевич записал: *«В течение столетий древняя дорога кочевников, один из старейших исторических путей Азии, проходящий к северу от Небесных гор, Тянь-Шаня, и соединяющий Монголию со степями севернее Каспийского и Черного морей, наполнялся топотом движущихся орд. Мы все еще не можем*

постичь источник этого мощного потока народов, привлеченных центрами древних культур, вступавших на путь завоеваний и сотрясавших границы Китая и Римской империи» [1, с. 288].

В «великих шествиях» по необъятным просторам Сибири среди многих этносов участвовали и предки современных кыргызов, первые упоминания о которых известны из китайских источников с 209–201 гг. до н.э. В пределах державы хунну (гуннов) в III в. до н.э. повели свое начало многие народы тюркского корня и обитали они в степных и полупустынных районах от северных границ Китая до оз. Байкал.

Современной науке известно, что цивилизация древних кочевников-скотоводов возникла еще раньше, в VIII–VII вв. до н.э., к северу от рабовладельческих цивилизаций Китая, Индии, Ирана и Греции. С огромными отарами овец и табунами лошадей они вели сезонные перекочевки, заполняя свою «экологическую нишу». Сухие степи, пустыни и полупустыни, а в условиях Кыргызстана – предгорья обеспечивали их самих и оседлых земледельцев высококалорийной пищей – мясом, молоком, творогом, кумысом, позднее сыром. Из шерсти животных они валяли войлок для жилья, из конского волоса плели арканы, умели делать прекрасное оружие из железа. Выучка боевого коня и владение оружием – главное достоинство кочевников. Художественной орнаментике конской утвари и оружия («звериный стиль») придавалось особое значение.

Исследуя феномен Великого переселения народов, Ю.Н.Рерих писал в статье «Расцвет ориентализма»: *«Историки не раз ставили вопрос об истинных причинах этих колоссальных передвижений народов. Только с большой натяжкой можно объяснить миграции тем, что кочевники время от времени должны были искать новые пастбища для своих стад. Верно то, что в процессе этих миграций кочевники могли преодолевать огромные расстояния. Но поиски пастбищ – это не та причина, которая может дать ответ на вопрос об истоках нашествий и завоеваний, сотрясавших не только страны Востока, но и беспорядочным потоком захлестнувших в средние века сердце Европы» [3, с. 17]. «Одна за другой появлялись и исчезали в истории различные народы. Невозможно добраться до источника этого мощного потока. Мы встречаемся здесь с необъясненным еще феноменом жизни кочевых народов, с новой для нас проблемой психологии «орды» [1, с. 18]. Эти рассуждения Ю.Н.Рериха предвосхищают теорию пассионарности, обоснованную гораздо позднее Л.Н.Гумилевым.*

Однако до сих пор психология народов остается еще почти не исследованной областью науки. Поэтому сегодня следует говорить о настоятельной необходимости синтезировать весь накопленный материал, не только новый, но особенно старый.

Каменные изваяния, разбросанные по всему пространству южных степей России вплоть до горных хребтов Тянь-Шаня и далее, остаются молчаливыми свидетелями духовного прошлого кочевников.

«Следует помнить, что историческая эволюция сознания никогда не знала... барьеров (расовых предрассудков). Идеи культуры, провозглашенные в одной стране, часто с равным энтузиазмом приветствуются в другой, которая может быть расположена в весьма отдаленной части земного шара. Это великое взаимопротяжение идей, странствующих по дорогам, соединяющим нации, не знает, что значит «барьер» [3, с. 20].

В работе «Культурное единство Азии» Ю.Н.Рерих замечает: *«Несмотря на удивительное разнообразие народов, языков и религий, сложившееся в Азии, внимательный наблюдатель может заметить определенный культурный субстрат, доживший до наших дней и общий для большей части Азии. Это культурное единство было, вероятно, более выраженным до X в. н.э., и оно обязано своим существованием буддизму» [1, с. 20].*

И действительно, караванные пути Центральной Азии, известные под названием Великий Шелковый путь, уже с I в. н.э. облегчили обмен культурными ценностями. Буддизм, проникший в среду оседлых племен (иранских и тохарских), живших вдоль Великого Шелкового пути, постепенно распространяется среди кочевых тюркских племен на севере (кыргызы — одно из таких).

В кочевой среде, с ее шаманско-языческими представлениями и обрядами, уже с начала первых веков н.э. появляются и христианские миссионеры. Древнейшие следы христианства на Тянь-Шане связаны, как известно, с его ранней формой ереси — несторианством. В V в. несториане подверглись гонениям, и из Византии через Сирию они достигли Средней Азии. Основатели христианских церквей и монастырей были проповедниками оседлого образа жизни и городской культуры среди кочевого населения.

Оседлая цивилизация проникла в кочевую среду, неся с собой не только новый образ хозяйствования, новый образ бытия, но и новую идеологию, новую духовную культуру.

С VI в. некоторые тюркские каганы стали переходить в христианскую веру, а на рубеже VIII—IX вв. епископ Тимофей обратил в христианство часть тюрков. В IX в. в Таласе была главная христианская церковь. В XII в. несторианский патриарх Илья III добился учреждения метрополии в Кашгаре — столице гурханов киданей. Новый митрополит звался митрополитом Кашгарским и Навеката.

Последний владетель караханидов Баласолуна, Кучлук, сам бывший христианином, понуждал мусульман переходить в христианство, чем вызвал недовольство местного населения. Кончилось это тем, что мусульмане открыли ворота города войскам Чингисхана и Кучлуку пришлось бежать.

Но вернемся к буддизму.

«С распространением буддизма воинственный дух любящих сражаться кочевников постепенно угасает... Интересы религии завладевают умами народа и его правителей» [3, с. 18].

В VII в. китайский буддийский монах Сюань Цзан совершил путешествие в Центральную Азию, в том числе и в земли современного Кыргызстана. Несколько бесценных страниц своих записей он посвятил описанию территории средневекового Кыргызстана.

Холодным и неприветливым показался Сюань Цзаню Тянь-Шань, очаровал его Иссык-Куль с заповедником Мин Булак («Тысяча родников»). В Чуйской долине знаменитого монаха принял сам каган Тон Джагбу. Каган показался монаху просвещенным государем.

Исследования археологов свидетельствуют о том, что *«столетия, предшествовавшие приходу ислама, существовал непрерывный пояс буддийских культур от берегов Аральского моря на западе до Тихого океана на востоке. Такой культурный пояс не мог не способствовать утверждению идеала культурного единства»* [1, с. 21].

«Идеал культурного единства» объединил когда-то Азию коммуникациями Великого Шелкового пути. Они были разорваны в X в. н.э., после того как обе части Туркестана обратили свои взоры в сторону святых мест ислама.

Буддизм, утверждавшийся столетиями, был потеснен воинствующим исламом, ставшим скоро и здесь государственной религией, то есть идеологической властью.

Но, очевидно, принципы старого «идеала культурного единства» позволили сохранить культурные ценности. И они способствовали развитию культурных ценностей новой идеологии, идеологии ислама, пришедшей с Запада, от кочевников-арабов.

Исторические события развивались параллельно во времени и пространстве:

в XVI в. — кыргызы-мусульмане консолидировались в народ;

в XVI в. — монголы-буддисты продолжали сохранять идеал культурного единства на необъятных просторах своих степей.

В работе Ю.Н.Рериха «Монголия. Путь завоевателей» мы постоянно встречаемся с историческими событиями, общими для кыргызов, монголов и многих других этносов. Размышляя о событиях первой четверти XX в., Ю.Н.Рерих замечает: «...*Монголии придется выработать собственную национальную политику и построить государство на национальной основе*» [1, с. 314].

Заставляет задуматься вывод-заключение этой работы: «*Говоря о Монголии, мы всегда должны помнить, что современная Монголия — это прямой потомок ряда великих народов и племен, пожертвовавших собой ради создания обширных империй, и что ее судьба — это путь Завоевателей*» [1, с. 315]. Завоевателей «идеала культурного единства»?

И в заключение позволю себе еще одну цитату из статьи Ю.Н.Рериха «Культурное единство Азии»: «*В поисках единства, в попытках наведения новых мостов для объединения народов нам не следует забывать уроки прошлого, но, напротив, следует тщательно оберегать остатки былого единства и везде, где возможно, разжигать заново священный огонь культурного единения, культурного обмена, который когда-то принес человечеству благие плоды и которого так недостает нашему современному миру*» [1, с. 27].

Эти слова великого ученого звучат как его завещание будущим поколениям ученых.

«Идея культурного единства» сегодня — это может быть идея объединения под «флагом» древнего Шелкового пути — пути диалога культур. Осуществление этой идеи может вновь послужить на благо человечества, придавая смысл деятельности людей, осознающих свое место в мире.

Литература

1. *Рерих Ю.* Тибет и Центральная Азия. Самара: Агни, 1999.
2. См.: Ригведа. Мандалы. I—IV. М.: Наука; Атхарваведа. Избранное. М.: Наука, 1976.
3. *Рерих Ю.Н.* Тибетская живопись. М.: МЦР, 2001.

И.Б.ЦОЙ,

*аспирант Кыргызско-Российского
Славянского Университета,
Бишкек*

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

На рубеже тысячелетий человечество столкнулось с проблемами выживания в новых условиях. Процесс глобализации порождает катаклизмы во всех сферах жизнедеятельности человека. Развитие новых информационных технологий влечет за собой расширение коммуникационного пространства. В связи с этим на первый план выдвигается вопрос о взаимоотношениях людей и государств, от коммуникативной компетенции которых зависят результаты деятельности человечества в целом. Таким образом, на пути к общим целям встают проблемы взаимопонимания, восприимчивости, совместимости участников диалога.

Культура мира сегодня представляет собой множество диалогов локальных культур, результаты этих коммуникативных процессов мы видим в проявлениях культуры, ее формах и тенденциях.

Мощным катализатором в процессе коммуникации многих народов прошлого послужил Великий Шелковый путь. Повсеместно, где происходил контакт цивилизаций на Шелковом пути, ускорялись процессы их развития. Впоследствии мы наблюдаем закономерный подъем во всех сферах общества. Культуры и цивилизации Востока и Запада, сближаясь посредством Великого Шелкового пути, получили возможность самореализации и взаимообогащения, развивая свое самосознание и индивидуальные традиции в тесном взаимодействии с другими. Место каждого культурного ареала было строго определенным, каждый из них смог приобрести свою уникальную специфику.

Можно провести определенные параллели между открытием Великого Шелкового пути и наступлением информационной эры: первое сделало межкультурные контакты регулярными и более частыми, дало новое представление о мире, а расширение информационного пространства с помощью новых технологий

позволило им стать практически мгновенными, изменив отношение ко времени и пространству вообще. Оба этих глобальных процесса привели к активизации коммуникативной способности обществ и индивидов.

Взаимодействие культур на Шелковом пути происходило на всех уровнях, в том числе на материальном и духовном, микро- и макроуровнях.

Необходимо особо отметить масштаб духовных взаимодействий, сыгравших роль психологического фактора в развитии диалога культур на трассах Шелкового пути. По Великому Шелковому пути получают распространение многие идеологические течения, верования, культы, во время его активного функционирования сформировались основные центры мировых религий. Взаимоотношения между различными религиями и верованиями, имевшие место на Шелковом пути, повлияли на ход исторических событий, которые, в свою очередь, отразились на религиозных воззрениях людей. Только влиянием Великого Шелкового пути можно объяснить тот феномен, что нередко на территории Средней Азии одновременно проповедовали миссионеры известных мировых религий.

Глобальная торговля, повлекшая за собой постепенное международное разделение труда, равно как и духовное взаимодействие народов на Великом Шелковом пути во время его активного функционирования, определили главные парадигмы межкультурной коммуникации этих регионов в сегодняшнем мире.

Многие вопросы в изучении Шелкового пути еще остаются неясными, главным образом по причине недостатка наших знаний о нем. Сегодня существует множество различных гипотез по поводу времени возникновения древней трассы, ее географии, периодизации и причинах упадка, но ни одна из них окончательно не прояснена.

Очевидно одно, что за феноменом Шелкового пути стоит нечто гораздо большее, чем просто «время» и «география» торговых путей и отношений. Но по отношению к Великому Шелковому пути правомерно употребление термина «хронотоп», обладающего коммуникативной спецификой, накладывающей отпечаток на общение, ориентируя человека во времени и пространстве, задавая определенные условия времени и места. Шелковый путь определенно задал тон и темп развития народов во время его активного функционирования, сформировал новое мировоззрение.

Великий Шелковый путь — это феномен мировой истории и культуры, своего рода артерия, по которой в течение долгого времени протекали контакты многих народов и государств. На примере взаимодействия культур на трассах Великого Шелкового пути можно проследить процессы межкультурной коммуникации на протяжении полутора тысяч лет, увидеть разнообразие народов, принимавших участие в этом грандиозном обмене идей и товаров, выявить предпосылки сегодняшней социокультурной ситуации, а также тенденции развития международных отношений в будущем.

Д.А. ЧЕРНЫШОВ,
студент IV курса
Кыргызско-Российского
Славянского Университета,
Бишкек

ЭПИГРАФИКА ИССЫК-КУЛЯ

На территории Кыргызстана найдено большое количество средневековых памятников эпиграфики и нумизматики, по которым можно изучать еще не написанную историю письменности Кыргызстана. Здесь найдены тексты, нанесенные латынью, китайскими иероглифами, согдийскими письменами, санскритскими и тибетскими знаками, древнетюркскими (руническими) и уйгурскими графемами, сирийским и арабским алфавитами.

Важная роль в культурной жизни средневекового Кыргызстана принадлежала согдийскому и арабскому алфавитам. Помимо того, что согдийский алфавит в чистом виде использовался древнетюркскими каганами для точной фиксации важнейших государственных актов, модифицированное согдийское письмо стало основой для возникновения двух самостоятельных древнетюркских алфавитов – рунического и уйгурского.

Об исключительном культурном значении арабского алфавита свидетельствует тот факт, что начиная с X в. он стал не только алфавитом исламского культа, но и алфавитом литературы, искусства и науки. Заметную роль сыграл и сирийский (несторианский) алфавит, который, несмотря на ряд трудностей, пытались употребить для передачи тюркской звуковой речи.

СИРИЙСКОЕ ПИСЬМО ХРИСТИАН-НЕСТОРИАН

После раскола христианской церкви сирийский язык и письмо разделились на две ветви: серто (западную) и несторианскую (восточную). Все христианские эпитафии, найденные в Киргизии, были сделаны несторианским письмом. Алфавит письма имел всего 22 буквы и поэтому был неудобен для передачи

тюркской речи, где звуков насчитывалось в полтора раза больше. Памятники сирийского письма, найденные на берегах оз. Иссык-Куль, относятся к XIV в.

На Иссык-Куле согласно этой карте жили христиане не только несторианского толка, но и последователи одной из ересей, распространенных среди армян (павликиане, тандракийцы).

ПАМЯТНИКИ ТИБЕТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Буддийские памятники в окрестностях озера представлены на настоящий момент только тибетскими текстами, содержащими известную молитвенную формулу: «Ом мани падме хум». Наиболее известными из них являются четыре надписи в ущелье Тамга, высеченные в строгом монументальном стиле, с вырубкой поверхности камня вокруг букв, что, делая их рельефно-объемными, придает надписи особую выразительность. Тамгинские надписи, как полагают ученые, были нанесены самими тибетцами во время их господства в Восточном Туркестане, то есть в промежутке между серединой VII и IX в.

Надписи с молитвенной формулой «Ом мани падме хум» найдены также в ущелье р. Жууку, в урочище Ак-Терек (близ местечка Думана), у с. Ой-Тал Тюпского района, в урочище Ак-Улен, где еще в 1937 г. Б.М.Зима собрал 17 камней с тибетскими письменами, близ с. Чон-Сары-Ой. Эти надписи гораздо меньших размеров, выполнены небрежно, неумелой рукой и датируются XVII – первой половиной XVIII в.

ИСЛАМСКИЕ ЭПИТАФИИ ИССЫК-КУЛЯ

Эпиграфические памятники с арабской графикой найдены вокруг Иссык-Куля в основном на надгробных кайраках, а также на скалах и камнях. Арабские тексты богаты не только числом, но и жанром. Это и эпитафии, и религиозные заклинания, и наиболее популярные тексты из Корана, и стихи мирских поэтов. Количество и относительное разнообразие памятников арабского письма позволяют высказать некоторые суждения о грамотности иссык-кульцев XII–XIV вв.

Арабские надписи на скалах и придорожных камнях, являющиеся своеобразными автографами путников, а также надписи, содержащие изречения из Корана или других литературных текстов, — важный источник для изучения культуры обитавших здесь в то далекое время народов.

Изучение подобных памятников дает нам возможность узнать об особенностях зафиксированного на них киргизского языка, о том, каким влияниям он подвергался, кем и как писались перед Октябрьской революцией, в частности, киргизские слова арабской графикой.

НОВЫЕ НАХОДКИ.

РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ САРЫ-ДЖАЗА

В 2000 г. в районе р. Сары-Джаз местным жителем была обнаружена часть тюркской рунической надписи. Прорисовка данной надписи была показана ведущему тюркологу ИВ РАН С.Г.Кляшторному, который считает, что надпись представляет собой большой интерес и должна подвергнуться дальнейшему изучению.

В 2002 г. на дне оз. Иссык-Куль в районе г. Чолпон-Ата были обнаружены надписи на каменных плитах. Какая-либо информация о них отсутствует, и данный вопрос на сегодняшний момент требует более глубокого изучения.

Резолюция

Юбилейной международной научно-общественной конференции «100 лет со дня рождения Ю.Н.Рериха» 7–10 октября 2002 г.

7–10 октября 2002 г. в Москве в Центре-Музее имени Н.К.Рериха состоялась Международная научно-общественная конференция, посвященная 100-летию выдающегося ученого-востоковеда Ю.Н.Рериха.

Соучредителями конференции, кроме МЦР, стали Отделение историко-филологических наук Российской академии наук, Российская академия естественных наук, Российская академия космонавтики им. К.Э.Циолковского, Российский фонд культуры, Международная ассоциация фондов мира, Международная Лига защиты Культуры, Федерация космонавтики России, при поддержке Информационного Центра ООН в Москве, Московского бюро ЮНЕСКО, Благотворительного Фонда имени Е.И.Рерих и Мастер-Банка.

Информационную поддержку конференции осуществляли газеты «Культура», «Правда», «Век», «Подмосковье», радио «Орфей».

В работе конференции приняли участие около 350 представителей из различных регионов России, стран СНГ, а также Беларуси, Болгарии, Германии, Голландии, Индии, Испании, Италии, Кыргызстана, Латвии, Ливана, Монголии, Польши, США, Украины, Финляндии, Чехии, Эстонии. Среди них 12 академиков и членов-корреспондентов национальных академий наук и профильных академий, более 30 ученых со степенью доктора или кандидата наук.

В рамках конференции была организована выставка «Ю.Н.Рерих – ученый, путешественник и художник». На ней были представлены его юношеские графические и живописные работы, рукописи, фотографии, личные вещи, различные документы из архива МЦР, часть которых составили поступления последних трех лет, переданные в дар Министерством иностранных дел РФ.

К Юбилейным торжествам публикаторским отделом МЦР при поддержке Мастер-Банка были подготовлены следующие издания: сборник статей Ю.Н.Рериха «Буддизм и культурное

единство Азии» (перевод с английского), его монография «Тибетская живопись» (второе издание), отмеченная в 2001 г. дипломом конкурса АСКИ «Лучшие книги года», двухтомник «Ю.Н.Рерих. Письма», комплект открыток «Из коллекции Центра-Музея имени Н.К.Рериха. Графика и живопись Ю.Н.Рериха», биобиблиографический указатель «Юрий Николаевич Рерих», а также сборник «Воспоминания о Ю.Н.Рерихе». По инициативе МЦР выпущен памятный почтовый конверт с портретом ученого.

В дни Юбилейных торжеств начала свою работу Творческая мастерская молодых ученых при МЦР, имеющая своей целью создать такое сообщество исследователей, которое в своих научных разработках могло бы базироваться на онтологических принципах и методологии познания, содержащихся в философском наследии Рерихов. Первое занятие Творческой мастерской было посвящено теме «Культурная традиция Востока и наследие Рерихов».

Важным событием конференции стало награждение многочисленной группы лиц и организаций медалью «Ю.Н.Рерих», учрежденной МЦР и присуждаемой за большой вклад в науку и бескорыстное служение культуре. Среди удостоенных медали – Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведения, академик Ш.Бира (Монголия), заместитель Генерального секретаря ООН, президент МЦР Ю.М.Воронцов, директор Информационного центра ООН в Москве А.С.Горелик, генеральный директор Международного гуманитарного фонда «Знание» И.В.Диваков, директор Краеведческого музея им. Миклухо-Маклая г. Окуловки Т.М.Иванова, президент Международной ассоциации фондов мира А.Е.Карпов, президент Российской Федерации космонавтики В.В.Коваленок, художник и преподаватель В.А.Козар (г. Киев), журналист А.Н.Королева (г. Москва), старший библиограф ИВ РАН С.Д.Милибанд, зав. отделом археологии и этнографии НАН Кыргызстана И.Б.Молдобаев, советник президента Международной ассоциации фондов мира С.Е.Петелин, директор Московского бюро ЮНЕСКО В.Ройтер, президент Российской академии космонавтики им. К.Э.Циолковского В.П.Сенкевич, директор ХакНИИЯЛИ В.Н.Тугужекова (г. Абакан), сотрудник Института Востоковедения АН Чехии Л.Халоупкова (г. Прага), заведующий Мемориальным кабинетом Ю.Н.Рериха ИВ РАН Ю.Я.Цыганков, действительный член Российской

академии наук, член президиума Российской экологической академии Ф.Т.Яншина, Председатель Правительства Москвы, Мэр Москвы Ю.М.Лужков.

Конференцию открыл президент МЦР, заместитель Генерального Секретаря ООН Ю.М.Воронцов, с вступительным словом о Ю.Н.Рерихе выступила Л.В.Шапошникова, первый вице-президент МЦР, генеральный директор Музея имени Н.К.Рериха.

Конференцию лично приветствовал Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Индия в России г-н Кришнан Рагхунатх, который в своей речи высоко оценил значение деятельности Юрия Николаевича и всей семьи Рерихов не только для Индии и России, но и для всего мира, а также рассказал о той поддержке, которую оказывает Правительство Индии в деле сохранения наследия семьи Рерихов.

С приветствиями участникам конференции выступили также президент Международной ассоциации фондов мира А.Е.Карпов, президент РАЕН О.Л.Кузнецов, директор Арт-комплекса Карнатака Читракала Паришад (Индия) Нанджунда Рао.

В адрес конференции поступили приветствия от российских и зарубежных государственных и общественных организаций, в том числе от Р.М.Валеева, первого заместителя министра культуры Республики Татарстан; Н.Н.Губенко, председателя Комитета по культуре Государственной Думы Федерального Собрания РФ; Г.Гавела, президента Международного института объединения мировых федералистов «Мировая спираль»; А.М.Кадакина, Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Индии; К.Ф.Фролова, президента МГФ «Знание», академика РАН, директора Института машиноведения РАН им. А.А.Благонравова.

Юбилейная международная научно-общественная конференция «100 лет со дня рождения Ю.Н.Рериха» продемонстрировала высокий научный уровень докладов и сообщений и собрала представительный состав ученых, специализирующихся в области индологии, буддологии, монголоведения, тибетологии, тюркологии, китаистики, истории, этнологии, археологии, филологии, географии, искусствоведения, культурологии, философии, психологии. Среди них были и прямые ученики Ю.Н.Рериха.

С докладами на конференции выступили академик Ш.Бира (Монголия), академик РАН Г.М.Бонгард-Левин, академик РАЕН С.Ю.Ключников; доктора наук А.П.Гнатюк-Данильчук (кафедра

восточных языков ВКИЯ при МИД РФ); А.В.Иванов (Алтайский государственный аграрный университет); С.Г.Кляшторный (Санкт-Петербургский филиал ИВ РАН); И.Б.Молдобаев (НАН Кыргызстана, г. Бишкек); В.Н.Тугужекова (ХакНИИЯЛИ, г. Абакан); А.В.Федотов (Софийский университет, Болгария); Шашибала (Институт Национального музея и Международная академия индийской культуры, г. Дели); кандидаты наук А.Л.Баркова, В.А.Воропаева и В.Д.Горячева (Кыргызстан), А.Н.Зелинский, О.А.Лавренова, Е.П.Маточкин (г. Новосибирск), Е.Н.Молодцова, Т.П.Сергеева (Украина), О.А.Уроженко (г. Екатеринбург), А.Н.Хохлов.

Всего было представлено более 40 докладов, в которых были отмечены первопроходческий и новаторский характер большинства работ ученого и все возрастающая их актуальность для современности. Было показано, что научное наследие Ю.Н.Рериха отличает междисциплинарная разработка рассматриваемых проблем и ориентация на сотворчество ценностей различных культур, что делает его органически вживаемым в пространство практически всех национальных культур, способным работать в нем, опираясь именно на локальное и этническое своеобразие, обогащая и расширяя его до универсальных измерений.

В рамках конференции был проведен Круглый стол «Проблемы современного Рериховского движения и возможные пути их разрешения», организованный Международным Советом рериховских организаций при участии членов Правления МЦР, Благотворительного Фонда имени Е.И.Рерих, группы защиты МЦР и представителей рериховских организаций.

Участниками Круглого стола было отмечено, что Ю.Н.Рерих был не только великим ученым, но и активным общественным деятелем. Он сумел вернуть Родине Имя своего великого отца, положил начало возвращению художественного и философского наследия семьи Рерихов в Россию и практически инициировал современное Рериховское движение. Он стремился создать Музей, в котором наследие его родителей было бы достойно представлено, но в силу трагических обстоятельств ему это не удалось. И лишь спустя 30 лет последним представителем великой семьи, С.Н.Рерихом, был создан Международный Центр-Музей имени Н.К.Рериха и сформулированы его задачи, претворяемые в жизнь доверенной С.Н.Рериха – Л.В.Шапошниковой. Руководимый ею Центр-Музей стал одним из крупнейших культурных центров

мира и объединил вокруг себя представителей международного Рериховского движения. МЦР юридически закрепил вступление в права наследия и является теперь полноправным владельцем авторских прав.

Конференция считает необходимым отметить:

1. Нужность и своевременность инициативы Международного Центра Рерихов по проведению Юбилейной конференции, посвященной жизни и деятельности Ю.Н.Рериха, выдающегося ученого, поднявшего на качественно новую ступень принципы и подходы к изучению проблем востоковедения — направления научного знания, помогающего россиянам осмыслить своеобразие развития собственной страны и ментальности, а также особенностей развития культуры своих ближайших соседей. Основной пафос научных трудов Ю.Н.Рериха направлен на сближение и достижение взаимопонимания между представителями разных культурных традиций.

2. МЦР удалось привлечь к участию в конференции ученых, разносторонне и плодотворно развивающих научные идеи Ю.Н.Рериха, организовав единое культурное пространство для общения деятелей науки из разных стран, авторитетных исследователей и молодых ученых, заинтересованных в изучении и применении выработанных им научных подходов.

3. На современный научный подход к творчеству Ю.Н.Рериха ориентируют выпущенные Международным Центром Рерихов издания, в числе которых переводы на русский язык его научных работ.

Конференция постановляет:

1. От имени всех участников выразить благодарность руководству МЦР за инициативу и предоставленную возможность провести Юбилейную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения Ю.Н.Рериха, в залах музея в Москве, среди уникального собрания картин, подлинных архивных документов и других экспонатов, связанных с семьей Рерихов.

2. Считать целесообразным обратить внимание общественности на ценность вклада выдающегося ученого в развитие науки. Предпринять действия к тому, чтобы имя Ю.Н.Рериха заняло достойное место в сознании сограждан.

3. С этой целью рекомендовать рериховским организациям, сотрудничающим с МЦР, активно вести информационную и просветительскую работу с учебными заведениями, СМИ, администрациями и другими органами регионов по разъяснению места, занимаемого выдающимся ученым-подвижником Ю.Н.Рерихом в отечественной науке и культуре, широко используя для этого новые издания, выпущенные МЦР в связи с его Юбилеем, а также материалы настоящей конференции, свидетельствующие о плодотворном развитии идей Ю.Н.Рериха представителями различных направлений научного знания.

4. Информировать культурную общественность, что, с учетом все более усиливающейся кампании нападок на имя и наследие Рерихов, становится все более актуальной защита имени и идей Ю.Н.Рериха от клеветы и измышлений тех, кто сознательно противодействует популяризации творческого наследия семьи Рерихов.

5. Рекомендовать рериховским организациям развивать сотрудничество с учеными, проявляющими интерес к наследию Ю.Н.Рериха и стремящимися реализовать положения его концепций и подходов в своих научных разработках, а также с другими общественными и общественно-научными организациями, уделяя особое внимание совместным проектам – программам, конференциям, симпозиумам и другим формам деятельности.

6. Рекомендовать Международному Центру Рерихов как неправительственной организации при Департаменте Общественной Информации ООН направить в Информационный центр ООН в Москве отчет о проведенной конференции, акцентируя внимание на актуальности идей Ю.Н. Рериха в деле установления взаимопонимания между народами и диалога цивилизаций на основе выявления этнического своеобразия и общих глубинных корней.

*Москва,
9 октября 2002 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Фотохроника конференции	6
Торжественное открытие конференции	27
<i>Воронцов Ю.М.</i>	27
<i>Шапошникова Л.В.</i>	27
<i>Кришнан Рагхунатх</i>	31
<i>Карпов А.Е.</i>	33
Нанджунда Рао	34
<i>Кузнецов О.Л.</i>	36
Приветственные письма и телеграммы	37
<i>Кадакин А.М.</i>	37
<i>Гавел Герхард</i>	39
<i>Валеев Р.М.</i>	40
<i>Губенко Н.Н.</i>	41
<i>Фролов К.В., Светик Ф.Ф.</i>	41
Доклады	43
<i>Бира Ш.</i>	
Воспоминания об учителе Ю.Н.Рерихе	43
<i>Бонгард-Левин Г.М.</i>	
Он прошел через всю мою жизнь	51
<i>Зелинский А.Н.</i>	
То, что противостоит потоку текущего времени	55
<i>Молчанова К.А.</i>	
Носитель синтеза, или улыбка Истины. Из заново осмысленных воспоминаний о Ю.Н.Рерихе	61

Рудзите И.Р.

О моих встречах с Ю.Н.Рерихом65

Молодцова Е.Н.

Личностные методы передачи знания в научной школе
Ю.Н.Рериха77

Сергеева Т.П.

О научном творчестве Н.К. и Ю.Н.Рерихов: преемственность
и взаимодействие84

Чирятьев М.Н.

Синтез знаний – основа деятельности института
«Урусвати»102

Скиба Н.В.

Этнологический аспект востоковедных изысканий
Ю.Н.Рериха. Об опыте постижения исследователем духовных
традиций Азии116

Баркова А.Л.

Проблемы культурного единства Азии в работах
Ю.Н.Рериха 127

Лавренова О.А.

Юрий Николаевич Рерих в Маньчжурской экспедиции
1934–1935 гг. (По материалам переписки)133

Патлань Ю.В.

«Как нужен Юрий...»:
Рерихи о Юрии Николаевиче Рерихе150

Федотов Ю.В.

Добуддийский Тибет в работе Ю.Н.Рериха «Звериный стиль
у кочевников Северного Тибета»158

Тсеринг Дордже

- Исследования д-ром Юрием Рерихом тибетских диалектов
Лахула и обряда Разбивания камня
Перевод с англ. Т.В.Кожевниковой 166

Гнатюк-Данильчук А.П.

- Некоторые заметки об индологических работах
Ю.Н.Рериха 175

Ильницкий С.В.

- Сюжет о Варлааме и Иосафе в исследованиях Н.К. и
Ю.Н. Рерихов и И.Я.Франко (проблема взаимодействия и
взаимопроникновения христианской и индо-буддийской
традиций) 183

Иванов А.В.

- Творческое наследие Рерихов и мировоззрение
евразийцев 193

Хохлов А.Н.

- Ю.Н.Рерих и его контакты с востоковедами 202

Козар В.А.

- Посещение Ю.Н.Рерихом Киева в 1958–1959 годах.
Встречи, события, отзвуки 211

Д-р Шашибала

- Изучение Шамбалы и Калачакры Николаем и Юрием
Рерихами – как символ индийско-русской дружбы
Перевод с англ. А.Л.Барковой 222

Ключников С.Ю.

- Категория времени в тибетском буддизме и в наследии
Ю.Н.Рериха 239

Локеш Чандра

По тропам Юрия Рериха. *Перевод с англ. Е.А.Захаровой*250

Кляшторный С.Г.

Юэчжи и гунны264

Молдобаев И.Б.

К вопросу о сравнительном изучении эпосов «Гёсэр» и
«Манас» в свете трудов Ю.Н.Рериха272

Горячева В.Д.

Буддийское наследие Северного Притяньшанья
(в свете археологии)281

Тугуужекова В.Н.

Рерихи и Саяно-Алтай298

Маточкин Е.П.

Юрий Николаевич Рерих и наследие скифов Алтая303

Скиба А.В.

Великое переселение народов в свете научных исследований
Ю.Н.Рериха (культурно-исторический аспект)318

Тютюгина Н.В.

К проблеме «звериного стиля» на Южном Урале324

Халоупкова Л.

Тантры против засухи329

Батчулуун С., Уроженко О.А.

Об иконографических универсалиях в буддийском искусстве
монголо-этнических народов: образ хозяина земли Белого
Старца Цагаан Эбугена339

Деменова В.В.

Бронзовая пластика буддизма
как сосуд Великой Пустоты348

Воропаева В.В.

Ю.Н.Рерих о духовном и психологическом в мире
кочевников (в контексте истории культуры кыргызов)354

Цой И.Б.

Великий Шелковый путь как средство межкультурных
коммуникаций362

Чернышов Д.А.

Эпиграфика Иссык-Куля 365

Резолюция368

100 ЛЕТ СО ДН_Ц РОЖДЕНИ_Ц Ю.Н.РЕРИХА

Материалы международной
научно-общественной конференции. 2002

Зав. публикаторским отделом *С.А.Аникин*
Гл. редактор *Т.О.Книжник*

Редактор *И.И.Нейч*
Компьютерная верстка *В.С.Аникина*
Фото *А.В.Клюев, М.Н.Иванов*
Компьютерный набор *Т.Г.Черных, И.С.Жарова*

Формат 60x90/16. Бумага офсетная 80 г/м²
Печать офсетная. Печ. л. 24
Тираж 500 экз. Заказ

Международный Центр Рерихов
119019 Москва, Малый Знаменский пер., д. 3/5

Фирма «Полиграф-Эра»
125576 Москва, ул. Илимская, 7

ISBN 5-86988-079-3

9 785869 880796